

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1968

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

1

Январь — Февраль

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

Гос.
бук.
забл.

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потанов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Г. П. Васильева

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Северный Туркменистан (Ильялинский, Калининский, Куны-Ургенчский, Ленинский, Тахтинский и Ташаузский районы) расположен в западной части Хорезмского оазиса, на землях, орошаемых водой магистральных каналов Газават, Шават, Клыч-Ниязбай и Совет-яб.

До Великой Октябрьской социалистической революции эта территория входила в Хивинское ханство, позднее, с 1920 г. — в состав Хорезмской народной советской республики. В результате проведения в 1924 г. национального государственного размежевания и образования Туркменской и Узбекской советских социалистических республик районы, заселенные в основном туркменами, вошли в Туркменскую ССР.

Население Северного Туркменистана весьма неоднородно. Туркмены по численности преобладают (164 659 чел. или 56%) во всех указанных выше районах, кроме Ташаузского; второе место принадлежит узбекам (84 191 чел. или 28,5%), живущим главным образом в Ташаузском (в городе Ташаузе, его окрестностях и к востоку от него до границы с Узбекистаном) и Ильялинском (в районном центре Ильялы и вокруг него) районах, а в других местах расселившимся вперемежку с туркменами; третье — казахам (25 580 чел. или 8,7%)¹, почти везде проживающим вместе с туркменами и узбеками. Кроме названных народов, в Северном Туркменистане живут татары, русские, незначительное число корейцев, каракалпаков и других².

Все народы, за исключением русских, обосновавшихся в Северном Туркменистане после 1873 г. (времени установления над Хивинским ханством русского протектората), и корейцев, переселившихся в годы Советской власти, обитают здесь издавна. Такая пестрота национального состава явилась результатом сложной и бурной истории Хивинского ханства и не менее сложных взаимоотношений между отдельными его народами.

Для населения Хивинского ханства, в котором узбеки занимали, как известно, господствующие позиции, а туркмены, казахи и каракалпаки находились на положении национальных меньшинств, все же еще в до-революционный период была характерна определенная общность культуры. Эта общность — следствие не только длительного совместного пребывания их на одной территории, но также и давних культурных традиций, обусловленных этнической преемственностью современных народов Хорезмского оазиса от населения древнего Хорезма и степных племен и народностей, издавна живущих в Приаралье и на нижней Аму-Дарье.

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР», М., 1963, стр. 132—133, табл. 54.

² Г. П. Васильева, Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области, «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 48, М.—Л., 1961.

Вместе с тем даже внутри каждого народа между отдельными его группами наблюдались значительные различия, свидетельствующие о своеобразии их этногенеза. Особенно четко они прослеживались у туркмен дореволюционного периода, сохранявших деление на племена и роды. Отдельные, наиболее крупные племена отличались друг от друга особенностями своей материальной и духовной культуры. Следует напомнить, что родо-племенная организация туркмен давно уже не соответствовала классической родо-племенной организации первобытнообщинного строя. Туркменское общество было классовым, а ведущим способом производства — феодальный, отягощенный многочисленными родовыми институтами, сохранившимися в пережиточной форме. Такое своеобразие, характерное в той или иной степени и для других народов Средней Азии, позволило исследователям назвать социально-экономический строй туркмен патриархально-феодальным³.

Туркменская народность сложилась еще в XIV—XV вв.⁴, однако политическая разобщенность и экономическая отсталость туркмен были причиной того, что и в последующие века деление на племена и роды сохраняло реальное значение в их хозяйственной и политической жизни. Внешнее «единство» рода скрывало развитое имущественное расслоение и позволяло «своему» родовому старейшине или просто баю эксплуатировать родственников-бедняков под маской родовой «взаимопомощи». Все это в полной мере относится и к хорезмским туркменам.

Среди туркменского населения численно преобладающими, наиболее ранними по времени поселения на территории Хивинского ханства и активно участвовавшими в его политической жизни в последний период были иомуты. Их потомки ныне составляют большинство населения во всех туркменских районах, кроме Ильялинского.

Иомуты говорили на своеобразном диалекте туркменского языка, отличались от других туркмен некоторыми обычаями, чертами быта и материальной культуры (например, женский головной убор и прическа, форма юрты и ее интерьер, орнамент вышивки, ковров и кошем и т. д.).

Внутри этого большого племени этническим своеобразием выделялись род ушак, расселившийся в основном вблизи узбекских крепостей Газават и Кошкуныр, в восточной части нынешнего Тахтинского района, а также группа иомутов-кубадаглы. Последние имели особое происхождение⁵ (это потомки плененных иранцев, лезгин и др.) и вследствие этого обособились от туркмен и испытали значительное влияние узбекской культуры.

Культура других, менее крупных туркменских племен Хорезма — ем-рели, гокленов и карадашлы, переселенных хивинскими ханами из Южной Туркмении в начале XIX в., мало отличалась от иомутской уже в предреволюционный период. Живя в соседстве с иомутами в течение всего XIX в., они находились под их влиянием и постепенно сближались с ними. Вместе с иомутами эти племена составляли одну локальную группу туркмен Хорезмского оазиса.

Вторая группа туркменского населения состояла из чоудоров, занимавших по своим этнографическим данным промежуточное положение

³ Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, в кн.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 17—43; там же см. содоклады С. И. Ильясова и В. Ф. Шахматова и выступления по этой проблеме, стр. 43—145.

⁴ «История Туркменской ССР», Ашхабад, 1957, т. I, кн. 1, стр. 325.

⁵ Г. П. Васильева, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7 — Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг., ч. II, М., 1963.

между иомутской группой туркмен, северохорезмскими узбеками и каракалпаками. Это сходство культуры трех различных по своему происхождению и этнической принадлежности групп можно объяснить, видимо, как общими этническими элементами, так и длительным пребыванием части чоудоров на общей с каракалпаками и кочевыми узбеками территории Приаралья. Основная масса чоудоров поселилась в Хивинском ханстве в начале XIX в., хотя была связана с ним значительно раньше.

Во всяком случае, живущие на территории Калининского района потомки этого племени почти до наших дней сохранили специфические черты в духовной и материальной культуре (своеобразный свадебный и похоронный обряды, форма остова юрты, сходной с каракалпакской, оформление внутренней части ее свода, особая женская одежда и головной убор, особый орнамент и т. д.). До сих пор сохраняется еще среди чоудорского населения и свой диалект туркменского языка.

Узбеки Северного Туркменистана также были неоднородными по своему происхождению и имели различия в материальной и духовной культуре. Как и их сородичи в соседней Хорезмской области Узбекской ССР, они делились на северных, до последнего времени помнивших свои родовые деления, и южных.

К числу первых принадлежали узбеки собственно Куны-Ургенча и прилегающей к нему с юга территории до русла Дарьялыка, обосновавшиеся здесь с начала XVIII в., а также группы узбеков к северу от г. Ташауза, переселившиеся сюда сравнительно недавно из соседних восточных районов, с жителями которых они до сих пор поддерживают родственные связи. Значительно большую по численности группу составляли узбеки без родовых делений, в первую очередь небольшая группа узбеков Куны-Ургенча, являвшаяся, вероятно, потомками узбекского населения, жившего здесь до переноса в XVII в. Абульгази-ханом столицы на восток⁶, и узбеки, обитавшие в г. Ташаузе, на восток и запад от него вдоль магистрального канала Шават до Ильялы. Все они были потомками выходцев из Ханки, Хивы, Хазараспа, Гурлена и других южнохорезмских городов и прилегающих к ним сельских местностей; в места нынешнего обитания первые группы этих узбеков пришли 100 с небольшим лет назад. Большинство местных узбеков сохраняло тесные связи со своими сородичами, живущими в Узбекистане.

Промежуточное положение между туркменами и узбеками по своим этническим признакам занимали небольшие группы населения — дюеджи, чандыр, агар, игдыр и другие, в начале XIX в. переселившиеся из Бухарского ханства на земли к югу и юго-востоку от крепости Ильялы. Многие из них по происхождению несомненно являются туркменами, но, будучи сильно «обузбеченными», вероятно, еще в период жизни в Бухарском ханстве, имеют много общего в своей культуре с ильялинскими узбеками и говорят на узбекизированном туркменском языке. Любопытно, что узбеки называли их туркменами, туркмены — узбеками, сами же представители этих групп еще недавно затруднялись сказать, кто они по национальности, и знали лишь свою принадлежность к мелким этническим группам.

Среди казахов самыми ранними поселенцами на территории нынешнего Северного Туркменистана были сырдарьинские казахи, перекочевавшие к Шавату в середине XIX в. и к нашему времени в значитель-

⁶ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., «Изв. Туркестанского отдела Русского географического общества», т. IV, вып. 2, Ташкент, 1902, стр. 112.

ной степени слившиеся с узбеками. Они живут в восточной части Ташаузского района на границе с Узбекистаном.

Казахи Куня-Ургенчского района, поселившиеся здесь также около 100 лет назад, поддерживают более тесные связи со своими сородичами на Мангышлаке, чем живущие у Шавата, и поэтому в большей степени сохранили и свою традиционную культуру.

Немногочисленные группы каракалпаков, расселившиеся среди узбеков, к нашему времени почти полностью ассимилировались с ними.

Для Хивинского ханства, в состав которого входил Северный Туркменистан, была характерна чрезвычайная политическая и экономическая отсталость, сохранение множества пережитков патриархально-феодального строя и слабое развитие капитализма.

Патриархально-феодальные пережитки, особенно значительные среди туркменского населения Хорезмского оазиса, большое влияние феодально-родовой верхушки на широкие массы населения и после установления Советской власти, чрезвычайно тормозили проведение ленинской национальной политики, в частности, мероприятий, направленных на советизацию туркменского аула. Достаточно сказать, что в туркменских районах Хорезмской народной советской республики первоначально пришлось создавать не аульные, т. е. территориальные, а родовые советы⁷.

Вплоть до установления Советской власти туркменские земли, расположенные в хвостовых частях ирригационных систем, ниже узбекских, страдали то от недостатка воды, то, наоборот, от ее излишка. Эта зависимость от узбекского водопользования служила одной из причин неустойчивости земледельческого хозяйства туркмен, вызывала недовольство трудящихся масс, умело используемое феодально-родовой туркменской верхушкой и хивинскими правителями для разжигания национальной розни. Подстрекаемые своими вождями, туркмены нападали на узбекские кишлаки.

В XVIII, XIX и начале XX в. в Хивинском ханстве неоднократно вспыхивали восстания туркмен против узбекских правителей. В них принимали участие и другие народы — каракалпаки, казахи, узбеки, иногда выступавшие совместно. Однако в большинстве случаев гнев туркмен направлялся против такого же как они трудового узбекского и каракалпакского земледельческого населения, которое страдало от туркменских набегов.

Эта сохранившаяся и в первые годы Советской власти вражда между народами Хорезмского оазиса очень мешала проведению мероприятий по созданию и развитию национальной государственности.

* * *

Ряд наций Средней Азии, в том числе и туркменская, сложился, как известно, в годы Советской власти. У туркмен, как и у казахов, киргизов и других, процесс национальной консолидации происходил гораздо быстрее, чем у наций, сформировавшихся до Октябрьской революции, и проявлялся особенно ярко в стирании локальных особенностей, впроче-

⁷ Даже в 1928 г., через несколько лет после того, как родовые советы были заменены аульными, комиссия по проведению выборов в аулсовет в сел. Копукли Ильялинского района отмечала: «...племенные трения еще есть. Характерно, что споры между сильными племенами окуз и ших (родовые подразделения иомутов.— Г. В.) заставили их на последних выборах в Советы остановиться на единственном представителе рода гаджук (также из иомутов.— Г. В.), который и был избран председателем аулсовета» (ЦГАОР ТуркмССР, ф. 1, оп. 2, д. 1042, л. 114).

нии национального самосознания среди отдельных групп туркменского народа. Еще в 1930-х годах в Туркмении отчетливо выделялись специфической материальной и духовной культуры, своими диалектами различные племена — текинцы, иномуты, чоудоры, сарыки, гоклены, эрсари и другие. Однако некоторые особенности их быта и культуры исчезали буквально на наших глазах, росло и крепло национальное самосознание; многие, соответствующие эстетическим вкусам народа элементы культуры, ранее присущие одной из локальных групп или отдельному племени, теперь становились достоянием всей нации.

В настоящее время племенные особенности сохраняются только как пережиток и должны именно так и рассматриваться. Это явление, тормозящее консолидацию и дальнейшее развитие нации, порождает местничество и отчужденность у других групп народа.

Советский строй, рост экономики и культуры создали все условия для последующего внутреннего развития социалистических наций, которое не прекращается и в наши дни. Происходит дальнейшее укрепление нации: упрочение национального самосознания, общенациональных элементов культуры и вместе с тем восприятие нового, тех достижений мировой культуры и техники, которые появляются в результате все более развивающихся экономических и культурных связей между народами. Рост материального благосостояния трудящихся и общего культурного уровня оказывает огромное влияние на ход национального развития, способствует изменению эстетических представлений народа, преодолению старых патриархально-феодалных воззрений и привычек, мешавших усвоению многих рациональных нововведений и отказу от старых, вредных и отживших элементов культуры и быта.

Национальная культура развивается по двум основным направлениям: с одной стороны, становятся общенациональными прогрессивные элементы, которые прежде были особенностью определенного племени или локальной группы народа, с другой — национальная культура обогащается за счет появления общесоветских черт.

Наряду с процессом стирания различий у отдельных локальных групп одного народа происходят более сложные процессы сближения с основной нацией нацменьшинств, проживающих на территории республики. В развитии нации начинать участвовать прежде обособленные, в недавнем прошлом мало связанные с ней группы других народов.

Развитие идет и по линии сближения родственных друг другу соседних наций. Этот процесс особенно заметен в окраинных районах республик, где наблюдается наиболее интенсивное стирание граней между этой и соседней нациями.

Указанные выше процессы характерны и для населения Северного Туркменистана. Несмотря на некоторую географическую изоляцию от основной территории Туркменской ССР (от южной Туркмении исследуемые нами районы отделяет пустыня Кара-Кум), общее развитие народного хозяйства и культурные достижения способствуют тому, что национальное развитие этой отдаленной части республики протекает не изолированно от всех остальных ее районов.

Первым этапом консолидации туркменской нации, который начался еще в дореволюционное время, но более интенсивно протекал в первые годы Советской власти, был процесс сплочения вокруг одного из крупных племен более мелких племен и отдельных родовых групп, живущих рядом с ним или в его окружении. Их слияние выражалось в утрате своих и принятии многих черт культуры крупного племени, в утрате племенного самосознания. В южной и юго-восточной Туркмении салоры, сарыки и более мелкие племена предгорий Копет-Дага — али-эли, но-

хурли, емрели, гоклены и другие — сливались с текинцами; на востоке республики с эрсари и салорами объединялись баяты, неразымли, хыдыр-эли, крачли и т. д.; на западе и в Северном Туркменистане таким центральным племенем были иомуты. Как уже говорилось, хорезмские иомуты оказали большое влияние на быт и культуру живущих рядом с ними емрели, карадашлы, гокленов и других групп туркмен.

Рис. 1. Улица колхозного поселка. Ташаузский район (это и остальные фото выполнены Г. А. Аргиропуло)

Однако нельзя сказать, что их культура воспринималась в старых традиционных формах: сами туркмены-иомуты развиваются под сильным воздействием общесоветской, так называемой городской культуры, оказывающей большое влияние также на другие группы населения и таким образом являющейся связующим звеном в этом процессе сближения.

Рис. 2. Интерьер туркменского дома. Тахтинский район

В настоящее время можно говорить об единой туркменской национальной культуре, которая у туркмен Хорезмского оазиса, так же как и в других районах республики, имеет лишь некоторые локальные особенности. Они прослеживаются в материальной культуре — сохранение у части населения своеобразного «иомутского» женского головного убора и прически, верхней женской одежды «кемзор», характерной и для других народов Хорезма и т. д., в характере орнамента на вышивках, коврах, и кошмах, в духовной культуре — некоторые обычаи, традиционный сва-

дебный обряд, а также в бытовании среди части населения, наряду с общетуркменским литературным языком, особых (североиомутского и чоудорского) диалектов.

Дальнейшее развитие туркменской нации идет, в частности, по линии постепенного стирания таких локальных черт. Важную роль в этом процессе играет общесоветская культура.

Жилище хорезмских туркмен, близкое по типу жилищу других народов оазиса, в прошлом у отдельных этнических групп имело свои особенности. В наши дни идет процесс его унификации и усовершенствования конструкции (введение фундамента, лучшее покрытие крыши, появление деревянных пола и потолка, больших застекленных окон и т. д.). Планировка современного сельского жилища при сохранении основных ее принципов усложняется за счет увеличения числа жилых комнат и отделения хозяйственных помещений от жилого дома. Вместе с тем интерьер остается глубоко национальным даже в большинстве городских домов и домах сельской интеллигенции, где в обстановке комнат большое место зани-

Рис. 3. В казахской юрте. Калининский район

Рис. 4. Традиционный костюм чабанов. Колодцы Кырк-куйи

мает фабричная мебель. Расположение вещей, предметы декоративного убранства с первого взгляда выдают обычно национальную принадлежность хозяина дома.

Туркменский мужской костюм, и прежде имевший много общих черт с костюмом других национальностей оазиса, теперь отличается от него только деталями.

Широкое распространение получила одежда фабричного производства: костюмы и брюки, рубашки, пальто, трикотажные изделия и головные уборы.

В целом для мужского костюма сельского населения характерно разное сочетание национальных элементов одежды с городскими. Именно сочетание отдельных элементов подчеркивает национальные особенности туркменского костюма. В одежде узбеков и других местных национальностей это своеобразие заметно гораздо меньше. Традиционный мужской костюм бытует у людей старшего поколения, в качестве рабочего — у земледельцев и особенно у чабанов, причем и традиционный костюм претерпел изменения, сохранив от прежнего лишь общий облик.

Рис. 5. Молодая туркменка в современной одежде Гахтинский район

В женской одежде процесс вытеснения традиционных форм идет медленнее; в первую очередь изменились по сравнению с традиционными головной убор и прическа. Большинство молодых и средних лет женщин заплетают волосы в две косы и носят два платка: маленький снизу, а большой в виде шали набрасывают поверх него.

Почти все городские жительницы, наряду с национальными платьем и халатом, а иногда и традиционными длинными штанами, имеют городское платье модного фасона, костюм, охотно носят вязанные кофточки с юбками. Туркменки

часто шьют узбекские платья на кокетке из пестрого шелка, узбечки охотно надевают туркменские просторные красные платья туникообразного покроя.

Однако в сельских местностях и у городских женщин старшего поколения стойко сохраняется традиционный туркменский костюм: красное платье туникообразного покроя с длинными рукавами, спускающееся почти до щиколоток, и длинные широкие сверху и сильно суживающиеся книзу штаны, слегка выступающие из-под платья. Поверх платья при выходе из дома надевают обычно распахнутую одежду — кемзор, характерную для всех народов Хорезмского оазиса, а в холодное время года — пальто.

Определенное своеобразие наблюдается в одежде небольших туркменских групп, занимающих промежуточное положение между туркменами и узбеками; их костюм ближе к узбекскому, чем к туркменскому. Одежда казашек и каракалпачек, живущих в Ташаузском районе, также почти не отличается от узбекской. Вместе с тем в одежде местных узбеков прослеживаются некоторые туркменские черты.

Тесный контакт между населением отдельных частей республики, установившийся благодаря общности экономической и культурной жизни, большей подвижности населения и современным средствам связи, еще более укрепляет единую национальную культуру, способствует взаимопроникновению отдельных элементов, прежде свойственных какой-то одной из групп населения.

В частности, например, можно отметить распространение среди туркмен северной части республики своеобразной вышивки «ак кайма», в прошлом присущей текинцам, текинских женских платков, более широкое, чем в прошлом, бытование мужского красного шелкового халата «дон», характерного для центральных районов Туркмении, и т. д.

Культура туркмен-чоудоров, имевшая до последнего времени, как указывалось выше, ряд специфических элементов, сходных с каракалпакской и североузбекской и отличавших чоудоров от других туркмен, теряет свою обособленность и сливается с общетуркменской.

Наряду с сохранением и дальнейшим развитием туркменских черт, распространением литературного туркменского языка среди значительной части сельского населения, туркмены-чоудоры удерживают в быту отдельные элементы культуры, которые имеются в настоящее время и у других народов Хорезмского оазиса. Поскольку развитие национальной туркменской культуры идет также и в направлении сближения с узбекской и другими родственными культурами, эти локальные особенности не мешают ее развитию и, наоборот, в дальнейшем некоторые из них будут, вероятно, распространяться также среди туркменского населения других районов.

В качестве примеров укажем следующие: в женском costume туркмен этой группы, наряду с традиционным туркменским платьем из красной шелковой материи, издавна широко распространено узбекское платье из пестрых тканей с круглым вырезом, без воротника, разрезом

Рис. 6. Туркменская семья. Куня-Ургенчский район

на груди и широкими рукавами, а в последние годы — платье так называемого «узбекского» покроя — на кокетке с отложным воротничком. Последнее, как указывалось, в настоящее время имеет некоторую тенденцию к распространению и среди других групп туркменок — городских жительниц. Туркмены-чоудоры, наряду с общетуркменскими коврами и кошмами для сидения, употребляют также узкие стеганные на вате подстилки «корпече», широко бытующие у соседних народов — узбеков и каракалпаков. Этот элемент культуры стал распространяться в последние годы и среди части туркмен других групп, живущих по соседству с узбеками.

Чоудоры и раньше любили приглашать на свои свадьбы каракалпакских баксы — исполнителей песен под аккомпанемент дутара; в настоящее время радиопередачи из Нукуса здесь слушают очень часто и с большим удовольствием.

Медленнее протекает процесс консолидации с туркменами этнических групп, занимающих промежуточное положение между ними и узбеками, например агаров, игдыров, дюеджи, чандыров, а также той небольшой части узбеков, которая издавна живет среди туркмен. Степень их сближения с туркменами зависит от численности каждой из групп и от того, насколько глубоко были восприняты в прошлом узбекские черты.

Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала интересные факты: часть лиц, назвавших себя узбеками, родным языком считает туркменский (1241 чел., или 1,5%); это в основном жители сельских местностей (972 чел.). Многие из тех, кто в быту сохраняет еще черты узбекской культуры, при переписи 1959 г. назвали себя туркменами.

К числу таких групп, занимавших промежуточное положение между туркменами и узбеками, но сливающихся с туркменами и осознающих свою принадлежность к туркменской нации, относится группа шихов, поселившихся в Тахтинском районе на бывших вакуфных землях. Эта группа, помнящая свое туркменское происхождение, но долгое время обитавшая в окружении узбеков (в Хивинском районе Узбекской ССР), восприняла многие узбекские черты, часть которых сохраняет и до настоящего времени, несмотря на то, что живет среди туркмен (в колхозах «Коммуна» и им. Тельмана Тахтинского района).

Другая, значительно превосходящая шихов по численности группа — дюеджи, обосновавшаяся в западной части Ильялинского района к югу от канала Шават

Рис. 7. Мужчина в традиционной одежде. Ильялинский район

(ныне колхоз им. XXII партсъезда), подобно шихам мало отличалась от узбеков. Часть дюеджи, переселившихся в Ташауз, восприняла узбекскую культуру еще в большей степени.

Среди старшего поколения дюеджинцев живы предания об их туркменском происхождении и родстве с одноименной группой туркмен, обитающей на западе республики. Однако длительное пребывание этой части дюеджинцев в составе Бухарского ханства в непосредственном соседстве с узбеками отразилось на культуре и языке, сблизив их с узбекскими. В настоящее время процесс консолидации их с туркменами идет довольно интенсивно.

Молодежь и лица среднего поколения обычно не знают узбекского языка и говорят дома и на производстве на туркменском с большей или меньшей примесью узбекских слов. Знание узбекского языка сохраняется среди людей старшего поколения. В быту и материальной культуре дюеджинцев и шихов (убранстве комнат, пище, утвари, женском и дет-

ском костюме и т. д.) обнаруживается большое сходство с узбеками, хотя, например, молодые женщины предпочитают одеваться по-туркменски и лишь по случаю различных семейных торжеств надевают узбекский костюм. Колхозники этих групп любят украшать свои комнаты туркменскими коврами и кошками. Среди основной массы этого населения, однако, сохраняется узбекский свадебный обряд.

Процессу сближения различных национальностей способствуют и смешанные браки, которые в наши дни даже в этом отсталом прежде районе перестали быть редкостью. Наиболее часты браки между представителями различных национальностей в городах и поселках городского типа, а также в сельских местностях со смешанным населением. Среди туркменского населения, чрезвычайно консервативного в этом отношении, пока еще случаи выхода замуж девушки-туркменки за представителя другой национальности единичны, хотя молодые люди, особенно служившие в армии и учившиеся в вузе, нередко женятся на девушках-нетуркменках. В таких случаях свадьба обычно отмечается по-туркменски.

В группах агар, дюеджи, чандыр и юноши и девушки довольно легко вступают в брак с представителями иной национальности и особенно часто с узбеками.

Обычны браки казахов и каракалпаков Ташаузского района с узбечками.

Пока еще смешанные семьи, как правило, создаются людьми, не имеющими большой и сплоченной родни, старшие представители которой обычно строго следят за соблюдением эндогамии и возражают против ее нарушения.

В смешанных семьях в большинстве случаев разговорным языком является язык матери, даже в тех случаях, когда она попадает в инонациональную среду: порядки и навыки детям прививаются также материнские. Встречаются смешанные семьи, в которых вторым разговорным языком становится русский, что бывает в тех случаях, когда кто-то из супругов (обычно жена) не знает ни одного из тюркских языков (при браке с русской, чувашкой, немкой и др.), или среди городской интеллигенции, хорошо владеющей русским. Именно детям обычно дают двойные — на языке отца или матери и русские; последние, как правило, носят дети в городских семьях.

Ярким показателем степени сближения шихов, дюеджи, игдыров и др. с туркменами является язык обучения. В тех сельских местностях, где дети учатся на туркменском языке, процесс консолидации малых групп с туркменами продвинулся гораздо дальше. Однако в районах с преобладанием узбекского населения (Ташаузский) или в местах расселения узбеков и обузбеченных групп большими массивами (Ильялинский район, районные центры Ильялы, Куя-Ургенч) дети, как правило, обучаются в узбекских или иногда в русских школах. Интересно, что пред-

Рис. 8. Пожилая женщина из группы дюеджи в традиционном костюме. Ильялинский район

ставители обузбеченных групп, пожалуй, чаще, чем туркмены или узбеки, стараются отдать детей в школы, где обучение ведется на русском языке. Для этих же групп населения характерно дву- или трехязычие — наряду с родным языком все они владеют и туркменским (или узбекским), а многие также и русским. Два или три языка обычно знают каракалпаки и казахи, живущие на территории Северного Туркменистана.

Мы уже говорили о том, что казахское и каракалпакское население Ташаузского района почти полностью утратило свою культуру и восприняло узбекскую. Многие из них по переписи 1959 г. называли себя узбеками. Однако в семейном быту обычно (особенно у старшего поколения) сохраняется родной язык. Казахи Куны-Ургенчского и Калининского районов, поддерживающие связи со своими родственниками в Казахстане или Каракалпакии, сохраняют родной язык в более чистом виде и знают его лучше, нежели их ташаузские сородичи. Этому способствует и то, что в некоторых казахских селениях Куны-Ургенчского района существуют школы-восемилетки с обучением на казахском языке. Все казахи также хорошо знают и туркменский язык. Тем не менее, кончившие узбекские школы для продолжения образования обычно едут в Ургенч, Нукус или Ташкент, так как для поступления в высшие или специальные средние учебные заведения Туркменистана знания разговорного туркменского языка оказывается недостаточно.

О стремлении этой части населения к сохранению родного языка свидетельствует характер подбора газет и журналов, выписываемых значительной частью нетуркменских семей, а также программы радио и телевидения, их интересующие.

Сельская интеллигенция — агрономы, бригадиры, медицинские работники и другие, а иногда и простые колхозники-нетуркмены, обычно выписывают казахские или узбекские и каракалпакские журналы и газеты для того, чтобы «не забыть родного языка и быть в курсе их жизни», — объяснил нам учетчик тракторной бригады колхоза «Социализм» Куны-Ургенчского района казах Нурғалиев Овушбай.

В часы отдыха в казахских, каракалпакских и узбекских семьях слушают музыку из Алма-Аты, Нукуса, Ургенча или Ташкента. Интересно отметить такой факт, что в Северном Туркменистане, пока не имеющем своего телевизионного центра, телевизоры, как правило, приобретают нетуркменские или смешанные в национальном отношении семьи, которые смотрят передачи из Ургенча и Нукуса.

Однако при сохранении интереса к жизни своих сородичей и любви к своей национальной музыке, искусству и родному языку, узбеки, казахи и другие, не утратившие своего национального самосознания, осознают себя в первую очередь гражданами Туркменской республики, членами своего производственного коллектива, активно участвуют в его жизни, радуются успехам и огорчаются неудачам своего коллектива, района, всего края. Поэтому в тех же семьях, где имеются газеты и журналы из других республик, обязательно выписывается также районная или республиканская туркменская газета, а в часы «последних известий» слушается туркменское радио.

Следует отметить и роль русской культуры в процессе развития наций Средней Азии и Казахстана. Русская культура стала проникать в этот отдаленный уголок Средней Азии значительно позднее, чем в другие районы, лишь с конца XIX в., причем до Октябрьской революции ее влияние в Хивинском ханстве было крайне незначительным в силу экономической отсталости, изолированности этого края и небольшого числа проживающих здесь русских.

Как и везде, проводником русской передовой культуры стал в первую очередь город, через который распространялись все нововведения в сельские местности. Особенно большое значение имела русская культура именно в первые годы социалистического строительства.

Все новое в материальной культуре — одежде, пище, жилище — шло от русских. В настоящее же время говорить о влиянии лишь русской культуры было бы неправильно, так как передовая культура, распространяющаяся через город, не может считаться только русской. Ведь и сама русская городская культура впитала теперь много инонационального, она становится синтезом общих интернациональных черт, содержит гораздо больше прогрессивных элементов, чем сельская.

В наши дни распространителями этой прогрессивной, так называемой городской культуры в селах стала сельская интеллигенция и учащиеся высших и средних учебных заведений, возвращающиеся домой на каникулы или на работу. Они несут в сельские местности новые навыки, раньше других отказываются от старых, изживших себя привычек и понятий. Туркмены-горожане, сохраняющие родственные связи с жителями сельских местностей, также способствуют изживанию национальной замкнутости туркменского аула, проникновению в него новых инонациональных черт. В условиях этнической пестроты Северного Туркменистана сближение соседних национальных культур — узбекской и туркменской — происходит более интенсивно, нежели в центральных районах этих республик. О характере развития культуры в местностях со смешанным населением мы уже говорили.

Туркменская культура воспринимается также узбеками, живущими в городах и районных центрах.

Следует отметить, что, усваивая многие черты туркменской культуры, узбеки сами оказывают влияние на окружающее туркменское население. Так, часть мужчин-туркмен, изменившая традиции брить голову, носит летом узбекские «чустские» тюбетейки, которые лучше держатся на волосах, чем туркменские. Во многих сельских местностях летом хозяйки предпочитают печь не туркменские большие и толстые лепешки «чорек», а узбекские маленькие и тонкие «нан», будучи убеждены, что последние дольше не сохнут, сохраняют свои вкусовые качества, и т. д.

Большую роль в туркменско-узбекском сближении играют смешанные браки, о которых говорилось выше.

В восточной части районов, пограничных с Узбекистаном, влияние узбекской культуры на туркменское население более заметно. Узбекская культура (особенно оседлого узбекского населения южного Хорезма, так называемых сартов) оказывала влияние на туркменскую еще задолго до Октябрьской революции и сама отчасти воспринимала некоторые туркменские черты. Это объясняется многими историческими причинами, а главное, давними этнокультурными связями узбеков и туркмен Хорезмского оазиса. Однако, так как в Хивинском ханстве туркмены находились на положении угнетаемого нацменьшинства, это накладывало определенный отпечаток на характер восприятия черт узбекской культуры, распространявшейся в XIX в. сначала среди наиболее зажиточных слоев туркменского населения пограничных селений. Узбекская культура воспринималась также теми группами туркмен, которые в силу разных причин оказывались в несколько изолированном положении. В этом отношении интересен пример туркмен кубадаглы, поселившихся в первой половине XIX в. неподалеку от Мангыта — узбекского центра в северном Хорезме и оказавшихся более тесно связанными административно (их селения входили в состав Мангытского бекства) и экономически с узбе-

ками, нежели с туркменами. Более чем полувековая связь с узбекским центром, а также некоторая искусственная изоляция от других туркмен Хорезмского оазиса (по происхождению туркмены-кубадаглы считались ниже «чистокровных» иомутов) наложили известный отпечаток на культуру кубадаглы, сблизив ее с узбекской⁸.

В наши дни влияние узбекской культуры в Северном Туркменистане носит совершенно иной характер: из быта и культуры узбеков всеми слоями населения воспринимаются лучшие традиционные черты, которые также претерпели значительные изменения под влиянием так называемой городской культуры.

Таким образом, наш материал свидетельствует о том, что в Северном Туркменистане, крае, наиболее отдаленном от центральных районов республики и неоднородном по своему этническому составу, происходят сложные этнические процессы, характерные для большинства районов страны. С одной стороны, идет процесс консолидации туркменской социалистической нации, стирание локальных особенностей культуры и быта, постепенное исчезновение языковых различий между отдельными группами туркмен. Культура туркмен-чоудоров теряет свою обособленность и сливается с культурой других туркменских групп этого края.

Довольно значительно продвинулось сближение с туркменами узбекизированных в прошлом туркменских групп — дуюджи, чандыров, игдыров, шихов и др., а также живущих среди туркмен небольших групп узбеков и казахов. Некоторая часть населения этих этнических групп во время переписи 1959 г. назвали себя туркменами; 1,5% лиц, назвавшихся узбеками, а также около 1,3% казахов, родным языком считают туркменский.

В этом процессе пока не участвует вторая большая группа населения Северного Туркменистана — узбеки, живущие компактной массой и по своей культуре (хотя они и восприняли ряд туркменских черт) почти не отличающиеся от узбеков соседней Хорезмской области Узбекской ССР. Казахи и каракалпаки Ташаузского района, сохраняющие свое самосознание и отчасти язык в качестве домашнего, по культуре и быту ничем не отличающиеся от узбеков, в окружении которых обитают довольно длительное время. Напротив, казахи Куны-Ургенчского и Калининского районов, поддерживающие связи со своими сородичами в Казахстане, стойко удерживают среди инонационального окружения свою традиционную культуру и сохраняют родной язык и самосознание.

С другой стороны, наряду с процессом консолидации нации идет характерный для современного периода процесс стирания резких граней между соседними родственными нациями — туркменской и узбекской, сближения их национальных культур. Это сближение в условиях этнической пестроты Северного Туркменистана протекает более интенсивно, нежели в центральных районах республики, и связующим звеном в этом процессе является городская передовая культура, вобравшая в себя немало интернациональных черт. Следует отметить, что многие из локальных особенностей культуры туркмен-чоудоров, прослеживающиеся в культуре родственных им каракалпаков и узбеков, в этом процессе сближения имеют тенденцию к распространению среди туркменского населения других районов. Все усиливающиеся в наши дни экономические и культурные связи народов Хорезмского оазиса, совместный труд на

⁸ Г. П. Васильева, К этнографии туркмен восточных районов левобережного Хорезма, стр. 146, 149, 153, 154.

строительстве Ташсакинского магистрального канала, Большого озерного и Дарьялыкского межреспубликанских коллекторов, при проведении газопровода Бухара — Урал, постройке Тахиаташской ГЭС и др. еще более способствуют сближению национальных культур.

SUMMARY

Complex ethnic processes characteristic of many regions of our country are taking place in Northern Turkmenistan — the most remote and ethnically heterogeneous territory of the Republic. The Turkmen socialist nation is in process of ethnic consolidation. Local peculiarities in cultural and everyday life are vanishing alongside with linguistic differences. Thus, the culture of Chaudory Turkmens is losing its isolated character and is merging with the culture of other groups of Turkmens. Previously Uzbekized Turkmen groups such as Duhedjy, Chandyr, Igdyr, Shykh, as well as small groups of Urbeks and Kazakhs living among Turkmens, are progressively drawing nearer to the Turkmens. In the 1959 census a certain part of these ethnic groups gave their nationality as Turkmen; 1.5 p. c. population of Uzbek and 1.3 p. c. — of Kazakh nationality gave their mother tongue as Turkmen.

Another large group of Northern Turkmenistan population — the Uzbeks living in a compact body and culturally indistinguishable from the Uzbeks of Khorezm region — so far does not participate in this process (though they have acquired certain Turkmen traits).

The Kazakhs and Kara-Kalpaks of Tashauz district, though conserving their ethnic consciousness and native language, are similar in culture to the Uzbeks. On the contrary the Kazakhs of Kunia-Urgench and Kalinin districts, though living among people of different nationality, maintain ties with their tribesmen in Kazakhstan, and steadily conserve their traditional culture, native language, and ethnic consciousness. Another process typical for the modern period is a gradual obliteration of sharp distinctions between the neighbouring Turkmen and Uzbek nations, the mutual rapprochement of their cultures. This process is more intensive in ethnically heterogeneous Northern Turkmenistan than in the central districts of the Republic. Urban culture incorporating many international traits is a link in this process. It is interesting to note that many of the above-mentioned local traits of the Chaudor Turkmens, which may also be traced in Kara-Kalpak and Uzbek cultures, tend to spread among Turkmens of other districts. The strengthening of economic and cultural ties between the peoples of Khorezm oasis, joint work on the construction of irrigation systems, gas pipeline, hydroelectric stations, etc. help to draw national cultures still closer together.

Л. Н. Чижикова

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИОННОГО
ОБСЛЕДОВАНИЯ 1966 г.)

Этнографическое обследование русских и украинцев в районах их смешанного расселения в полосе этнических границ выявляет сложные этнические процессы взаимодействия между двумя восточнославянскими народами. К таким районам относятся и обследованные в 1966 г. научными сотрудниками Института этнографии АН СССР Путивльский, Б. Писаревский, частично Ахтырский районы Сумской области, Чугуевский район Харьковской области¹.

Современная Сумская и северная часть Харьковской областей расположены в районе древнего расселения славянского племени северян, живших по течением рек Десны, Сейма, Сулы и Ворсклы². На протяжении XIII—XV вв. постоянные набеги татар опустошили значительную часть этой территории. Вместе с тем в местах, удаленных от дорог, особенно в лесных труднодоступных и болотистых районах, по-видимому, сохранились отдельные группы древнего автохтонного славянского населения.

С образованием централизованного Русского государства исследуемые районы вошли в его состав. На протяжении XVI—XVIII вв. эта территория одновременно заселяется русским и украинским населением. Процесс закрепощения, начавшийся в конце XV в., вызвал бегство крестьян и холопов в степные окраины России и Украины, усилившееся во второй половине XVI в.³ Большое значение в заселении края имела правительственная колонизация. На протяжении XVI—XVII вв. русское правительство строит на южных границах государства ряд оборонительных линий и городов и направляет в них различные категории служилых людей из центральных районов. За свою службу эти люди получали земельные участки на правах служилого поместья. В XVIII в. (а иногда и в XVII в.) все категории мелких служилых людей (дети боярские, казаки, стрельцы, пушкарки и др.) назывались однодворцами.

¹ В восточных районах Украины работал Южный отряд Комплексной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в следующем составе: начальник отряда Л. Н. Чижикова, научный сотрудник Н. А. Дворникова, аспирант Л. В. Никулина, художник В. И. Агафонов, шофер Р. А. Тажетдинов. В обследовании населения Чугуевского района принимали участие научный сотрудник Ин-та искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР В. И. Наулко и научный сотрудник Харьковского исторического музея З. И. Брызгуна.

Собранные этнографические материалы пока еще недостаточны для широких обобщений. Намечаемые полевые обследования других районов Украины и смежных с ней районов РСФСР, привлечение статистических материалов, а также данных лингвистики, антропологии, археологии, позволят в дальнейшем уточнить многие поставленные здесь вопросы, углубить и расширить исследуемую тему.

² П. Н. Третьяков, *Восточнославянские племена*, М., 1953, стр. 242.

³ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 419.

При Петре I они стали платить подушную подать и превратились в особую группу государственных крестьян.

С середины XVII в. происходит массовое заселение Слободской Украины, в состав которой входили значительная часть современной Сумской и вся территория Харьковской областей, украинскими переселенцами из правобережной Украины. Это было вызвано усилением социально-религиозного и национального гнета в феодально-крепостнической Польше⁴.

В XVIII в. значительные размеры приобретает помещичья, а также монастырская колонизация.

Помещичьи и монастырские села составляли значительное число всех поселений бывшей Харьковской губернии, особенно много помещичьих крестьян было в украинских селах. В некоторых селениях жило смешанное в социальном отношении население: однодворцы и помещичьи крестьяне (например, села Ницаха и Алешня в Ахтырском уезде Харьковской губернии).

Возникшая в период заселения края неоднородность социального и этнического состава населения не могла не отразиться на формировании специфических этнографических особенностей у разных групп населения этого края в более поздний период.

Большой интерес для этнографического изучения представляет население Путивльского района Сумской области. Это один из тех районов, где, по мнению историков, сохранялись отдельные древние группы славянского населения⁵.

В Путивльских писцовых книгах 1591 г. упоминается селище Линевское (позднее село Линево), селище Климовское (позднее село Новая Слобода), которые еще в начале XV в. были дарованы вместе с другими «разными селами и вотчинами» московским князем Василием Дмитриевичем Молченской Софрониевой пустыни, а позднее были переданы Путивльскому Молченскому Печерскому монастырю⁶.

Села, принадлежавшие Путивльскому Молченскому монастырю, интересны тем, что в них проживает своеобразная этнографическая группа, называемая горюнами⁷. О происхождении горюнов в литературе существуют разные предположения⁸. По всей вероятности, горюны являются потомками древнего автохтонного населения Посеймья, впитавшего в себя новые переселенческие волны XVI—XVII вв. Среди переселенцев были жители ближайших к Путивлю полесских районов Черниговщины и Брянщины, расположенных в бассейне Десны и верхнего Днепра. Пограничное положение Путивля по соседству с украинскими и белорусскими землями сказалось на этнографическом облике горюнов. Горюны отличались от окружавшего их населения как по говору, так и по костюму. М. Г. Халанский характеризует горюнов как «сильно акающих или якающих егунов с малорусско-белорусскими

⁴ См. подробнее: А. Г. Слюсарский, Социально-экономическое развитие Слобожанщины, Харьков, 1964.

⁵ Д. И. Багалей, Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства, М., 1887, стр. 119; В. В. Мавродин, Очерки истории левобережной Украины, М., 1940, стр. 61.

⁶ «Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой, общежительной Софрониевой пустыни, находящейся в Курской епархии», СПб., 1846, стр. 46, см. также: «Труды Курского губернского статистического комитета», вып. 1, Курск, 1863, стр. 573.

⁷ О горюнах см. В. А. Горелов, Горюны, сб. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», М., 1960, стр. 267—286.

⁸ В. В. Мавродин, Указ. раб., стр. 62; Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 94.

примесями»⁹. По данным Д. К. Зеленина, в начале 1900-х годов пожилые мужчины носили полесско-белорусский костюм белого цвета и войлочные «колпаки» в качестве головного убора¹⁰. Своеобразный женский комплекс костюма, сохраняющийся у старшего поколения и в настоящее время (женская рубаша с прямыми поликами, пришитыми по основе, понева — плахта в качестве поясной одежды, полотенчатый головной убор, надеваемый на чепец, под который вокруг головы укладывали косы, делая из них возвышения, «роги», на боках), был известен также в бассейне Десны и верхнего Днепра¹¹. Что касается других элементов одежды, а также жилища, сельскохозяйственной техники, пищи, то горюны почти не отличались от других групп населения этого района.

С запада и с севера села горюнов окружали русские хутора, основанные в XVI—XVII вв. в период колонизации края русскими военно-служилыми людьми. В путивльских однодворческих хуторах вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись формы «четвертного», т. е. семейно-наследственного землевладения. В женском народном костюме бывших путивльских однодворцев (домотканая юбка, рубаша с прямыми поликами, пришитыми по утку) можно найти известную общность с костюмом бывших однодворцев второй засечной черты (современная Орловская и Липецкая области), которые были в 1954 г. обследованы О. А. Ганцкой и Н. И. Лебедевой¹². Принадлежность в прошлом к одному военно-служилому сословию, сходные социальные и экономические условия жизни способствовали формированию у однодворцев различных южнорусских районов России некоторых общих культурно-бытовых особенностей. Особое социальное положение однодворцев, обусловленное «четвертичным» землевладением, которое привело впоследствии (с дроблением семей) к малоземелью и развитию отходничества, наличие у них с давних пор некоторого сословного превосходства по отношению к окружавшим русским и украинским помещичьим крестьянам — все это способствовало сравнительно быстрому распространению в быту однодворцев покупных тканей и городской, особенно мужской, одежды, к появлению более развитых форм жилища и т. д.

В северно-западной части современного Путивльского района, а также на юге за р. Сейм расположены украинские села, заселение которых связано с колонизационным движением XIV и позднейших столетий из Черниговщины, Киевской, Подольской и Волынской губерний¹³. В традиционном жилище, пище, сельскохозяйственной технике населения украинских сел много общих черт с окружающим их русским населением, в одежде отмечаются более поздние формы украинского национального костюма.

Обследованная нами следующая группа русских сел — Солдатское, Ницаха, Катанское, Добренское, Крамчанка, Тарасовка и др., расположенных на территории Б. Писаревского, а также частично Тростянец-

⁹ М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии, «Сборник русского языка и словесности Академии наук», т. 76, СПб., 1904, стр. 114.

¹⁰ Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации, СПб., 1913, стр. 120.

¹¹ Г. С. Маслова, Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды, «Сов. этнография», 1954, № 2, стр. 46.

¹² «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», М., 1960, стр. 253.

¹³ Подробнее см.: С. И. Дорошенко, Украинские говоры Путивльского и Буринского районов Сумской области, 1965, кандидатская диссертация, стр. 23—25.

кого и Краснопольского районов Сумской области (в прошлом Богодуховского уезда Харьковской губернии), сложилась в XVII—начале XVIII в. Эти русские села возникли вокруг г. Вольного (превратившегося позднее в село), одного из самых западных укреплений Белгородской засечной черты, построенного в 1640 г. По данным И. Н. Миклашевского, в г. Вольном в 1642 г. числилось 50 человек детей боярских из Севска, Стародуба и Рославля и 232 казаков из Рыльска и Новгород-Северска¹⁴. Значительная часть этих сел заселялась русскими служилыми людьми, выходцами из центральных районов Русского государства.

В говорах и традиционной материальной культуре населения этих сел заметно прослеживается южнорусское влияние, в частности в отдельных элементах костюма заметны связи с западными южнорусскими районами, что объясняется заселением этих районов из городов Кром, Севска, Стародуба и др.¹⁵ Вместе с тем, так же как и в других обследованных нами русских селах, здесь сказалось и влияние окружающих украинских поселений.

Компактная группа русских поселений расположена в Чугуевском районе Харьковской области (в прошлом Змиевский уезд Харьковской губернии). Это села Старо- и Ново-Покровское, Каменная Яруга, Тетлега, Зарожнсе, Молодовое и др. По правую сторону Северского Донца здесь преобладают села с русским населением, по левую сторону — с украинским. Русские села возникли вокруг г. Чугуева, крупного военного поселения XVII в., они были основаны русскими служилыми людьми из центральных районов Русского государства¹⁶. В начале XVIII в. русские чугуевские села были превращены в военные поселения, просуществовавшие до середины XIX в. Следы специфической жизни военных поселений до настоящего времени проявляются во внешнем облике чугуевских селений.

В этнографическом типе русского населения Чугуевского района наряду с широко распространенными южнорусскими особенностями культуры прослеживаются и некоторые бытовые черты жителей более северных русских районов (см. ниже).

Таким образом, в результате заселения и хозяйственного освоения края совместно украинскими и русскими группами населения на территории восточных районов Украины при общем преобладании украинцев образовались компактные группы русских поселений в непосредственном соседстве с украинскими селами. Сами по себе эти русские группы населения также не были однородными, поскольку в их состав влиялись переселенцы из различных районов России. Имели влияние и отмеченные выше различия в социально-экономическом положении населения этих мест в период феодализма. Возникали также смешанные по национальному признаку селения, заселявшиеся и русскими, и украинцами.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г., в Харьковской области украинцы составляли 82,2% населения, русские — 16,1%, в Сумской области украинцев было 90,6%, русских — 9,2%¹⁷. В отдельных же районах: в Путивльском, Б. Писаревском, Чугуевском, где проживают ком-

¹⁴ И. Н. Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, М., 1894, стр. 144.

¹⁵ См.: Н. А. Дворникова, Русские и украинские традиции в одежде населения северо-восточных районов Украины, «Сов. этнография», 1968, № 1.

¹⁶ См.: «Историко-статистическое описание Харьковской епархии», отд. 4, Харьков, 1858, стр. 41—42, 70, 78, 94—95.

¹⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Украинская ССР», М., 1965, стр. 186, табл. 54.

пактные группы русского населения, последние составляют соответственно: 66,6%, 45,1%, 54,9% ко всему сельскому населению этих районов. Необходимо также иметь в виду, что исследуемые нами районы непосредственно граничат с Курской и Белгородской областями РСФСР, в пограничных районах которых наряду с русскими много и украинских сел, а также сел со смешанным русско-украинским населением.

Длительное совместное существование, тесное хозяйственное и культурное общение, происходившие уже в дореволюционные годы процессы смешения различных групп русского и украинского населения оказали большое влияние на формирование национального самосознания населения, развитие общих черт в языке и культуре.

Как показало этнографическое обследование русских и украинских сел, основная масса украинцев и русских, проживающих в изучаемых районах, сохраняет свое национальное самосознание. Вместе с тем имеет место и трансформация национального самосознания у русских групп, проживающих в смешанных украинско-русских селах. Реже встречаются случаи изменения национального самосознания у украинцев. Это наблюдается в некоторых селах с преобладающим русским населением, где украинцы составляют лишь незначительный процент.

Там, где русские живут более или менее компактно в отдельных селах, где не было украинцев, они называли и называют себя в настоящее время русскими. В прошлом в быту этих сел наблюдалась некоторая обособленность. Она выражалась главным образом в том, что сравнительно редко заключались браки между русскими и украинцами. Местное население это объясняет некоторыми бытовыми различиями (говор, традиционная женская одежда и т. д.).

Отношения между населением ближайших русских и украинских сел в большинстве случаев были дружественными. Русские и украинцы ходили друг к другу в гости на престольные праздники. Некоторые русские и украинские села относились к одному церковному приходу. Между селами существовали тесные экономические и торговые связи: на ярмарки и базары съезжалось население всех окрестных русских и украинских сел. Дружеские связи между украинскими и русскими селами укрепляются и расширяются в советское время. Этому способствует совместный труд в колхозах и совхозах (русские и украинские села часто объединяются в один колхоз или совхоз, или входят в один сельский совет), расширение экономических и культурных связей между окрестными селами, повышение культурного уровня сельского населения и многое другое. Результатом расширения сферы общения явился и рост числа смешанных в национальном отношении браков. Как показало проведенное нами по данным ЗАГС обследование во всех сельских советах Путивльского района, русско-украинские браки составили за последние 10 лет от 17 до 24% к общему числу заключенных браков. В Кардашевском и Стрельниковском сельских советах, смешанных по национальному составу, русско-украинские браки составляют от 25 до 54%.

Процессы смешения населения значительно сильнее выражены в тех селах, в которых издавна жили и русские, и украинцы. Здесь уже до Октябрьской революции нередко возникали смешанные браки, в результате которых постепенно нарушалась обособленность, происходило интенсивное сближение говоров и бытовых особенностей местных жителей.

Интересно в этом отношении село Алешня Ахтырского района, расположенное в окружении украинских сел. В середине XVII в. Алешня

была укрепленным городом Белгородской оборонительной линии. До 1647 г. Алешня находилась в пределах Польско-Литовского государства и была заселена украинцами. После присоединения города к Русскому государству он стал заселяться русскими служилыми людьми. В 1687 г. в городе было 180 русских детей боярских, их братьев и племянников, 11 пушкарей и 107 украинских казаков¹⁸. Впоследствии город теряет значение важного укрепленного пункта, постепенно превращается в село и заселяется русскими и украинскими переселенцами. Русские и украинцы первоначально селились обособленно и входили в разные сельские общества. Русские жили по улицам, называемым Богучарской и Карачевской. Само по себе название этих улиц говорит о том, что в Алешню приезжали жители из Богучара, Карачева, много переселенцев было, по рассказам старожил, из Рыльска. По межевой ведомости 1786 г. в Алешне числилось 2431 войсковых обывателей, состоявших из потомков украиннских казаков, и 1538 русских однодворцев. Значительное уменьшение однодворцев произошло вследствие того, что боярские дети алешанской службы продали свои участки помещикам и казакам и ушли в другие места¹⁹. Частичные переселения крестьян из Алешню из русских и украинских районов происходили и в XIX в.

После установления Советской власти в селе было образовано два сельских совета, причем в одном из них делопроизводство велось на украинском языке, в другом — на русском. Здесь работали две школы — украинская и русская. В конце 1950-х годов в связи с тем, что большинство населения этого села стало считать себя украинцами, два сельских совета были объединены в один, образована одна средняя школа с обучением на украинском языке.

Подсчет национального состава населения по хозяйственным книгам дал следующие результаты: в 1950—1952 гг. украинцы в селе составляли 46,4%, русские — 53,6%, в 1964—1966 гг. украинцев уже стало 91,2%, а русских только 8,4%. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., все население этого села было записано украинцами. Многие русские по происхождению жители этого села, имеющие типично русские фамилии: Орехов, Максаков, Крюков, Козьмин, Лукьянов, Мачулин, Пушкарев и др. в настоящее время называют себя украинцами, в то время как 12—15 лет назад значительная часть из них записывала себя русскими. Зарегистрирован ряд семей, в которых старшее поколение (отец, мать) называют себя русскими, а их взрослые дети считают себя украинцами. Так, в семье А. И. Орехова, глава семьи (1935 г. рождения), его жена и дети называют себя украинцами, а его мать (1888 г. рождения) называет себя русской; в семье Казьминой Марии Федоровны (1902 г. рождения) Мария Федоровна и ее младшая дочь (1930 г. рождения) называют себя русскими, а ее старшая дочь (1927 г. рождения), живущая отдельно, называет себя украинкой, и т. д. Наблюдается также украинизация русских фамилий: Кривогуз от Кривогузов, Максаков от Макасов, Слынько от Слиньков и др.

На вопрос о причинах изменений в определении национальной принадлежности обычно отвечают, что живут на Украине в окружении украинского народа; при этом многие подчеркивают, что для них не имеет существенного значения, как называть себя — русским или украинцем. Некоторые местные жители затрудняются ответить, к какой национальности они принадлежат, что несомненно объясняется происходящими в этих районах активными процессами этнического смешения населения.

¹⁸ Д. И. Багалей, Указ. раб., стр. 204.

¹⁹ «Историко-статистическое описание Харьковской епархии», отд. III, М., 1857, стр. 483.

В прошлом в селе Алешне, как и во всех других селах на обследованной территории, русские называли украинцев хохлами, украинцы русских — кацапами, москалями. В обследованных селах Украины, как и в некоторых других районах (например, в Ростовской области, на Кубани)²⁰ термин «хохол» вовсе не употреблялся в качестве обидной клички, а служил нередко и самоназванием украинского населения. Встречалось также и самоназвание «перевертень». «Мы не русские и не украинцы, мы перевертни» — иногда можно услышать еще и в настоящее время от местных жителей старшего поколения. Термин «перевертни», «перевертыши» бытовал в этих районах уже в начале XX в. Он встречался также в других районах, заселенных смешанным русско-украинским населением, например в Новооскольском уезде Курской губернии²¹, в Старобельском уезде Харьковской губернии²².

Интересные процессы наблюдаются также в селе Новая Гнилица Чугуевского района. Село заселялось украинскими и русскими переселенцами из Курской, Орловской, Калужской и Тульской областей. По рассказам старожилов, первоначально украинцев было несолько больше, чем русских. Украинцы селились компактно в одной половине села, называвшейся «Хохлацкий край». Так же, как и в Алешне, в результате частых смешанных браков население перемешивалось и бывшая обособленность в расселении постепенно нарушалась. «Если хохлушка на наш край выйдет замуж — будет русская, — рассказывают русские пожилые женщины, — а наша девушка на тот край пойдет замуж — по-хохлацки начинает разговаривать». По данным Всесоюзной переписи 1926 г., в с. Новая Гнилица было 79,1 % русских семей и 20,9 % украинских²³. По данным хозяйственных книг 1966 г., в селе — 57,4 % украинских семей, 31,4 — русских и 11,2 % — смешанных по национальному составу. Так же, как и в Алешне, некоторые русские по происхождению: Алешины, Молчановы, Михеевы, Калугины и др. стали называть себя украинцами. В то же время некоторые семьи с типично украинскими фамилиями — Жуга, Ермоленко, Яценко, Лаврененко называют себя русскими. Последнее объясняется, по-видимому, тем, что село Новая Гнилица соседствует не только с украинскими, но и с русскими селами, а школьное обучение здесь ведется на русском языке.

Украинцы по происхождению иногда называют себя русскими в тех селах, где они составляют незначительный процент по отношению к русскому населению, например в с. Ницахе, расположенном в окружении русских сел. Украинцы в Ницахе были поселены помещиками среди русских государственных крестьян; жили украинцы первоначально обособленно. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., в селе числилось

²⁰ П. И. Кушнер (Кнышев), О методах определения этнического состава населения в полосе этнических границ, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XI, 1950, стр. 3—9; Л. Н. Чижикова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, «Сов. этнография», 1963, № 6, стр. 35.

²¹ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 141.

²² В работе «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края» (т. I, Харьков, 1898, стр. 64) приведены интересные материалы, характеризующие состав населения в слободе Мостки Старобельского уезда Харьковской губернии: «Андреевы, как говорят, переселились в Мостки из д. Береки Змиевского у. Они были настоящие великорусы; от них произошли так называемые перевертни, т. е. смесь великорусского народа с малорусским. Говорят, растягивая слова, как великорусы, носят свиту и шапку малоруса, а рубаху великоруса, застегивая на боку и надевая поверх шаровар; волосы разбирают на боку; говорят по-великорусски, часто вставляя малороссийские слова, например: «зранку», т. е. с утра, «згадавь» — вспомнил, или наоборот: встречаешь в школе мальчишка, одетого по-малороссийски, начинаешь говорить с ним, он отвечает на великорусском языке».

²³ Архив АН СССР, Л., ф. 135, оп. 3, д. 613.

39 украинских семей и 349 русских²⁴. Ницахские украинцы постепенно смешивались с русскими крестьянами; в настоящее время в селе почти не осталось украинских семей. «Наши деды были хохлами,— рассказывает Кучеренко (1890 г. рождения), — а мы — смесь, перевертны. Постепенно наш язык смешался с русским, живем между москалями и разговаривать стали по-москальски».

Проведенные нами этнографические исследования показывают, что на определение национального самосознания в обследованных районах имеют влияние следующие причины: численность и компактность расселения национальной группы, этническая среда, ее окружающая, степень этнических смешений, активность хозяйственно-культурного общения и взаимовлияния, проживание на территории УССР, принятый в школе язык обучения и др.

Взаимодействие между русскими и украинцами отразилось в формировании местных говоров²⁵. В русских селениях, расположенных компактными группами в Путивльском и Б. Писаревском районах Сумской области, бытуют южновеликорусские говоры с заметным украинским влиянием.

Это влияние прослеживается в фонетике: например, твердость фонемы *р* перед гласными переднего ряда (*э, и*) и на конце слова (прыу́орьк, тры́, у́рапкы́), произношение долгих мягких переднеязычных звуков, образованных вследствие ассимиляции (*л'л'у́ть, лалавод'д'я, плáт'тя*); в грамматическом составе говоров: глагольные суффиксы *-ыва-, -ива-, -ева-* изменяются в *-ува-, -юва-* (гарюва́ли, танцува́ли, пув'азува́ли), употребление предлогов *пóвз, понад* (повз сход солнца, понад шлáхом) и др., в лексике: кве́ткй (цветы), уо́дына (час), очерéт (камыш), снiдaть (завтракать), вечеря́ть (ужинать), неде́ла (воскресенье) и др.

В украинских селах этих районов распространены говоры с североукраинской основой и со многими чертами южновеликорусских говоров. Например, под влиянием русских говоров в украинских говорах наблюдается аканье в безударном положении (*вада́, хавáть*), переход *э* в *о* под ударением перед твердым согласным, несвойственный украинскому языку (*ов'ос, м'од*); окончание *-ом, -ойу, -ой* вместо *-ем, -ейу* в формах творительного падежа единственного числа существительных мужского и женского рода (*кало́дизо́м, бау́ахом*); перенесение в существительные среднего рода типа *тэ́ля, я́гня* суффикса из русского языка «онок» (*те́лонок, я́н'онок*). Пополнилась многими русскими словами лексика украинских говоров. В результате взаимодействия двух диалектов образуется общий лексический пласт, который продолжает обогащаться за счет литературного языка. Взаимопроникновение говоров происходит особенно заметно в селах со смешанным национальным составом.

На исследуемой территории широко распространено двуязычие. В настоящее время местные говоры подвергаются заметному воздействию русского и украинского литературных языков, что особенно сильно проявляется в разговоре молодежи. Поскольку во всех русских селах обучение в школах ведется на русском языке, но с обязательным изучением украинского языка, русская молодежь и люди среднего возраста свободно владеют двумя литературными языками. Формуляры читателей, просмотренные нами в различных сельских библиотеках, показывают, что в русских селах хотя и оказывают предпочтение литературе, издаваемой на русском языке, охотно читают и украинские книги. В украин-

²⁴ Архив АН СССР, Л., ф. 135, оп. 3, д. 613.

²⁵ Здесь использованы материалы из научного отчета аспирантки Л. В. Никулиной «Говоры Путивльского, Б. Писаревского и Ахтырского районов Сумской области», Архив Ин-та этнографии АН СССР, ед. хр. 104.

ских селах читают книги и на украинском, и на русском языках. Периодические издания и в русских, и в украинских селах выписываются также на двух языках.

Многие местные жители старшего поколения не только русских, но и украинских сел хуже понимают украинский литературный язык, чем русский и предпочитают читать книги и газеты на русском языке. Это объясняется тем, что в дореволюционное время обучение во всех селах проводилось на русском языке. Вместе с тем и люди старшего поколения в русских селах свободно понимают местный украинский диалект, а также охотно посещают фильмы и пьесы, идущие на украинском языке.

Развитие культуры на двух и более языках характерно и для других разнорасовых районов нашей страны. Оно свидетельствует о крепнущих и развивающихся интернациональных связях и взаимоотношениях между людьми разных национальностей за годы социалистического строительства. Следует при этом отметить, что использование русскими украинского языка, а украинцами русского языка значительно облегчается родственной близостью языков двух восточнославянских народов, а также многовековыми традициями их культурно-бытового общения.

В быту и культуре населения восточных районов Украины, наряду с локальными специфическими для русских и украинских групп населения элементами культуры, прослеживается много общих черт. В рамках данной статьи возможно проанализировать лишь некоторые элементы материальной традиционной культуры.

В развитии тех или иных пахотных и других видов сельскохозяйственных орудий, определявшихся в значительной степени качеством почв, характером рельефа, системами земледелия, количеством и видами имеющейся в хозяйстве тягловой силы, имущественным положением хозяйства и др., играли роль и этнические традиции.

Как известно, на территории расселения восточных славян уже с древности применялись разные виды пахотных орудий — соха, рало, плуг. С развитием трехполья и многополья с увеличением площади старопашотных земель на значительной территории расселения русских, за исключением самых южных районов, наиболее распространенным орудием обработки почвы стала соха, на Украине в условиях тяжелых черноземных почв основным пахотным орудием (за исключением северного Полесья) служили рало и плуг. Преобладание тех или иных пахотных орудий, развивавшихся под влиянием определенных природных и социальных условий, со временем становилось привычным, традиционным для того или иного народа.

Поэтому, когда русские крестьяне в XVI—XVII вв. переселялись на территорию Украины, они сохраняли и распространенный на их родине обычай вспашки почвы сохой. В результате этого в восточных районах Украины в сходных природных и социально-экономических условиях жизни нередко можно было наблюдать такое явление — в русских селах крестьяне обрабатывали землю сохой, а в ближайших украинских селах — плугом. Так, по данным А. Шафонского, в Черниговском наместничестве в XVIII в. в степных районах украинцы пахали землю тяжелым плугом с помощью 8 волов, а жившие поблизости от них русские однодворцы ту же по качеству почву пахали сохой с помощью одной лошади²⁶. Проведенное в конце XIX в. экономико-статистическое обследование Богодуховского уезда Харьковской губернии показало то же явление

²⁶ А. Шафонский, Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, Киев, 1851, стр. 168.

ние: все проживающие в уезде русские крестьяне пахали землю сохой, среди украинцев этого уезда более распространена обработка земли плугом, хотя в бедных хозяйствах, где не было достаточного количества скота, наряду с плугом употребляли и соху. «Традиции так крепки привычки к плугу так велики, что малороссу трудно перейти к сохе, он к паре волов припрягает коров, но не переходит к сохе или пользуется супрягой. Это обычай чисто малороссийский»²⁷. Экспедиционные материалы также показали, что основным пахотным орудием в русских селах служила соха. Вместе с тем в самом южном районе обследования — в Чугуевском — наряду с сохой русские крестьяне пахали землю и тяжелым деревянным двухколесным плугом, который принято называть «малороссийским». Что касается украинцев, то в северном Путивльском районе, так же как и по всему украинскому Полесью, землю обрабатывали сохой, в Б. Писаревском районе (бывший Богодуховский уезд) в селах, расположенных в непосредственной близости с русскими, пахали сохами, вместе с тем в других украинских селах, например в Старой Рябине, предпочитали пахать плугом, в Чугуевском районе чаще пахали малороссийским плугом, чем сохой.

Бытовали два вида сохи. В Путивльском районе была распространена двухлемешная соха-односторонка с неподвижной полицей или отвалом, укрепленным на одном из сошников. В Б. Писаревском районе бытовала двухлемешная соха-двухсторонка с перекладной полицей, наиболее широко распространенная в русских губерниях и называемая поэтому в литературе «великорусской»²⁸.

Для рыхления вспаханной почвы и заделывания семян употребляли деревянную плетеную, позднее рамочную борону квадратной формы. В русских и украинских селах Путивльского и частично Чугуевского районов бытовала также рамочная борона трапецевидной формы, широко распространенная на Украине.

Основной тягловой и рабочей силой в крестьянском хозяйстве конца XIX — начала XX в. служила лошадь. Вместе с тем и в украинских и в русских селах бывшей Харьковской губернии для перевозки грузов и пахоты часто использовали волов. Этот обычай, в общем более характерный для украинцев, чем для русских, на Харьковщине также чаще встречался в украинских, чем в русских селах.

Орудиями уборки зерновых в конце XIX — начале XX в. были серп и коса с грабками. Уборка хлеба косой с конца XIX в. широко распространяется в южных русских губерниях и в большинстве районов Украины.

Хлеб молотили цепами. В русских и украинских селах изучаемых районов, как и на всей территории Украины, било («бич») и ручка («цепильня») в цепи соединялись при помощи двух ременных петель («капиц») и «увязи», что было характерным для украинцев. Не встречались в обследованных районах способы крепления била и ручки, распространенные в русских губерниях. В Чугуевском районе Харьковской губернии в конце XIX в., так же как и в других степных районах Украины, стали появляться молотильные каменные рубчатые катки.

В традиционном жилище исследуемых русских и украинских сел при наличии некоторых локальных особенностей было много общих черт, формировавшихся в значительной степени под украинским влиянием.

²⁷ «Сборник статистическо-экономических и оценочных сведений по Богодуховскому уезду Харьковской губернии», Харьков, 1886, стр. 78.

²⁸ «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967, стр. 34.

Жилое помещение на всей изучаемой территории называлось «хатой», однако терминология большинства элементов жилища была и остается до настоящего времени различной. В украинских селах преобладает украинская терминология, а в русских — русская. В смешанных по национальному составу селах местные жители пользуются одновременно и русской и украинской терминологией (один и тот же человек может сказать: матица и сволок, земь и доливка, потолок и стеля, сундук и скрыня и т. д.).

Так же, как и в большинстве русских губерний, в Белоруссии и северной Украине в исследуемых районах строили срубные дома. Рубленые стены снаружи и изнутри промазывали глиной и белили мелом. Обмазка стен глиной и побелка являются характерной особенностью украинского жилища. В южнорусских районах белая меловая окраска сруба появилась сравнительно поздно и более всего была распространена в деревнях, расположенных в полосе этнической границы с украинцами²⁹. В Путивльском районе стены, обмазанные желтой глиной, вместо побелки нередко инкрустировались мелкими обломками кирпича с целью укрепления обмазки, придающими постройке своеобразную пятнистость. Подобная инкрустация глиняных стен часто отмечается исследователями также и в Черниговской области³⁰.

Во всех обследованных селах, так же как в ближайших к ним южнорусских и украинских районах, жилище имело земляной, плотно утрамбованный пол, покрытый слоем глины. Лишь однодворцы Путивльского района настилали деревянные полы.

В конце XIX в. на территории современной Сумской, а также Черниговской областей и в Белоруссии господствовало двухкамерное жилище, состоящее из хаты и сеней. По предположению С. А. Токарева, традиционные двухкамерные постройки Черниговской области представляют древний культурный слой, общий для белорусов и северных украинцев³¹. В более южном Чугуевском районе Харьковской области наряду с двухкамерным планом часто встречался трехкамерный план жилища (хата — сени — хата); широко распространенный в прошлом на территории многих русских и украинских губерний.

И в украинских и в русских селах восточных районов Украины бытовал так называемый украинско-белорусский внутренний план хаты. Как и на Украине (а также в Белоруссии, западных русских областях, на Кубани), русская печь ставилась налево или направо от входа в заднем углу хаты, причем устье ее было повернуто к боковой длинной стене дома, по диагонали от печи расположен передний угол, называемый у украинцев и у горюнов Путивльского района — «кутом», «покутью», а у большинства русских — «святым углом». За боковой стеной печи устраивался деревянный настил для спанья — «пол», «пил», «примост». Исследуемая нами территория, так же как и западные русские области, по всей вероятности, относится к зоне древнего бытования жилища с украинско-белорусской планировкой. И тем не менее распространение данного плана жилища в русских селах восточной Украины следует рассматривать как результат украинского культурного влияния, поскольку русские села на территории современных Б. Писаревского и Чугуевского районов возникли в период (конец XVII — начало XVIII в.), когда на родине русских переселенцев господствовали иные планы жи-

²⁹ «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР», стр. 189.

³⁰ С. А. Токарев, Североукраинская экспедиция 1945 г., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1947, II, стр. 29.

³¹ Там же, стр. 31.

лых помещений. Высказанное предположение отчасти подтверждается тем, что в некоторых русских селах Чугуевского района (Новая Гнилица, Граково, Ново-Покровское) наряду с украинским планом хаты в старых домах встречается план хаты, характерный в прошлом для северных и центральных русских губерний. По всей вероятности, этот план жилого помещения был занесен сюда выходцами из центральных русских губерний в период заселения ими Чугуевского района в XVII—XVIII вв. и впоследствии не был полностью вытеснен украинским планом, а сосуществовал вместе с ним.

Украинское влияние сказалось и в характере внутреннего убранства жилого помещения. В русских селах, так же как и в украинских, стены хаты богато украшали искусственными цветами и вышитыми полотенцами.

В обследованных районах Украины изучались также и другие элементы традиционной культуры: поселения, одежда, пища, форма семьи, обряды, устно-поэтическое творчество.

Как показали этнографические обследования, в традиционной культуре украинского и русского населения восточных районов Украины прослеживаются много общих черт, формирование которых было обусловлено общностью происхождения русских и украинцев, сходными историческими, социально-экономическими и природными условиями жизни в русских и украинских селах, непосредственным взаимодействием культур украинцев и русских в районах их смешанного расселения.

К однотипным формам культуры, одновременно характерным для русских и для украинцев, относятся сельскохозяйственные орудия обработки и рыхления почвы, уборки урожая, молоты и веяния, способы сева и сушки убранных хлеба, строительная техника жилища, форма и покрытие крыши, план двухкамерного и трехкамерного жилого дома, хозяйственные постройки, типы традиционной мужской и женской рубахи, кожаной обуви, верхней одежды и мужских головных уборов, многие элементы пищи и др.

Вместе с тем в отдельных сторонах жизни населения, как в украинских, так и в русских селах, в типе жилища (распространение невысоких рубленых хат, обмазанных глиной и побеленных снаружи, устройство галерей в Чугуевском районе, положение матицы, часто встречающаяся постановка дома за забором с ориентацией окон на солнце, традиционный украинско-белорусский внутренний план хаты, характер ее убранства, разбросанная улично-кучевая застройка сел и др.), в сельскохозяйственной технике (распространение двухколесного тяжелого плуга, бороны трапцевидной формы, устройство цепа), в пище (распространение таких кушаний как вареники, галушки, узвар и др.) особенно сильно проявилось влияние украинской традиционной культуры. Более стойкое сохранение в жилище и некоторых других элементах быта населения восточных районов Украины украинских этнографических особенностей объясняется историческими причинами, обусловившими численное преобладание украинцев над русскими.

Наряду с развитием культурно-бытовой общности у обследованных групп русского и украинского населения сохраняются некоторые специфические национальные особенности, которые наиболее ярко выявляются в говорах, в женской народной одежде, в устно-поэтическом творчестве.

Специфические культурно-бытовые признаки прослеживаются и внутри отмеченных выше отдельных локальных групп русского населения. Они сложились в результате заселения края переселенцами из раз-

ных районов России, а также под влиянием проживавших по соседству с ними разнородных этнических групп. Культурно-бытовую общность, развивавшуюся на древней славянской основе, составляло, по-видимому, население бассейна Сейма, Десны и Верхнего Днепра. В культуре русского населения Чугуевского района прослеживались особенности, свойственные как южным и средневеликорусам, так и украинцам центральных районов Украины.

За годы существования Советской власти, в ходе социалистических преобразований сложились новые прогрессивные особенности в материальном быте и духовной жизни населения. Подъем производительных сил колхозов, повышение жизненного уровня народа и уровня его материальных и духовных потребностей способствовали коренной перестройке культурно-бытового уклада.

В процессе социалистического строительства примитивные сельскохозяйственные орудия труда были заменены высокопроизводительной механизированной техникой. В селе распространились современные формы городской одежды. Гораздо калорийнее и разнообразнее стала пища сельского населения. Появились новые кушанья, новые, более разнообразные способы приготовления пищи, консервирование фруктов и овощей и т. д. В пищевом рационе сохраняются и старые черты, связанные с особенностями, характерными для населения южных районов страны, и этническими традициями. До сих пор любовью населения пользуются такие традиционные кушанья как борщ, вареники, галушки, кулеш, пампушки, блины, оладьи, узвар и др.

В современном жилищном строительстве вводится много изменений и усовершенствований, применяются более технически совершенные методы строительства и долговечные строительные материалы. Для архитектурного облика значительного большинства вновь строящихся домов характерна перпендикулярная постановка дома к улице, прямоугольный, часто приближающийся к квадрату план дома, разделенного на несколько комнат, бетонированный фундамент, деревянный пол, приподнятый над землей на высоту фундамента, четырехскатная железная или шиферная крыша, большие окна, застекленная веранда, побелка стен или яркая раскраска оштукатуренных наружных фасадов.

Вместе с тем в жилищном строительстве используются в той или иной степени и местные народные традиции. Во многих селах продолжают строить срубные дома, а также дома из мелких бревен, укрепленных в пазы более крупных несущих бревен — сох, стены и потолок этих домов, так же как и прежде, обмазывают с двух сторон глиной, белят или штукатурят. Кроме того, дома, построенные из дерева, нередко снаружи обкладывают кирпичом, а изнутри обмазывают глиной. В Харьковской области традиция обмазки глиной и побелки так сильна, что нередко используется и при строительстве домов из кирпича и шлакоцементных блоков (население это объясняет тем, что в кирпичных домах, обмазанных изнутри глиной, суше и теплее). В Сумской области во многих новых сельских домах сооружают традиционную русскую печь, дополняя ее плитой и голландкой — «грубой». В Харьковской области русскую печь ставят только в летней кухне, заменяя ее в жилых комнатах плитой с голландкой, а нередко и водяным отоплением. При всех больших изменениях, произошедших в устройстве и убранстве жилых помещений, во многих русских и украинских селах сохраняется старинный обычай украшения стен жилых комнат вышитыми полотенцами и искусственными цветами.

В настоящее время, так же как и в прошлом, процесс сближения различных групп восточнославянского населения развивается неравно-

мерно в отдельных областях культуры и быта. Сохраняющиеся традиционные особенности в пище и жилище в одинаковой мере прослеживаются и в русских, и в украинских селах. Наиболее же четко преобладание тех или иных национальных особенностей у русских или украинских поселенцев обследованных районов Украины продолжает проявляться в говорах, их лексике и топонимике, ономастике, в народно-поэтическом творчестве, в некоторых элементах традиционного свадебного обряда и почти незаметны в одежде, в семейном, общественном быту и других элементах культуры.

Распространение новых прогрессивных форм быта приводит к дальнейшему сближению и взаимообогащению национальных культур русского и украинского народов, а также оказывает определенное влияние и на изменение национального самосознания, способствует дальнейшему этническому смешению населения. Так, имевшие место в прошлом различия в русском и украинском традиционных женских костюмах, локальные особенности русских и украинских говоров были одной из причин, препятствовавших заключению русско-украинских смешанных браков. Вместе с нивелировкой культурно-бытовых особенностей отпадает и частично существовавшее в прошлом в этих районах противопоставление русских и украинских групп населения и особенностей их культуры.

Интенсивное развитие процессов этнического сближения рядом живущих и прежде всего родственных по языку и обычаям народностей и наций характерно для многих разнонациональных районов Советского Союза и обусловлено социально-экономическими условиями развития советского общества.

SUMMARY

An ethnographic study of Russians and Ukrainians in Eastern Ukraine (Sumi and Kharkov provinces) reveals processes of complex ethnic interaction between the two Eastern Slav peoples. In the region studied dense groups of Russian settlers are located among an Ukrainian majority. As a result of close economic and cultural contacts and of ethnic mixing the national consciousness of the population living in mixed Ukrainian-Russian villages becomes transformed; common linguistic and cultural traits are formed. At the same time certain specific national cultural traits are conserved. Specific local features of culture and mores can be traced among some groups of Russian settlers stemming from various regions.

В. И. Санаров

ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ В РЕЛИГИИ ЦЫГАН

Цыгане, согласно общепринятому мнению, являются выходцами из Индии¹. С V—VII вв. предки современных цыган стали продвигаться на Запад². В XV в. они уже распространились почти по всей Европе и в настоящее время живут в Северной и Южной Америке, Африке, Австралии, Европе и Азии. В Советском Союзе цыгане расселены в различных районах вплоть до Курильских и Алеутских островов.

В силу исторических условий цыгане вынуждены были вести бродячую жизнь и, переходя из страны в страну, каждый раз менять свое официальное вероисповедание, приспособливаясь к религии окружавшего их населения. Однако принадлежность цыган к официальному вероисповеданию, как уже отмечалось в этнографической литературе, «...является чисто формальной. Наряду с ней сохраняются мало нам известные пережитки старых магических, анимистических и иных верований и обрядов»³. Исследованию элементов древних религиозных представлений, в частности, шаманства у цыган, и посвящена данная статья.

Космологические представления. В легенде цыган Трансильвании так рассказывается о сотворении мира. Вначале повсюду была вода, над которой летал бог *Дэвэл* (*Devél*). Задумав сотворить мир, но не зная, как это сделать, он бросил с досады свой посох в воду. Из посоха выросло среди воды огромное, до небес, дерево. Под деревом сидел черт *Бэнг* (*Béng*). Дэвэл попросил черта нырнуть и принести со дна песок, из которого намеревался своим именем сотворить землю. Бэнг нырнул, захватил немного песка, но решил землю сделать сам и произнес свое имя. Однако песок обжег черта, и он выронил его. Бэнг нырял девять дней подряд, и каждый раз песок обжигал его, так что он весь почернел. Бог, увидев это, запретил черту произносить собственное имя, и тот, наконец, принес песок, из которого Дэвэл и сотворил землю⁴.

Вселенная представлялась цыганам Трансильвании состоящей из трех миров. В верхнем мире, на небе *Болэпэн* (цыг. *Bolepén*), живут небесные божества: солнце *Кхам* (*Kham*), месяц *Чон* (*Con*), дождь *Бришнд* (*Brišind*) и т. д. Ниже располагался средний мир *Дис* (*Dis*)⁵ населенный людьми и различными духами; здесь же находится и земля

¹ В последнее время в зарубежной литературе высказываются мнения о миграциях цыганских групп задолго до нашей эры и о связях их с древними культурами Передней Азии. См.: J.-C. de Luna, *Gitanos de la Bética*, Madrid, 1951; F. de Ville, *Tziganes*, Bruxelles, 1956; Z. Mayani, *Les Hyksos et le monde de la Bible*, Paris, 1956.

² Е. Horvatnova, *Cigáni pred prýchodom do Európy*, «Slovensky národopis», t. IX, Bratislava, 1961, № 1, S. 3—24; е е же, *Cigáni na Slovensku*, Bratislava, 1964, S. 11—31.

³ С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 215.

⁴ H. Wlislöcki, *Märchen und Sagen der transsilvanischen Zigeuner*, Berlin, 1886, S. 1—2.

⁵ H. Wlislöcki, *Aus dem inneren Leben der Zigeuner*, Berlin, 1892, S. 60.

Пхув (*Phuv*). Под землей размещен нижний мир с живущими в нем подземными духами. Так же представляют себе Вселенную и русские цыгане⁶.

Из божеств — жителей верхнего мира — наиболее почитаемыми были солнце и месяц. Культ месяца у некоторых групп цыган связан с представлением о живущем на нем сыне неба *Дýндре* (*Dúndra*) — по сообщениям Э. Л. Сундта⁷, или *Джáндре* (*Džándra*) — по сведениям М. И. Кунавина⁸. Атрибутами его являются меч и лук со стрелами. Он ведет извечную борьбу с мифическим змеем.

Культ мирового дерева. У цыган Венгрии и Румынии было особенно развито представление о едином мировом дереве — источнике жизни. С этим деревом связывалось и происхождение людей. Согласно легенде цыган Трансильвании, как уже говорилось, среди первобытных вод выросло из посоха Дэвэла огромное дерево. Из его листвы и выпрыгнули на землю первые люди⁹. Первый род, который пошел от этих людей, назывался *Рукуй* (*Rukuj*, от цыг. *ruk(h)* «дерево»)¹⁰. Вероятно, с образом мирового дерева следует связать представление цыган о так называемом «*Всесемянном дереве*» (*Saresumbrésko kašt*). Оно растет на земле, а вершина его достигает неба. На этом дереве сосредоточены все растения, семена и плоды, какие только имеются на земле¹¹. Среди его ветвей обитают небесные птицы: красные, черные, белые. К ним обращались за помощью — просили хлеба¹². Это мировое дерево находится в какой-то зависимости от двух священных деревьев, что обнаруживается при привлечении материалов о проведении праздника «Свадьбы деревьев» (*Bjav kašténgro*). Кочевые цыгане Трансильвании собирались ночью на ближайшем холме — «Счастливой горе короля Солнца», в землю вбивали иву и рядом — ель, а затем соединяли (обматывали) оба дерева красной ниткой. Это и называлось «женитьбой деревьев»¹³. И только в эту ночь, после брака двух деревьев, появлялось будто бы вблизи них «Всесемянное дерево». Представляется вполне вероятным связать эти ель и иву со священными деревьями короля Тумана (жителя земли) и короля Солнца (жителя неба). В сказках цыган дерево короля Тумана растет в его царстве на земле, с ветвей его постоянно падают на землю крупные дождевые капли (ива?). Дерево короля Солнца растет в его небесном царстве, листва у него — маленькие звездочки, а цветы — солнце и месяц (ель?). Оно считается деревом жизни: дает людям здоровье и способно оживлять умерших¹⁴.

Понятие о мировом дереве, засвидетельствованное у цыган Трансильвании, возникло, вероятно, в результате дальнейшего обобщения представлений о едином дереве верхнего мира и дереве нижнего (земного) мира. С этого «Всесемянного дерева» также падают на землю

⁶ Информатор — русская цыганка С. Е. Софронова, 23 лет, Новгородская область, г. Валдай, 1959 г. (Русскими цыганами — *Rússka romá* — называют цыган, живущих в европейской части РСФСР и говорящих на севернорусском диалекте цыганского языка).

⁷ «Дундра (К истории цыганского племени)», «Новости», СПб., 1875, № 192, 16 июля, стр. 1—2.

⁸ А. В. Елисеев, О материалах для изучения цыган, собранных М. И. Кунавиным, «Известия Русского географического общества», т. XVII, СПб., 1881, вып. 5, стр. 264.

⁹ H. Wlislöcki, Märchen und Sagen der transsilvanischen Zigeuner, S. 1—2.

¹⁰ H. Wlislöcki, Vom wandernden Zigeunervolke. Bilder aus dem Leben der siebenbürger Zigeuner, Hamburg, 1890, S. 257.

¹¹ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, Münster, 1891, S. 139.

¹² H. Wlislöcki, Vom wandernden Zigeunervolke, S. 148.

¹³ Там же, S. 147.

¹⁴ H. Wlislöcki, Märchen und Sagen der transsilvanischen Zigeuner, S. 12—13.

какие-то капли. Г. Влислоцкий рассказывает, как один цыган на празднике «Свадьбы деревьев» будто бы воскликнул при появлении «Всесемянного дерева»: «Что там капает с дерева, — мед, вино или дождь?»¹⁵.

Мировое дерево растет на «Счастливой горе короля Солнца» и охватывает все три мира: корни его берут начало глубоко под землей в нижнем мире, ствол проходит через средний мир, где живут люди и земные духи, а вершина находится в верхнем мире.

Духи природы. В горных ущельях, среди лесов живут *урмы* и *кешали*¹⁶. Летом их можно видеть на вершинах гор и скал в образе трех сестер. Кешали расчесывают свои длинные волосы, которые, развеиваясь, как туман спускаются в долины и ущелья¹⁷. И урмы и кешали являются, по мнению цыган, божествами судьбы и плодородия, покровительницами рожениц и новорожденных. И те и другие в цыганских сказках Трансильвании выступают как дочери короля Тумана, сидящие под его священным деревом¹⁸. На это сходство обратил внимание Г. Влислоцкий, по мнению которого представление о кешали более раннее, а образ урм возник уже под влиянием верований некоторых европейских народов¹⁹.

Подземный мир, по поверьям цыган, населен *пхувушами*²⁰, маленькими человекоподобными существами. Они безобразны на вид, тело их покрыто шерстью серого цвета. Живут пхувуши в лесу под землей, там у них имеются целые города, села, таборы, как на земле у людей. Часто они похищают земных девушек. Один из смертельных врагов пхувушей — молния. Когда она бьет в землю, пхувуши в подземном царстве умирают²¹.

Духами воды являются *ниваши*²² — толстые существа с красной бородой, зелеными глазами и лошадиными копытами. Цыгане считали, что, проходя мимо воды, нужно обязательно приносить им жертву, бросая в воду яблоки и яйца, иначе ниваш мог утащить человека в воду²³.

¹⁵ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 140.

¹⁶ Этимология слова *urma* неизвестна. *Kešali* Г. Влислоцкий производит от цыг. *keš* — «шелк», *kešali* — «шелковая». Вернее будет связать цыг. *kešali* с древнеинд. *kéśah* — «волосы (на голове)», <индоевр. **kaiṣ-* (*koiṣ) — «чесать, скрести». Таким образом, значение *kešali* будет «гривастая, имеющая длинные волосы» (ср. древнеинд. *keśin-* «имеющий, -ая длинные волосы»). Для кешали как раз и характерно наличие длинных волос, которые они постоянно расчесывают.

¹⁷ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 9—15; его же, Vom wandernden Zigeunervolk, S. 88.

¹⁸ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 12; его же, Märchen und Sagen der transsilvanischen Zigeuner, S. 11—12.

¹⁹ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 15.

²⁰ *Phuvuš* — «земляной человек», от цыг. *phuv* «земля» и *muš* <*muř* «мужчина, существо мужского пола».

²¹ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 29; его же, Aus dem inneren Leben der Zigeuner, S. 166.

²² Этимология неизвестна. Представляется возможным, на наш взгляд, цыг. *niváš* связать с древнеинд. *nirāḥ* «глубоко лежащий» (от индоевр. **nei-*: *ni «внизу» и индоевр. ар. «вода», см. J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern—München, 1959, Bd. I, стр. 51). Таким образом, *niváš* из незасвидетельствованного *vivó «нижний, находящийся глубоко в воде» (из древнеинд. *nirāḥ* с закономерным переходом древнеинд. -*p-* > цыг. -*v-* между гласными и конечного древнеинд. -*aḥ* > цыг. -*o*) и *muš* < *muř* — «мужчина», с исчезновением, как в *phuvuš*, *m* после *v*. Переход *nivuš* > *niváš* обусловлен, вероятно, влиянием румынского суффикса -*aș*; ср. название великана у венгерских цыган — *džuklanuš* и у английских *džuklanaș* (см. C. F. Payne, Some Romani superstitions, «Journal of the Gypsy Lore Society», 3 ser. vol. XXXVI, № 3—4, Edinburgh, 1957, pp. 110—115).

²³ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 31—32.

Духи природы, по верованиям цыган, не приносят зла, они, в сущности, нейтральны. Однако, если их затронуть (оскорбить), они могут жестоко отомстить. Поэтому, находясь в местности, подвластной одному из духов природы, цыгане обычно приносили ему умиловительные жертвы. Изготавливались особые изображения духов: считалось, что духи хорошо относятся к тем, у кого имеются такие изображения. Если, например, работа цыгана была связана с водой, то он изготавливал изображение ниваша (рис. 1) и кидал его в воду вместе с яблоками и яйцами.

Рис. 1. Деревянная (из липы) фигурка духа воды Ниваша (из книги Н. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner)

Рис. 2. Деревянная (из липы) фигурка земляного человека Пхувуша; сверху в шляпку вбито семь маленьких гвоздиков (Н. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner)

Цыган, идущий в лес за дровами или работающий дровосеком, должен был изготовить изображение пхувуша (рис. 2), которое следовало оставить в лесу в кустах²⁴.

Воспоминания о духах природы, описанных Г. Влислоцким, и в настоящее время еще хранятся среди цыган Англии. Ч. Ф. Пейн, собиравший материалы среди цыган Ловеллов и Херонов, отмечает, что им известны водяные духи *нивашии* (*nivashi*), земляной человечек *пуруш* (*pirush*), *уреми* (*uremi*), которые приносят ясновидцам известия «как от живых издавека, так и через залив, отделяющий живых от мертвых», и дочери Тумана *кешалго* (*kešalgo*)²⁵.

Духи болезней. В религиозных представлениях цыган большое место занимают всевозможные духи болезней, обозначаемые общим названием *мизехэ* (*mizexé*, множ. число от цыг. *mizéx* — «зло»). По преданиям цыган Трансильвании, королева кешали *Ана* произвела на свет девять демонов болезней, которые вступая в брак друг с другом, породили других многочисленных духов болезней. Главные из них: *Мелалó* (от цыг. *melaló* — «грязный») — маленькая серая двухголовая птичка,

²⁴ Н. Wlislöcki, Amulette und Zaubersapparate der ungarischen Zeltzigeuner. «Globus», Bd. LIX, Braunschweig, 1891, № 17, S. 260.

²⁵ С. Ф. Пауне, Указ. раб.

насылающая на людей безумие; *Лили* (от цыг. *lili* «слизистая») — маленькая рыбка с человеческой головой и длинными волосами, которая вызывает у людей различные простудные заболевания, понос и дизентерию; *Шилали* (от цыг. *šilali* «холодная») — белая мышка-многоножка, возбуждающая у людей лихорадку; *Порéско* (от цыг. *poréskoro* «хвостатый») — существо, имеющее четыре кошачьих и четыре собачьих головы, туловище птицы и змеиный хвост, которое вызывает у людей самые страшные болезни — чуму и холеру²⁶.

Представление о душах. Анализ различных цыганских обычаев, обрядов и сказаний, а также отрывочные сведения, имеющиеся в литературе, свидетельствуют о том, что у цыган в прошлом было развито представление о наличии у человека нескольких душ.

1. Душа *ди* (*di*, также *diló*, *jiló* «душа, дух, сердце») находится в теле человека и неразрывно с ним связана. Лишь со смертью человека она выходит из тела и живет около него (на кладбище) до тех пор, пока тело не разложится совсем, после чего душа ди отправляется в «Страну мертвых» (*Them muléngro*). Судьба душ людей, умерших естественной смертью, различна. Так, души утопленников живут в горшках у хозяина воды ниваша, пока тело не разложится; души убитых — в телах диких зверей, пока убийца не будет наказан; души умерших в домах (не в палатках) бродят по земле до разрушения дома²⁷.

2. Душа, носящая у некоторых групп цыган Балканского полуострова название *битаххэнго* (цыг. *butjakhéngo* «многоглазый», также живет в теле человека, но может покидать его при жизни, например во время сна²⁸ или в случае болезни, когда в тело забрался какой-либо дух²⁹. В Англии цыгане говорят: «Когда вы спите, ваш дух бродит...»³⁰. Со смертью человека душа навсегда покидает тело и превращается в птицу. У цыган Франции существовал обычай: ко рту умирающего подносили птицу, чтобы в нее вселилась уходящая душа, и затем выпускали ее на волю³¹. Такой птицей, в которую вселяется или в которую превращается душа, могла быть например кукушка. Ее цыгане Англии и теперь называют душой умершего цыгана³². На языке цыган Боснии кукушка — *mulikani čirikli*³³, т. е. птица умершего. В Польше цыгане так называют сову³⁴. З. А. Вольф приводит это название также для трясогузки³⁵. По покровлению некоторого времени душа возрождается на земле в новом поколении — в одном из родственников умершего. Мориц Розенфельд, сообщая И. Г. Швикеру о цыганах Трансильвании, пишет, что «душа того или иного цыгана «вдувается» в птицу», а после смерти этой птицы «снова возвращается в тело цыгана»³⁶. О возрождении души

²⁶ H. Wlislöcki, Aus dem inneren Leben der Zigeuner, S. 1—28.

²⁷ H. Wlislöcki, Vom wandernden Zigeunervolke, S. 297—299.

²⁸ H. Wlislöcki, Die Haarschur bei den mohammedanischen Zigeunern der Balkanländer. «Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn». Bd. IV, Budapest, 1895, Hf. 1, S. 54.

²⁹ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 44, 46.

³⁰ J. Stewart-Liberty, Talk round a gypsy camp fire, «Journal of the Gypsy Lore Society», 3 ser. vol. XXXII, № 3—4, Edinburgh, 1953, p. 149.

³¹ L. A. Smith, Through Romany songland, L., 1889, p. 185, цит. по статье: E. O. Winstedt, Forms and ceremonies, «Journal of the Gypsy Lore Society», n. s., vol II, № 4, Edinburgh, 1909, p. 361.

³² J. Stewart-Liberty, Указ. паб., стр. 147.

³³ R. Uhlik, Bosnian Romani: Vocabulary, «Journal of the Gypsy Lore Society», 3 ser., vol. XXI, Edinburgh, 1942, p. 114.

³⁴ J. Ficowski, Cyganie na polskich drogach, Kraków, 1965, s. 195.

³⁵ S. A. Wolf, Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache, Mannheim, [1960], S. 156, № 2052.

³⁶ J. H. Schwicker, Die Zigeuner in Ungarn und Siebenbürgen, Wien und Teschen, 1883, S. 149.

после смерти в другом человеке гозорит и Г. Влислоцкий³⁷, а также миссионер Дж. Борроу, который в своем письме из Мадрида 19 июля 1836 г. писал, что цыгане знакомы с «Пифагоровым переселением душ»³⁸.

3. Душа-птица. Это одна из душ, которая отделяется от тела незадолго до смерти человека (обычно за год) и существует в виде птицы. Таким образом, появление этой птицы служит вестником смерти³⁹, а гибель ее влечет за собой смерть этого человека. Цыгане считали, что если за кибиткой летела малиновка, то это к смерти, если же убить малиновку, то сразу умрет один из цыган⁴⁰. Предвестником смерти считалось также появление водяной курочки⁴¹.

4. *Муло* (*muló*) — могильная душа, душа умершего. Она белого цвета, в теле ее нет костей. Живут эти души в горах (в пещерах) или на кладбищах, ведут образ жизни людей, варят пищу, даже справляют свадьбы. Они иногда похищают земных девушек, удаляют из их тела все кости и женятся на них. Муло представляется цыганам ночью в виде тени от месяца; в лунные ночи якобы можно видеть, как по полю мчится какая-то тень — это катится муло. По ночам он забирается на грудь спящему человеку. Тогда становится тяжело дышать, словно что-то давит, но только человек просыпается, как муло свертывается в клубок и как тень исчезает. Живут муло лет 30, после чего направляются в «Страну мертвых»⁴². Видеть их могут не все, обычно они являлись к своим врагам, часто в виде белого человека⁴³.

Служители культа. Човали. Еще при первых, зафиксированных в летописях появлениях таборов цыган в Европе было отмечено наличие среди них особой группы людей, занимавшихся гаданием. Есть сообщения некоторых письменных источников о том, что жители Парижа в августе 1427 г. толпами ходили к цыганам узнать свое будущее⁴⁴. Особое положение у цыган занимали старейшие женщины, обычно жены или матери вождей. Еще в XV в. анонимный летописец г. Болоньи отметил, что среди цыган, прибывших в Болонью в 1422 г., слыла очень искусной гадалкой жена предводителя цыган⁴⁵. «Авторитет матери так велик, что даже мужчины ловят ее взгляд и прислушиваются к ее речам, — пишет Р. Либих. — Ее слово, разумное либо неразумное, воспринимается как голос мудрости»⁴⁶. По материалам XIX в. можно видеть, что некоторые из цыганок-«колдуний» занимают особое положение: они вырабатывают свои приемы гадания, лечения, пользуются специальными принадлежностями. Г. Влислоцкий считал их даже особой кастой⁴⁷. Такая цыганка называлась *човал* (*čovall*) или, у некоторых цы-

³⁷ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 43.

³⁸ «Цыганы в России и в Испании», «Библиотека для чтения», т. XX, ч. 2, СПб., 1837, отд. VII, стр. 120—125.

³⁹ S. J. Coleman, Gypsy rites, customs and legendary lore, Douglas, 1957, p. [1].
⁴⁰ T. W. Thompson, Signs and omens, «Journal of the Gypsy Lore Society», n. s., vol. III, № 3, Edinburgh, 1910, p. 236.

⁴¹ W. Ferguson, The death bird, «Journal of the Gypsy Lore Society», n. s., vol. IV, № 2, Edinburgh, 1910, p. 160.

⁴² H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 35—39.

⁴³ Knobloch, Gypsy tales concerning the «Mulo», «Journal of the Gypsy Lore Society», 3 ser, vol. XXXIII, № 3—4, Edinburgh, 1953, p. 128.

⁴⁴ «Journal d'un bourgeois de Paris», в кн.: I. A. Buchon. Collection des chroniques nationales Françaises, vol. 40, Paris, 1827, p. 366—367.

⁴⁵ L. A. Muratorius, Rerum Italicarum scriptores, vol. XVIII, Mediolani, 1731, p. 611—612.

⁴⁶ R. Liebich, Die Zigeuner in ihrem Wesen und in ihrer Sprache, Leipzig, 1863, S. 45.

⁴⁷ H. Wlislöcki, Amulette und Zaubерapparate der ungarischen Zeltzigeuner, S. 257.

ган, *човахані* (*čovaxani*)⁴⁸. Своим ремеслом човали занимались как профессионалки; профессия эта была доходной, и отдельные цыганки сосредоточивали в своих руках большие средства. По сообщению А. Германна, они даже занимались ростовщичеством⁴⁹. Човали пользовались авторитетом и почетом. Во время еды им предоставлялись лучшие блюда. К их мнению прислушивались больше, чем к словам вождя, и они имели решающий голос во всех внешних и внутренних делах табора⁵⁰.

То, что в роли служителей культа выступала женщина, соответствовало общественному строю цыган. В XIX и начале XX в. у цыган еще сохранялись пережитки матриархата.⁵¹ Однако вопрос о матриархате в жизни кочевых цыган требует специального исследования, ибо даже у цыган одной страны наряду с безраздельным господством мужчины в семье у одних групп цыган встречались явные пережитки матриархата и, в частности, господство матриликального брака — у других групп. Цыган, выбрав себе супругу, переходил в род своей жены и принимал его имя. В домашней жизни он подчинялся жене и теще («Ром дрэ пэскиро джибэн банго тэ кандэл сася и ромня» — муж в своей жизни должен слушаться тещу и жену)⁵¹. Дети принадлежали матери, а не отцу, и женщина была владелицей хозяйства (палатки и т. п.)⁵².

Дар предсказательниц човали получали иногда по наследству: от матери, сестры⁵³. Но большей частью, по поверьям, цыганки помимо своего желания становились човали при помощи духов воды нивашей. Г. Влислоцкий сообщает, что он был свидетелем получения дара човали от ниваша молодой семнадцатилетней цыганкой Иляной Дарей. Однажды ночью табор цыган был разбужен душераздирающими криками молодой цыганки. Когда все сбегались к ее шатру, она, треща всем телом, упала на землю и забилась в конвульсиях. Утром Влислоцкому объяснили что Иляна стала човали, получив дар от ниваша⁵⁴. То, что в данном случае цыганка, как пишет автор, действовала сознательно, рассчитывая на суеверность табора, не имеет значения, ибо она действовала так, как, по представлениям цыган, должно было происходить становление човали.

Човали получает свою силу от мирового дерева. Происходит это следующим образом. С вершины мирового дерева слетает молния и бьет в воду — область нивашей. С помощью последних эта молния входит в

⁴⁸ Этимология, даваемая З. А. Вольфом вслед за Ф. Миклошичем как заимствование из арм. *čivač*, *dživač* «колдунья» (S. A. Wolf, Указ. раб., стр. 241, № 3521), представляется нам маловероятной. Анализ даже тех однокоренных слов, которые приведены у Вольфа, позволяет выделить основу *čov-*: *čovkiráva* «колдую» (букв. «делаю *čov*»), *čovaxáva* «колдую» (букв. «ем *čov*») и т. д. *Cevali* — прилагательное, образованное с помощью суффикса *-ali* от основы *čov-*. Эта основа могла бы восходить к древнеинд. *somah* — «сома, ритуальный хмельной напиток» или *homah* «возлияние вина, ритуального напитка в жертву», с закономерным переходом древнеинд. *-m-* > цыг. *-v-* между гласными, переходом древнеинд. *-ah* > цыг. *-o* и последующей его утратой, но с плохо понятным переходом начального древнеинд. *s-* или *h-* > цыг. *č-*. Таким образом, цыг. *čovaxáva* букв. означает «кушаю ритуальный напиток» > «колдую» (как *šovaxáva* «клянусь» < *sovél xáva* «ем клятву»), а цыг. *čovaxani* должно означать букв. «вкушающая ритуальный напиток».

⁴⁹ A. Hermann, Kerbholzer der Wanderzigeuner, «Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn», Bd. III, Budapest, 1893, Hf. 5—6, S. 160.

⁵⁰ H. Wlislöcki, Zur Volkskunde der transsilvanischen Zigeuner, Hamburg, 1887, S. 21.

⁵¹ И. Балог, И. Генъдеш, Венгерска рома. Пирильдгия М. Т. Безлюдско, М., 1931, стр. 18—19.

⁵² Die Ergebnisse der am 31. Januar 1893 in Ungarn vorgenommenen Zigeunercon-scription, «Mitteilungen der k. k. geographischen Gesellschaft in Wien», Bd. 39, Wien, 1896, Hf. 6—7, S. 480.

⁵³ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 53.

⁵⁴ Там же, стр. 56.

тело цыганки в виде змей и приносит с ветвей мирового дерева силу знания трав. Эта змея, являясь помощником човали, и дает ей сверхъестественные знания. Поэтому цыгане говорят, что в теле човали сидит змея⁵⁵.

Основное в деятельности човали — лечение болезней. Так как последние, по представлениям цыган, происходят оттого, что в тело забрался какой-либо дух болезни, или же оттого, что духи болезни похитили одну из душ человека, то в обязанность човали входит определить духа болезни и вернуть больному похищенную душу.

Насколько можно судить по многочисленным заговорам, употреблявшимся при лечении больного, човали, кроме змей, имела много других духов-помощников, принимавших вид различных животных — собак, змей, кур, сорок и т. п. Кроме того, човали призывала на помощь непосредственно и духов природы⁵⁶. Иногда при лечении больного човали изготовляла из березы изображение Аны (рис. 3). Это изображение закапывалось в землю в палатке больного, и човали старались убедить духа болезни перейти из тела больного в изображение Аны⁵⁷.

Если човали не удавалось сразу изгнать духа болезни, то она приступала к гаданию по лопатке животного, чтобы узнать, можно ли вообще вылечить больного. В этом случае човали заставляла родственников больного заколоть ночью барана, козла или свинью и очистить от мяса левую лопатку животного. Пока они занимались этим, човали пыталась задобрить духов болезни и уговорить их вернуть жизнь — душу больного. В палатке при тусклом свете она «неистовствует вокруг... больного, в диком топоте и диких прыжках призывая духов болезни заунывной песней»: «...Духи болезни, выйдите! Скажите вы мне, куда же, куда угнали вы сладкую душу этого человека? Дам я вам кишок, заколаю кости, много дам вам шерсти! Принесите вы мне душу. Как разорвется кость в огне, чтобы была здесь душа. Бойтесь, бойтесь, бойтесь же, если душу не вернете!»⁵⁸. Принесенную лопатку човали зарывала в жар и вынимала лишь тогда, когда вся поверхность ее становилась черной. По форме лопатки и по трещинам на ней цыганка предсказывала судьбу больного.

Для човали характерен особый образ действий: при гадании или лечении она приходит в состояние экстаза и даже искусственно вызывает у себя нервный припадок. По сообщению А. В. Германа, собравшиеся цыгане со страхом и благоговением слушают прорицания цыганки, пришедшей в экстаз от выкуренного табака или выпитой водки⁵⁹. Об искусственно вызываемом состоянии экстаза говорят и те «дикие прыжки и топот», о которых сообщает Г. Влислоцкий. О човали у владиславских

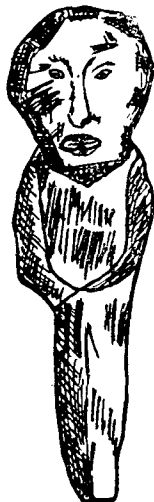

Рис. 3. Деревянная (из березы) фигурка «королевы» кешали Аны (из книги Н. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner)

⁵⁵ Н. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 53.

⁵⁶ Н. Wlislöcki, Vom wandernden Zigeunervolke, S. 275; его же, Aus dem inneren Leben der Zigeuner, S. 6, 13—14; его же, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 8, 10, 41; V. Areco, Das Liebesleben der Zigeuner, Leipzig, 1910, S. 106—108.

⁵⁷ Н. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 107—108.

⁵⁸ Н. Wlislöcki, Amulette und Zaubersapparate der ungarischen Zeltzigeuner, S. 257—258.

⁵⁹ А. Герман. Цыгане, «Безбожник», М., 1928, № 1, стр. 13

цыган в Сербии имеется подробное, с многочисленными иллюстрациями описание П. Томич, сотрудницы Этнографического музея г. Белграда⁶⁰. Она сообщает, что човали («виларке») при лечении больного устраивают целые представления с музыкой и танцами, во время которых падают в припадке.

Човали располагали различными принадлежностями для своей деятельности. Они изготовляли всевозможные амулеты, изображения духов, имевших фантастический или человекообразный вид (*manúš miléngro* «человек мертвых» или *kaštenó devél* «деревянный бог»). Г. Влислоцкий и Г. Гросс отмечали также, что у цыган есть своеобразный бубен — *čovaxaněskro buhló* «бубен човали»⁶¹. Этот бубен представлял собой широкий деревянный обод, обтянутый с одной стороны кожей. Дерево для него (не ясно, какое) срубалось в праздник «Белого воскресенья» (*Parnó kurkó* — праздник в честь мертвых, который приурочивается ко дню Троицы), кожа снималась непременно с краденого животного. На кожу наносилось несколько штрихов — от 9 до 21. Этим бубном с колотушкой (молоточком) човали пользовались при гадании о любви, о начале какого-либо предприятия, об успехе начатого дела, для отыскания воров, для гадания о судьбе, жизни и смерти человека:

Таким образом, функции човали сводились к лечению болезней (изгнанию злых духов из тела человека)⁶², к гаданию о похищенном имуществе и т. п., а также к руководству общественными культовыми обрядами⁶³. Она служила посредником между людьми и миром духов, сноситься с которыми и видеть их могла одна она⁶⁴.

Исследователи уже обращали внимание на то, что система цыганских религиозных воззрений представляет собою шаманство. А. Биган, директор Этнографического музея г. Гамбурга, в своем докладе «Цыгане», сделанном в 1911 г. перед Антропологической группой Гамбургского общества естествознания, даже утверждал, что шаманство было первоначальной основой цыганской религии⁶⁵. Не анализируя цыганских религиозных представлений, Г. Влислоцкий также отметил, что «цыгане еще и поныне являются народом, исповедующим шаманизм»⁶⁶. Ч. Г. Леланд, опубликовавший на 272 страницах своей книги наиболее полное собрание цыганских религиозных обычаев, поверий, заговоров и магии, писал в 1891 г.: «...Вся цыганская магия и колдовство, здесь описанные, представляют чистейший шаманизм...»⁶⁷.

Наличие особых лиц — посредников между духами и людьми, особый ритуал действий (в том числе искусственно вызываемый нервный припадок), предполагающий веру в существование добрых и злых духов, позволяют с достаточной уверенностью сказать, что шаманство,

⁶⁰ П. Томич, «Виларке» и «вилари» код влашких Цигана у Темнићу и Белици, Београд, 1950.

⁶¹ H. Wlislöcki, Festgebräuche der transsilvanischen Zeltzigeuner, «Globus», Bd. LIV, Braunschweig, 1888, № 23, S. 360—361; Г. Гросс, Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции, Смоленск, 1896, вып. 2, стр. 458.

⁶² Несомненно човали в лечебной магии пользовались и средствами народной медицины. О народной медицине у цыган Румынии см. Petulengro, Gipsy, Romaný remedies and recipes, 7-th ed., London, 1938.

⁶³ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 66.

⁶⁴ H. Wlislöcki, Aus dem inneren Leben der Zigeuner, S. 2.

⁶⁵ A. Byhan, Die Zigeuner, «Verhandlungen der Naturwissenschaftlichen Vereins im Hamburg», 3 Folge, Bd. XIX, Hamburg, 1912, S. LXII—LXIV; см. также: «Hamburger Nachrichten», Hamburg, 1911, Nr. 77, 15 Februar, 2 Beilage: на русском языке см. статью: «Новое исследование о цыганах», «Светоч» (Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник»), СПб., 1911, кн. II, стр. 1085.

⁶⁶ H. Wlislöcki, Vom wandernden Zigeunervolke, S. 253.

⁶⁷ C. G. Leland, Gypsy sorcery and fortune-telling, New York, 1964, p. 8.

связанное с анимистическими представлениями, с культом природы, было развито по крайней мере у некоторых групп цыган.

Для анализа религиозных представлений цыган необходимо привлечь широкий сравнительный материал по верованиям многих народов мира, что невозможно сделать в небольшой статье. Укажем, однако, на сходство некоторых элементов в верованиях цыган и ряда народов Сибири. Например, сходными чертами наделены «земляной человек» *пхувуш* у цыган и селькупский дух *лоз*, живущий в земле:

Пхувуши

1. Это маленькие человекоподобные существа, безобразные на вид.
2. Все их тело покрыто густой шерстью серого цвета.
3. Живут под землей в лесу.
4. Крадут земных девушек и женятся на них.
5. С их помощью цыганки становятся «колдуньями».
6. Цыгане изготавливают деревянные изображения пхувушей, которые при необходимости ставят в кусты.
7. Смертельно боятся молнии, которая их губит.

Лозы⁶⁸

1. Имеют вид маленького звероподобного человека.
2. С виду лохматые, покрыты серой шерстью.
3. «Живут повсюду в лесу в земле».
4. Сожительствуют с земными девушками.
5. Выступают как помощники человека, обладающего таинственной силой.
6. У селькупов имеются их изображения — деревянные куклы. Эти куклы часто ставятся в березняке.
7. Боятся грома, от которого погибают.

Второй показательный пример — сравнение в наиболее характерных чертах злой могильной души — цыганского *муло* и селькупского *лотара*:

Муло

1. Имеет вид белого человека.
2. Представляется в виде тени в лунные ночи.
3. Может свертываться в клубок и катиться по земле.
4. Сожительствует с земными девушками.
5. Крадет земных девушек и вынимает из их тела все кости.
6. По ночам сидит на груди у спящего и «давит» грудь.

Лотар⁶⁹

1. «Это совершенно белый человек».
2. Появляется в лунные ночи, как тень человека.
3. Иногда свертывается и клубком катится по земле.
4. По ночам иногда ходит спать с земными девушками.
5. Похищает живых людей и удаляет из их тела все кости.
6. По ночам ложится на грудь человека и сдавливает дыхание.

Черты сходства прослеживаются не только на селькупском материале, но и значительно шире — в Горной Шории. Так, представления шорцев о горных девушках *тагстарях* во многом сходятся с представлениями цыган Трансильвании о *кешали*:

Кешали⁷⁰

1. Это молодые девушки с длинными туманными волосами.
2. Имеют одежды туманного цвета.
3. Живут во дворце короля Тумана, расположенном высоко в горах.
4. Часто бывают видны по три.
5. Завлекают к себе мужчин.
6. Человек, которого они завлекут, забывает все на свете.

Тагстары⁷¹

1. Имеют вид молодых девушек с длинными косами.
2. Призрачны на вид.
3. Живут в каменном доме хозяина горы, расположенном высоко в горах.
4. Ходят по три.
5. Стремятся завлечь мужчин.
6. Человек, попавший к ним, все забывает и никого не узнает.

⁶⁸ Сведения о лозах взяты из материалов этнографических экспедиций Томского государственного университета (далее МЭЭ ТГУ), 1959, тетр. 9, л. 19; 1960, тетр. 3, л. 14; тетр. 6, л. 76; тетр. 7, лл. 2—3, 11—12.

⁶⁹ Сведения о них см.: МЭЭ ТГУ, 1959, тетр. 8, лл. 18—19; 1960, тетр. 6, лл. 73—74; 1961, тетр. 1, л. 18.

⁷⁰ См. также: Н. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 12—16.

⁷¹ О них см.: МЭЭ ТГУ, 1962, тетр. 10, лл. 5, 10—13; тетр. 11, л. 7.

О близости религиозных представлений цыган и некоторых народов Сибири свидетельствуют и многие другие примеры:

1. Представление цыган о «Всесемянном дереве» находит некоторые соответствия с представлениями селькупов о шаманском дереве. С этим шаманским деревом связан также мотив солнца и месяца на мировом дереве: на его многочисленных изображениях слева помещается солнце, справа — луна⁷². Это мировое дерево играет важную роль в представлениях шаманов. С ним связано и получение ими своего дара (как получает свою силу и цыганская човали). Лишь под ветвями этого дерева, охватывающего все три мира, совершалось, по представлениям некоторых сибирских народов, становление шамана, его рождение⁷³. Мысль о рождении первого человека под мировым деревом, возможно, сохранилась в следующем обряде цыган: незадолго до начала крестин кто-либо из родственников матери брал у нее дитя и прятал в кустах, а мать должна была его найти⁷⁴. У цыган легенда рассказывает о возникновении мирового дерева из посоха Дэвэла, у селькупов шаманский посох является деревом жизни шамана⁷⁵.

2. Легенда цыган Трансильвании о сотворении мира напоминает легенды многих сибирских народов. Широкое их распространение не позволяет считать мотив о сотворении земли средь воды возникшим в какой-либо одной определенной области. Однако, учитывая, что он выступает в сочетании с другими мотивами, имеющими более узкий, локальный характер (ныряние в воду за кусочком земли, утаивание земли во рту и стремление сделать мир своими силами и др.), исследователи находят возможным говорить о складывании этих представлений или хотя бы части их в южных областях, к югу от Саяно-Алтайского нагорья. Отсюда они распространились по территории Сибири и далее, в Северную Америку, а также на юг, в Индию⁷⁶.

3. Цыганский обычай, по которому жених носит перед свадьбой украшенную деревянную палочку, охраняющую, по мнению Э. О. Уинстедта, от злых духов⁷⁷, находит аналогии в свадебных обрядах хантов. Во время сватовства сват ходит с деревянной тростью, украшенной узорами и оббитой черемухой. Эта трость, в случае согласия, остается у невесты и сохраняется после свадьбы⁷⁸.

4. Наличие, у некоторых групп цыган медведей, которых они водят по селам, позволяет исследователям предположить возможную связь с «традициями сибирскими и центрально-азиатскими»⁷⁹.

5. Представления цыган о наличии у человека нескольких душ близки представлениям о душах у обских угров. Все четыре души, описанные у цыган, имеются и у них⁸⁰: а) душа, превращающаяся после смерти человека в птицу и возрождающаяся затем в новом поколении; б) душа, отделяющаяся от тела незадолго до смерти человека и имею-

⁷² Е. Д. Прокофьева, Представления селькупских шаманов о мире, «Сборник МАЭ», т. 20, М.—Л., 1961, стр. 56.

⁷³ А. Ф. Анисимов, Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства, «Сборник МАЭ», т. 13, М.—Л., 1951, стр. 206—207.

⁷⁴ H. Wislocki, Vom wandernden Zigeunervolke, S. 96.

⁷⁵ Е. Д. Прокофьева, Энецкий шаманский костюм, «Сборник МАЭ», т. 13, М.—Л., 1951, стр. 152.

⁷⁶ А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964, стр. 276—281; Г. М. Василевич, Ранние представления о мире у эвенков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 51, М., 1959, стр. 188—189.

⁷⁷ E. O. Winstedt, Указ. раб., стр. 349.

⁷⁸ МЭЭ ТГУ, 1961, терп. 6, л. 22; терп. 7, л. 23 и др.

⁷⁹ J.-P. Clébert, Les Tziganes, Paris, 1959, p. 142—143.

⁸⁰ В. Н. Чернецов, Представления о душе у обских угров, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 51, М., 1959.

шая вид птицы (ласточки, синицы и т. п.); в) душа, отделяющаяся от тела после смерти человека и живущая на кладбище, а после разложения тела отправляющаяся в загробный мир⁸¹; г) могильная душа, живущая на кладбищах и ведущая жизнь, подобную людям.

Судя по приведенным материалам, прослеживаются общие черты религиозных представлений у ряда народов Сибири и некоторых групп цыган. Одно это могло бы говорить лишь о том, что рассматриваемые нами народы находились на определенной стадии религиозного развития, для которой и характерны эти черты. Однако здесь поражает не совпадение отдельных черт различных явлений, а сходство всей совокупности их. Могильная душа, например, представляется и селькупам и цыганам Трансильвании не только как белый человек, как злая душа, но одновременно мыслится и как тень, и как существо, способное свертываться и клубком катиться по земле, и в то же время как существо бескостное и т. д.⁸² Кроме того, надо принять во внимание, что такое сходство отмечается не в одном отдельно взятом образе, а в определенной совокупности различных явлений.

Нужно также учесть, что иногда выявляются общие корни в верованиях цыган и различных народов Сибири. Это должно говорить о большой древности некоторых религиозных представлений. Так, к древним представлениям восходит сюжет о мировом дереве. В связи с этим интересно привлечь уже рассматривавшийся в литературе мотив: небесная птица — мировое дерево⁸³. В мифологии цыган определенное место занимает чудовищная птица *Чарана* (*Carana*) — небесная птица, тесно связанная с судьбою урм и кешали. В статье Л. Я. Штернберга анализируется комплекс представлений об орле — небесной птице и мировом дереве у различных народов. Многие черты этого комплекса можно найти у цыган. Л. Я. Штернберг обратил внимание на сходство представлений тюркских и угро-финских народов:

1. У якутов и финнов орел — «возродитель природы», создатель мира и «бог плодovitости». Он или сам высиживает яйца, из которых создает мир или шамана (у якутов), или откладывает их на колени женщины (у финнов). У цыган такой же мотив: Чарана, чтобы возродиться вновь, откладывает яйцо на колени или во чрево спящей женщины⁸⁴ (ср. объяснение возрождения орлов у бурят: «Сойдя с неба на землю, три беркута воплотились в жену Эжина и снова родились»⁸⁵).

2. У якутов и финнов со священным деревом связан мотив солнца, месяца и звезд: у первых орел высиживает яйца, создавая шамана, на священной березе в поле «с солнцем и месяцем», у вторых Вьянмейнен создает сосну, на вершине которой сияет луна, а на ветвях — Большая Медведица⁸⁶. Этот мотив мы уже отметили у цыган и селькупов.

3. У сибирских и скандинавских народов мировое дерево — дерево судьбы. У последних это «воплощено в образе 3 дев судьбы, норн, живущих под мировым деревом»⁸⁷. Три женщины, покровительницы роже-

⁸¹ Ср. название этой души у восточных хантов *il-as, il-t* (возможно, под влиянием самодийских языков: *jil-es* «жить», *jil-e'* «жизнь»), а также у цыган *il-ó, jil-ó, dil-ó* и в памирских языках: шуги. *dil* — «сердце, душа»).

⁸² Следует сказать, что, несмотря на внешнее сходство с вампиром, муло, по материалам Г. Влислоцкого, как и лотар, не кровожаден.

⁸³ Л. Я. Штернберг, Культ орла у сибирских народов. Этнод по сравнительному фольклору, «Сборник МАЭ», т. 5, вып. 2, Л., 1925, стр. 717—740.

⁸⁴ H. Wlisslocki, Vom wandernden Zigeunervolke.

⁸⁵ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 731.

⁸⁶ Там же, стр. 724.

⁸⁷ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 726—727.

нии и новорожденных есть и у шорцев. Эти же три женщины, горные и лесные духи, рядом с двумя деревьями — березой и пихтой — встречаются на многочисленных изображениях у народов Саяно-Алтайского нагорья⁸⁸, напоминая цыганских кешали и урм.

4. У народов Скандинавии орел, сидящий на мировом дереве, воюет со змеей, подрывающей корни дерева. Эта же борьба небесной птицы со змеем встречается и у народов Сибири. В сказаниях цыган также есть мотив борьбы небесного всадника (образ, возникший, возможно, в результате развития культа небесной птицы) с мифической змеей. Огромная змея лежит и у корней мирового дерева цыган⁸⁹.

Этот комплекс представлений находит аналогии и в Индии: здесь та же небесная птица, обитающая на космическом дереве с «высокими исцелениями», на котором, как и у цыган, «сложены семена всех растений» (Авеста)⁹⁰, и борьба этой птицы с мифической змеей, и листья из сверкающих драгоценностей на «священном дереве Будды»⁹¹. Широкое распространение сюжета о мировом дереве говорит о его глубокой древности; он возник, как полагают исследователи, в Малой Азии.

Но большинство из рассмотренных нами явлений сложилось гораздо позже. Шаманство также оформилось относительно поздно и, как считают некоторые советские исследователи (В. Н. Чернецов⁹², С. П. Толстов⁹³), является не чисто сибирским явлением, а принесенным на территорию Сибири извне инородным комплексом, сложившимся в южных областях Азии. Это проникновение в Сибирь с юга продолжалось до эпохи раннего (и развитого) железа включительно, когда, как отмечает В. Н. Чернецов, урало- и угорязычные племена праничили на юге с индоарийско- или ираноязычным населением, повлиявшим на них как в области материальной, так и духовной культуры. К этому позднему времени относится и проникновение на север (вплоть до арктических племен) представлений об орле — небесном всаднике, связанных с циклом среднеазиатских мифов⁹⁴.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что рассмотренные нами черты сходства в представлениях цыган и народов Сибири все-таки ограничены определенным кругом.

В Сибири наиболее яркие аналогии представлениям цыган отмечены у народов уральской языковой семьи (финской и угорской языковых групп) (кешали — тагстары, муло — лотар, пхувуши — лозы). У цыган распространение этих представлений тоже ограничено определенным кругом групп цыган, так или иначе связанных с угро-финскими народами. Материалы Г. Влислоцкого собраны в основном среди цыган, проживавших на территории Австро-Венгрии и собственно Венгрии. Вне

⁸⁸ С. В. Иванов, К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья, «Сборник МАЭ», т. 16, М — Л., 1955, стр. 211—219 и др.

⁸⁹ H. Wlislöcki, Volksglaube und religiöser Brauch der Zigeuner, S. 139.

⁹⁰ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 728.

⁹¹ Соответствия образов цыганских представлений с таковыми у других народов можно продолжить. Например, способ получения дара човали с вершины мирового дерева в виде молнии, входящей в тело човали, находит аналогии у якутов: амакат, самый важный дух-помощник шамана, внедряется в его тело «в виде небесного огня, падая сверху» (см. А. А. Попов, Получение «шаманского дара» у вилюйских якутов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 2, М. — Л., 1947, стр. 290).

⁹² В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, М., 1953, стр. 71.

⁹³ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 17; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», М., 1961, № 11, стр. 112.

⁹⁴ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 140—141.

территории Придунайских стран нигде в литературе не было подтверждения собранным им материалам⁹⁵. Представления о Дундре, небесном всаднике, также были распространены только среди цыган Норвегии, Швеции и России, а его второе имя Алако, которое он принял, поселившись на луне,—финского происхождения⁹⁶. Однако возникновение рассмотренных нами религиозных воззрений цыган нельзя объяснить поздним заимствованием в результате контактов (не ранее XIV—XV вв.—времени появления цыган в Восточной Европе) с народами уральской языковой семьи. Следовательно, для объяснения отмеченного сходства религиозных представлений цыган и ряда народов Сибири нужно предположить наличие более ранних контактов. Распространение этих представлений могло происходить через ираноязычное население как среди народов Сибири, так и среди цыган при их продвижении из Индии на территорию Ирана и Средней Азии. Однако контакты могли быть и непосредственными, как до нашей эры, что предполагается некоторыми исследователями на основании сходства элементов археологических культур Ирана и Сибири⁹⁷, так и в более позднее время. В пользу последнего говорит наличие в Средней Азии этнической группы цыган—среднеазиатских цыган и, возможно, сохранение еще более поздних связей европейских цыган с народами Сибири: в 1721 г. шотландцем Джоном Беллом была отмечена миграция цыган из Восточной Европы через Тобольск далее на Восток⁹⁸.

SUMMARY

The author examines elements of ancient religious beliefs, especially shamanism, among the Gypsies. He shows common features in the religious ideas of various groups of Gypsies linked with Ugro-Finnish peoples (Gypsies of Austria, Hungary, Norway, Sweden) and those of several Uralic (Ugric) peoples of Siberia. For instance they have in common the idea of an «earth man» («phuvuš» among the gypsies and «loz» among the Selkups), of a «grave soul» (the Gypsy «mulo» and the Selkup «lotar»); of mountain water-maidens («tagstar» among the Shors and «keshal» among the Gypsies); the idea that a man has several souls (among Gypsies and Ob Ugric peoples); similar legends of the creation of the world among Transylvanian Gypsies and many Siberian peoples, etc. The author notes not only similarities of separate traits, but of phenomena as a whole. All this shows that these peoples had not only reached the same stage of religious evolution but had been in contact.

Similar religious beliefs could have been formed, in the author's opinion, as a result of early contacts (both B. C. and A. D.). These beliefs may also have spread through Iranic population, for instance when the Gypsies migrated from India into Iran and Middle Asia.

⁹⁵ Материалы Ч. Ф. Пейна могут объясняться массовой миграцией в середине XIX в. из Румынии и Австро-Венгрии владарских цыган, распространившихся по всему земному шару.

⁹⁶ J. Bloch, *Les Tsiganes*, Paris, 1953, p. 81.

⁹⁷ F. de Ville, *Указ. паб.*, стр. 90—91.

⁹⁸ J. Bell, *Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia*, vol. 2. Glasgow, 1763, pp. 157—158.

И. М. Золотарева, А. Г. Башлай

СЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯКУТИИ

Территория Сибири до сих пор остается недостаточно изученной с точки зрения распределения групповых эритроцитарных факторов, хотя в последнее десятилетие и проведена большая работа по обследованию различных сибирских народностей. Так, в конце 1950-х годов М. Г. Левин собрал материалы по распределению групп *A*, *B*, *O* и *M*, *N* и *MN* на Чукотке¹, В. В. Бунак и Г. М. Давыдова — у русских и бурят Забайкалья², И. И. Гохман — среди кетов на Енисее³, И. М. Золотарева работала среди разных народов на территории Северной Сибири, от низовьев Енисея до Колымы⁴, группа студентов-антропологов под руководством Ю. Г. Рычкова собирала материалы в разных пунктах Сибири⁵. Результаты исследований еще далеко не полностью опубликованы. Кроме того, сведений о распределении факторов одновременно нескольких систем крови почти нет, и данные по Якутии, где определены группы по шести системам, практически являются первыми материалами изучения по достаточно широкой серологической программе.

Осенью 1964 г. в Якутии было проведено обследование якутского населения с целью изучения распределения факторов различных систем крови. Работу вел коллектив сотрудников Института этнографии АН СССР⁶. Было исследовано более пятисот образцов крови, преимущественно взрослого населения, по определению факторов следующих систем: *ABO*, *MN*, *Rh* — *Hr*, *Lewis*, *P*, Келл — Челлано. Сыворотки анти-*M*, анти-*N*, анти-*Le^a* и анти-*Le^b* были получены от Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР. Сыворотки *ABO*, анти-*D*, анти-*c* — с Московской городской станции переливания крови, сыворотки анти-*C*, анти-*E*, анти-*e*, анти-Келл и анти-Челлано фирмы «Immuно» (Австрия).

Изученная группа может считаться представительной для якутов в целом, так как были обследованы уроженцы почти всех административ-

¹ М. Г. Левин, Группы крови у чукчей и эскимосов, «Сов. этнография», 1958, № 5; его же, Новые данные по группам крови у эскимосов и ламутов, «Сов. этнография», 1959, № 3.

² В. В. Бунак, Русское население в Забайкалье, «Антропологический сборник IV», «Труды Ин-та этнографии», нов. серия, т. 82, М., 1963.

³ И. И. Гохман, К антропологии елогуйских кетов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXVIII, М., 1959.

⁴ И. М. Золотарева, Распределение групп крови у народов Северной Сибири, Доклад на VII Междунар. конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

⁵ Ю. Г. Рычков, Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 19; его же, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 21.

⁶ Авторы приносят искреннюю благодарность сотрудникам отдела антропологии Ин-та этнографии Ю. Д. Беневоленской, В. К. Жомовой, Г. Л. Хить, принимавшим участие в лабораторной обработке материалов; научным сотрудникам Ин-та судебной медицины Л. К. Аржелас, М. И. Потапову, М. В. Мишаковой за консультации и помощь в освоении некоторых методик, а также коллективу Якутской городской станции переливания крови за помощь во время работы в г. Якутске.

ных районов Якутии, и материалы обладают достаточной дисперсностью.

Переходим к обсуждению результатов.

В табл. 1 представлены результаты распределения факторов по системе *ABO* у разных групп якутов и генетически связанных с якутским этносом долган, обследованных И. М. Золотаревой в последние годы.

Таблица 1

Распределение групп крови *ABO* у якутов и долган

Группы крови	Якуты			Якуты суммарно 1—3, 693 чел.	Долганы, п-ов Таймыр, 1961 г., 242 чел.	Якуты+долганы* 1—4 935 чел.
	Якутск, 1964 г., 501 чел. 1	Верхняя Колыма, 1959 г., 55 чел. 2	Колымская тундра, 1959 г., 137 чел. 3			
<i>O</i>	197 39,32	30 54,54	42 30,66	269 38,82	82 33,88	351 37,53
<i>A</i>	124 24,75	11 20,00	37 27,00	172 24,82	62 25,62	234 25,03
<i>B</i>	145 28,93	12 21,82	43 31,39	200 28,86	80 33,06	280 29,95
<i>AB</i>	35 7,00	2 3,64	15 10,95	52 7,50	18 7,44	70 7,49
<i>r</i>	0,627	0,739	0,551	0,623	0,582	0,613
<i>p</i>	0,174	0,126	0,212	0,177	0,172	0,178
<i>q</i>	0,199	0,136	0,241	0,202	0,229	0,209
<i>r+p+q</i>	1,000	1,001	1,004	1,002	0,983	1,000

* Мы посчитали возможным включить долган в общезакутскую группу, имея в виду этнографические и антропологические доказательства близости их к якутам.

В трех изученных группах якутов более высокой частотой группы *O* выделяются верхнеколымские якуты.

Определение степени достоверности расхождений в распределении дало следующее соотношение: различия между центральной якутской группой ($N=501$) и верхнеколымской существенны на уровне $P=0,05$; различия же между центральной якутской группой и якутами тундровыми ($N=501$, $N=137$) незначительны. (Значение χ^2 лежит между величиной $P=0,10$ и $P=0,20$). Вероятнее всего отличия в распределении групп крови системы *ABO* у верхнеколымских якутов связаны с недостаточной численностью выборки, и их не следует абсолютизировать. Северная же группа тундровых якутов, представленная более значительной выборкой, показывает весьма близкую частоту *O*, *A*, *B* и *AB* к центральной якутской группе. Очень близки к якутскому распределению и соотношения групп *O*, *A*, *B* у долган. Различия в частоте факторов незначительны (величина $P=0,70$).

Отметим в целом, что характер распределения частот групп *ABO* у якутов находится в соотношении $O > B > A$ и соответственно $r > q > p$. При этом важно отметить факт очевидного серологического единства достаточно разобщенных групп якутов, включая и долган.

К настоящему времени обследованы многие этнические и территориальные группы Сибири. Нам представляется целесообразным сопоставить данные по системе *ABO* у разных групп, суммированных по этническому признаку (табл. 2). Все приведенные группы обследованы в последнее десятилетие.

Мы сочли возможным объединить разные территориальные группы одной народности для получения некоторой взвешенной характеристики каждой крупной этнической группы. В группу могут быть включены

данные нескольких авторов, если ими были обследованы различные территориальные группы данного народа.

При таком суммировании могут нивелироваться отклонения отдельных групп, но оно позволяет более отчетливо видеть серологическую характеристику этнических общностей. Распределение частот O , A , B , AB групп крови у народов Сибири можно разделить на два основных типа: первый характеризуется отношением $r > q \geq p$ и свойствен бурятам, алтайским народностям и якутам, которые генетически связаны с

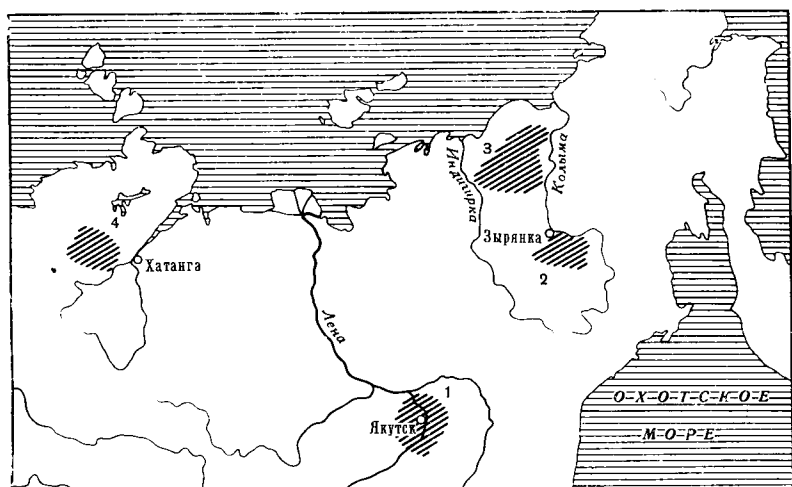

Рис. 1. Локализация исследованных в серологическом отношении групп якутов и долган: 1 — якуты центральной Якутии; 2 — якуты верхнеколымские; 3 — якуты нижнеколымские; 4 — долганы

Южной Сибирью и сохранили относительно единый серологический тип на всей освоенной ими обширной территории Северной Сибири. Наиболее высока частота фактора q (группа B) у бурят.

Народы арктической полосы Северной Сибири — нганасаны, юкагиры, чукчи отличаются иным соотношением: $r > p > q$. К этому же типу относятся эвенки и в меньшей степени эвены (рис. 2).

Материалы по сопредельным зарубежным территориям почти полностью отсутствуют. По имеющимся данным, распределение групп ABO у монголов МНР также характеризуется формулой $r > q \geq p$ ⁷.

Группы MN. Работа велась двумя сыворотками: анти- M и анти- N . Распределение групп крови у якутов следующее (табл. 3).

Для всех обследованных групп якутов характерно резкое преобладание группы M над N (последняя лишь у долган поднимается до 11%). По соотношению $m > n$ якуты всех групп близки. Отличия внутри якутских групп заключаются в колебаниях M и MN .

Наибольшие отличия от центроякутской группы обнаруживают якуты верхнеколымские и долганы. Однако статистическая оценка частот генов « m » и « n » на достоверность различий не подтвердила их существенность (значения P лежат в пределах 0,8—0,9), что дает нам возможность расценивать частоты m и n в разных якутских группах и у долган как близкие вариации одного основного типа. Авторы, как и

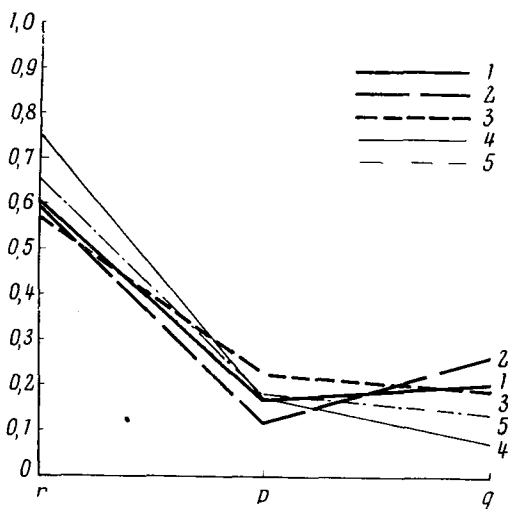
⁷ A. E. Mourant, A. Kopeč, K. Domsniewska-Sobczak, The ABO blood groups. Oxford. 1958.

Распределение групп ABO у народностей Сибири

Этнические группы	Исследователи	Численность	O	A	B	AB	r	p	q
Якуты	Золотарева, 1964, 1968	935	351 37,5	234 25,0	280 30,0	70 7,5	0,613	0,178	0,209
Буряты	Бунак, 1963; Рычков, 1965	441	164 37,2	74 16,8	180 40,8	23 5,2	0,610	0,117	0,265
«Алтайцы»	Рычков, 1965	771	260 33,7	231 30,0	195 25,3	85 11,0	0,581	0,232	0,202
Эвенки	Рычков, 1965	391	226 57,8	106 27,1	41 10,5	18 4,6	0,760	0,174	0,078
Эвены	Левин, 1959; Золотарева, 1964	100	36 36,0	39 39,0	16 16,0	9 9,0	0,600	0,279	0,134
Кеты	Гохман, 1963	99	37 37,4	29 29,3	12 12,1	21 21,2	0,611	0,296	0,183
Ненцы	Золотарева, 1964; Рычков, 1965	429	169 39,4	110 25,6	121 28,2	29 6,8	0,627	0,178	0,194
Нганасаны	Золотарева, 1964	230	96 41,7	77 33,5	44 19,1	13 5,7	0,646	0,220	0,133
Юкагиры	Золотарева, 1964	113	49 43,4	50 44,2	11 9,7	3 2,7	0,659	0,271	0,064
Чукчи	Левин, 1958; Золотарева, 1964	309	134 43,4	119 38,5	44 14,2	12 3,9	0,659	0,241	0,095
Эскимосы	Левин, 1959	205	82 40,0	60 29,3	55 26,8	8 3,9	0,633	0,183	0,168

при анализе распределения *ABO*, нашли возможным и целесообразным включить долган в общеякутскую группу по системе *MN*.

Сравнительные материалы по другим народам приведены в табл. 4. По некоторым народностям данные разных авторов суммированы.

Из изученных по системе *MN* народностей Сибири наибольшей частотой фактора *m* и его резким преобладанием над *n* характеризуются якуты и эвены. Следующую группу, где $m > n$, но в меньшей степени, составляют такие народности как юкагиры, кеты, чукчи и эскимосы. Наконец, соотношением $n > m$ отличаются самодийские народы — ненцы и нганасаны (рис. 3). Таким образом, и по системе *MN* имеются вполне отчетливые группировки, в целом идущие параллельно с теми этническими объединениями, которые определились по системе *ABO*.

Что касается данных по другим системам крови, то здесь мы пока не располагаем сравнительным материалом по Сибири и ограничимся характеристикой собственно якутов.

Система Льюис (Lewis). Работа проводилась двумя сыворотками: анти — Le^a и анти — Le^b по методике, применяющейся в Научно-исследовательском институте судебной медицины в Москве (пробирочным методом, при комнатной t° , сыворотками с полными антителами⁸). Определялись образцы крови преимущественно взрослого населения якутской национальности. Результаты приведены в табл. 5.

Обращает на себя внимание чрезвычайно малая (1,65%) частота Le^a . Однако для народов Сибири в целом, видимо,

характерна очень низкая частота этого фактора: в литературе приводится обобщенная цифра для «Сибири к востоку от Обь-Енисейского водораздела», равная 1,84%⁹.

⁸ Л. К. Аржелас, Выявление агглютиногенов системы Льюис в крови жителей Москвы, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 19.

⁹ Ю. Г. Рычков, Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии, стр. 99.

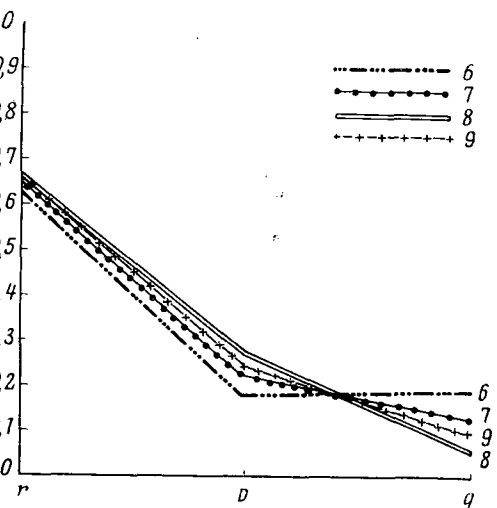

Рис. 2. Соотношение частот генов *r*, *p*, *q* в различных этнических группах Сибири: 1 — якуты; 2 — буряты; 3 — «алтайцы»; 4 — эвенки; 5 — эвены; 6 — ненцы; 7 — нганасаны; 8 — юкагиры; 9 — чукчи

Таблица 3

Распределение факторов групп *M* и *N* у якутов

Группы	Якуты			Якуты суммарно 1—3 688 чел.	Долганы п-ов Таймыр, 1961 г., 242 чел. 4	Якуты+ долганы 1—4 930 чел.
	Якутск, 1964 г., 501 чел. 1	Верхняя Колы- ма, 1959 г., 55 чел. 2	Колымская гундра, 1959 г., 132 чел. 3			
<i>M</i>	261 52,1	39 70,9	81 61,4	381 55,4	99 40,9	480 51,6
<i>N</i>	31 6,2	4 7,3	7 5,3	42 6,1	28 11,6	70 7,5
<i>MN</i>	209 41,7	12 21,8	44 33,3	265 38,6	115 47,5	380 40,9
<i>m</i>	0,730	0,818	0,780	0,747	0,646	0,721
<i>n</i>	0,270	0,182	0,220	0,253	0,354	0,279

Таблица 4

Группы крови *MN* у народов Сибири

Этнические группы	Исследователи	Число набл.	<i>M</i>	<i>N</i>	<i>MN</i>	<i>m</i>	<i>n</i>
Якуты	Золотарева, 1964, 1968	930	480 51,6	70 7,5	380 40,9	0,721	0,279
Кеты	Гохман, 1963	97	35 36,1	15 15,5	47 48,4	0,603	0,397
Ненцы	Золотарева, 1964	235	14 6,0	109 46,4	112 47,6	0,298	0,702
Нганасаны	Золотарева, 1964	230	18 7,8	128 55,7	84 36,5	0,260	0,740
Юкагиры	Золотарева, 1964	113	38 33,6	23 20,4	52 46,0	0,566	0,434
Чукчи	Левин, 1958; Золотарева, 1964	309	81 26,2	68 22,0	160 51,8	0,521	0,479
Эскимосы	Левин, 1959	204	69 33,8	38 18,6	97 47,6	0,576	0,424
Эвены	Левин, 1959; Золотарева, 1964	100	53 53,0	9 9,0	38 38,0	0,720	0,280

Таблица 5

Распределение групп крови системы Льюис (*Lewis*)

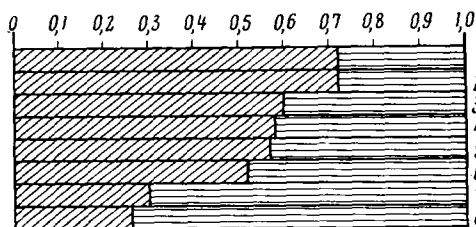
Частоты	Число иссле- дований	Фенотипы				Частота генов	
		<i>Le(a+b-)</i>	<i>Le(a-b+)</i>	<i>Le(a-b-)</i>	<i>Le(a+b+)*</i>	<i>Le^a</i>	<i>Le^b</i>
Абсолютное кол-во %	478	11 2,30	301 62,97	164 34,31	2 0,42	1,65	98,35

* Этот фенотип был обнаружен у детей в возрасте 1,5—2 лет.

Как можно судить по имеющимся сводкам, частота гена Le^a у якутов является одной из самых низких в мире¹⁰.

Своеобразие фенотипического комплекса у якутов заключается также в малой частоте типа $Le(a+b-)$ —2,3% и весьма значительной частоте $Le(a-b-)$ —34,3%. Преобладающее сочетание антигенов — $Le(a-b+)$, отмеченное среди якутов более чем в половине наблюдений.

■ m ▨ n

Рис. 3. Соотношение частот генов m и n у разных народов Сибири: 1—якуты; 2—эвены; 3—кеты; 4—эскимосы; 5—юкагиры; 6—чукчи; 7—ненцы; 8—нганасаны

$+b-$). Во всех случаях вследствие редкости гена Le^a типы $Le(a+b-)$ и $Le(a+b+)$ составляют ничтожную величину (от 1 до 3%).

Система P. Образцы крови определялись сывороткой анти- P , изготовленной в Институте судебной медицины (пробирочным методом, на 2% взвеси эритроцитов).

Исследования этой системы показали, что частоты группы Льюис небезразлично связаны с системой ABO. Наши материалы по якутам связаны следующими соотношениями по этим двум системам (табл. 6): внутри группы O: $Le(a-b+) > Le(a-b-) > Le(a+b-) > Le(a+b+)$; в группе A: $Le(a-b+) > Le(a-b-)$ при отсутствии $Le(a+b-)$ и $Le(a+b+)$; в группе B: $Le(a-b+) > Le(a-b-) > Le(a+b-)$; в группе AB: $Le(a-b-) > Le(a-b+) > Le(a+b-)$.

Таблица 6

Распределение фенотипов системы Льюис в связи с системой ABO

Группы крови	$Le(a+b-)$	$Le(a-b+)$	$Le(a-b-)$	$Le(a+b+)$	Всего обследовано
O	6 3,19	134 71,28	46 24,47	2 1,06	188
A	0 0	63 54,31	53 45,69	0 0	116
B	4 2,86	89 63,57	47 33,57	0 0	140
AB	1 2,94	15 44,12	18 52,94	0 0	34
	11	301	164	2	478

У якутов мы получили следующее распределение частот (табл. 7). Для территорий Сибири взвешенная частота гена P , полученная из разных популяций, составляет 0,460 (по Рычкову, 1965).

Если в связи с отсутствием сравнительных данных выйти за пределы Северной Азии, то для Восточной Азии (по материалам обследования китайцев¹¹) характерна более низкая частота гена P . Весьма близкая к якутам величина P была обнаружена в группе аляскинских эски-

¹⁰ A. E. Mourant, The distribution of the human blood groups, Oxford, 1954; «Die neue Rassenkunde», Stuttgart, 1962.

¹¹ A. E. Mourant, Указ. раб., стр. 368.

мосов¹². Однако эти сведения имеют лишь ориентировочный характер, а авторы далеки от идеи формально-типологических сопоставлений.

В целом же, как показывает распределение *P* на других территориях, среди сибирских монголоидов, по-видимому, трудно ожидать большого размаха колебаний в частотах *P*. Однако сопоставление древних аборигенных этнических групп с более поздними на территории Восточной и Северной Сибири на основе новых материалов было бы весьма интересным.

Система Rhesus. Определение факторов системы *Rh—Hr* проводилось пятью сыворотками: *a—C*, *a—D*, *a—E*, *a—c* и *a—e*. Применялся метод конглоутинации в желатине, разработанный на Московском городской станции переливания крови. Обследованный контингент составил 265 человек якутской национальности. Распределение факторов *Rh—Hr* приведено в нижеследующих таблицах.

Таблица 8

Частота факторов системы *Rh—Hr*

Фактор	Частота фактора, %	Частота генов, %
<i>Rh₀ (D)</i>	98,49	87,71
<i>rh' (C)</i>	64,91	42,83
<i>rh'' (E)</i>	65,67	43,78
<i>hr' (c)</i>	79,25	57,17
<i>hr'' (e)</i>	78,11	56,22

хромосомам *CDe* и *cDE*. На фоне данных по азиатским (преимущественно южным) и американским группам заметна несколько большая частота двух видов хромосом: *cDe* и *cde*; последняя чаще всего в Азии и Америке отсутствует¹³. Большой частотой характеризуются хромосомы *CDe* и *cDE*, в сумме составляющие более 80% всего ряда частот хромосом (табл. 9).

Таблица 9

Частота хромосом системы *Rh—Hr*

Хромосомы	<i>CDE</i>	<i>CDe</i>	<i>Cde</i>	<i>cDE</i>	<i>cdE</i>	<i>cDe</i>	<i>cde</i>
Наблюдаемые частоты, %	2,09	40,79	1,78	40,74	0	15,43	10,63
Ожидаемые частоты, %	2,04	39,12	1,70	41,68	0	9,16	6,31

В отношении фенотипических частот у якутов обнаружен достаточно широкий спектр — одиннадцать из восемнадцати. Отмечено несколько большая, чем ожидаемая, частота *ccDee* (табл. 10).

Система Келл — Челлано (Kell—Cellano). Использовались сыворотки анти-Келл и анти-Челлано (*a-K*, *a-k*), контингент обследованных —

¹² «Die neue Rassenkunde», S. 175.¹³ «Die neue Rassenkunde», S. 184—186.

241 человек. Применялся метод конглоутинации в желатине, разработанный в Отделе стандартных сывороток Московской городской станции переливания крови.

Как известно, число келл-положительных лиц среди самых разных популяций — невысоко и почти не превышает 10%. Что же касается

Таблица 10

Частота фенотипов системы $Rh-Hr$ у якутов
(при использовании сывороток $a-C$, $a-D$, $a-E$, $a-c$, $a-e$)

	CCDEE	CCDEe	CCDee	CcDEE	CcDEe	CcDee	ccDEE	ccDEe	ccDee	Ccddee	ccdee
Абсолютные частоты: $N = 265$	2	5	48	12	80	24	44	31	15	1	3
Наблюдаемые частоты, %	0,76	1,89	18,10	4,53	30,19	9,06	16,60	11,70	5,66	0,38	1,13
Ожидаемые частоты, %	0,04	1,66	16,64	1,70	34,66	12,42	17,37	12,92	2,00	0,11	0,40

изученных в этом отношении популяций Азии и Америки, то в подавляющем большинстве случаев частота гена K равна 0, или составляет доли процента (в некоторых группах индейцев)¹⁴. У якутов, по нашим данным, частота гена K составила немногим больше 2%, а число келл-положительных лиц составило 9 человек в выборке 241 человека (3,7%).

Таблица 11

Распределение групп Келл—Челлано у якутов

	Число наблюдений	Генотипы		
		$K-K$	$K-k$	$k-k$
Частоты: в абсолютных числах; в %	241	1 0,41	8 3,32	232 96,27

Как показали исследования на представительных по количеству групп, система Келл — Челлано не обнаруживает зависимости от системы ABO и $Rhesus$ ¹⁵. Поэтому на наших материалах, кстати, недостаточно многочисленных, проверка этого положения не проводилась.

Таблица 12

Фактор	Частота, %	Частота генов, %
K	3,73	2,07
k	99,59	97,93

Анализируя в целом результаты изучения у якутов группы крови различных систем, необходимо отметить некоторые общие закономерности.

1. Изучение разных территориальных, достаточно разобщенных групп якутов показало принадлежность их к единому серологическому типу. Этот тип характеризуется соотношением $r > q > p$ по системе ABO и $m > n$ — по системе MN и охватывает в пространственном отношении огромную территорию, заселенную якутами и долганами.

2. Соотношения факторов крови связывают якутов с южносибирской этнической средой. Важно отметить параллелизм этногенетических свя-

¹⁴ А. Е. Mourant, Указ. раб.; «Die neue Rassenkunde», S. 190 и след.

¹⁵ А. Г. Башлай, Трансфузионная реакция в результате сенсибилизации к антигену Челлано и распределение факторов Келл и Челлано среди населения Москвы, «Вопросы антропологии», вып. 22, 1966.

зей, который обнаруживается при рассмотрении морфологических особенностей типа якутов и их серологической характеристики. На основе изучения строения черепа, мягких частей лица, пигментации, волосяного покрова, антропологический тип якутов относится к кругу центральноазиатских вариантов и сближается прежде всего с бурятами.

Мы вполне разделяем точку зрения о необходимости с осторожностью использовать серологические характеристики (вследствие большой подвижности частот мономерных признаков во времени) при интерпретации этногенетических связей. Однако на примере якутов еще раз доказана несомненная ценность этих физиологических показателей и при изучении этнической истории.

3. Факт очевидной серологической близости разных территориальных групп якутов указывает на малую вероятность дифференцированности антропологического типа якутов и по основным морфологическим признакам.

4. При сопоставлении с другими этническими группами выясняются вполне четкие облики якутского этноса при сравнении с палеоазиатскими и самодийскими группами, для которых характерны соотношения $r > p > q$ и $m \geq n$ или $n > m$. Отмеченные соотношения дифференцируют и на серологическом материале (в дополнение к морфологическим признакам) деление коренного населения Сибири на различные этнические пласты, отличающиеся в генетическом и хронологическом отношении.

Следует отметить, что отсутствие сравнительных данных для сибирских групп по другим системам крови не дает возможности более детального сопоставления серологического типа якутов на фоне североазиатских частот отдельных факторов, получение информации о которых в настоящее время является первостепенной задачей.

SUMMARY

The frequencies of blood groups among Yakut nationals formed the subject of a special study. 500 people were examined. The following sera were used: O $\alpha\beta$, A β , B α , anti-M, anti-N, anti-Le^a, anti-Le^b, anti-P, anti-D, anti-C, anti-E, anti-c, anti-e, anti-C^w (Rh — Hh), anti-K (Kell), anti-k (Cellano). This was the first time that Yakut population has been investigated according to such a detailed program. The people studied were drawn from sufficiently diverse groups and may be considered representative of the Yakut population as a whole. Comparison between local Yakut groups shows that they belong to a single serological type in which genes stand in the relation $r > q > p$ (ABO) and $m > n$ (MN). Comparison with other ethnic groups shows distinctive traits of difference between Yakuts on the one hand and Paleoasiatic and Samodiyian groups on the other. These latter show a different correlation: $r > p > q$ and $m \geq n$ or $m < n$. Thus serological findings confirm the division of the aboriginal population of Siberia into genetically different ethnic strata previously based on morphological data.

Ю. П. Аверкиева

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КОЛОНИЗАЦИИ

Историю индейцев Северной Америки (к северу от Мексики) можно разделить на пять главных периодов: 1) доколониальный; 2) раннеколониальный; 3) усиленной колонизации и ожесточенного сопротивления индейцев наступлению колонизаторов; 4) период «замирения» индейцев колонизаторами и жизни их в резервациях; 5) современный период пробуждения индейских народностей к активной защите своих прав.

Хронологические рамки этих периодов не у всех племен совпадают. Особенно различается время наступления раннеколониального периода. Для алгонкинских племен северо-восточной части материка, например, он начинается с путешествия Дж. Кабота в 1497 г. в залив Св. Лаврентия и последующей организации коммерческого промысла трески на банках Ньюфаундленда. Для индейцев юго-запада этот период наступает с испанской экспедиции Коронадо, снаряженной в 1540 г. из Мексики и достигшей селений индейцев пуэбло. В течение двух лет коцки-стадоры бесчинствовали на юго-западе Северной Америки, захватывая селения индейцев и требуя золота и драгоценностей. В это же время (1539—1542 гг.) по огромной территории юго-востока прошла экспедиция де Сото, искавшая золото. Она сеяла смерть и разрушения среди мирного земледельческого индейского населения. Бесчинства и насилия вызывали сопротивление индейцев, объединявшихся против испанских отрядов. К этому же периоду относится начало колонизации испанцами Калифорнии.

К середине XVII в. колонизаторы проникают в район Великих озер, а к началу XVIII в. распространяют свое влияние на атапаскские племена бассейнов рек Маккензи и Юкона и индейцев северо-западного побережья.

Методы колонизации в разные ее периоды в различных районах Северной Америки были разнообразны.

На севере материка основой колонизации была меховая торговля, и характерным для всех колониальных периодов было вовлечение в орбиту эксплуатации торговым капиталом индейских звероловов. Колонизаторов интересовал здесь не захват индейских земель, а превращение индейцев в эксплуатируемых поставщиков мехов. На юге материка, напротив, первоначальные поиски золота сменились в XVII в. захватом индейских земель и попытками превращения индейцев в колониальных рабов. Особенно жестокий характер носила колонизация восточного побережья континента, где захват индейских земель сопровождался «очисткой» этих районов от их насельников.

Накопленные исторической этнографией США и Канады данные позволяют проследить влияние отдельных этапов колонизации Северной Америки на индейское общество. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что к началу этнографического изучения индейских народов (рубеж XIX—XX в.) они пережили почти четырехвековой пе-

риод коренной ломки аборигенных первобытнообщинных основ их общественной жизни под непосредственным или косвенным разрушающим воздействием капиталистической колонизации материка. Особенности быта и культуры индейских народов, рассматриваемые американскими этнографами 1920—1940-х годов как аборигенные, сложились в раннеколонизальный период. В данной статье уделено основное внимание именно этому периоду.

* * *

Раннеколонизальный период на большей части Северной Америки характеризовался попытками европейских колонизаторов установить торговые связи с различными индейскими племенами. Исключительное значение на этом этапе приобрела меховая торговля, в которую втягивалось множество племен. Хотя обмен носил характер хищнического обирания и обмана индейцев, он все же послужил стимулом для развития индейского хозяйства, особенно отраслей, дающих товарную продукцию.

Появление в XVII—XVIII вв. у индейцев огнестрельного оружия и металлических изделий, садоводства и скотоводства подняло на новую ступень экономику земледельческих племен, обитавших на востоке и юго-западе современных США. Многие из этих племен занимались также охотой и промыслом пушного зверя.

Заимствование коневодства, огнестрельного оружия и железных орудий послужили основой почти 300-летнего (XVII—XIX вв.) развития нового типа индейской культуры в степях Северной Америки. Оно вызвало переход ряда земледельческих и охотничьих в прошлом племен к пастушесству, сочетавшемуся с охотой на бизонов.

Вовлечение в меховую торговлю и появление железных орудий с XVI в. стимулировало развитие товарного пушного промысла у племен севера Северной Америки.

Основным итогом всех этих изменений в индейской экономике было проникновение товарных отношений в индейское хозяйство, рост значения в нем покупных европейских изделий, а следовательно, развитие его товаропроизводящих отраслей.

Характерной чертой раннеколонизального периода был расцвет индейской посреднической торговли, когда отдельные племена выдвигались в качестве торговых посредников между европейскими торговцами и индейскими племенами внутренних районов. На основе языков этих племен складывались торговые межплеменные жаргоны: чинук на северо-западе, мобиле на востоке, оджибвеев в районе Великих озер, команчей на юге степей. Внутри торговых племен шел процесс выделения профессиональных торговцев, организовывавших специальные «торговые партии» для экспедиций за мехами в глубь материка; меха они затем обменивали на европейские товары. Между племенами обострилась борьба за торговые пути, за монополию в посреднической торговле, за промысловые угодья. В реляциях иезуитов встречается немало описаний кровавых столкновений между монтанье и ирокезами, ирокезами и гурунами, оджибвеями и дакотаи, вызванных деятельностью европейских скупщиков пушнины. Европейские колонизаторы использовали в своих интересах межплеменные конфликты, заключая союзы с одними племенами против других, натравливая одни племена на другие.

Особенность раннеколонизального периода заключалась также в том, что несмотря на вызывавшиеся колонизацией изменения в социально-экономической жизни индейских племен, последние в основной своей массе продолжали развиваться в рамках своих прежних этнических общностей. Для этого периода не были еще характерны захват индей-

ских земель, массовое выселение и истребление самих индейцев. Именно на этом этапе, как мы уже говорили, складывались те черты индейской культуры, которые описывались и реконструировались в этнографических исследованиях XIX—XX вв. как якобы аборигенные. Однако исследования целой плеяды современных этноисториков США и Канады убедительно показали, что эти так называемые аборигенные черты индейской жизни являются не доколониальными, а, по их определению, «контактно-традиционными», и что складывались и развивались они под воздействием колонизации.

Широко, например, было распространено мнение, что северные алгонкины и атапаски якобы еще в XIX в. представляли собой осколок не тронутых цивилизацией бродячих охотников и собирателей чуть ли не эпохи мезолита. Их описывали как самых первобытных собирателей-охотников наряду с австралийцами, бушменами, ведда и другими «окраинными» народами мира. Накопленные к настоящему времени археологические и этнографические данные об этих племенах, глубокое изучение архивных материалов, ранних публикаций, касающихся открытий и колонизации Северной Америки, позволяют по-новому подойти к характеристике индейских племен и их места в истории этого континента.

В отношении алгонкинов и атапасков Севера ряд исследователей высказывает мнение, что в предколониальный период предки современных монтанье и наסקапи¹, как и предки современных северных атапасков, были преимущественно рыболовами, вели относительно оседлый образ жизни, а охота на мясного зверя имела у них вспомогательное значение. Об атапасках К. Осгуд писал, например, что только «огнестрельное оружие и меховая торговля увеличили их подвижность и их зависимость от мяса»².

Археологические исследования последних лет позволяют сделать вывод, что по всей таежной полосе Северной Америки в доколониальный период сложился общий тип рыболовно-охотничьего хозяйства, на основе которого развивались «лесные» неолитические и энеолитические культуры. Характерно, что на основе такого же типа хозяйства развивались неолитические и энеолитические культуры сибирской тайги³.

Теперь бесспорно установлено, что воздействие европейской меховой торговли на индейское общество северо-востока Северной Америки началось с конца XV в. и длилось, следовательно, почти четыреста лет. Благодаря исследованиям этноисториков уже нельзя отрицать тот факт, что меховая торговля внесла коренные изменения в ход истории индейских племен, что она на протяжении почти 400 лет была определяющим фактором в развитии всех сторон жизни северных индейцев и даже в характере их расселения.

Меховая торговля способствовала развитию бродячего образа жизни индейцев, вызывавшегося поисками пушного зверя. Колонизация разделила племена на отдельные охотничьи группы и разбросала их по всей тайге, заставляя покидать прежние места и осваивать все новые и новые районы промысла. К началу XIX в. совершенно изменилась карта первоначального расселения индейских племен.

Северо-восточные алгонкины, будучи втянутыми в европейскую меховую торговлю с конца XV в., постепенно вовлекали в нее северных ата-

¹ W. Taylor, *The prehistory of the Quebec Labrador*, Paris, 1964; H. J. Hind, *Explorations in the interior of the Labrador Peninsula*, London, 1863, vol. 2, pp. 8—9.

² C. Osgood, Реч. на кн.: R. Slobodin, *Band organization of the Peel River Kutchin*, Ottawa, 1962, см. «*American Anthropologist*», 1963, vol. 65, № 4, p. 944.

³ См.: «Материалы по древней истории Сибири», т. I, Улан-Удэ, 1964.

стойкости норм общинно-родового коллективизма. В силу этого зарождающаяся частная собственность неизбежно носила формы, подчиненные древним отношениям собственности. Нагляднее всего это проявлялось в широко распространенной в XVII—XIX вв. по всей Северной Америке практике обрядовой демонстрации и раздачи частных сокровищ, описывавшейся под названиями потлачей, праздников поминок, плясок-раздачи, «игрушек» и т. д. О размерах раздававшихся сокровищ писали и ранние наблюдатели (миссионеры, путешественники, торговцы) и поздние исследователи. По данным Р. Маккеннана, например, атапаски Юкона раздавали в XIX в. сокровища, достигавшие ценности до двух, а иногда 15—20 тыс. ам. долл.⁴ На празднествах мертвых у оджибвеев в XVII в. раздавались богатства, которые, по подсчетам миссионера Лаллемана, «стоили бы во Франции сорок — пятьдесят тысяч франков»⁵. Множество данных о праздниках поминок у племен района Больших озер в XVII в. суммировано в интересной работе Г. Хикерсона⁶.

Диалектическая сущность такого рода институтов заключалась в том, что частные сокровища как бы подвергались коллективному распределению, в то же время этим актом закреплялось социальное неравенство. Кто богат, тот силен и влиятелен⁷.

Характерно, что в XIX в. монтанье устраивали празднества с обильными пирами, на которых демонстрировались меха, добытые удачливым охотником, но они уже не раздавались.

Индивидуализация труда и присвоения его продукта вели, однако, к постепенной парцеляризации общинных угодий и закреплению обрабатываемых участков за отдельными семьями. Процесс выделения частной собственности на землю проходил несколько этапов, которые удачно прослеживаются Элеонорой Ликок у индейцев Лабрадора⁸.

Таким образом, вовлечение индейцев в капиталистическую экономику вызвало глубокие, полные противоречий процессы внутри индейского общества. Главная линия происходивших в нем трансформаций заключалась в распаде, отживании, преодолении принципов первобытно-родового коллективизма и становлении отношений частной собственности. У всех племен основными чертами этой переходной эпохи были:

1. Сосуществование и борьба двух укладов: товарного и натурального.

2. Вытеснение коллективизма в производстве и распределении индивидуализацией труда и присвоения.

3. Появление частных богатств и отношений частной собственности.

4. Широко распространяется патриархальное рабство и развивается работорговля.

Вызванные колонизацией глубокие изменения в социально-экономической жизни различных индейских племен повлекли за собой коренные преобразования в их семейно-родственной структуре. Вопрос об изме-

⁴ R. Mc Kennan, The Upper Tanana Indians, «Yale University Publications in Anthropology», № 55, New Haven, 1959, p. 137.

⁵ Reuben Gold, Thwaites, The Jesuit relations and allied documents. Travels and explorations of the Jesuit missionaries in New France, 1610—1791, 71 vols., Cleveland, 1896—1901, vol. 28, p. 217.

⁶ H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century Algonkians of the Upper Great Lakes, «American Anthropologist», 1960, vol. 62, № 1.

⁷ См.: Ю. П. Аверкиева, К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиян), «Американский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LVIII, М., 1960.

⁸ E. Leacock, The Montagnais «hunting territory» and the fur trade, «American Anthropological Association Memoir», № 78, Menasha, 1954.

нениях в области семейно-родовых отношений в раннеколонизальный период является одним из наиболее важных. Особое значение он приобрел в связи с дискуссией о том, что являлось основой социальной организации индейцев Северной Америки в доколониальный период — род или отдельная семья. Именно в разработке этого вопроса, как нам представляется, наиболее живуча традиция выдавать институты, складывавшиеся в раннеколонизальный период, за аборигенные. Над доказательством ошибочности этой традиции немало уже потрудились этноисторики США. Исследования Э. Ликок, Дж. Хелм, Г. Хикерсона убедительно показали, что даже у таких, считавшихся наиболее «примитивными» народов Северной Америки как монтанье, оджибвеи, атапаски Маккензи, отдельная семья — явление позднее, следствие вовлечения их в капиталистическую экономику, что сами эти племена не столь уж «примитивны», как их изображали; колониальная эксплуатация довела их до высшей степени обнищания и деградации, но когда-то они знали лучшие времена.

Общие процессы изменений в родовом устройстве индейских племен заключались в следующем:

1. Если древний коллективизм в производстве и распределении облекался в форму родовых связей, то рост товарности индейского хозяйства и становление отношений частной собственности повели к постепенному отрыву экономических связей от родовых.

2. У всех племен род как экономическая общность уступает место большесемейной общине. Но и внутри этой общины активно шел процесс экономического обособления индивидуальной семьи в связи с индивидуализацией промыслового труда и развитием торговли. Этому способствовало специфическое значение мужского труда, как труда, производящего товары. Женский труд имел общественное значение лишь как труд подсобный в производстве товаров, благодаря этому место женщины в семье низводилось к положению лица, экономически зависящего от мужчины.

3. В раннеколонизальный период произошли глубокие изменения в самой структуре отношений родства. Они стали пониматься расширительно, как билатеральные и искусственно устанавливаемые родственные связи. В то же время становление семьи как экономической ячейки ослабляло значение этих связей.

4. Сосредоточение частных богатств в руках мужчины и укрепление его доминирующей роли в экономике семьи, вызвали к жизни тенденции к установлению патриархальных норм. Раньше всего это сказалось в появлении патрилокальных браков, которые в различном соотношении долгое время сосуществовали с матрилокальностью. Но тенденция была к учащению первых.

Вместе с тем шел процесс установления патрилинейности в счете происхождения и наследования. В ходе преодоления традиций матрилинейности устанавливалась билатеральность, использовались различного рода косвенные пути, казуистические формы утверждения патрилинейности, например публичная передача ребенку имени из рода отца, наряду с обычным наследованием имени рода матери; частой формой становления патрилинейности было наследование внуком деду по отцу, не нарушавшее матрилинейности, но подчеркивавшее патрилинейность. Широко обращались к древнему обряду адаптации в род: мужчина принимал в свой род сына в качестве племянника или жену в качестве сестры.

Таким образом, к концу XIX в. социальные отношения внутри индейского общества претерпели коренные изменения. Можно сказать, что в

XVIII в. все индейские племена Северной Америки стояли на различных этапах распада архаического родового общества. Имеющиеся материалы убедительно свидетельствуют о том, что у всех этих племен род к этому времени перестал существовать как экономическая общность, как основная социально-экономическая единица. Нарушена была локализованность рода, и части одного рода, как правило, были расселены по разным селениям и стойбищам. Древние экономические связи между сородичами сохранялись лишь в обычаях гостеприимства, взаимопомощи и в обрядовой жизни. Не случайно этнографы США и Канады подчеркивают, что основной экономически и «политически» самостоятельной единицей в индейских обществах был в то время не род, а сельская община у оседлых племен и кочевая община (так называемая *band*) у кочевых племен, отличавшиеся от рода прежде всего тем, что объединяли в некий территориально-производственный коллектив людей разных родов. Хозяйственной единицей в таких общинах была не родовая группа, а большесемейное домохозяйство, состоявшее из мужей и жен — членов различных родов.

В советской литературе⁹ такого рода территориально-производственные общины принято называть соседскими общинами на том основании, что в них древние родовые связи постепенно сменяются соседскими. Сельская община, своеобразная рыболовецкая и кочевая община — это конкретные формы соседской общины, встречающиеся повсеместно у племен земледельцев, рыболовов, кочевых охотников и скотоводов.

К. Маркс, говоря в частности о сельской общине, подчеркивал: „Земледельческая община“ была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»¹⁰.

Основной причиной возникновения соседской общины и вытеснения ею родовых связей был рост производительных сил в данном обществе. Если первобытный коллективизм, как справедливо отмечал К. Маркс, был следствием «слабости отдельной личности»¹¹, то повышение производительности индивидуального труда вело к сужению хозяйственного коллектива. В соседской общине главной хозяйственной единицей становится большесемейная группа — домохозяйство, но на первых порах она не является самодовлеющей экономической ячейкой общества. Она связана еще множеством отношений коллективизма и взаимопомощи с другими такими же общинами, живущими в одном селении, но принадлежащими к разным родам.

Во множестве монографических исследований индейских племен американские этнографы под названиями «*village community*», «*multiclan community*», «*band*», «*dem*» и т. д. описывали, по существу, именно соседскую общину в различных ее формах. Все эти социальные единицы характеризуются как территориальные объединения частей (*lineages*) различных деллокализованных родов (*sibs*). Вместе с тем, описывая такого рода соседскую общину, большинство американистов трактовало ее как архаическую форму общественной структуры индейских племен и на этом основании пыталось опровергнуть учение Л. Г. Моргана о роде вообще и в частности его положение о том, что Северная Америка ко вре-

⁹ Е. Ю. Кричевский, Развитие производства родового общества, в сб.: «Первобытное общество», М., 1932; Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родовых связей к территориальным в истории народов Сибири, в сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LIV, М. — Л., 1960.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 27, изд. I, стр. 694.

¹¹ Там же, стр. 681.

мени ее открытия представляла собой классическую страну родового строя.

Однако современные исследования американских и канадских ученых по исторической этнографии, по системам родства у различных племен подтверждают, на наш взгляд, правоту Л. Г. Моргана.

Опубликованные до сих пор материалы о социальной организации индейских племен позволяют выявить ранние этапы и формы становления соседской общины.

У ряда племен наряду с развитием соседской общины и распадом экономической основы их родов, долгое время сохранялись еще такие институты древней родовой организации, как матрилинейность счета происхождения и наследования и матрилокальность брачного поселения.

В прериях характерны в этом отношении чейенны и кроу, на северо-западе — тлинкиты, хайда и цимшиян, на востоке — ирокезы, крики, на юго-западе — хопи и др. Соседские связи в общинах этих племен настолько тесно переплетались с кровнородственными, а нередко искусственно облекались в форму кровнородственных, что не всегда были различимы. Общественная структура внешне сохраняла еще форму родовой, люди делились по родам, фратриям, и отношения родовые казались еще преобладающими, особенно если исследователи сосредоточивали свое внимание на обрядности. У ряда племен соседская община долгое время сохраняла не только тотемно-родовое название одной из родовых групп (у команчей, чейеннов, тлинкитов), но и ее экзогамность и даже представление о происхождении от одного мифического предка (например, у чейеннов). В этих случаях термины родства распространялись на широкий круг односельчан путем установления с ними фиктивного родства с помощью различных обрядов. Важную роль в качестве объединяющего фактора в соседской общине играли отношения свойства. Нередко они замещались терминами кровного родства. В результате такого расширения значения терминов кровного родства все жители селения представлялись родственниками.

Не удивительно поэтому, что социальная структура этих племен часто характеризовалась как типичная форма материнскородовой организации. Именно этому этапу соответствует определение ирокезского рода у Моргана как «совокупности кровных родственников, происходящих от одного предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови»¹². В ирокезской лиге род действительно сохранял свое значение единицы «организации всей системы общественного устройства и организации управления», но он не был уже экономическим единством.

Характерно, что среди перечисляемых Морганом десяти прав и обязанностей рода на его былую экономическую общность указывают лишь право наследования и обязанность взаимопомощи, общность родового кладбища, — явления, долгое время сохраняющиеся уже после распада рода как экономической общности.

Наличие такого типа материнскородовой организации у племен далеко не первобытных, со значительным развитием производительных сил, например у индейцев пуэбло в области земледелия, скотоводства и ремесла, у ирокезов — земледелия и товарного пушного промысла, у чейеннов и кроу — коневодства и верховой охоты на бизонов, у тлинкитов — рыболовно-промыслового хозяйства и наследственного рабства, дало повод многим исследователям выступить против учения Моргана о материнскородовой организации как наиболее архаической форме родового общества.

¹² Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38.

Однако анализ большого количества конкретных материалов по истории общественных форм у различных индейских племен показывает, что их общественные отношения на протяжении колониального периода развивались из более архаических первобытно-коммунистических отношений, носивших форму материнскородовой организации.

Это очень наглядно прослеживается, например, на материалах социальной организации хопи, описывающейся обычно как типичная материнскородовая организация. В то же время исследователи отмечают, что основной экономической, политической и даже обрядовой единицей в обществе хопи является селение, объединяющее людей различной родовой принадлежности. Все хопи живут в семи селениях, в рамках которых родовой принцип не потерял, однако, еще своего значения. Хотя земля считалась собственностью всего селения и распорядителем ее признавался его старейшина, однако пахотная земля была в основном поделена между представленными здесь родовыми группами и закреплена за ними как наследственное владение. Особые земли сохранял за собой старейшина селения, отводя на них участки выделившимся уже в обществе хопи должностным лицам. Обрабатывала эти земли община в целом. Всей жизнью общины руководил совет из этих должностных лиц во главе со старейшиной. Каждая должность была наследственной в определенной родовой группе. Правящим родом в большинстве селений был род Медведя.

Основной хозяйственной единицей в пределах сельской общины хопи была матрилинейная большая семья, образующая домохозяйство. Состояла она из женщин — кровных родственниц (матери и дочерей, сестер), их мужей, детей и неженатых братьев. Земли родовой группы были распределены между домохозяйствами и даже между отдельными индивидуумами и «имели тенденцию, — как пишет Ф. Эгган, — становиться их наследственной собственностью»¹³. Как и в сельской общине, в составе домохозяйства родовой принцип был уже нарушен, так как хозяйство велось совместно мужьями и женами. И хотя земля считалась собственностью женщин, она обрабатывалась мужчинами. Мужской труд играл главную роль в земледелии.

Матрилинейная и матрилокальная большая семья хопи носила характер переходного института от первобытно-коммунистической домашней общины к патриархальной семье, поэтому в ее структуре прослеживается сосуществование и борьба элементов уходящего старого и нарождающегося нового. В домохозяйстве сосуществовали две формы собственности: земля, оросительная система, жилища считались неотчуждаемой родовой собственностью, право пользования которой наследовалось женщинами по женской линии, скот же находился в частной собственности мужчин.

Объединявшиеся в домохозяйстве малые семьи имели уже определенную экономическую самостоятельность, одной из основ которой была частная собственность на скот. Муж и зять приходили в домохозяйство со своим стадом, которое наследовалось затем его детьми, главным образом сыновьями, что противоречило принципу матрилинейного наследования, соблюдавшемуся еще в отношении земельных владений. О процессе экономического обособления индивидуальной семьи в рамках большой свидетельствует установившаяся практика выделения отдельных полей для каждой такой семьи. Мать выделяла поле выходящей замуж дочери, и, как отмечают исследователи, оно становилось наследственным в семье этой дочери¹⁴. Наряду с этим появились тенденции

¹³ F. Eggan, *Social organization of the Western Pueblos*, Chicago, 1950, p. 56.

¹⁴ C. D. Ford, *Hopi agriculture and land ownership*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1931, vol. 61, p. 370.

к нарушению принципа матрилинейного наследования земли, об этом говорят случаи передачи поля отцом детям¹⁵.

Фактическим главой хозяйства в экономическом отношении был уже, по-видимому, муж старшей женщины. Весьма характерно в связи с этим наставление материнского дяди племяннику, уходящему в домохозяйство своей жены: «Займи место твоего тестя и работай на его поле прилежнее, чем на своем»¹⁶.

Мужчины хопи, потеряв экономические связи со своим материнским родом, сохраняли с ним ритуальные, возникшие, несомненно, из бывшего родового единства. Обрядовым главою рода и хранителем родового культа считался еще старший сородич — брат материнской бабушки, брат матери, страшный брат. Весь реквизит родового культа находился в родовом доме, куда возвращались из домов своих жен мужчины для отправления обрядов родового культа и, таким образом, временно восстанавливалось прежнее единство рода, состоявшего из одних лишь кровных родственников.

Сохранявшиеся до сравнительно недавнего времени в сельской общине хопи некоторые институты материнскородовой организации позволяют реконструировать архаическую форму этой организации, покоившейся на первобытном коллективизме и коммунизме общественной жизни. Род восстанавливается как экономическая и обрядовая единица, объединявшая кровных родственников.

Сложный процесс развития общины и ранней формы государственности, наряду с сохранением ряда институтов родового общества, происходил на юго-востоке Северной Америки¹⁷.

Эволюция соседской общины (называемой band в работах американских этнографов) у конных охотников на бизонов северо-американских степей неразрывно связана с развитием коневодства и верховой конной охоты, с развитием частной собственности на скот и становлением патриархальной семьи как основной, но долгое время не самодовлеющей хозяйственной единицы. Семья владела табунами лошадей, но кочевое коневодство и конная охота на крупную дичь требовали освоения огромных пастбищных и охотничьих территорий. Это могло быть под силу только более крупному коллективу, основанному на сотрудничестве нескольких больших семей, которые сообща использовали пастбища и охотничьи угодья, совместно охотились на большие стада бизонов. Соседская община этих племен по своим признакам сходна с кочевой общиной кочевников-скотоводов Средней Азии, которую советские ученые условно называют кочевой аульной общиной¹⁸.

Материалы, характеризующие соседскую общину у этих племен, позволяют проследить различные этапы и формы развития аульной общины и соотношения в ней родовых и соседских связей. В аульной общине, например, чейенов, сохраняется еще много черт родовой структуры: матрилинейность и матрилокальность, тотемно-родовые названия соседских общин, представление о жителях аула как сородичах. У команчей же, хотя и сохраняются названия больших кочевых общин по родовым эпонимам,

¹⁵ Там же, стр. 377; см. также: F. Eggan, Указ. раб., стр. 56; M. Titiev, Old Oraibi, a study of the Hopi Indians of the Third Mesa, Cambridge, 1944, p. 181.

¹⁶ E. C. Parsons, A Pueblo Indian journal, 1920—1921, «American Anthropological Association Memoir», № 25, Menasha, 1925.

¹⁷ См. «Народы Америки» I, серия «Народы Мира. Этнографические очерки», М., 1959; J. Swanton, Indian tribes of the Lower Mississippi valley and adjacent coast, of the Gulf of Mexico, «Bureau of American Ethnology Bulletin», 43, Washington, 1911.

¹⁸ См., напр.: Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1964, № 6.

но родовые связи настолько распались, что большинство исследователей вообще отрицает существование рода у них даже в прошлом. У команчей сложилась уже большая патриархальная семья, глава которой имел несколько жен.

Становление соседской общины у охотников-звероловов севера Северной Америки хорошо прослеживается в работах Г. Хикерсона, Дж. Ван Стоуна, Дж. Хелм, Э. Ликок¹⁹. Ценные материалы о соседской общине оджибвеев конца XVIII в. содержатся в жизнеописании Дж. Теннера²⁰.

Своеобразная рыбацкая община складывалась у рыболовных племен северо-западного побережья Северной Америки. Для нее характерны те же диагностические черты, что и для общин земледельцев, охотников и скотоводов²¹.

Как убедительно свидетельствуют материалы, соседская община у различных племен Северной Америки, существовала в переходный период от классового общества к классовому. Это обусловило ее противоречивость и дуализм, проявлявшиеся во всех сферах общественной жизни. Наиболее стойко они держались в области отношений собственности: от родового строя соседская община унаследовала коллективизм собственности на земельные угодья, но это был уже коллективизм не родовый, а общинный. Вместе с тем развивалась частная собственность на скот, на рабов, меха и изделия ремесла. Дуализм проявлялся и в области производства средств существования наряду с сохранением некоторых форм коллективного труда и взаимопомощи, шел процесс парцелляризации основных видов труда, дающих материальные богатства. В области распределения этот дуализм проявлялся в сосуществовании некоторых форм совместного потребления пищи всей общиной с развитием частного присвоения. Борьба и соотношение элементов коллективизма и частного присвоения определяли формы соседской общины на различных этапах ее развития.

Соседская община в истории первобытного общества была той формой, в которой происходит вызревание отношений частной собственности в борьбе и преодолении отношений родового коллективизма.

Несмотря на известную экономическую самостоятельность, особенно в области натурального хозяйства, соседская община не существует как совершенно самодовлеющий микрокосм, она всегда — часть более крупного социального организма. В своих ранних формах соседская община является частью племенной общности на последнем этапе ее существования, когда племя приобретает черты политической организации, из которой развивается затем военная демократия. Таковы были племена ирокезов периода Лиги, индейцев юго-востока и юга-запада современных США, северо-западного побережья, степные племена в раннеколониальный период. Характерной особенностью этого этапа является существование племенных союзов (Лига ирокезов, конфедерации криков, поухатанов, дакотов, черноногих и др.). В политической организации племен и межплеменных объединений прослеживались элементы становления различных форм военной демократии, что также говорило о переходном

¹⁹ H. Hickerson, The southwestern Chippewa, an ethnohistorical study, «American Anthropological Association Memoir», № 92, Menasha, 1962; J. W. Van Stone, The Snowdrift chipewyan Ottawa, 1963; J. Helm, The Lynx Point people: the dynamics of a Northern Athapaskan band, «National Museum of Canada, Bulletin», № 176, Anthropological series, № 53, Ottawa, 1961; E. Leacock, The Montagnais — Naskapi band, «Proceedings of the Conference on Band Organization», Ottawa 1965.

²⁰ Дж. Теннер, Тридцать лет среди индейцев. М., 1963 (пер. с англ.).

²¹ См.: Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LXX, М., 1961.

характере индейского общества, о развитии в рамках еще племенной общности классовых отношений.

Распад первобытно-родовых отношений нашел свое отражение и в религии индейцев. Индивидуализм в производственной и социальной сферах проявился в характере религиозных воззрений. С этим связано было широкое распространение среди индейцев культа личных духов-покровителей, промысловых культов и шаманства.

Но, как и в отношении социальной организации, эта, уже поздняя, черта в религии индейцев трактовалась американскими этнографами как исходная; в индивидуализме они усматривали самую архаическую особенность религиозных верований и культов. Так, Ф. Спек²², видя зародыши религии в вере в личных духов-покровителей, трактовал неразвитость этой веры у монганей и наскапей Лабрадора как признак их чрезвычайной первобытности. Промысловый культ, шаманизм, веру в личных духов-покровителей Спек считал древнейшими чертами религии племен, стоявших якобы на дородовой стадии развития. Советские ученые по-иному подходят к этой проблеме, рассматривая эти формы религии как признак распада родового общества²³. Изучение, например, промысловых культов у самых различных народов мира привело С. А. Токарева к выводу о том, что в родовом обществе промыслового культа как особой формы религии не существовало, так как элементы ее содержались в господствующей тогда форме религии — тотемизме²⁴. Промысловые культы обособляются в самостоятельную форму религии только с началом разложения родового общества, сохраняя, однако, вначале черты тотемизма. В широко распространенном в Северной Америке, как и в Сибири, культе медведя можно видеть раннюю форму промыслового культа, сохраняющую еще черты тотемно-родового праздника, но отличающуюся от родового тотемизма тем, что медведь выступает в качестве общего покровителя всех родов. Это говорило о том, что культ медведя из родового превратился в общинный. Такое же значение общинного культа приобрел культ волка у нугка.

Вместе с развитием соседской общины всюду как закономерный процесс можно наблюдать возникновение общинных культов. Характерные примеры превращения родовых культов в общинные дают, например, индейцы пуэбло. Хотя в обрядовой жизни хопи сильнее всего сохранились пережитки родовой организации, но и здесь развитие соседских связей нашло свое отражение. Культы и обряды отдельных родов приобрели уже общеплеменное значение. Соблюдение их было направлено на обеспечение благополучия общины в целом; в них принимала участие вся община, хотя организатором каждого обряда был соответствующий род. Тотемы отдельных родов стали почитаться как специализированные божества общины. Например, Змея — тотем одного из родов, почиталась как божество воды, и устраиваемая этим родом пляска змей имела целью магическое вызывание дождя. Барсук — тотем другого рода, почитался как божество, от которого зависело произрастание диких растений, и организуемый этим родом обряд должен был содействовать росту этих растений на благо всей общины. Обряд рода Качина приобрел характер общеплеменного обряда почитания умерших. Большое значение в обрядовой жизни общин хопи играли религиозные общества, объединявшие людей различной родовой принадлежности, но и они носили

²² F. Speck, Naskapi: the savage hunters of the Labrador Peninsula, Norman, 1935, p. 15.

²³ См. С. А. Токарев, Ранние формы религии, М., 1964, стр. 240—241, 278, 306.

²⁴ Там же, стр. 241—242.

еще оттенок родовых отношений. Организатором того или иного общества считался определенный род, члены которого составляли большинство в этом обществе. Святилища хопи, так называемые кива, в которых исполнялись обряды обществ и отправлялись родовые культы, также считались принадлежащими определенным родам. Они сооружали и содержали их, хотя использовались кива для обрядов общинного значения.

Таким образом, в обрядности хопи наглядно прослеживается переплетение родовых и соседских начал, развитие общеплеменных и общинных культов из родовых. Чрезвычайно убедительно становление общинного культа Миде у оджибвеев прослежено Г. Хикерсоном²⁵. Культ солнца у степных племен, вероучение Прекрасного Озера у ирокезов, культ тайных обществ на северо-западном побережье — все они имели значение общинных культов²⁶.

* * *

Совсем иной характер носил период усиленной колонизации, когда вся жизнь индейцев подвергалась насильственному разрушению. Колонизаторам с конца XVII в. понадобились индейские земли для утверждения на северо-американском континенте капиталистического общества. В большинстве районов Северной Америки и прежде всего на востоке континента колонизаторы экспроприировали индейские земли, «очищали» их от первоначальных насельников, о которых стали говорить: «Хорош только мертвый индеец». Это был период отчаянного сопротивления индейцев колонизаторам, кровавых индейских восстаний, геноцида, насильственных переселений остатков племен на запад, за Миссисипи. Эти черные страницы американской истории повествуют о величайших несчастьях индейского народа, гибели сотен тысяч индейцев, об исчезновении с лица земли целых племен и племенных групп, их языков и созданных ими культур.

Со второй половины XVIII в. колонизаторы все чаще стали прибегать к практике фиктивных договоров с уцелевшими племенами, добываясь экспроприации их земель и поселения индейцев в резервации. Старый жизненный уклад был в корне разрушен, а новый еще не сложился. Для того, чтобы наладить жизнь в условиях резервации, индейцам нужно было совершить болезненный скачок из первобытнообщинного состояния в капитализм, в мир наживы, хищничества, обмана и эксплуатации, нормы которого были чужды индейской массе.

Северные районы континента в период усиленной колонизации, который датируется здесь серединой XVIII в., привлекали искателей наживы главным образом своими пушными богатствами. Расширяется в северных районах сеть торговых пунктов, которыми, как щупальцами, скупщики пушнины стремились охватить всех звероловов американской тайги. Теперь, в отличие от раннеколонизального периода, устанавливаются непосредственные отношения между индейскими звероловами и скупщиками пушнины. Всюду за индейцем-звероловом следовал скупщик пушнины. Большинство звероловов, по выражению канадского исследователя Ф. Гарига, превращены были в «лесных рабочих торговых компаний, главным образом Компании Гудзонова Залива»²⁷.

²⁵ Н. Hickerson, The sociohistorical significance of two Chippewa ceremonials, «American Anthropologist», 1963, vol. 65, № 1.

²⁶ Об этих культах см.: «Народы Америки», I.

²⁷ Ph. Garigue, The social organization of the Montagnais — Naskapi, «Anthropologica», 1957, № 4, p. 133.

В этих условиях совершенно исключалась возможность индейской посреднической торговли, развивавшейся в раннеколонизальный период. В индейском обществе шел теперь процесс некоей нивелировки, все индейцы превращались в поставщиков пушнины, непосредственно эксплуатируемых и экономически зависимых от европейских скупщиков. Многие исследователи американского Севера не раз писали о бесчеловечной эксплуатации и фактическом ограблении индейских звероловов скупщиками пушнины. Этому была подчинена и введенная последними практика кредитования индейцев. Широко прибегали скупщики пушнины к спаиванию индейских звероловов, привозивших меха. В результате индейцы были доведены до страшной нищеты, вымирания от голода и болезней. Все эти изменения в жизни народа некоторые исследователи описывают как процесс декультурации²⁸. Но в развитии этих народов шел двойной процесс: наряду с вымиранием и деградацией происходили смешение и объединение остатков различных племен, закладывались основы становления из остатков разноплеменных групп мелких индейских народностей. Таковы по своей сущности описываемые в XX в. «племена» атапасков или алгонкинов Канадского Севера. В современных индейских общинах отношения древнего коллективизма преобразовываются, приобретая формы первичной кооперации.

Раннеколонизальный период на северо-западном побережье на первых порах ускорил процессы распада первобытнообщинного строя и утверждения раннеклассовых отношений по наметившейся еще до колонизации линии развития наследственного рабства, торговли, становления военной демократии²⁹. Однако этому пути развития индейского общества был положен конец в следующий период колонизации, совпавший с покупкой Аляски правительством США. Эксплуатация торговым капиталом индейцев как звероловов сменилась эксплуатацией индейцев на капиталистических предприятиях рыбной, лесной и горной промышленности. Этот этап колонизации на северо-западном побережье характеризовался тем же насилием и жестокостью, что и капиталистическое «освоение» и «очистка» от индейского населения других частей Северной Америки. Земли индейцев, их рыболовные, промысловые и лесные участки экспроприировались. Сами индейцы, если не умирали от горя, нищеты, заразных болезней, становились дешевой рабочей силой для новой капиталистической промышленности в крае.

Массовое обращение индейцев в христианство сопровождало период «замирения». Однако индейцы лишь внешне воспринимали некоторые символы христианства, и только отдельные догмы христианского вероучения были включены ими в свои религии. Широко возникавшие синкретические культы всегда носили оттенок сопротивления колонизации. XIX в. в истории индейской религии ознаменован возникновением мессианских культов, направленных против колонизаторов. Широкое распространение получили пляска духов, пейотизм, индейская церковь трясунов, вероучение пророка Прекрасное озеро и др.

Наряду с этим современные исследователи подчеркивают безрелигиозность, как характерную черту современных индейцев. У многих индейских народов прежние религиозные обряды приобретают вполне

²⁸ J. Van Stone, Указ. раб., pp. 110—111; B. J. James, Social-psychological dimensions of Ojibwa acculturation, «American Anthropologist», 1961, vol. 63, № 4, p. 744.

²⁹ См. Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

светкий характер и становятся сюжетом индейских представлений для туристов.

Таким образом, колонизация Северной Америки вызвала коренные изменения во всех областях жизни индейских народов. Хотя в своей социальной структуре они до наших дней сохранили немало особенностей, теперь уже очевидно, что эти особенности сложились у них в период колонизации, и ошибочным является изображение их как доколониальных чисто аборигенных черт социальной жизни индейцев.

SUMMARY

In the article are traced the main lines of transformations in North American Indian economy and social life under the influence of colonization. The fundamental changes in the economic life of the Indians were:

1. Development of a commodity producing economy, and its coexistence with earlier subsistence economy, which resulted in dualism of Indian economic life.

2. Individualization of labour and decline of ancient collectivism in production and distribution.

3. The rise of private wealth and social inequality.

The transformations in economy led to basic changes in the social life of the Indians. The most important of these changes were:

1. Economic relations became separated from clan relations.

2. The clan as an economic unit gave way to big family community.

3. The neighbourhood community evolved.

4. Consanguine clan relations were expanded to include unrelated community members on the basis of fictitious relationship.

5. Clan cults were transformed to community and tribal cults as a means of uniting community members.

М. Я. Берзина

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КАНАДЫ [ЭТНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ]

Задача определения этнического состава населения многонациональных государств связана с решением целого комплекса методологических проблем, а также с разработкой определенных приемов использования и истолкования весьма разнородных фактических материалов. Для стран американского континента задача эта имеет свою специфику по сравнению со странами Старого Света.

Главная особенность процессов этнообразования, легших в основу современного этнического состава населения Нового Света, заключается в том, что они протекали здесь в иных исторических условиях, чем в Европе и Азии: современные этнические общности Америки зародились и росли вместе с капитализмом; они развивались характерными для капиталистической эпохи ускоренными, по сравнению с прежними историческими периодами, темпами; важную роль в них играли городские поселения. Вследствие этого, процессы, занимавшие в Азии подчас тысячелетия, в Европе, как правило, многие сотни лет, в Америке спрессовались в два-три-четыре столетия. Наиболее бросающаяся в глаза особенность современных наций и народностей большинства американских стран — их расовая и этнокультурная пестрота — является результатом главным образом молодости этих народов, а не какой-либо особой разнородности компонентов, из которых они первоначально возникли.

Некоторое своеобразие Америки заключается также в том, что большинство ее современных народностей и наций образовалось не непосредственно в результате классовой дифференциации и этнической консолидации племен и племенных союзов, заселявших данную территорию, а путем слияния воедино трех главных компонентов: фрагментов множества давно сформировавшихся народностей Европы, фрагментов множества племен и формирующихся народностей Африки и остатков распавшихся под ударами колонизации местных индейских племен.

К числу особенностей этнообразования в новое время в Америке относится и исключительно высокая роль в этом процессе политических границ, которые, будучи установлены в ходе борьбы между соперничающими государствами, оказались затем важнейшим фактором образования и территориального разграничения новых возникающих здесь этнических общностей.

С точки зрения исследователя этнических процессов чрезвычайно ценно, что ныне существующие нации и народности Америки возникли в новое время, «на глазах истории»; это дает возможность изучать по письменным источникам и наблюдать воочию процессы этногенеза; аналогичные процессы в Старом Свете прослеживаются по археологическим памятникам, лингвистическим и антропологическим данным, этнографическим пережиткам. Возможность знакомиться с процессами этногенеза на «живом» материале придает изучению этнического

состава населения американских стран и этнических процессов в них особый методологический интерес.

Эти особенности этнического развития, характерные для Америки в целом, по-разному проявляются в отдельных ее крупных частях, а внутри их — в отдельных странах.

Америка в историко-этнографическом отношении отчетливо разделяется на два региона — Северную Америку (в узком значении этого термина, то есть к северу от Рио-Гранде) и Латинскую Америку, подразделяющуюся на несколько подрайонов.

Северная Америка, как особый этнокультурный регион, может быть бегло охарактеризована следующими общими чертами. К приходу европейцев она была заселена распыленными индейскими племенами, находившимися на той или иной стадии родо-племенного строя; лишь немногие из них были объединены в устойчивые племенные союзы — зародыши возникающих народностей. Население было очень редким (в среднем около 2 чел. на 100 кв. км, в наиболее заселенных восточных районах — до 10 чел. на 100 кв. км). Колонизация Северной Америки (в отличие от Латинской) производилась в основном из стран северо-западной Европы, главным образом с Британских островов. Колонисты, как правило, стремились к созданию постоянных поселений и земледельческому освоению территории; переселялись во многих случаях целые семьи и общины; смешение между иммигрантами и индейцами было весьма ограниченным. Колонизация сопровождалась захватом земель и уничтожением или оттеснением индейцев. В большей части этого региона в итоге европейской колонизации утвердилось политическое господство Англии и преобладание английского языка. В дальнейшем, в период бурного развития капиталистических отношений, когда уже были сформированы новые этнические общности европейского происхождения, первоначальная «старая» иммиграция сменилась (точнее, дополнилась) «новой» иммиграцией из восточной и южной Европы; роль этой новой иммиграции была очень велика в росте промышленности, в заселении западных земель и создании там земледелия капиталистического типа и, вместе с тем, в этническом развитии населения. После Второй мировой войны появилась новейшая иммиграция, направляющаяся почти исключительно в города и оказывающая свое влияние на этнический состав и на экономику североамериканских стран.

Для стран Северной Америки на всем протяжении их новейшей истории и по настоящее время характерны сильное этническое смешение и бурные этнические процессы (главным образом, ассимиляционные), особенно в городах. Это придает этническому составу этих стран известную неустойчивость, изменчивость. Характерно наличие значительного числа этнически переходных групп¹, оторвавшихся от своего прежнего этноса, но еще не слившихся полностью с новым; характерна зыбкость разделительных линий между этническими общностями.

¹ Термин «этнически переходные группы» употреблен нами здесь приблизительно в том же значении, как распространенный в советской литературе 1920-х годов термин «текущие национальные группы»: «...в пределах РСФСР... существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инациональные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.)». (Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, 1953, стр. 561). Такого рода группы существуют во всех странах, однако в Новом Свете значение связанных с ними проблем гораздо больше. От текучих национальных групп России этнически переходные группы Канады отличаются, в частности, отмечаемой нами ниже огромной изменчивостью своего состава и размеров.

Однако, при всей типологической общности этнического развития двух основных стран этого региона — Соединенных Штатов и Канады, — между ними есть и существенные различия.

Задача настоящей статьи определить, главным образом на статистическом материале, этнический состав населения Канады на определенный момент (1961 год) с учетом характерных особенностей ее этнического развития как одной из стран североамериканского этнокультурного региона.

Основные черты этнической истории Канады (как и США) на протяжении трех с половиной столетий — иммиграция европейцев, смешение их между собой, колонизация ими все более обширных территорий, стеснение аборигенных индейских народов и образование новых этнических общностей. От Соединенных Штатов ее, однако, резко отличают: отсутствие плантационного хозяйства и связанного с ним ввоза африканских негров-рабов; формирование не одного, а двух основных крупных народов; более сильное смешение европейского населения с индейским; более медленное экономическое, социальное и этническое развитие; сильная зависимость от выросшего рядом мощного соседа — США; более длительное сохранение колониальной зависимости от Англии; крупная роль, наряду с процессами иммиграции, процессов эмиграции и т. д.

Современный этнический состав Канады характеризуется преобладанием двух крупных наций — англо-канадцев и франко-канадцев, наличием многочисленных этнически переходных групп, в большинстве европейского происхождения, а на периферии — небольших аборигенных народов. Численность англо-канадцев увеличивается не только путем естественного прироста, но и за счет непрерывной ассимиляции переходных групп; пришлые группы, уменьшаясь из-за ассимиляции их англо-канадцами, вместе с тем непрерывно пополняются новыми контингентами иммигрантов. Аборигены Канады — индейцы и эскимосы, подвергаясь аккультурации, в небольшой части тоже ассимилируются. Наиболее стабильны по составу франко-канадцы: после начального периода колонизации в XVII в. они очень медленно пополнялись французскими иммигрантами и практически не ассимилировали других пришельцев; почти все современные франко-канадцы — прямые потомки первых нескольких тысяч французов-иммигрантов; вместе с тем, они лишь в незначительной части ассимилируются господствующей в стране англо-канадской нацией.

Переходный характер малых этнических групп Канады означает, что они уже более не составляют части тех народов, из которых они вышли (хотя этнические связи в ряде случаев и не полностью утрачены), но и не влились в новую этническую общность на канадской почве (несмотря на то, что подверглись большей или меньшей аккультурации). Как людской состав, так и этнический характер этих групп подвержен непрерывным изменениям под влиянием ассимиляционных процессов, с одной стороны, и миграционных, — с другой. Тем не менее, они существуют уже много десятков лет, несомненно, будут еще длительно существовать и являются немаловажным фактором канадской общественной жизни.

Как пришлые, так и аборигенные группы не только подвергаются аккультурации, но и постепенной ассимиляции. Темпы ассимиляции разных групп, разумеется, очень различны, в зависимости от степени их культурной, языковой и антропологической близости к ассимилирующей нации, от уровня их социально-экономического развития, от длительности проживания пришлой группы в стране и прочности ее связей с прежней родиной, от ее размеров, полового и возрастного состава, ха-

рактера расселения (особенно от степени урбанизации), а также от субъективных факторов: отношения к ассимиляции ассимилируемого меньшинства и ассимилирующего большинства, политики властей, с одной стороны, и влиятельных кругов ассимилируемой группы — с другой, и т. п.

В какой-то мере (хотя и далеко не полностью) этнические процессы и их результаты могут быть уловлены статистикой. При этом статистические данные каждой страны имеют свою специфику и требуют своих особых методов обработки.

По сравнению с другими странами Америки, Канада выделяется хорошим состоянием своей статистики вообще и, в частности, богатством в ней этнических и близких к ним показателей. При изучении ее этнического состава необходимо опираться на эти чрезвычайно интересные статистические данные, и прежде всего на данные переписей населения.

Общеканадская перепись населения проводится регулярно, раз в десять лет, начиная с 1871 г.², по почти неизменной программе³.

Этой программой предусмотрены, в частности, следующие вопросы, имеющие прямое отношение к этническому составу и этническим процессам: а) «Этническое происхождение» (Ethnic origin) или «Этническая группа» (Ethnic group); до переписи 1941 г. этот показатель назывался «Расовое происхождение» (Racial origin); б) «Официальный язык» (Official language); в) «Родной язык» (Mother tongue); г) «Страна (или канадская провинция) рождения» (и для рожденных вне Канады — год въезда в страну); д) Гражданство; е) Религия.

Канадская перепись широко практикует перекрестное сочетание этих показателей, что очень важно для анализа данных.

Первый из названных показателей — «этническое происхождение» — не применяется ни в одной другой переписи мира⁴. Он направлен на выявление не расовой принадлежности (несмотря на неточное его название в старых переписях) и не современной национальной принадлежности (ибо ответ на этот вопрос — «канадец», «англо-канадец» и т. п. не принимается), а именно *происхождения* от аборигенных, европейских, азиатских, либо африканских предков. Для упрощения ответов происхождение считают всегда по мужской линии. Таким образом, например, «канадец, происхождение которого на 1/8 голландское, на 3/8 английское, на 1/4 шотландское и на 1/4 ирландское, числится голландцем по происхождению, если его предок по отцовской линии был голландцем»⁵.

Приведенный пример показывает, что показатель происхождения требует тщательной корректировки при использовании его для определения современного этнического состава. Более подробный анализ этого показателя выявляет, что недостатки его с течением времени все усиливаются, так как в населении Канады все растет доля людей смешанного происхождения, и смешение это становится все более сложным. Следует отметить также, что как счетчики переписи, так и сами граждане, часто путаются при ответе на вопрос об этническом проис-

² До образования в 1867 году Канадской федерации в отдельных колониях, начиная с 1666 года, проводились нерегулярные переписи.

³ Дополнительные переписи по ограниченной программе (без этнических показателей) проводятся в промежуточные пятилетние периоды.

⁴ Бюро цензов США предполагает осуществить обследование населения своей страны по этому показателю в 1970 г.

⁵ W. B. Hurd, Is there a Canadian race? Цит. по: W. Petersen, Planned migration, Berkeley and Los Angeles, 1955. Можно добавить, что этот голландский прадед или прапрадед, в свою очередь, мог быть тоже голландцем лишь на одну восьмую!

хождении: многие называют, вместо *этнического* происхождения (как это предусмотрено инструкцией), *страну*, (государство), из которой прибыли их предки (например, называют происхождение: «бельгийское», а не «фламандское» или «валлонское»; «югославское», а не «хорватское», «словенское», «сербское»; «австрийское», а не «венгерское», «украинское» и т. п.). Поэтому точность данных по этому показателю не очень велика и притом весьма различна для разных групп: она оказывается, в общем, выше для выходцев из однопациональных государств (например, итальянцев, норвежцев) и ниже для выходцев из многонациональных государств — бывших Российской и Австро-Венгерской империй и т. д. Эти же недостатки имеют место и на стадии обработки данных, особенно в более ранних переписях.

В 1961 г. население Канады распределялось по показателю «этнического происхождения» следующим образом:

Происхождение	тыс. чел.	% к насел.
Британское (английское, шотландское, ирландское, валлийское)	7997	43,8
Французское	5540	30,4
Немецкое	1050	5,8
Украинское	473	2,6
Итальянское	450	2,5
Голландское	430	2,4
Скандинавское (шведское, норвежское, датское, исландское)	386	2,1
Польское	323	1,8
Индийское	208	1,1
Еврейское	173	1,0
Венгерское	126	0,7
Русское	119	0,6
Австрийское	106	0,6
Прочее (словацкое, сербо-хорватское, фламандское, финское, греческое, румынское, китайское, японское и т. д.)	857	4,6
Всего:	18238	100,0

Цифры эти, несмотря на ряд присущих им несовершенств (часть которых отмечена выше), имеют большой познавательный интерес для ознакомления с этническими истоками канадского населения. Ценность этих данных повышается, если корректировать их, сопоставляя цифры ряда переписей с текущими данными о въезжающих иммигрантах (последние с 1926 г. также учитываются не только по стране рождения, но и по признаку этнического происхождения); необходимо также сопоставлять их с данными тех же переписей по другим показателям (языку, стране рождения, вероисповеданию и т. д.). Эти методы оказываются весьма плодотворными для выявления погрешностей учета по показателю происхождения.

К сожалению, в последних канадских переписях, в целом более богатых данными этнического значения, чем переписи США, отсутствует один показатель, очень интересный для оценки численности реально сохраняющихся (еще не ассимилированных) переходных этнических групп. Речь идет о показателе «страна рождения родителей» учитываемых лиц. Этот показатель позволяет отделить второе поколение европейских выходцев (то есть детей иммигрантов) от самих иммигрантов с одной стороны, и от всех более дальних поколений (внуков, правнуков и т. д.) — с другой. Второе поколение чужеземных выходцев в легко ассимилируемых группах можно предполагать уже в подавляющем

большинстве слившимся с ассимилирующей нацией; в трудно ассимилируемых переходных группах второе поколение, неизбежно подвергшееся известной аккультурации, тем не менее сохраняет этническую обособленность. Сопоставление числа родившихся в Канаде и вне ее с данными об иммиграции и об эмиграции по каждой группе может помочь нам дать приблизительную оценку размеров поколений; их следует учесть, наряду с другими факторами, при определении численности переходных этнических групп⁶.

Было бы ошибочным просто отождествлять, как это часто делают, установленные переписью группы того или иного «этнического происхождения» с фактически существующими этническими общностями (народами, переходными этническими группами) Канады. Современные народы являются продуктом длительных и сложных этнических процессов и не могут быть прослежены по прямым генеалогическим линиям.

Англо-канадская нация вобрала в себя много разнообразных этнических компонентов и продолжает ассимилировать живущие в Канаде пришлые и аборигенные группы; состав ее далеко не ограничивается лицами английского, шотландского, ирландского и валлийского происхождения.

С другой стороны, иммиграция в Канаду продолжается. Вновь въезжающие англичане, шотландцы, ирландцы никак не могут рассматриваться как часть англо-канадской нации, также как и вновь въезжающие французы остаются французами, а не вливаются сразу же во франко-канадскую нацию. Между тем, в стране в 1961 г. проживало свыше миллиона лиц британского происхождения, родившихся вне Канады; свыше 400 тысяч из них въехало в страну сравнительно недавно — после второй мировой войны. Ясно, что англо-канадцами могут считаться лишь те из этих людей, которые въехали в детстве, да и то, может быть, не все; даже англичане далеко не сразу ассимилируются в англо-канадском обществе⁷. Тем более это относится к ирландцам, которые в силу ряда исторических причин склонны в чужих странах длительно сохранять связи с родиной и яркое национальное самосознание⁸.

Эти примеры, наряду с многими другими, показывают, что данные переписи об «этническом происхождении» сами по себе недостаточны для определения современного этнического состава страны.

Второй важнейший показатель, учитываемый канадской переписью, — язык населения.

Перепись Канады содержит два отдельных вопроса о языке: «Какой из двух официальных языков Канады Вы знаете?» и «Ваш родной язык».

Данные переписей по первому вопросу — *официальному языку* (Official language) показывают, что группы разного этнического происхождения в настоящее время (по переписи 1961 года) в подавляющем большинстве владеют официальными языками Канады; доля знающих эти языки ниже других у лиц аборигенного происхождения (81%), китайского (82%), итальянского (83%); у всех остальных групп она превышает 90% (у лиц русского, украинского и польского происхождения — 97—98%, немецкого и голландского — 98—99% скандинавского — 99,8%). Между тем, еще несколько десятилетий тому назад этот процент почти для всех групп был гораздо ниже: в 1931 г. по данным переписи, он варьировал от 57% у лиц аборигенного происхождения до 97% у лиц скандинавского происхождения. Доля знающих официальные язы-

⁶ См. также «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 297—298.

⁷ W. Petersen, Указ. раб., р. 131.

⁸ Ш. А. Богина, Иммиграция в США, М., 1965, стр. 62—73.

ки Канады повысилась почти у всех групп несмотря на то, что в них вошло много новых иммигрантов. Только у итальянцев доля знающих языки Канады уменьшилась в результате массовой иммиграции послевоенных лет.

Во всех, без единого исключения, пришедших группах знание английского языка распространено гораздо больше, чем французского⁹. Это отражает резкое преобладание англо-канадцев в экономической и политической жизни страны и служит основой для ассимиляции пришедших групп именно с англо-канадцами, а не с франко-канадцами. Интересно отметить, что доля лиц французского происхождения, знающих английский язык (39%) во много раз выше, чем доля лиц британского происхождения, знающих французский (4%). Сведения о знании пришедшим населением официальных языков, разумеется, еще не определяют размеров этнической или даже языковой ассимиляции, но имеют определенный интерес для характеристики ассимиляционных процессов, поскольку знание языка является необходимой предпосылкой языковой ассимиляции, то-есть смены родного языка. Среди индейцев французский язык распространен, сравнительно с английским, несколько больше, так как многие из них имеют смешанное индейско-французское происхождение. Кроме того, в аккультурации индейцев большую роль играли французские миссионеры — католики.

Широкое распространение английского языка среди переходных групп является результатом, в частности, ассимиляторской политики канадского правительства. Помимо соответствующей школьной политики, оно организует через Департамент иммиграции и гражданства изучение английского языка новыми иммигрантами тотчас же по въезде, или же непосредственно перед выездом из Европы.

Вопрос о родном языке (Mother tongue) общепризнанно имеет особое важное значение для определения этнического состава населения любой страны. Однако в странах массовой иммиграции роль его не может быть столь безусловна, как в странах с более стабильным населением.

Важнейшие языки Канады следующие (по переписи 1961 года):

Родной язык	тыс. чел.	% к насел.
Английский	10560	57,9
Французский	5123	28,1
Немецкий	564	3,1
Украинский	361	2,0
Итальянский	340	1,9
Голландский	170	0,9
Индийские и эскимосский	166	0,9
Польский	162	0,9
Скандинавские	117	0,6
Венгерский	86	0,5
Идиш	82	0,4
Китайский	49	0,3
Финский	45	0,2
Русский	43	0,2
Прочие (словацкий, греческий, сербо-хорватский, японский, литовский, фламандский, латышский, эстонский, арабский, румынский, гэльский, валлийский и т.д.)	370	2,1

Всего: 18238 100,0

Сравнивая распределение населения по родному языку с распределением его по признаку «этнического происхождения», мы замечаем, что

⁹ Мы здесь не принимаем во внимание численно ничтожную группу иммигрантов из Франции.

число людей с родным английским языком (10,6 млн. человек) примерно на одну треть больше, чем число лиц «британского происхождения» (8 млн.); у всех же других групп число их по показателю «происхождения» заметно превышает число сохранивших язык прежней родины. Это резкое несовпадение языка и происхождения, свидетельствующее о массовой языковой ассимиляции, характерно для стран со сложным этническим составом и с интенсивными этническими процессами.

При этом отношение лиц с тем или иным родным языком к числу лиц с соответствующим этому языку происхождением варьирует в очень широких пределах. Например, для некоторых групп (индейских, эскимосской, украинской, итальянской и ряда мелких — латышской, эстонской, финской, греческой) это отношение превышает 70%, для китайской доходит до 84%; для некоторых других (румынской, шведской, норвежской) оно, наоборот, ниже 30%; для польской оно составляет ровно 50%, для голландской, датской еврейской, русской, югославских — заметно ниже, а для словацкой, японской, венгерской — заметно выше 50%.

Эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о том, что языковая ассимиляция в большей или меньшей степени захватила все без исключения аборигенные и пришлые группы, с другой стороны, — что она захватила их в очень разной степени.

Дополнительный анализ показывает еще более сильное несовпадение между «происхождением» и родным языком. Возьмем в качестве первого примера одну из крупнейших этнических групп — украинскую. Всего лиц украинского происхождения 473 тысячи, лиц с родным украинским языком — 361 тыс., отношение второй цифры к первой — 76,5%. Но при рассмотрении таблицы перекрестных данных оказывается, что из говорящих по-украински только 305 тыс. имеют одновременно украинское происхождение, а остальные 56 тыс. — иное. Среди этих 56 тысяч несомненно есть дети от смешанных браков с украинским происхождением по материнской линии (не учитываемым, как мы помним, в переписи); но здесь могут быть и евреи или иные группы с родным украинским языком. Данные переписи наводят на этот вопрос, но недостаточны для его решения. Вместе с тем, оказывается, что не 76,5%, а всего 64,4% из числа лиц украинского происхождения (305 тыс. из 473 тыс.) сохранили родной украинский язык; для 160 тысяч их родным языком является английский. Это показывает более высокую степень языковой ассимилированности, чем казалось при простом сопоставлении двух статистических таблиц — таблицы «этнического происхождения» и таблицы родного языка. Впрочем, и последняя цифра — 305 тысяч сохранивших свой язык — является весьма высокой, учитывая, что из 473 тысяч лиц украинского происхождения только 110 тысяч (23%) родилось вне Канады. Мы видим, что украинский язык остается родным для значительного числа украинских выходцев и второго (а может быть и третьего) поколения.

Иная картина получается при анализе другой группы, также славянской и относящейся, в основном, к тем же периодам массовой иммиграции в Канаду, что и украинцы, а именно — поляков. Всего в Канаде лиц польского происхождения 323,5 тысяч, лиц с родным польским языком — 162 тысячи; отношение второй цифры к первой — 50%. Но из говорящих по-польски лишь 147 тысяч имеет и польское происхождение; остальные 15 тысяч, вероятно, — еврейское, украинское (но последних ни в коем случае не более шести с половиной тысяч; ведь из лиц украинского происхождения только 6,6 тысяч говорят на «прочих» языках), белорусское (белорусское происхождение и белорусский язык в

переписи 1961 г. не упоминаются; по-видимому, они там полностью отождествлены с русскими). Итак, польский язык является родным для 147 тысяч лиц польского происхождения, то есть для 45,5% их. 131 тысяча лиц польского происхождения (40%) назвали родным английский. Мы видим, что поляки подверглись гораздо более сильной языковой ассимиляции нежели украинцы, несмотря на то, что среди лиц польского происхождения доля иммигрантов первого поколения, родившихся вне Канады, значительно выше (около 40%). По-видимому, польский язык почти совсем не сохраняется у выходцев второго поколения. Объяснение этому различию скорее всего следует искать в другом типе иммиграции и расселения: украинцы переселялись на степные земли западных провинций, иногда целыми землячествами; поляки в значительно большей степени поселялись в промышленных поселках и городах. Разница в доле городского населения между этими двумя группами сохраняется и поныне (по переписи 1961 г. у лиц украинского происхождения — 65%, польского — 76%); двадцатью годами ранее она была резче (34% и 50%). Между прочим, перекрестные статистические данные о польских выходцах ставят перед нами еще один вопрос, на который трудно найти ответ в рамках статистики: 43 тысячи (13%) канадцев польского происхождения говорят на «прочих» (кроме польского, английского и французского) языках. На каких языках? Кто эти люди? Может быть, к ответу на этот вопрос могут подвести данные о вероисповедном составе польских выходцев: среди них, кроме римско-католического большинства (65%) и небольшого числа приверженцев специфически канадских церквей (Объединенной канадской, Англиканской и т. п.), имеется свыше 8% иудеев и около 6% православных и лютеран. Можно полагать, что какая-то часть этих людей в действительности не поляки, несмотря на свое польское «этническое происхождение», а евреи, русские, возможно — немцы и др.

Итальянские выходцы, стоящие рядом с украинскими по отношению числа говорящих на родном языке к числу их по происхождению (75,5%), при анализе оказываются сильно отличными от них. Итальянцы лишь в самые последние годы стали одной из крупнейших переходных этнических групп Канады. Лиц итальянского происхождения 450 тысяч. Из них 331,5 тысяч (73,6%) считают итальянский язык родным. Всего же по-итальянски говорят 340 тысяч. Таким образом, почти все, говорящие по-итальянски, являются итальянцами и по происхождению. Близкое совпадение этих цифр, видимо, отражает сравнительную однородность этнического состава населения европейской родины — Италии. Высокая степень сохранения итальянскими выходцами родного языка отчасти объясняется «новизной» итальянской иммиграции: за послевоенные годы в Канаду въехало 234 тысячи итальянцев; свыше 59% итальянских выходцев, живущих в Канаде, родились за ее пределами. Однако число лиц итальянского происхождения, сохранивших родной итальянский язык, превышает число их, родившихся вне Канады. Другими словами, итальянские выходцы, в отличие от польских, частично сохраняют язык и во втором поколении, несмотря на то, что итальянцы селятся почти исключительно в городах.

Что касается канадцев русского происхождения, то сопоставление их численности с числом говорящих на русском языке при ближайшем рассмотрении оказывается недостаточным для установления размеров этнически переходной группы канадских русских. Действительно, лиц русского происхождения 119 тысяч, лиц с родным русским языком — 43 тысячи, то-есть 36%. Но оказывается, что из этих 43 тысяч только 35 тысяч имеют русское происхождение; об остальных 8 тысячах мы

можем предполагать, что это дети от смешанных браков с русскими матерями, евреи, украинцы, поляки. Более любопытно, что из 119 тысяч лиц русского происхождения на русском говорят 30%, на английском — 46% (55 тысяч), несколько сот человек — на французском и 23% (28 тысяч) говорят на «прочих» языках. Чтобы выяснить, что представляют собою в этническом отношении эти загадочные 28 тысяч человек, мы должны снова обратиться к данным переписи о религиях. Оказывается, что лица «русского происхождения» по переписи имеют следующий вероисповедный состав: православные — 11,5%, иудеи 19,7%, римско-католики — 14%, лютеране — около 7%, меннониты — около 8%, остальные распылены между вероисповеданиями, характерными для Канады; в том числе имеются баптисты и адвентисты, которые распространены и в России, и в Канаде. Эти цифры показывают, что в графу «русское происхождение» попадает значительное число людей, имеющих в действительности иное этническое происхождение; общая цифра лиц русского происхождения оказывается сильно преувеличенной. Отбросив из числа «лиц русского происхождения» иудеев, меннонитов, католиков, лютеран, мы получаем общую численность уже не 119 тысяч, а немного более 60 тысяч: говорящие по-русски составят среди них уже не 30%, а около 58%, то есть вся группа оказывается меньшей по размеру, а языковая ассимиляция ее оказывается гораздо менее сильной.

Действительно, меннониты, как известно, переселившись в Россию из Германии (куда попали из своей первоначальной родины Голландии частью прямо, частью через Швейцарию), оставались в ней чужеродным телом. Они сохраняли в России (и в значительной мере сохраняют в Канаде) свой родной нижне-немецкий язык («платтдейч»), жили в сильнейшей изоляции от окружающего украинского и русского населения и переехали в Канаду не поодиночке, а несколькими большими группами. Позднейших переселенцев-меннонитов из России в Канаде принято называть «русскими меннонитами»; отсюда, очевидно, и отнесение их в переписи к группе «русского» происхождения. Вопрос о том, к какой этнической группе относить канадских меннонитов — считать ли их частью канадско-немецкой этнической общности, или же особой этнической общностью, развившейся из религиозной секты — это вопрос спорный; но считать их частью канадско-русской этнической общности во всяком случае нет никаких оснований. Ассимиляция евреев всюду, где она происходит, как правило, связывается с утерей или сменной вероисповедания; поэтому мы не можем предполагать, что значительные группы иудейского вероисповедания считают себя русскими по этническому происхождению. Заметных групп римско-католиков или лютеран среди русских никогда не было; видимо, это потомки эмигрантов из западных окраин царской России — эстонцев, латышей, литовцев, поляков, либо дети от смешанных браков, воспитанные матерями в своей вере.

Особое место среди этнически переходных групп Канады занимают голландская и немецкая. Немцы и голландцы входили в состав европейских иммигрантов в Канаду на всех исторических этапах. Современные канадцы немецкого и голландского происхождения образуют непрерывную гамму от потомков самых ранних переселенцев до послевоенных иммигрантов. Первые являются интегральной частью англо-канадского народа, в первоначальном формировании которого они участвовали; вторые, подобно новейшим иммигрантам других групп, еще связаны этнически со своим европейским этносом; большинство образует разнородную промежуточную массу — этнически переходные группы.

Лиц голландского происхождения в Канаде по переписи 1961 года числится 430 тысяч, лиц с родным голландским языком — 170 тысяч

(39,5%). Из этих 170 тысяч имеет голландское происхождение 161 тысяча; около 9 тысяч говорящих по-голландски числятся имеющими иное происхождение. 223 тысячи лиц голландского происхождения (52%) имеют родным языком английский. Таким образом, языковая ассимиляция голландцев — одна из наиболее высоких.

Среди голландских выходцев, как и среди русских, много говорящих на «прочих» языках (44 тысячи человек). Как и для группы русского происхождения, это, видимо, объясняется большим числом меннонитов, назвавших своим происхождением голландское, а родным языком — немецкий. Среди лиц голландского происхождения меннониты составляют 13,6%.

Канадцы немецкого происхождения насчитывают, по переписи 1961 года, 1050 тысяч жителей — больше любой другой группы, кроме трех британских и французской. Немецкий язык считают родным 564 тысячи. Эти две цифры не могут непосредственно сопоставляться, так как немецкий язык является родным не для одних немцев, а также для австрийцев, части швейцарцев, части евреев, многих меннонитов голландского и «русского» происхождения. Из лиц немецкого происхождения 413 тысяч (39%) говорят на немецком языке и 619 тысяч (59%) — на английском. Высокий процент англоязычных объясняется многочисленностью потомков старых поселенцев XVIII и начала XIX века, вошедших в состав англо-канадской нации, а не быстротой языковой ассимиляции новых немецких иммигрантов.

Евреи также относятся к числу групп, представленных в Канаде и в старой (XVII в.—начало XIX в.), и в новой (конец XIX — начало XX вв.), и в новейшей (после второй мировой войны) иммиграции. К евреям по происхождению относят себя в переписи 1961 г. 173 тысячи канадских жителей; на языке идиш говорит 82 тысячи, а из числа евреев по происхождению — всего лишь 58 тысяч (34% их общего числа). Эти данные противоречат друг другу, и это противоречие слишком велико, чтобы его можно было объяснить предположением, что на идиш говорят дети от смешанных браков с еврейским происхождением по материнской линии. Противоречие усиливается при сопоставлении этих данных со статистикой вероисповеданий: к иудейской религии в Канаде (по той же переписи) принадлежит 254 тысячи человек. Сравнение с данными предыдущих переписей показывает, что, начиная с переписи 1951 года, данные о еврейском происхождении перестают заслуживать доверия. Данные же о языке не имеют для этой группы столь большого значения, как для других, поскольку известно, что евреи большинства европейских и американских стран в заметном проценте говорят на языках окружающего населения. При определении численности еврейских этнических общностей мы, как правило, опираемся прежде всего на данные о вероисповедании¹⁰; тем более это относится к Канаде, где другие данные оказываются мало надежными.

Перекрыстные статистические данные типа «происхождение»×«язык», «происхождение»×«религия», «происхождение»×«страна рождения», «язык»×«религия» и т. п. имеются в последних канадских переписях лишь по небольшому числу групп. Кроме вышеназванных, они имеются по группам британского происхождения, взятым все вместе (без различия английского, шотландского, ирландского, ольстерского и валлийского происхождения); французского, венгерского, скандинавского (без различия наиболее ранней исландской группы, более поздних норвеж-

¹⁰ См.: «Численность и расселение народов мира», стр. 52.

ской и шведской и наиболее новой — датской) и, наконец, австрийского; последняя группа, в действительности состоит, в значительной мере из разных западно- и южнославянских групп.

Однако богатые статистические данные об этих и о множестве более мелких этнически переходных групп позволяют не только делать заключения о степени *языковой ассимиляции* каждой группы, но и переходить от них к оценке степени *этнической ассимиляции*, к попытке дать численную оценку реально существующим, сохранившим известную этническую самобытность этническим общностям Канады. Для этой цели требуется привлечь дополнительные статистические данные. В частности, необходимо рассмотреть сведения о происхождении, языке и религии не только по Канаде в целом, как мы это делали в данной статье, но и в территориальном разрезе — по провинциям, округам и городам, которые позволят судить о степени территориальной компактности (или, наоборот, распыленности) каждой группы. Необходимо проследить основные статистические данные по ряду последовательных переписей и сопоставить динамику групп, выделяемых по признакам происхождения и языка, с данными об иммиграции и с имеющимися довольно скудными сведениями об эмиграции.

Наконец, исключительно большой интерес представляют материалы канадской статистики «гомоэтнических» (в смысле «этнического происхождения») и смешанных браков. К сожалению, единственные имеющиеся в нашем распоряжении данные насчитывают тридцатилетнюю давность: они основаны на переписи 1931 года. К тому же они являются «односторонними», то есть показывают долю жен разного происхождения среди мужей каждого происхождения, но не наоборот. Тем не менее этот материал представляет ценный источник для статистического изучения этнических процессов, происходящих в населении Канады. Приводим эти данные в сокращенном виде (см. таблицу).

Смешанные браки имеют особо важное значение для ассимиляционных процессов. Интересно сравнить долю смешанных браков с ее вероятностью в случае, если бы этнический фактор не влиял на выбор жены ни прямо (через желания и вкусы брачующихся), ни косвенно (через поло-возрастной состав, социальную и территориальную агломерацию этнических групп). Ясно, что в этом случае у групп мужей любого этнического происхождения доля жен того или иного происхождения была бы приблизительно пропорциональна доле данной этнической группы в населении страны¹¹. Другими словами, жены английского происхождения составляли бы 26,4%, французского — 28,2%¹² и т. д. В действительности же, в 29 из 30 учтенных по этому показателю группах, первое место занимают жены того же происхождения, что и мужья; жены английского происхождения занимают в каждой группе мужей (кроме английской) второе или даже третье место, французского же, как правило, очень далекое. Все это свидетельствует о значительных силах сцепления внутри групп одного происхождения.

С другой стороны, ни одна группа мужей не имеет 100% жен той же этнической группы; у всех групп имеется доля этнически смешанных браков. При этом степень смешения различается очень сильно у разных групп, что свидетельствует о различной степени и темпах их ассимиляции. Необходимо подчеркнуть, что ввиду недостаточной сопоставимости размеров групп по этническому происхождению (о чем говорилось

¹¹ Более точно, их доля в заключаемых в каждом году браках соответствовала бы доле женщин брачного возраста данной этнической группы среди всех женщин брачного возраста в стране в соответствующем году.

¹² Доля лиц соответствующего происхождения в населении Канады в 1931 г.

**Процентная доля жен различного этнического («расового») происхождения у групп мужей разного этнического («расового») происхождения,
по данным переписи Канады 1931 года***

Этническое («расовое») происхождение мужей	Этническое («расовое») происхождение жен						Прочие %		
	Первое место		Второе место		Третье место			Четвертое место	
	Происх. жен	%	Происх. жен	%	Происх. жен	%		Происх. жен	%
Японское	Японское	99,3	Английское	0,3	Ирландское	0,1	Шотландское	0,1	0,2
Еврейское	Еврейское	96,8	Английское	0,9	Ирландское	0,4	Французское	0,4	1,5
Французское	Французское	95,0	Английское	1,7	Ирландское	1,5	Шотландское	0,8	1,0
Индийское	Индийское	94,8	Французское	2,1	Английское	1,5	Шотландское	0,5	1,1
Венгерское	Венгерское	90,7	Немецкое	2,8	Английское	0,9	Французское	0,7	4,9
Украинское	Украинское	90,6	Польское	5,5	Румынское	0,6	Австрийское	0,5	2,8
Финское	Финское	88,9	Английское	3,5	Шотландское	1,6	Ирландское	1,2	4,8
Китайское	Китайское	85,6	Английское	4,0	Французское	2,7	Польское	1,4	6,3
Югославское	Югославское	84,4	Английское	2,7	Украинское	2,1	Польское	1,7	9,1
Чешское и словацкое	Чешское и словацкое	78,8	Польское	3,8	Английское	2,8	Немецкое	2,8	11,8
Польское	Польское	78,6	Украинское	10,7	Немецкое	1,9	Французское	1,8	7,0
Итальянское	Итальянское	78,0	Французское	8,2	Английское	5,0	Ирландское	2,6	6,2
Немецкое	Немецкое	72,5	Английское	9,2	Ирландское	5,0	Шотландское	4,6	8,7
Русское	Русское	72,5	Немецкое	5,1	Украинское	4,5	Польское	4,0	13,9
Английское	Английское	69,9	Шотландское	11,8	Ирландское	8,7	Французское	3,8	5,8
Румынское	Румынское	68,7	Украинское	6,4	Польское	4,6	Английское	3,5	16,8
Исландское	Исландское	61,8	Английское	11,5	Шотландское	8,0	Ирландское	5,3	13,4
Греческое	Греческое	58,5	Английское	12,3	Французское	8,7	Ирландское	5,0	15,5
Голландское	Голландское	53,3	Английское	17,4	Шотландское	9,6	Ирландское	8,3	11,4
Норвежское	Норвежское	50,1	Английское	14,6	Шотландское	8,4	Шведское	6,7	20,2
Шотландское	Шотландское	45,0	Английское	28,5	Ирландское	14,9	Французское	4,1	7,5
Датское	Датское	43,7	Английское	19,3	Шотландское	9,3	Ирландское	6,5	21,2
Ирландское	Ирландское	43,3	Английское	23,8	Шотландское	16,7	Французское	8,4	7,8
Шведское	Шведское	40,7	Английское	17,2	Норвежское	10,0	Шотландское	8,2	23,9
Валлийское и т. д.	Английское	39,6	Валлийское	18,6	Шотландское	16,7	Ирландское	12,4	12,7

* По Canada Year Book, 1940, p. 146.

выше), а также ввиду многообразия факторов, влияющих на этнические смешанные (или, наоборот, «гомоетнические») браки, выводы из предлагаемой таблицы следует делать с большой осторожностью и лишь после тщательной обработки данных.

* * *

В результате анализа различных статистических данных мы попытались определить численность реально существующих этнических общностей Канады на 1961 год (см. таблицу).

Этнические общности	тыс. чел.	Этнические общности	тыс. чел.
Англо-канадцы	8400	Украинцы	500
Англичане	620	Русские и белорусы	50
Шотландцы	240	Поляки	240
Ирландцы	160	Чехи	20
Уэльсцы (валлийцы)	20	Словаки	50
Ольстерцы	60	Словенцы, хорваты, сербы	65
Американцы Соединенных Штатов	80	Литовцы	20
Немцы	830	Латыши	18
Германо-швейцарцы	35	Греки	50
Австрийцы	60	Финны	50
Голландцы	200	Эстонцы	18
Фламандцы	20	Венгры	120
Евреи	250	Арабы	16
Шведы	40	Японцы	29
Норвежцы	50	Китайцы	55
Датчане	50	Эскимосы	12
Исландцы	10	Индейцы	208
Франко-канадцы	5000	Прочие	142
Французы	35		
Итальянцы	420		
Румыны	25		
		Всего:	18238

В краткой статье лишь частично могла быть изложена методика обработки статистических данных с целью исчисления размеров этнических общностей Канады и освещения некоторых происходящих в ней этнических процессов. В частности мы не остановились на посящих несколько особый характер проблемах этнических процессов средиaborигенных групп, среди азиатских выходцев и т. д. Богатые статистические материалы, опубликованные во многих странах мира, еще далеко не полностью использованы этнографами при определении численности народов. Между тем они оказываются весьма плодотворными для этой цели.

SUMMARY

The author attempts to evaluate the ethnic composition of Canada as a country embodying in its ethnic history many typical New World features but having its own specific traits. Canada's population statistics are richer in ethnic and related data than those of other American countries. Its censuses show ethnic origin, official and mother language, country of birth, religion etc. A comparison of these and other data serves to evaluate the size of peoples and of transitional ethnic groups. Canada is a bi-national country. The Anglo-Canadian nation, first formed by early immigrants — English, Scotch, Irish, Welsh, German, and Dutch, continues to assimilate groups of very diverse origins. Local and ethnic group distinctions within the nation still make themselves felt. The French-Canadian nation is almost wholly descended from the early French immigrants; it is little touched by assimilation processes. The transitional ethnic groups are formed by European and other immigrants and their descendants not yet assimilated by the Anglo-Canadian nation. The transitional groups are continually being augmented by immigration and diminished by assimilation. An evaluation is given for 1961. The two nations of Canada are evaluated at 8,4 million and 5,0 million.

Л. Темирханов

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХАЗАРЕЙСКОГО НАРОДА

Этническая история хазарейцев — небольшого народа (численность их определяется различными источниками в пределах от 1,5 до 2 млн. чел.), населяющего центральную часть Афганистана, изучена еще недостаточно. Автор ни в коей мере не претендует на окончательное решение многих спорных вопросов, связанных с этой важной и интересной проблемой. Он надеется, однако, что приведенные им соображения, основанные на изучении ряда восточных (преимущественно афганских, иранских и среднеазиатских) хроник, представят интерес для исследователей этнической истории народов Востока.

* * *

Считается, что этническое имя хазарейцев восходит к персидско-таджикскому «хазар», «хазара» — «тысяча», множественное число — «хазараджат» — «тысячи», т. е. к названию одного из основных подразделений в армиях Чингиз-хана и его преемников, правивших в западных и юго-западных районах созданной им огромной империи; термином «хазар» обозначалась также группа кочевых (или полукочевых) хозяйств, отданных в лен тому или иному феодалу, который должен был за это являться на службу к своему сюзерену во главе отряда из тысячи воинов¹. Такой отряд делится на сотни («сад», множественное число — «сададжат»); поэтому у некоторых средневековых историков, например у Талиф Искандар-бек Туркмана, страна хазарейцев иногда называется не только Хазараджат, но и Сададжат².

Впервые термины «хазара» и «сада» (как военные, так и военно-административные) появляются в источниках, написанных на языке фарси, уже в середине XIII в.³; упоминания же о хазарейцах, как особом народе, а также название их страны — Хазараджат встречаются не ранее второй половины XIV в.⁴ Это обстоятельство связано, по-видимому, с тем, что только в эту эпоху (середина XIV в.) завершилось формирование ядра хазарейского народа вследствие синтеза разнообразных этнических элементов и определились границы занимаемой хазарейцами этнической территории. Вероятно к этому же времени сложилось этническое самосознание хазарейцев, и жившие по соседству народы начали в связи с этим употреблять термин «хазара» для названия образовавшейся в центральном Афганистане новой этнической общности.

¹ Термин «хазар» соответствует, таким образом, монгольскому *minggan*, также имевшему значение «тысяча» (см. например: Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934, стр. 103—106).

² Талиф Искандар-бек Туркман, *Тарих-и Алам арай-и Аббаси*, Тегеран, 1334—1335, стр. 707 (на перс. яз.).

³ Сейф ал-Хараби, *Тарихнама-йи Херат*, Калькутта, 1944, стр. 162—163 (на перс. яз.).

⁴ Шариф ад-Дин Али, *Зафарнаме*, т. I, Калькутта, 1887, стр. 371—375.

Исследованию чрезвычайно сложной проблемы происхождения хазарейцев, равно как и изучению основных особенностей их этнической истории, мешает то обстоятельство, что сведения о них (как правило, очень краткие) разбросаны во множестве источников по истории Афганистана, Ирана, Северо-Западной Индии и Средней Азии. Эти сведения еще полностью не собраны, не систематизированы и не изучены. Помимо нарративных источников, необходимо привлечение данных этнографии, антропологии, лингвистики и других наук, что для исследователя, не являющегося специалистом в этих областях знания, создает дополнительные трудности, поскольку многие необходимые ему для анализа и сопоставления факты он вынужден брать «из вторых рук».

Сохранившиеся у современных хазарейцев до наших дней предания показывают, что они считают себя потомками воинов Чингиз-хана, поселенных в Афганистане в местности между Гератом, Кандагаром и Газни⁵. Некоторые хазарейские ханы, стараясь подчеркнуть свое благородное происхождение, утверждают, что происходят по прямой линии от воинов, поселенных Чингиз-ханом в Бамиане⁶. Аналогичные предания бытовали среди хазарейцев и в прошлом веке, об этом сообщают многие побывавшие у них европейские путешественники (А. Бернс, Дж. Грей и другие)⁷.

Подобного рода предания нельзя оставлять без внимания. Они могут свидетельствовать о том, что монгольские отряды, оставленные в Афганистане Чингиз-ханом или его преемниками, стали исходным пластом, основой хазарейского этногенеза. Однако не подкрепленные данными объективных источников, предания эти стоят немного. Известно, например, что афганцы называют себя «Бани-Израиль» и возводят мифического предка афганского народа Каиса Абдуррашида по прямой линии к царю Саулу. Следует поэтому анализировать данные о происхождении хазарейцев, содержащиеся в других источниках.

Монголоидность хазарейцев не вызывает сомнений. Ее отмечали все европейские исследователи или путешественники, встречавшиеся с хазарейцами (М. Эльфинстон, Ч. Массон, А. Конелли, Г. В. Белью, Дж. Грей, Г. Вамбери, Ж. Феррье, Э. Рыбичка и другие)⁸. О монголоидности хазарейцев писали также русские и советские исследователи (И. Ф. Бларемберг, И. Л. Яворский, Н. И. Вавилов, и Д. Д. Букинич)⁹.

⁵ K. Ferdinand, Preliminary notes on Hazara culture, København, 1959, p. 37; G. Masson, Afghanistan from Darius to Amanullah, London, 1929, p. 25.

⁶ H. T. Schurmann, The Mongols of Afghanistan. An ethnography of the moghols and related peoples of Afghanistan, Mouton, 1962, p. 13.

⁷ А. Борнс, Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах, ч. I, М., 1847, стр. 323; J. A. Gray, At the court of the Amir, London, 1895, p. 206.

⁸ M. Elphinstone, An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaan nation and a history of the Dooraunee monarchy, London, 1815, p. 483; Ch. Masson, Narrative of various journeys in Bilochistan, Afghanistan and the Panjab incl. a residence in those countries from 1826 to 1838, vol. II, London, 1842, pp. 217—218; H. W. Bellew, Journal of a political mission to Afghanistan in 1857 under major (now colonel) Lumsden, with an account of the country and the people, London, 1862, p. 17; J. A. Gray, tries lying between Russia and India. Transl. by captain William Jesse, London, 1856, Указ. раб., стр. 205—206; J. P. Ferrier, Caravan journeys and wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan; with historical notices of the country, 194; Т. Вамбери, Герат и его обитатели, «Туркестанский сборник», т. 36; Э. Рыбичка, В гостях у афганского эмира, М., 1935, стр. 146.

⁹ И. Ф. Бларемберг, Статистическое обозрение Персии. Составленное в 1841 году ЗИРГО, 1853, VII, стр. 288; И. Л. Яворский, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., СПб., 1882—1883, стр. 104—105, 293; Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, Л., 1929, стр. 70.

Однако сама по себе монголоидность может служить свидетельством лишь того, что какие-то монголоидные народы (а ими были и являются не только монголы) приняли участие в этногенезе хазарейцев. В этой связи интересно мнение В. Муркрофта, считающего, что физический облик хазарейцев скорее свидетельствует об их родстве с тибетцами, чем с монголами. Дж. Вуд отмечает, что антропологические черты хазарейцев говорят об их родстве с киргизами Памира¹⁰.

Монголоидный народ (или народы) — один из основных элементов хазарейского этноса. Следует отметить, что, как показывают новейшие антропологические исследования, монголоидные элементы проявляют себя достаточно ярко не во всех территориальных группах хазарейцев. Так, хазарейцы шейх али и джагури отличаются ослабленной монголоидностью (по сравнению с хазарейцами собственно Хазараджата); наиболее отчетливо монголоидные черты прослеживаются у хазара Кох-и Баба¹¹.

Особый интерес (как показывают уже предварительные сообщения) представляют для выяснения этнических судеб хазарейцев результаты систематического антропологического изучения населения Афганистана, которое проводится Г. Ф. Дебецом. Эти данные показывают, что скорее всего «монголоидный элемент, вошедший в состав хазара, происходит из Центральной Азии»¹². Вместе с тем уже сейчас можно утверждать, что монголоидные элементы в разных частях Хазараджата играли разную (по значению, интенсивности) роль в формировании хазарейского народа.

Рассмотрим некоторые сведения о роли монголов в хазарейском этногенезе, содержащиеся в нарративных источниках.

* * *

Известно, что переселения монголов на вновь завоеванные земли осуществлялись не стихийно, а в соответствии со специальными указаниями монгольских ханов; при этом монгольские воины часто переселялись вместе со своими семьями. Уже в 1229 г., т. е. через два года после смерти Чингиз-хана, в правление Великого хана Угэдея (1227—1241 гг.) большое число монголов было поселено по его приказу в различных частях империи, созданной Чингиз-ханом, в том числе на территории Афганистана и Ирана.

Автор хроники «Тарихнама-йи Херат» Сейф ал-Харави сообщает: «Царь Угэдей по направлению к Хиндостану (имеется в виду нынешняя территория Афганистана.—Л. Т.) направил из своей страны нойона Кукая, из страны Бату нойона Курульчика и нойона Никудера, из страны царевича Чагатая нойона Таир Бахадура и Буджая, Угэдей приказал... присоединиться к этим эмирам и с ними вместе перейти Аму-Дарью: Пахлаван Урзме из Альмалиг, Мусаввд Фулаузу из Ферганы, Маъин Хутату из Талас, Киджелита из Уджанд-Худжанд, Малику Нудшали из Тармдалиб, Хисам ад-Дин Улиб Хаджибу из Самарканда. Они все присоединились к указанным эмирам и перешли Аму-Дарью»¹³.

¹⁰ См.: W. Moorcroft and G. Trebeck, *Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara*, vol. II, London, 1841, p. 385; J. Wood, *A journey to the source of the river Oxus*, London, 1872, p. 127.

¹¹ K. Ferdinand, Указ. раб., стр. 50; K. Ferdinand, *Nomad expansion and commerce in central Afghanistan*, «Folk», vol. 4, København, 1962, p. 126; W. Thesiger, *The Hazaras of Central Afghanistan*, «The geographical journal», vol. CXXI, 1955, pt. 3, p. 313; H. F. Schurman, Указ. раб., стр. 112—113, 115, 419, 136.

¹² Г. Ф. Дебеч, *Антропологические исследования в Афганистане*, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 89.

¹³ Сейф ал-Харави, *Тарихнама-йи Херат*, стр. 174.

Отряды монголов, направившись в Кабул, Газни, Гур¹⁴, Сеистан и Герат¹⁵, вновь начали завоевание этих областей. Прежде всего нанесли удар правителю Бамиана, Газни и Гура — Сейфуддину Карлуку; потерпев поражение, тот укрылся в Кермане. Однако в 1236 г. он был вытеснен и из Кермана, и бежал в Мултан. После его бегства области Газни и Керман окончательно перешли под власть монголов¹⁶.

Завоевание Герата и Бадгиса было осуществлено войсками Таир Бахадура. Правители Герата — Руки ад-Дин и Шамс ад-Дин стали вассалами Таир Бахадура. Другими нойонами монголов были завоеваны Гур, Газни, Гармсир, Сеистан и Тохаристан¹⁷. Так, под властью завоевателей — монголов оказалась фактически вся территория современного Афганистана.

Монгольские завоеватели грабили население, разоряли и опустошали занятые их отрядами страны. Особенно опустошительными были войны в Гуре, многие из жителей которого вынуждены были покинуть страну¹⁸.

После смерти Угэдея его преемник Гуюк (1246—1248 гг.) направил в Афганистан новые монгольские орды. «Как только Гуюк вступил на трон... нойон Манкута был назначен главой войск, направляющихся в Тохаристан, Хутталян и Газни»¹⁹, — пишет Джузджани.

Новые отряды монгольской армии, по-видимому, обосновались в Афганистане в годы правления Менгу-каана (1248—1259 гг.), что связано прежде всего, с завоевательными действиями его брата Хулагу (1256—1265 гг.) в Иране. Как сообщает Рашид-ад-Дин, из каждого из отрядов монгольских войск, находившихся под командой сыновей и племянников Чингиз-хана, «от каждых десяти человек выделили по два человека и передали в качестве инджу Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы ему... Назначив из своих сыновей, родичей и нукеров, отправили их вместе с войсками на службу Хулагу-хану»²⁰. Сведения Рашид-ад-Дина подтверждает Хондемир²¹, а также Джувеини²².

Все монгольские отряды, ранее введенные в Афганистан по приказу Угэдея и Гуюка, были поставлены вместе с их нойонами по приказу Менгу-каана под власть Хулагу. Ему были подчинены, как указывает Джузджани, «тайфа, находившиеся в Туркестане, Хутталане, Таликане, Кундузе... лашкары, расположенные в Гуре, Хорасане, Герате, Гарм-сире»²³.

Улус Хулагидов просуществовал от 1256 до 1353 г. В состав его входили: Иран, Афганистан, Южный и Северный Азербайджан, Великая Армения, Верхняя и Нижняя Месопотамия и восточная часть Малой Азии.

По-видимому, именно в годы правления Хулагу-хана на юго-восточной окраине его владений произошло обособление никудерийской орды, названной так по имени Никудера, внука Джагатая (второго сына Чингиз-хана).

¹⁴ Гуром в средние века называли горную страну в верховьях рек Герируд и Гильменд, простиравшуюся от Герата до Бамиана, границ Кабула и Газни.

¹⁵ Джузджани, Табакат-и Насари, Калькутта, 1864, стр. 380, 388, 391 (на перс. яз.).

¹⁶ Там же, стр. 388, 392.

¹⁷ Там же, стр. 392.

¹⁸ Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 162—163, 174.

¹⁹ Джузджани, Табакат-и Насари, стр. 399.

²⁰ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946, стр. 23.

²¹ [Хондемир], История монголов. От древнейших времен до Тамерлана, пер. с персидского, СПб., 1834, стр. 43.

²² Джувеини, Тарих-и джахангушай, т. 3, Тегеран, 1958, стр. 36 (на перс. яз.).

²³ Джузджани, Табакат-и Насари, стр. 422; см. также: Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 109—110; т. III, стр. 23.

По сообщению Хафиз-и Абру, никудерийцы обитали в Гармсире и Кандагаре, совершая оттуда периодические набеги в сторону Хорасана, Фарса, Кермана, жители которых терпели из-за этих постоянных набегов «великое множество бедствий»²⁴. Какая-то часть никудерийской орды, по-видимому, обосновалась также в районе Мургаба²⁵.

Феодальная группировка, возглавлявшая никудерийскую орду, насколько мы можем судить по дошедшим до нас источникам, не признавала сюзеренитета ни хулагидских ильханов, ни правителей из дома Джагатай, господствовавших в Мавераннахре.

Попытки преемника Хулагу ильхана Абага (1265—1282 гг.), равно как и правивших после него Ахмеда (1282—1284 гг.) и Аргуна (1284—1291 гг.) поставить никудерийцев под свою власть, успеха не имели, хотя предводители никудерийцев и терпели временами урон в столкновениях с войсками ильханов²⁶.

В 1278—1279 гг. несколько тысяч воинов никудерийцев совершили грабительский набег в Фарс и дошли до Шираза; близ Кульбара они разгромили войска правителя области и с богатой добычей вернулись в район Кандагара и Гармсира. Абага-хану пришлось возглавить поход против никудерийцев.

После смерти Абага-хана никудерийцы активно участвовали в династической борьбе его преемников²⁷. В годы царствования Аргуна никудерийцы продолжали свои грабительские набеги. В 1287 г. они напали на Герат, город был разграблен, многих жителей увели в рабство, многие переселились в Гур, Джам, Гарджистан и Исфазар. В 1289 г. орда никудерийцев опять напала на Герат, город был разграблен, а жители истреблены, осталось, как уверяет Сейф ал-Харави, не больше сотни жителей²⁸.

Газан-хан (1295—1304 гг.), вступив на трон, решил покончить с насилиями и грабежами никудерийцев. Он попытался часть никудерийцев переселить в Ирак, но это ему не удалось²⁹. Однако Газан-хан не оставил своего намерения подчинить предводителей никудерийской орды центральной власти. Применяя как военную силу, так и дипломатию, он положил некоторый предел своеволию никудерийских феодалов. Часть их была вытеснена в труднодоступные районы Гура и признала над собой власть наместника Герата³⁰, другие, оставшиеся в области Кандагара и Гармсира, прекратили на время свои набеги.

Никудерийцев, обосновавшихся в Гуре, объединил под свой властью некий нойон Ясур, о котором источники сообщают, что он мог выставить в поле 10 тыс. воинов. В начале правления ильхана Абу Саида (1316—1335 гг.) этот Ясур Гури так усилился, что попробовал действовать как независимый правитель. Абу Саид дважды призывал его к повиновению,

²⁴ Хафиз-и Абру, Рукопись, хранится в Гос. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, см. Дори. 290, л. 250-а. Яркое описание набегов никудерийской орды оставил Марко Поло, некоторое время находившийся в плену никудерийцев, но сумевший бежать (см. «Книга Марко Поло», М., 1956, гл. 36). Аналогичные сведения о набегах никудерийцев дают и другие источники. См., напр.: Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 432.

²⁵ Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 270.

²⁶ Сейф ал-Харави рассказывает нам, например, о поражении, понесенном около 1267 г. никудерийцами в битве с войсками ильхана Абага (см. Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 270).

²⁷ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. III, стр. 109—110.

²⁸ Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 379—382.

²⁹ Хафиз-и Абру, л. 250-а; Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 431—432.

³⁰ Подробности борьбы Газан-хана с никудерийцами и роль предводителей различных феодальных группировок в этой борьбе см. в сочинении Хафиз-и Абру, лл. 250-б, 251-а; Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 433—439.

приказывал явиться к своему двору, но Ясур Гури не подчинился ильхану. Это неповиновение стоило ему жизни: в 1317 г. по приказу Абу Саида Ясур Гури был схвачен и умер от руки палача³¹.

Основная часть орды никудерийцев в XIV в. по-прежнему обитала в вилайете Кандагара и Гармсире. В 1383 г. Тимур Ленг, завоевав Сеистан, направил для покорения никудерийцев Мираншаха, Амир Мухаммада и некоторых других своих военачальников³². Удар, который нанесли никудерийцам войска Тимура, заставили значительную часть их переселиться на территории современного Хазараджата. Та же часть их, которая осталась в вилайете Кандагара и Гармсире, ослабленная войной с Тимуром, уже не представляла угрозу для своих соседей. В XV в. они сами стали объектом грабежей и насильственных феодальных правителей Восточного Ирана и Афганистана, а также сардаров афганских племен³³. Спасаясь от ударов Зу-н-нунбека Аргуна, Хусейна Байкары и других феодальных властителей, и эта часть никудерийцев постепенно передвинулась в Хазараджат. События конца XIV—середины XV в. сыграли важнейшую роль в этнической истории хазарейского народа. Вытесненные на территорию Хазараджата части никудерийской орды стали одним из основных элементов, принявших участие в образовании хазарейского народа.

По-видимому, ядро этого народа сложилось уже к середине XIV в. на территории Хазараджата в результате контактов пришлых (с отрядами монгольской армии) и местных этнических элементов. Об этом, как нам представляется, убедительно свидетельствует появление именно в эту эпоху этнического имени хазарейцев. Передвинувшиеся в Хазараджат части никудерийской орды постепенно слились с уже сложившимся ядром хазарейского этноса. Если в конце XV в. вплоть до начала XVII в. хазарейцы и никудерийцы упоминаются в источниках как самостоятельные этнические группы³⁴ на территории Хазараджата, то к концу XVII в. о никудерийцах говорится лишь как о племенах или кланах единого хазарейского народа. Это, на наш взгляд, важное свидетельство того, что к этому времени сложение хазарейского этноса завершилось. По-видимому, с конца XVII в. можно говорить уже об истории хазарейского народа как такового, а не об истории тех или иных монгольских орд на территории Восточного Ирана и современного Афганистана.

Необходимо заметить, что территория, на которой происходил процесс формирования хазарейской этнической общности, не ограничивалась современными границами собственно Хазараджата. Многочисленные поселения хазарейцев, втянутых в этот процесс, находились и в примыкавших к Хазараджату районах Кандагара и Газни вплоть до второй половины XIX в. Это подтверждается как данными топонимики³⁵, так и сообщениями европейских путешествен-

³¹ Сейф ал-Харави, Тарихнаме-йи Херат, стр. 668—669.

³² Шариф ад-Дин Али, Зафарнаме, т. I, стр. 370—371.

³³ Хафиз-и Абру, л. 225-б, 326, Абдар-Раззак Самарканди, Матла ас-са'дайн ва маджма ал-бахрайн, л. 265-б (рукопись, хранится в Ленинграде, в Гос. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

³⁴ Рazi Амин Ахмад, Хафт-Икlim, т. II, Тегеран, 1960, стр. 102 (на перс. яз.). Бабуур, Захириддин Мухаммед, Бабуур-наме. Пер. М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 151, 155. Следует отметить, что осколки никудерийской орды приняли участие в формировании не только хазарейского народа, но вошли составными элементами в этнос и некоторых других народов Среднего Востока. Например, часть никудери была ассимилирована туркменами Хорасана (Mirza Muhammad Haidar, The Tarikh-i-Rashidi. A history of the Moghuls of Central Asia. The transl. by E. Denison Ross. An English version, edited, with commentary notes and map by N. Elios, London, 1895, pp. 491—492).

³⁵ R. Leech, A supplementary account of the Hazaras, «Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XIV, pt. I, Calcutta, 1845, p. 333; Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. II, Кабул, 1912—1913, стр. 359 (на перс. яз.).

ников³⁶. Исчезновение здесь хазарейских поселений объясняется многими причинами, важнейшей из которых было продвижение сюда афганских переселенцев с востока и юго-востока.

* * *

О наличии монгольского этнического элемента в хазарейском этносе свидетельствует ряд фактов. Ближайшие соседи хазарейцев — гильзай — называли и называют их «монголы»³⁷. Многие хазарейские племена складывались из приближенных, домочадцев, воинов, слуг и родственников знатных монгольских феодалов — военачальников Чингиз-хана и его приемников. Это подтверждают самые названия этих племен (как сохранившиеся до наших дней, так и зафиксированные в исторических хрониках).

Так, название одного из хазарейских племен — дай чупан — связано с именем одного из приближенных ильхана Абу Саида — эмира Чупана; орда этого эмира Чупана кочевала в Восточном Хорасане. За отказ подчиниться приказам ильхана эмир Чупан был казнен; приближенных его подвергли преследованиям³⁸.

В 40-х годах XIX в. хазарейцы дай чупан показывали английскому путешественнику Р. Личу могилу эмира близ Гиришка, утверждая, что он был их родоначальником³⁹.

Одно из крупнейших хазарейских племен — бехсуд или бесуд (бесут) — генетически связано с ордой родственника Чингиз-хана — Хижатая, которого называли также Джогу Наку⁴⁰.

Об участии монголов в этногенезе хазарейцев свидетельствуют и данные лингвистики. По утверждению Дж. Даллинга, монгольские элементы составляют 10 % хазарейской лексики⁴¹. Монгольское влияние обнаруживается и в других областях хазарейского языка⁴². О монголоязычности части предков хазарейского народа говорят также исторические источники (например, «Записки Бабура») ⁴³ и данные топонимики⁴⁴. Однако монгольский элемент уже на самых первых стадиях хазарейского этногенеза взаимодействовал с тюркскими и таджикскими компонен-

³⁶ H. G. Raverty, Notes on Afghanistan and part of Beloochistan, London, 1880, p. 85; Ch. Masson, Указ. раб., vol. II, стр. 224; R. Leech, Указ. раб., стр. 339; W. Moorcroft and G. Trebeck, Указ. раб., т. II, стр. 382.

³⁷ R. Leech, Указ. раб., стр. 333.

³⁸ Абдар-Раззак Самарканди, Матла ас-садайн ва, маджма ал-бахрайн, лл. 13-а—15-б; Хафиз-и Аbru, лл. 262-б—265-б.

³⁹ R. Leech, Указ. раб., стр. 333, 336.

⁴⁰ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. II, стр. 30; Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, Кабул, 1914—1915, стр. 711, 877; J. S. Broadfoot, Report on parts of the Chilji Country and on some of the tribes in the neighbourhood of Ghazni, and on the route from Ghazni to Dera Ismail Khan, «Royal geographical society Supplementary papers», vol. I, pt. 3, London, 1885, p. 345.

⁴¹ См.: W. Thesiger, Указ. раб., стр. 313.

⁴² См., например: В. А. Ефимов, Язык афганских хазара. Якаувлонгский диалект. М., 1965, стр. 9; И. Л. Яворский, Указ. раб., т. I, стр. 300; K. Ferdinand, Nomad expansion and commerce in Central Afghanistan, p. 126. В этой связи следует обратить внимание и на тот факт, что отдельные группы хазарейцев сохранили в силу различных причин монгольский язык, который употребляется ими как разговорный (дополнительный к языку фарси). См. об этом: Г. Вамбери, Указ. раб.; «Жуграфийа-и Афганистан», б. м., 1883, стр. 145.

⁴³ Бабур, Захириддин Мухаммед, Бабур-наме, стр. 155.

⁴⁴ Топонимика Хазараджата изучена еще недостаточно; однако уже имеющиеся первые исследования не оставляют сомнений в наличии монгольского пласта в топонимии этой части Афганистана. (См. например: A. A. Kohzad, Along the Koh-i-Baba and Hari-rud, «Afghanistan», Kabul, 1951, vol. 6, № 2, p. 6).

тами. Нам представляется, что это обстоятельство связано прежде всего с характером формирования хазарейских «племен» — тайфа.

Как отмечал уже Джувеини, в войска монгольских царевичей и нойонов, направленных на завоевание Ирана и Афганистана, входили не только монголы, но, в первую очередь «сыновья таджиков и тюрков»⁴⁵. Монголы в ордах, находившихся под командой этих феодалов, составляли лишь верхнюю — командную, господствующую по положению, но не по численности прослойку.

О тюркском вкладе в хазарейский этнос свидетельствуют многие факты. Некоторые из подразделений племени джагури связывают свое происхождение с отрядами армии Тимура Гуркани, которыми командовал военачальник Бутай Буга⁴⁶.

На тюркское происхождение претендуют хазарейцы племени шейх али. О справедливости этих претензий, как нам кажется, свидетельствует то обстоятельство, что одно из подразделений племени носит имя «туркман», а старшины этого клана называют себя аксакалами⁴⁷. Мы уже говорили, что хазарейцы племени шейх али отличаются ослабленной монголоидностью.

В этногенезе хазарейцев приняли участие и тюрки-халадж и карлуки, населявшие некоторые районы центрального и южного Афганистана еще до начала монгольских завоеваний. Это подтверждается наличием у хазарейцев этнонимов халадж и карлук⁴⁸. О тюркском вкладе в хазарейский этнос говорит также этноним барлас⁴⁹.

В этой связи заслуживает внимания свидетельство «Зафарнаме», сообщающее о том, что полководец Тимура — амирзаде Пир Мухаммад Джангир, получивший в управление территорию от Кандагара до р. Инд, переселил сюда многочисленные отряды своих воинов вместе с их семьями⁵⁰.

По утверждению хазарейцев дай зейнат, они поколения барлас, потомки 1000 воинов, которых Тимур дал своему сыну Шахруху в 1396 г., когда тот был назначен правителем Хорасана, в качестве его личной охраны. Шахрух поселил их в плодородной долине Бадгиса⁵¹.

На роль тюркских элементов в хазарейском этносе указывает также значительный пласт тюркской лексики в языке хазарейцев (особенно в названиях растений, животных и др., причем, по наблюдениям М. Г. Асланова, тюркские заимствования в языке хазарейцев имеют больший удельный вес, чем в таджикском языке Афганистана⁵²).

Монгольские и тюрко-монгольские орды, находившиеся под командой и управлением Чингизидов и их преемников, активно ассимилировали многие этнические компоненты, присутствовавшие на захваченной ими территории. Уже в конце XIII в. этот процесс привел к образованию смешанного в этническом отношении (несомненно, весьма пестрого) образования, каким была никудерийская орда. Как известно, современники закрепили за ней и другими родственными ей образованиями этноним «карауны» или «караунасы» и указывали, что своим происхождением она обязана связям воинов монгольских отрядов с индийскими

⁴⁵ Джувеини, Тарих-и джахангушай, т. I, стр. 103.

⁴⁶ Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, стр. 803.

⁴⁷ Там же, стр. 391; K. Ferdinand, Preliminary notes of Hazara culture, p. 38.

⁴⁸ Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, стр. 727, 900, 901; C. M. MacGregor, Central Asia, pt. II, Calcutta, 1871, p. 387.

⁴⁹ Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, стр. 728, 892.

⁵⁰ Шариф ад-Дин Али, Зафарнаме, т. I, стр. 558—559.

⁵¹ К. Риттер, Иран. Перевел и дополнил Н. В. Хаников, СПб., 1874, стр. 263.

⁵² Пользуясь случаем выразить искреннюю признательность М. Г. Асланову, обратившему мое внимание на этот важный факт.

женщинами⁵³. Трудно сказать, присутствовал ли в действительности собственно индийский (индоарийский) элемент в этих пестрых образованиях⁵⁴, но элемент территориально весьма близкий, а именно пуштунский, в этногенезе хазарейцев несомненно принял участие. Свидетельством этого является наличие у них этнонима «абдал» (подразделение племени бесут), а также нескольких кланов, в наименование которых входит слово «зай» (например, дау-зай в племени дай чупан, мухаммад-зай и др.)⁵⁵, означающее на языке пушту «сын».

Более важную роль, чем тюркский, сыграл в сложении хазарейского народа элемент таджикский. Связано это со многими факторами, в частности с тем, что в период появления в центральной части Афганистана монголов таджики составляли основную часть населения Гура, а по соседству с Гуром — на западе, севере и востоке также жили таджики, которые были исконным населением этих земель⁵⁶.

Факт преобладания здесь именно таджикского населения отмечали многие исследователи еще в середине прошлого века⁵⁷. Справедливость этого утверждения нетрудно обосновать данными самых разнообразных источников. Даже в начале XVI в. таджики составляли большую часть населения городов и деревень страны⁵⁸. На протяжении всего средневековья таджикский язык был преобладающим у населения Герата, Кабула, Газни и даже Кандагара⁵⁹. Отдельные островки таджикского населения сохранялись среди хазарейцев Хазараджата еще в XIX в., а в области Газни, в Пянджшире, Бамиане и ряде других районов таджики жили совместно с хазарейцами⁶⁰. О том, что какая-то часть этого таджикского населения была включена в состав хазарейского народа в процессе его формирования, говорит наличие у хазарейцев такого этнонима, как «таджик»⁶¹.

Смешанные в этническом отношении (едва ли не с момента их появления в Афганистане) орды монгольских царевичей и феодалов оказались в таджикском окружении; они смешивались с таджиками⁶², подвергались влиянию персидско-таджикской культуры и постепенно прини-

⁵³ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. III, стр. 91—92; «Книга Марко Поло», гл. 36. О значении термина «капаунас» и его происхождении подробнее см.: В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 40—41; его же, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 92.

⁵⁴ Возможно, что хазарейцы впитали какую-то часть населения, близкого к населяющей юго-восточную часть Афганистана индо-арийской народности «пашаи». Об этом свидетельствует, как нам представляется, наличие в составе хазарейского племени джагури клана паше-пашан.

⁵⁵ R. Leech, Указ. раб., стр. 336.

⁵⁶ Сейф ал-Харави, Тарихнама-йи Херат, стр. 189—194; см. подробнее: Н. А. Аристов, Об Афганистане и его населении, СПб., 1898, стр. 270; Б. Г. Гафуров, История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., т. I, М., 1955, стр. 261; В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 269; К. Риттер, Кабулистан и Кафиристан. Перевел и дополнил В. В. Григорьев, СПб., 1867, стр. 982; H. F. Shugman, Указ. раб., стр. 111.

⁵⁷ К. Риттер, Кабулистан и Кафиристан, стр. 984.

⁵⁸ Бабур, Захириддин Мухаммед, Бабур-наме, стр. 155.

⁵⁹ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 301.

⁶⁰ См. подробнее: К. Риттер, Кабулистан и Кафиристан, стр. 982—983; Ch. Masson, Указ. раб., vol. II, p. 218; J. Wood, Указ. раб., стр. 131; M. Elphin'stone, Указ. раб., стр. 486; R. Leech, Указ. раб., стр. 337—338; Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, стр. 412.

⁶¹ Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, стр. 727—728.

⁶² На это обстоятельство обратил внимание уже А. Е. Снесарев, который писал: «Я готов сделать вывод, что они (хазарейцы.—Л. Т.) не монголы и даже не тюрки. они в крайности монголы, но сильно пропитанные таджикской кровью» (А. Е. Снесарев, Афганистан, М., 1921, стр. 125).

мали язык таджиков, отсюда и таджикская речь хазарейцев. Как отмечают многие исследователи, современный хазарейский язык весьма близок к таджикским диалектам и говорам таджиков Афганистана и таджиков юго-восточного Советского Таджикистана⁶³.

Исторические и этнографические материалы показывают, что от таджиков монголы и монголо-тюрки, обосновавшиеся в Хазараджате, восприняли не только язык, но и сельскохозяйственные навыки, ремесла и многие элементы культуры. Эти таджикские элементы переплавились в одно целое с элементами культуры пришельцев, составив основу культуры и быта хазарейского народа. Исследования, проведенные многими наблюдателями и учеными в XIX—XX вв., показывают, что несмотря на отдельные индивидуальные особенности (приходящие тем или другим из хазарейских племен), основы хазарейской культуры восходят прежде всего к культурному наследию оседлого таджикского населения, преобладавшего некогда на территории Хазараджата, а в наши дни — на многих лежащих по соседству территориях. Это объясняется как этническими связями хазарейцев и таджиков (вкладом таджиков в хазарейский этногенез), так и влиянием культуры оседлого таджикского населения Афганистана на культуру Хазараджата, прослеживающимся вплоть до наших дней. В результате этого процесса хазарейцы восприняли многие характерные черты материальной и духовной культуры таджикского населения, многие особенности земледельческого хозяйства, ремесла и др.⁶⁴

Несомненное влияние оказало таджикское население и на развитие социально-экономических отношений в хазарейской среде. В конце XIX в. социально-экономический строй хазарейцев (если исключить некоторые второстепенные особенности) был чрезвычайно близок социально-экономическому строю таджикского населения.

Хазарейские ханы и миры копировали в XIX в. при организации своих дарбаров персидско-таджикские образцы⁶⁵. В замках хазарейских феодалов переписывались и хранились произведения классиков персидской и таджикской литературы: Фердоуси и Хафиза, Рудаки и Саади⁶⁶.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что хазарейцы — народ, сформировавшийся вследствие синтеза монгольских и местных, преимущественно таджикских элементов. В этногенезе их приняли участие также тюркские и пуштунские (а возможно и индоарийские) элементы, которые, однако, по сравнению с монгольскими и таджикскими элементами играли второстепенную роль.

SUMMARY

The author sets forth the main stages of the ethnic history of the Hazara people now located in central Afghanistan. His account is based on an analysis of medieval Eastern (mainly Persian) sources from Afghanistan, Iran and Middle Asia. After comparing narrative sources with certain ethnographic, linguistic, and other data the author comes to the conclusion that the Hazara were formed by merging Mongol and local (mainly Tadjik) elements. Turkic groups (both pre-Mongolian and late comers) and Pushtu (possibly also Indo-Aryan) elements also took part (but a lesser one) in their ethnogenesis. The nucleus of the Hazara people was formed by the middle of the XIV century; the formation of the Hazara ethnos as such was completed, in the author's opinion, by the end of the XVII century.

⁶³ См. подробнее: В. А. Лившиц, Иранские языки народов Средней Азии, «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 146, 149; В. А. Ефимов, Указ. раб., стр. 8; Н. F. Schurmann, Указ. раб., стр. 25—26.

⁶⁴ Н. F. Schurmann, Указ. раб., стр. 31; N. Wilber, Afghanistan, New Haven, 1962, p. 47.

⁶⁵ J. Harlan, Central Asia. Personal narrative 1823—1841, London, 1939, p. 130.

⁶⁶ С. М. MacGregor, Указ. раб., стр. 325.

Л. П. Лашук

ОПЫТ ТИПОЛОГИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК И МОНГОЛОВ

Проблеме формирования конкретных этнических общностей средневековых тюрок и монголов Азиатской части нашей страны посвящены многочисленные исследования, итоги которых обобщены, например, в соответствующих разделах фундаментального издания Института этнографии АН СССР «Народы Средней Азии и Казахстана». Это значительно облегчает постановку основного вопроса статьи, состоящего в попытке определить специфические формы (исторические типы) этнической общности, которые были свойственны азиатскому населению с большим или меньшим удельным весом скотоводческого хозяйства в период исторического развития от общинно-родового строя к классовому обществу феодальной формации. Данный период в истории тюрок и монголов отличался целым рядом своеобразных особенностей социально-экономической структуры¹, в частности наличием довольно сложных родо-племенных делений, пережитки которых (правда, в совершенно трансформированном виде) дожили до начала текущего столетия.

В этой связи в науке высказывалось мнение о том, что на всем протяжении средневековья азиатские скотоводы не знали будто бы иного типа этнической группировки, кроме архаического племени и племенного союза. Проводилась и такая мысль, что некоторые народы Средней Азии, например туркмены, не позднее XIII в. перешли от состояния некоего социально-этнического единства к разветвленной системе племенных делений². В свете новейших публикаций по социальной и этнической истории народов Средней Азии эти взгляды вряд ли встретят поддержку специалистов. Поэтому сосредоточим внимание на современной трактовке проблемы формирования указанных народов в качестве «народностей» как особого исторического типа этнической общности.

Этот вопрос приобретает особый интерес в связи с начавшейся на страницах «Советской этнографии» дискуссией по определению видового понятия этнической общности и ее конкретно-исторических моделей³, среди которых обычно выделяется и народность. Но, как справедливо заметил С. А. Токарев, именно «народности» в социологической литературе придается наиболее условное, исторически схематическое и весьма

¹ Подробнее см.: Л. П. Лашук, О характере классовообразования в обществах ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7.

² С. П. Поляков, Средневековые погребения Северо-Западной Туркмении (к проблеме этнической истории туркмен), Автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 13.

³ См. В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4.

растяжимое содержание⁴. Не преодолели этого недостатка и этнографы. Так, в одном издании читаем, что возникновение народностей в эпоху раннеклассовых формаций было вызвано социально-экономическим процессом — «развитием производительных сил общества, появлением частной собственности, распадом первобытнообщинных отношений и заменой прежних племенных, кровнородственных связей — связями территориальными»⁵. Все это, конечно, правильно, но лишь в самом общем выражении. Отсутствие развернутой характеристики специфического процесса становления народности неизбежно приводит к расплывчатому выводу: «...по существу часто отсутствует резкая граница между нацией и народностью, народностью и группой племен»⁶.

Если это так, то зачем же социологам и этнографам выделять народность как особую историческую категорию? Оказывается, такая категория (независимо от ее наименования) нам необходима, но отнюдь не в том упрощенном понимании, что крушение общинно-родового строя автоматически и непосредственно приводит к возникновению народности — того довольно сложного, по нашему мнению, типа преднациональной этнической общности, которую можно наблюдать в развитом феодальном обществе⁷. Хочется обратить внимание этнографов на принципиально важное значение раскрытия так называемых «органических связей», которые, по убеждению автора, как раз и составляют главное содержание (структурный костяк) любого типа этнической общности определенной исторической эпохи.

Положим, мало сказать, что народность складывается из нескольких родственных (а также и неродственных) племен, между которыми устанавливается «некоторая экономическая и культурная общность и распространяется общее самосознание членов народности»⁸. Такая этногеографическая и хозяйственно-культурная целостность большей или меньшей массы людей возникает не сама по себе, а достигается путем длительного взаимодействия различных социальных сил, объективно стремящихся к тесному контакту и устойчивому равновесию, а поэтому и создающих «отдельные» социально-этнические организмы⁹. В качестве таких сил выступают и вполне определенное тяготение друг к другу людей одного языка и образа жизни, поддержанное растущим самосознанием принадлежности к формирующейся этнической общности; и их взаимные «гражданские» интересы, которые неизменно расширяются и крепнут по мере роста общественного разделения труда, экономических связей, культурного взаимообмена на достаточно широкой территории; и, наконец, централизующая деятельность политической власти, стремящейся к созданию государственной системы, обнимающей и стягивающей воедино обособленные ранее территориально-племенные и чисто «земляческие» группировки населения данной страны.

Все это вместе взятое, придя в состояние длительного равновесия и гармонического развития, создает более или менее устойчивую совокупность органических связей, поддерживающих структурно и обрамляющих пространственно конкретную этническую общность, в частности этнографически ясно зримую народность феодальной эпохи. И если мы

⁴ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11.

⁵ «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 29.

⁶ Там же.

⁷ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4.

⁸ «Численность и расселение народов мира», стр. 30.

⁹ См. Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8.

пойдем по пути конкретного выявления специфики органических связей, пронизывающих и оформляющих народность, то, очевидно, заметим разницу между союзом племен, народностью и нацией. Вопрос этот требует углубленных исследований по многим народам. Однако и сейчас уже ясно, что переход от очень прочных и одновременно узких родоплеменных связей к более широким, но структурно до известной степени расплывчатым органическим связям народности совершался на протяжении довольно длительного времени. Процесс оформления крупных социально-политических организмов («варварских» и более высокого типа государств с их уделами и отдельными «землями») сплошь и рядом опережал процесс этнического сплочения в народности населения, размещенного на территориях этих государственных образований (которые, впрочем, могли как быстро возникать, так быстро угасать и разрушаться). Между племенной этнической общностью и народностью как принципиально новой этнической моделью развитого классового общества угадываются формы, представляющие собой исторический переход от первой ко второй.

В свете вышеизложенного мы и попытаемся произвести опыт конкретно-исторической типологии этнических общностей преимущественно скотоводческого населения степной зоны советской Азии, опираясь при этом на показания средневековых письменных источников. Последние, как известно, не отличаются особенной ясностью в интересующем нас аспекте, но все-таки отражают представления людей той эпохи, когда закладывались основы существующих ныне этнических массивов.

Средневековым писателям Востока были свойственны взгляды на возникновение различных народов исключительно путем их отпочкования от древнего «генеалогического древа», от семени легендарного «праотца». Содержание процесса этногонии Рашид-ад-Дин изобразил в следующих словах: «С течением времени эти (первоначальные.— Л. Л.) народы разделились на многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и поводу получило свое имя и прозвище»¹⁰. Исходя из генеалогического принципа, средневековые писатели стремились очертить тот круг этнических группировок, члены каждой из которых по традиции считались состоящими в близком родстве. Так, например, были выделены тюрки, монголы (моголы), «таты» — ираноязычное население Средней и Передней Азии.

Но даже ранним авторам каждый из этих этнических миров не представлялся однородной массой. По книге Ибн Хордадбега (IX в.), «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей (в подлиннике для обозначения этого понятия употреблено довольно расплывчатое арабское слово «джинс», собственно «вид, сорт». — Л. Л.) и несколько государств, в том числе карлуки, токузогузы, тюргеши, кимаки и гузы»¹¹. Фактически этот автор обрисовал западнотюркскую (огузо-карлуко-кыпчакскую) группу племен, в его времена уже дифференцированную на огузо-кыпчакскую и карлукскую ветви¹². Этнолингвистического размежевания тюркоязычного населения Средней Азии не мог не заметить Рашид-ад-Дин, специально подчеркнувший, что «хотя внешний вид, наречия и говоры [тюрков] близки друг другу, однако сообразно различию характера и естественных свойств климата каждой [занимаемой

¹⁰ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. II, М.—Л., 1952, стр. 74.

¹¹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее МИТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 149.

¹² Н. А. Баскаков, Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков, М., 1964, стр. 1, 3.

ими] области, во внешнем облике и в наречии каждого тюркского народа наблюдаются небольшие основные различия»¹³.

То, что древние тюрки никогда не составляли единого «пранарода», советским этнографам совершенно ясно. Но как этнически квалифицировать средневековых огузов, кыпчаков, карлуков, по отношению к которым ал-Масуди (X в.) применяет термин *анва* (букв. «разновидности, сорта») ¹⁴, в смысловом переводе «отдельные общности»? Есть ли у нас основания считать каждую из этих группировок если не сложившейся полностью, то стоящей на пути к этому народностью? Таких оснований нет, и вот по какой причине. Тот же Масуди прямо писал о неоднородности гузов: «Это племя из тюрков, оно [делится] на три группы: нижние [гузы], верхние и средние», а персидский аноним X в. добавляет, что гузские племена (кабиле) постоянно враждуют друг с другом ¹⁵. Еще отчетливее показания Махмуда Кашгарского, понимавшего под огузами («туркменами») целую совокупность отдельных племен с особыми названиями и этническим «самоопределением» ¹⁶. В свою очередь, Рашид-ад-Дин, объясняя происхождение этнонима «туркмен» от понятия «тюркоподобный», акцентировал внимание на том, что, во-первых, «туркмены» очень разнообразны, хотя, кажется, и близки друг другу по языку и происхождению («они же разделяются на кипчаков, калачей, канлы'ев, карлуков и другие относящиеся к ним племена...»), а, во-вторых, «и ныне каждое из этих племен и ветвей знает свой корень и ветвь, т. е. из какого они народа» ¹⁷, фактически, к какому отдельному племени они принадлежат.

С подобным явлением, когда известно обобщающее этническое имя, обычно данное соседями целой группе родственных, но отдельных племен (социально-этнических организмов), историки сталкиваются постоянно, работая над античными и средневековыми источниками ¹⁸. При этом внимательному взгляду исследователя открывается та истина, что за обобщающими именами типа «туркмены», «таты» и т. д. стоят не консолидированные даже мало-мальски народности, а конгломераты или союзы родственных племен. Самое подходящее научное наименование для таких массивов племен — «этнолингвистическая группа», основным признаком которой является родство составляющих ее племен по происхождению и языку, но обнаруживается это родство в самом общем плане (например, в генеалогической традиции), а не в узком смысле свойственного отдельному племени единства «крови и имени», отчетливо осознаваемого соплеменниками — членами данной локальной общности.

Поэтому, если мы хотим определить те исторические модели, в которые облекались «отдельные» этнические общности средневековых тюрков и монголов, то должны обратить внимание на самостоятельные компоненты упомянутых выше этнолингвистических группировок. Любой из этих компонентов (отдельных племенных объединений) предстает перед нами как бы в «трех измерениях»: по терминологии древнеримских писателей, как *gens* — генетическая величина (люди, объединенные единством «крови и имени»), *populus* — народ одного языка (этническая общ-

¹³ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 75.

¹⁴ МИТТ, стр. 167.

¹⁵ Там же, стр. 166, 211. Любопытно филологическое наблюдение А. П. Ковалевского, что арабские писатели X в. называли кочевое племя преимущественно термином «кабиле» («Чуваши и булгары, по данным Ахмеда ибн-Фадлана», Чебоксары, 1954, стр. 36).

¹⁶ Там же, стр. 309—312.

¹⁷ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 75, 85—86.

¹⁸ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, стр. 79.

ность), *civitas* — «гражданское» сообщество (социально-политический организм) ¹⁹.

Строго говоря, этнолингвистическая группа не отвечает этим типическим признакам отдельной этнической общности эпохи становления раннеклассового общества, так как она рисуется совокупностью генетических единиц разного «корня и ветви», разных племенных языков и диалектов, разных «гражданских общин» — племен. И, напротив, отмеченные признаки сразу же обнаруживаются и как бы совмещаются, если, к примеру, мы выделим из состава среднеазиатских огузов (этнолингвистической группировки) какое-либо большое подразделение с собственным именем, хотя бы салоров.

Любопытно, что именно салоров — крупное этническое объединение туркмен — имел в виду Махмуд Кашгарский, когда пытался в одном термине «бой» совместить понятия «род, племя, народ» ²⁰. Сообщая многочисленные сведения о тех же салорах, Абу-л-гази называет их то «уругом» (людьми одного родственного корня, т. е. *gens*), то «халком» (народом с определенным именем и этническим самосознанием, *populus*), то «илем» (тем же «народом», но, в частности, под углом зрения его политической концентрации под предводительством какого-либо знатного ильбаши, своего рода *civitas*) ²¹. Иными словами, салоры, равно как и другие туркменские объединения XI—XIV вв. — кынык, кайы, языр и т. д., были реальными этническими общностями, по отношению к которым можно применить научный термин «большие племена» (по номенклатуре немецких историков, *Großstämme*).

Избрание этого рабочего термина требует пояснения. Родственные группировки, которые можно называть племенными этническими общностями, у тюрков и монголов существовали с глубокой древности. Но как широкие социально-политические организации с особым управлением отдельные племена и союзы племен развиваются скорее на закате общинно-родового строя. Образование таких союзов в период военной демократии означало не только сближение и смешение родственных организмов, но и — в социальном плане — возникновение особых отношений, специфической субординации в рамках племенных объединений.

Обычно случалось так, что наиболее сильный и знатный род, выдвигавший из своей среды опытных военачальников и вождей, приобретал первенство среди других родов и при благоприятных обстоятельствах возвышался над ними настолько, что становился родоначальником наследственной племенной власти и военно-политическим гегемоном. Структура военно-демократической (равноправной, союзнической) племенной организации сменялась военно-иерархическим порядком. У монголов дофеодального периода существовал институт *unagan bogol*, состоявший в том, что сильный владетельный род полностью подчинял своему влиянию некоторые соседние группы кочевников, независимо от того, были ли они *urux*-ами — сородичами или *jad*-ами — чужаками. В условиях длительных совместных перекочевок, перекрестных браков и общих военных дел эти группы сближались до такой степени, что фактически образовывали крупное объединение со стойкой структурой — «большое племя» ²².

¹⁹ См. Сочинение Тацита «Germania» в сб. «Древние германцы», М., 1937, приложение.

²⁰ МИТТ, стр. 312.

²¹ А. Н. Кононов, Родословная туркмен, Сочинение Абу-л-гази хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 56, 68, 128. См. также В. И. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 46.

²² Б. Я. Владимиров, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 65.

«Сокровенное сказание» (1240 г.) описывает крупные объединения татар, меркитов, джаджиратов, найманов, керейтов²³, которые нельзя, конечно, назвать народностями. Их точное имя в монгольском языке — *улус*. О такого рода больших племенах, «пользующихся значением и известностью», сообщал Рашид-ад-Дин, указывая при этом, что «каждое из этих племен насчитывает до тридцати тысяч кибиток, число [людей] которых, считая и мужчин и женщин, доходит до ста тысяч человек»²⁴. Не менее многочисленными были «большие племена» тюрок домонгольского периода, только у них они получили особое наименование — *эль*, *иль* (вполне соответствующее *улусу*).

Так как объяснение термина *эль*, *иль* все еще остается дискуссионным вопросом, остановимся на нем несколько подробнее. Как известно, этот термин в форме выражения «вечный эль тюркского народа» впервые появляется в памятниках древнетюркской (орхонской) письменности VII—VIII вв. По смыслу описываемых здесь событий *эль* рисуется военно-политическим организмом, объединяющим под деспотическим руководством каганов из аристократического рода Ашина различные группировки «собственно тюрок» (*түрк будун* — «тюркский народ») и иные подвластные каганату племена. Значит, *эль* можно рассматривать в качестве первоначального племенного союза, основанного на военно-демократических началах, но также и в качестве более позднего прообраза государства, покоящегося уже на преобладании кочевой знати из ближайшего окружения кагана²⁵. Главной целью эксплуататорской политики Тюркского каганата было «присвоение людей», т. е. обращение в подданство населения на обширной территории. В таком плане *эль* рисуется и как совокупность людей, подданных, на которых распространяется владетельное право могущественных правителей.

Судя по более поздним и ясным монгольским материалам, сходную социальную эволюцию претерпел монгольский термин *улус*. По Б. Я. Владимирцову, «у древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, каана, нояна, тайши, баатура и т. д., называлось *ulus* — т. е. „народ — владение“, „народ — удел“... Ввиду этого слово *ulus* может быть переведено с известными оговорками, как „удел, владение“; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова *ulus* и есть именно „люди“. Поэтому слово *ulus* может быть передано и как „народ“, т. е. „народ — удел“, „народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел-владение“. Впоследствии *ulus* означает уже „народ — государство“, „народ, образующий государство — владение“, „государство“»²⁶.

В свете этих заключений становится понятным специфический характер среднеазиатского огузского *иля*, довольно хорошо описанного Абу-л-гази, поставившего себе целью рассказать о том, что «мы знаем о туркменах и об илях, которые присоединились к туркменам и которые впоследствии носили имя туркмен». Абу-л-гази неоднократно отмечает, что огузский *иль* (который в предмонгольское время «обитал по обе стороны реки Сыр, близ ее устья») исторически сложился из родственных и «присоединившихся», т. е. неродственных, группировок кочевников (*иль улуслар*), что территориально огузский *иль* объединял как «родовые

²³ См. С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941.

²⁴ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 29.

²⁵ Подробно см.: Л. П. Лашук, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 34—35.

²⁶ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 97.

юрты» (*бајыры јурт*), так и завоеванные (*олджа јурт*). Однако далеко не всегда этот иль выступал в роли сплоченного политического целого; напротив, огузский иль часто потрясали внутренние неурядицы и межплеменная вражда, а с приходом монгольских завоевателей он вообще был расколот на несколько частей, расселившихся в разные места. Но и в сравнительно мирное время огузский иль подразделялся на вполне самостоятельные или меньшего размера: «Каждый большой иль имел своего особого государя; малые или присоединялись к ним». Объединенное военно-политическое руководство над огузским илем доставалось обычно наиболее значительному «малому» илю, в котором опять-таки господствовал какой-либо род — уруг: «...из того уруга, который разрастался, поднимали государей»²⁷.

Таким образом, огузский иль, будучи объединением очень непрочным и неоднородным по своему этническому составу, практически распадался на целый ряд (до 24) самостоятельных единиц — назовем каждую из них «улусом» (по Абу-л-гази, *уруг*, *халк*, «малый» иль). По нашему убеждению, они были не столько локальными подразделениями единой туркменской народности, сколько вполне самостоятельными этническими общностями со своими собственными именами, диалектами, этническим самосознанием. Во времена Сельджукидов салоры, например, могли сказать: «Мы из салорского народа огузова иля» (Биз огуз или салор халкындын турурмыз)²⁸. Не менее примечателен и такой текст: «В огузском иле [все] стали друг с другом кровно браться. ...И вот много илей... ушло в Мангышлак. Среди них были [люди] из всех илей, однако больше всего было из [илей] Имир, Дукер, Игдир, Чавулдур, Каркын, Салор и Агар... Несколько илей, Оклы, Кокли, Агар и Султанлы ушли в Балханские горы»²⁹.

Конечно, в процессе отмеченных перетасовок туркменского населения происходил разрыв традиционных родственных связей и складывались смешанные, территориальные оседлые и кочевые группы, но это было лишь начало того процесса, который, на наш взгляд, ведет к формированию народности (при благоприятных конкретно-исторических обстоятельствах). Достаточно определенно сложный ход развития этнической основы туркменского народа отразился в диалектной системе туркменского языка. В значительной мере и по названию и по существу туркменские диалекты — йомудский, текинский, гокленский, салорский, эрсаринский и т. д. — совпадают со средневековыми «племенными» («улусными») группировками (в том числе историческими огузскими). Что же касается насыщения диалектной системы туркменского языка говорами, развившимися на территориальной основе, то это относится к сравнительно позднему времени³⁰.

Определяя исторический тип этнической общности тюрок и монголов (пожалуй, условно ее можно назвать «улусной» общностью), которая в обстановке раннефеодального общества шла на смену былому племенному размежеванию, надо учитывать два важных момента: во-первых, такая общность складывалась при наличии как издавна существующих группировок населения одного родственного корня и самосознания, так и вновь образующихся смешанных территориальных объединений; во-вторых, в зависимости от конкретной исторической обстановки в том или ином кочевническом «юрте» указанный процесс мог принимать свои особые формы.

²⁷ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 37—66.

²⁸ Там же, стр. 128.

²⁹ Там же, стр. 68.

³⁰ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 5.

Возьмем, к примеру, формирование улусных общностей в среде монголоязычного населения — среди восточных собственно монголов и западных ойратов. Приступив к насильственному сколачиванию своей кочевнической державы — *Monggol ulus*, Чингиз-хан преднамеренно разрушал традиционную родо-племенную группировку враждебных ему сил, рассеивая их частями по другим инородным объединениям³¹. Продолжением той же политики было распределение властью каана восточно-монгольского населения по «тысячам» — военно-административным (удельным) единицам. Правда, Чингиз-хан очень часто образовывал «тысячи» (*minggan*) из представителей одного племени — аристократического рода с подвластными ему *unagan bogol* — ами³². Но в состав многих «тысяч», а тем более крупных уделов — «улусов» («тюменей»), раздаваемых кааном своей феодальной знати, нередко включались различные роды, племена и их разрозненные части. Например, удел Одчигина состоял из пяти «тысяч», причем ему выделили «тысячу из племени Килинггута-Уряут, тысячу из племени Исут, остальных из каждого племени, а некоторых из племени Джаджират». Три «тысячи», составившие удел Алчидая, племянника Чингиза, были собраны так: «Некоторые были из племени Найман, а некоторые собраны из других племен»³³.

Военно-феодальный надзор за этими подданными был строгим, им запрещалось откочевывать за пределы улусного юрта; и вполне естественно, что по прошествии какого-то времени, завязав новые соседские и семейно-брачные связи с прежними чужаками, улусные люди (*ulus irgen*) сближались между собой настолько, что рассматривали себя вкуче, если не прямыми родственниками и свойственниками, то членами одной социально-этнической общности. Представление же о «великом улусе» (*yeke ulus*) — основной массе монгольских племен вместе с занимаемой ими территорией — было скорее официальным государственно-политическим, нежели собственно этническим понятием.

Чингизова «тысячная» организация в гораздо меньшей степени затронула западных ойратов, о которых Рашид-ад-Дин писал: «Несмотря на то, что их язык монгольский, он [все же] имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен»³⁴. Во многих источниках они известны под именем *дэrbэн-ойрат* — «четыре (группы) ойратов». Исследователи продолжают спорить о том, что означает такое название — четыре «поколения» одного народа, союз четырех племенных групп или, наконец, четыре феодальных владения с собственными ханами, а также о том, когда оно возникло — в XIII, XIV, середине XV в.?³⁵ Наибольший интерес представляет мнение Д. Банзарова о связи названия *дэrbэн-ойрат* с реальным делением ойратов со времен Чингиз-хана на четыре «тумена» («тьмы»). «Поэтому-то, — писал он, — монголы вместо *Дурбэн-ойрат* говорят еще *Дурбан*, *Дурбэн тумен* и *Дурбэн тумен ойрат*»³⁶. К этому не мешало бы добавить, что в данном случае, возможно, имело место не формальное военно-административное расчленение единой народности, а примерное соответствие новых единиц — туменов этническо-

³¹ Например, «Меркитов, по повелению Чингиз-хана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились... Тогда Чингиз-хан приказал пораздавать всех этих Меркитов до единого в разные стороны» (С. А. Козин, Сокровенное сказание, стр. 152).

³² Примечательно, что у башкир «племя» называлось *минг* — 'тысяча' (А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 94).

³³ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 110.

³⁴ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 118.

³⁵ См. И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, М., 1964, стр. 30—35.

³⁶ Д. Банзаров, Об ойратах и уйгурах, т. I, Казань, 1849, стр. 25.

му размежеванию ойратов на «большие племена» (ирген, улус), наделенные собственными именами — чорос, хошоут, торгоут, дэрбет (или хойт).

Эти явно этнические имена сохранились и тогда, когда (в XV—XVII вв.) порядок деления ойратов на тюмены и тысячи был постепенно забыт и в литературе по отношению к хошоутам, дэрбэтам, хойтам и т. д. стали прилагаться прежние понятия — *омок* («род», «сородичи»), но чаще *улус* («народ») ³⁷. Данное обстоятельство можно истолковать в том смысле, что в пределах ойратской этнолингвистической группировки (а не народности как социально-этнического организма) реально существовало несколько четко очерченных улусных объединений. Последние, в свою очередь, подразделялись на *оток*'и — территориальные союзы кочевников, которые не обязательно все могли быть сородичами ³⁸.

Улусная система, введенная монгольскими завоевателями, оставила, как известно, значительный след в истории средневекового населения Евразии. Государственное назначение того или иного улуса, имевшее целью прежде всего наделение кочевой аристократии подданными (войнами — слугами и данниками) и пастбищными угодьями, отнюдь не всегда производилось с учетом действительного размежевания подвластного населения по однородным этническим группам. Но на практике, видимо, были нередкими и такие случаи. В частности, В. В. Бартольд уверенно заявлял, что в Средней Азии во времена Тимура «для обозначения больших племенных групп одинаково употребляются термины *иль* и *улус*, в том же значении встречается и слово *тюмень*» ³⁹. Красноречиво и такое письменное свидетельство XVIII в.: «Каракалпаки обеих орд разделяются на многие колена или улусы» ⁴⁰.

Как бы то ни было, массовая перетасовка степного населения между большими и малыми улусами — феодальными уделами — привела к разрушению или сильной трансформации прежних этнических объединений — «больших племен» (элей, илей, улусов в первоначальном их значении). Здесь следует прямо процитировать очень правильный вывод Г. А. Федорова-Давыдова: «Процесс смешения кочевников Дешт-и-Кыпчака и сложения новых кочевых образований, начавшийся в XIII в., получил свое завершение в XV в. И, действительно, в XV в. нет половцев-кыпчаков в старом смысле. В Большой Орде кочуют «татары», в астраханских степях население также называется «татарами», в восточной части Золотой Орды известны казахи, узбеки и мангыты-ногайцы. Перед нами новые объединения кочевников, прошедших улусную систему Золотой Орды. И естественно, что наряду с родовым единством этих групп большую роль играет в их объединении вхождение в один «иль», «улус», т. е. в одну социально-экономическую ячейку общества, подчинение одному хану» ⁴¹.

Без раскрытия сложных социально-этнических судеб средневековых тюрко-монгольских кочевников — их своеобразной «переплавки» в горниле улусной системы — мы мало что поймем в особенностях заложения этнической основы позднейших среднеазиатских народностей как формирующихся целостных социально-этнических организмов. В подкрепление этой мысли можно сослаться на примеры этнической истории узбек-

³⁷ И. Я. Златкин, Указ. раб., стр. 71 и сл.

³⁸ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 133 и сл.

³⁹ В. В. Бартольд, Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 34, 50.

⁴⁰ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 92.

⁴¹ Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966, стр. 248.

ского и казахского народов, важнейшие процессы которой получили свое завершение в эпоху позднего средневековья и нового времени.

Нашими специалистами убедительно доказано, что в целом узбекский народ отнюдь не является прямым и единственным преемником кочевников «узбеков», завоевавших в начале XVI в. Среднюю Азию; напротив, современные узбеки в большинстве — это потомки древнего аборигенного населения, прошедшего сложный и длительный процесс этногенеза, впитавшего в себя разнобразные этнолингвистические (тюрко-ираноязычные) и хозяйственно-культурные (оседло-земледельческие и кочевнические) группы⁴².

Процесс этнического смешения и относительной консолидации узбеков растянулся на целый ряд столетий — с XVI по XIX вв. Отчетливым выражением этого сложного пути формирования узбекского народа служит диалектная система его языка, исторически расчленяющегося на три основных наречия, из которых каждое перекликается с соседними близкородственными языками. Так, по большинству своих признаков «кыпчакское» наречие узбекского языка объединяется с языками каракалпакским и казахским, тогда как «огузское» наречие сближается с туркменским языком, а «карлукское» (среднеузбекское) наречие — с современным уйгурским языком⁴³.

Своеобразными чертами отмечено формирование казахского народа. Исследователи давно столкнулись с противоречивыми, на первый взгляд, обстоятельствами: с одной стороны, многочисленные казахи, расселенные на огромной, но компактной территории, и в прошлом отличались значительной антропологической, языковой и хозяйственно-культурной однородностью, однако, с другой стороны, по стойким генеалогическим («родо-племенным») представлениям казахи были очень дробны и исторически явно сложились из разнородных этнических компонентов. Современных лингвистов не очень смущает слабая диалектная расчлененность казахского языка: по мнению Н. Сауранбаева, «смещение и слияние различных племен и родов, сложение их в единую народность, а также дальнейшее развитие этой народности в условиях весьма подвижного скотоводческого хозяйства не могли не привести к растворению, ассимиляции прежних родо-племенных диалектов»⁴⁴. Но историки, естественно, интересуют не только конечные результаты, но и само начало и течение данного процесса.

По этому вопросу существует два резко различных мнения. Сторонники первого — Ч. Валиханов, А. Харузин и др. — рассматривали казахскую народность в качестве очень позднего продукта истории; по их убеждению, началом образования этнической общности казахов послужило отделение от Золотой Орды и откочевание на восток, до оз. Балхаш, некоторой части подданных узбекского хана Абульхайра (1456 г.). Здесь, в восточноказахстанских степях, к концу XV в. сложился крупный военно-политический союз казахов, который впоследствии, примерно в конце XVI в., разделился на три феодальных владения — Старший, Средний и Младший жузы, постепенно охвативших своими кочевьями огромную территорию современного Казахстана.

По другой версии, которую, например, излагает С. А. Токарев, момент образования казахского союза — середина XV в. — был завершающим моментом в процессе этногенеза казахов, процесс же этот начался значительно раньше, еще до начала монгольских завоеваний. Ссылаясь

⁴² «Народы Средней Азии и Казахстана», полутом I, М., 1962, стр. 167 и сл.

⁴³ В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959, стр. 73—74.

⁴⁴ Н. Сауранбаев, Диалекты в современном казахском языке, «Вопросы языкознания», 1955. № 5, стр. 44.

на этнически разнородные названия казахских «поколений» и «родов», С. А. Токарев резюмирует: «В состав казахской народности влились разноплеменные и разноязычные группы. Наиболее поздние из них — это монгольские группы, пришедшие вместе с Чингиз-ханом, — Джалаир, Хонкират. Вероятно, именно к XIII в. мы должны отнести последние крупные передвижения в казахстанскую степь с востока. Тюркоязычные же группы могут считаться потомками более древних насельников приаральских степей. Самый процесс их взаимной ассимиляции и поглощения монгольских элементов относится к более раннему времени, чем XV век. Несомненно, что к этому времени Джалаиры, Кунграты, Найманы и др. были уже чисто тюркскими группами. Момент образования Казахской Орды был политическим оформлением уже ранее сложившегося этнического целого»⁴⁵.

Все это, конечно, так, когда речь идет о длительном формировании этнолингвистической основы казахского народа. Динамика этого процесса состояла в том, что в условиях подвижного кочевнического быта, частого возникновения различных военно-политических и феодальных объединений — улусов и не менее частого их дробления и распределения кочевых общин по новым союзам и улусам, население казахстанской степи сильно перемешивалось и, естественно, приобретало сходные этнографические черты. Но служит ли это доказательством возникновения уже в XV в. казахской народности в качестве более или менее консолидированного социально-этнического организма? Ответ может быть положительным только в том случае, если будет доказано наличие органических связей (этнических, хозяйственных, политических), охватывающих тогда (в XV в.) и позднее дробные группы кочевников казахской языковой общности.

Известные нам источники, например в изобилии приводимые С. Е. Толыбековым, свидетельствуют об отсутствии или неразвитости в течение длительного времени связей такого порядка⁴⁶. Как известно, до присоединения Казахстана к России казахи никогда не были народом, объединенным в составе одного долговечного государства, и фактически, распределяясь по отдельным «поколениям» и «родам», отрицали узы сколько-нибудь широкой территориально-политической общности. Каждый из трех казахских жузов жил своей обособленной жизнью, нисколько не заботясь о союзе или социально-экономическом сближении с другими жузами⁴⁷.

Если отказаться от существующего в литературе исторически и логически расплывчатого понятия «народность» и (не придумывая нового названия) понимать под этой категорией устойчивый и территориально четко очерченный социально-этнический организм достаточно развитого феодального общества, то следует с осторожностью отнестись к такому ответственному выводу, предложенному совсем недавно нашими этнографами: «К XV—XVI вв. в итоге длительного исторического процесса, в условиях развитого феодализма, уже окончательно сформировались все основные народности Средней Азии и Казахстана»⁴⁸. Может быть, правильнее было бы сказать, что не столько в этнолингвистическом, сколько в социально-политическом оформлении этот процесс в указанные века только начинался?

⁴⁵ С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 373.

⁴⁶ См. С. Е. Толыбеков, *Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках*, Алма-Ата, 1959.

⁴⁷ М. А. Терентьев, *Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах*, «Записки РГО, по отделению статистики», т. IV, СПб., 1874.

⁴⁸ «Народы Средней Азии и Казахстана», полутом I, стр. 91.

Не предваряя окончательного ответа по конкретным аспектам данной проблемы, требующей новых углубленных исследований, сформулируем свой заключительный тезис так: в ходе исторического развития от общинно-родового строя к зрелому классовому (феодалному) обществу тюрки и монголы переживали социально-этнический процесс перехода от племенной к территориально-племенной («улусной») общности; оформление крупных государственно-политических организмов, включавших в свою систему родственные по языку улусные объединения, создавало ту необходимую базу, на которой в процессе дальнейшего развития складывались более широкие и устойчивые этнические общности — «народности».

SUMMARY

The article concerns some aspects of the discussion at present taking place among Soviet researchers on the definition of the specific concept of «ethnic community», and its historic types (models). Among these of concept of «nationality» («narodnost») is distinguished. The author offers his own interpretation on the types of ethnic community which may be supposed to have existed among groups of animal breeders in the period of their passing from the clan community system to a feudal class society. He bases his conclusions mainly upon medieval sources on Turkic and Mongol peoples of the Asiatic part of the USSR. The author is of the opinion that in the period under consideration the Turkic and Mongol peoples were evolving from the ancient tribal community to a wider socially different territorial-tribal («ulus») ethnic community.

The subsequent transition to «nationalities» as a form of ethnic community was connected with the formation of large political organisms (states).

В. А. Жучкевич

**К ВОПРОСУ О БАЛТИЙСКОМ СУБСТРАТЕ
В ЭТНОГЕНЕЗЕ БЕЛОРУСОВ**

В статье В. В. Седова «К происхождению белорусов», напечатанной в журнале «Советская этнография» № 2 за 1967 г., излагается одна из точек зрения на этногенез белорусов. Идеи автора нельзя считать новыми. В тех или иных аспектах они обсуждаются уже более полувека. Среди работ, имеющих самое непосредственное отношение к этой проблеме, можно назвать, кроме приведенных автором, также работы Э. И. Вольтера¹, М. Я. Гринблата² и др. В своей статье В. В. Седов использует материалы археологические, антропологические, топонимические, лингвистические и этнографические в широком смысле слова. Очевидно, что надежность построений автора зависит от достоверности приводимых им данных.

Мы не имеем оснований высказывать суждения об археологическом или антропологическом аспекте проблемы, скажем лишь о топонимических свидетельствах, потому что, во-первых, они находят за последние годы все более широкое применение; во-вторых, они специально исследовались автором настоящей статьи на протяжении многих лет³; в-третьих, именно эти материалы таят в себе при поспешном применении возможности больших ошибок.

Можно считать вполне доказанным, что в ряде мест Белоруссии действительно сохранились названия географических объектов несомненного балтийского происхождения. К их числу относится около 40 наименований водных объектов и более 250 названий поселений. Примерами могут служить названия рек Друть, Ореса, Улла, Клева и др., названия поселений — Кимия, Жажелка, Жукле, Илагайцы и др.

Отдельные «балтизмы» были указаны на карте Белоруссии еще в конце XIX в., но систематического исследования богатого топонимического материала во всем его комплексе, ценного своей устойчивостью и привязкой к месту, в сущности не производилось. А. Кочубинский, на которого ссылается В. В. Седов, отметил очень немного балтийских названий, взятых из различных частей Белоруссии. Ясных ареалов балтийской топонимии по его данным выделить нельзя. Значительно полнее охвачены топонимические материалы К. Бугой, перу которого принадлежит, кроме приведенных автором, также ряд работ на литовском языке. Но К. Буга использовал лишь очень небольшую часть исторических документов, большинство же источников были ему, вероятно, неизвестны. Первой попыткой систематического изучения топонимии (гидронимии) приднепровской части Белоруссии нужно считать работу В. Н. То-

---

¹ Э. И. Вольтер, Следы древних прусов и их языка в Гродненской губернии, «Известия Общества русского языка и словесности», т. 16, кн. 4, СПб., 1912.

² М. Я. Гринблат, К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов, в сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959.

³ Они изложены в работах автора: В. А. Жучкевич, Топонимика, Минск, 1965; его же, Топонимия Белоруссии (в печати).

порова и О. Н. Трубачева⁴, на которую главным образом и ссылается В. В. Седов. Отмечая несомненные достоинства последней работы, следует все-таки отметить, что как и любое другое исследование, она не может претендовать на законченное решение сложной проблемы. Многие неточности и ошибки в ней объясняются тем, что: 1) фактические материалы, почерпнутые из единственного источника (списка рек Днепровского бассейна П. Маштакова), не выверены на месте; 2) речные названия неправомерно извлечены из всего топонимического ландшафта и рассматриваются вне должной связи с историческим процессом и географическими условиями (высказываются предположения о возможном происхождении названия, но не учитываются существующие документальные данные об их фактическом происхождении); 3) допускается значительная степень трансформации балтийских названий (в процессе их ассимиляции), но почти не учитывается трансформация самих славянских названий в процессе развития белорусского языка. Поэтому к числу «балтийских» гидронимов отнесены названия, не имеющие ничего общего с балтийскими языками⁵, а границы «балтийской гидронимии» необоснованно расширены. К. Буга принимал за такую границу реку Припять, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев считают, что и к югу от этой реки возможны балтийские названия, не высказывая окончательной уверенности в этом. В. В. Седов без всяких оснований еще более расширяет территорию балтийской гидронимии, включая в нее также Украинское Полесье. Но на основании одного лишь присутствия единичных названий, ошибочно объясняемых балтийскими языками, недопустимо делать вывод о границах ареала: необходим всесторонний историко-географический анализ этих названий. Например, такое казалось бы очевидное по своей балтийской основе название на правобережье Припяти, как Кимбаровка (Мозырский район), происходит от фамилии владельца усадьбы Кимбара и т. п. На территории Литвы и Латвии мы встречаем много славянских названий, но из этого совсем не следует, что эти республики расположены в области славянской топонимии. Совершенно прав Н. Н. Третьяков, отмечая, что «если следовать такой методике, соединяя крайние точки, то северную границу иранцев пришлось бы провести... по линии Могилев — Брянск — Курск»⁶.

В течение многих лет мною всесторонне и фронтально изучалась топонимия Белоруссии (названия рек, озер, поселений, урочищ) во всех ее сложных, исторически сложившихся связях и взаимоотношениях⁷. Общий топонимический фонд составил, таким образом, более 27 тысяч названий. При таком обилии материала для всей территории республики обеспечивается «плотность» топонимов, достаточная для того, чтобы определить топонимические границы и первого, и второго порядка. Не приводя обильного фактического материала и сложного соотношения

⁴ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

⁵ К числу их относятся, например, такие славянские названия, как Беседь, Болочанка, Ведерка, Ведричь, Веремейка (Еремейка), Вечта (Ветча), Вызненка, Весе́йка, Вить, Гайна(я), Деражня, Добрейка, оз. Домжерицкое (имя Доможир), Домашня (фамилия Домашевский), Зембин (польск. Żabín из Жабин) и другие, происхождение которых установлено документально. См. также А. И. Яценко, О некоторых гидронимах Посемья, которые ошибочно считаются балтийскими, Тезисы Конференции по топонимике Северо-Запада СССР, Рига, 1966.

⁶ П. Н. Третьяков, Восточные славяне и балтийский субстрат, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 117.

⁷ Некоторые материалы по этому вопросу изложены в работах автора: В. А. Жучкевич, Происхождение географических названий Белоруссии, Минск, 1961; его же, Топонимика, краткий географический очерк, Минск, 1965, и в более полном виде в работе «Топонимия Белоруссии».

в топонимии БССР, скажем только, что весьма отчетливая граница балтийской топонимии на юге проходит примерно по линии Пружаны — Слуцк — Рогачев — Костюковичи⁸. Крайними на юге балтийскими названиями нужно считать при этом название реки Ясельда (верховья реки), имя древнего поселения Мотоль Ивановского района Брестской области, название реки Оресы (верховья) и т. д. Приведенная линия довольно близко совпадает с границами зарубинецкой культуры. На первый взгляд может показаться, что отдельные «балтийские» названия есть и к югу от этой четкой линии, но при тщательной проверке выясняется, что все немногочисленные предполагаемые балтийские названия имеют там либо славянское происхождение, либо происходят от личных имен и фамилий. Указанную мною границу балтийской топонимии можно проследить и на рис. 2 и 3 обсуждаемой статьи В. В. Седова, где к северу от нее показано резкое увеличение археологических свидетельств балтийского происхождения.

Сплошное изучение топонимии БССР при наличии большой плотности названий на единицу площади позволило также выявить и другие интересные закономерности. К северу от южной границы балтийской топонимии мы встречаемся со сгущениями балтийской топонимии на территориях, которые, по-видимому, долго оставались балтийскими очагами в славянском окружении. Наиболее устойчивыми из них следует считать район к северо-востоку от Минска, а также значительный ареал вокруг Лиды. Гораздо слабее выражен ареал балтийской топонимии в районе Копыля. Наряду с балтийскими мы встречаем очаги чистой славянской топонимии, где балтийские названия отсутствуют. Таковы, например, ареалы чистой славянской топонимии в верховьях Вилы, в полосе от Кличева — Кировска на запад к Новогрудку и др. Распространение топонимов балтийского происхождения показано на прилагаемой карте.

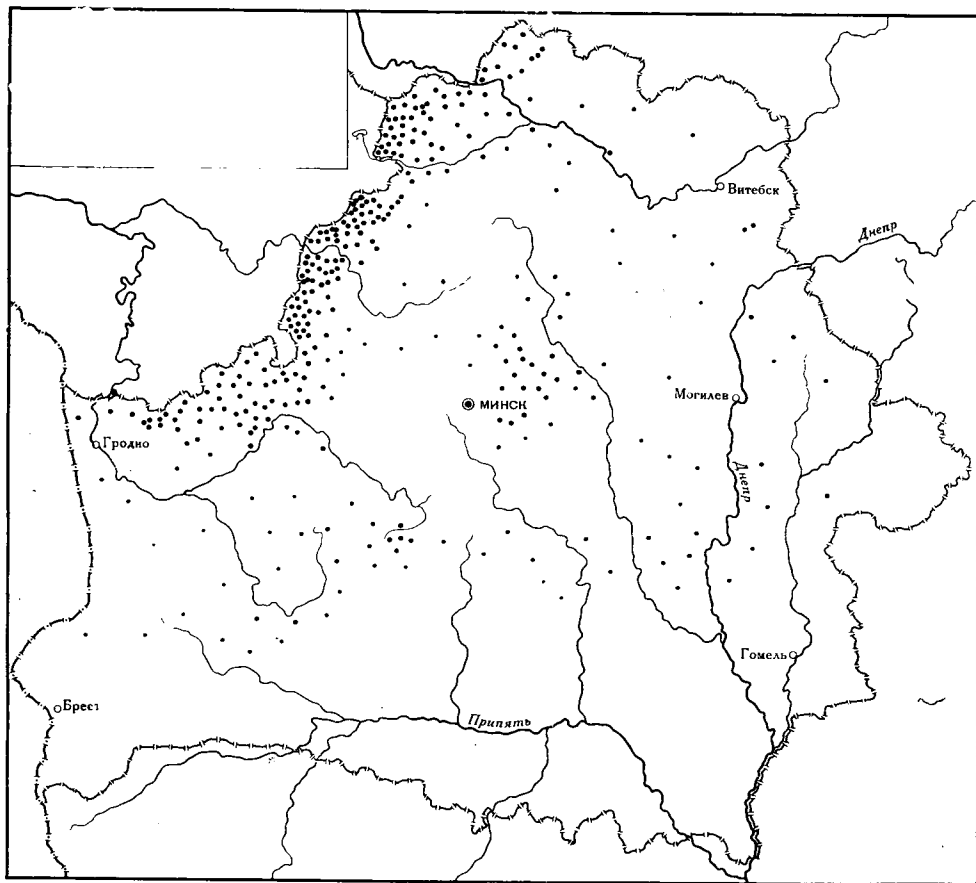
Приведенные факты говорят о том, что на территории Белоруссии происходил весьма длительный процесс ассимиляции балтийского населения славянами, занимавшими главным образом речные долины, охватывающие водораздельные пространства, которые еще долго сохраняли свою прежнюю балтийскую самобытность. Этот процесс, начало которого по топонимическим данным установить даже и приблизительно пока еще нельзя, закончился на территории БССР совсем недавно. Э. Вольтер, а затем М. Гринблат приводят неоспоримые факты того, что еще в XIX в. отдельные семьи, проживавшие в таких очагах, а иногда и все население небольших сел знало язык, близкий к литовскому⁹. Процесс совместного чересполосного проживания балтийских народов и славян констатировал около 80 лет назад также И. Спрогис, который писал: «В словаре моем найдется несколько сот чисто русских названий, местонахождение которых показано в чисто литовских местностях, начиная с самого сердца литовского поселения — Жомойтской земли. Названия эти нередко означают крупные имения, села и т. п.; но большей частью ими обозначаются небольшие участки земли — в виде урочищ, нив, пустоши и пр. Таковы, например, несколько названий Адамовщица — нива, Адриевщица — земля... Белевичи — им., Лебеди — село, Межиреч — им., Полесье — им., Новосады — село... Названия эти свидетельствуют, что среди сплошного литовского населения, подобно тому, как среди дремучего соснового бора, то там, то

⁸ Эта граница дается в моей работе «Топонимика, краткий географический очерк», стр. 144, фактический же материал по этому вопросу дан в работе «Топонимия Белоруссии».

⁹ Э. И. Вольтер, Указ. раб.; М. Я. Гринблат, Указ. раб.

здесь попадаются деревья других пород, жили в малом проценте чисто русские люди, владеющие землею, между которыми были даже крупные помещики»¹⁰.

В статье В. В. Седова временные рамки даны очень приблизительно. К сожалению, топонимические материалы не позволяют уточнить этот

Названия балтийского происхождения на территории Белоруссии. Точками обозначены балтийские названия независимо от объекта носителя (река, озеро, поселение). Названия рек показаны точкой в одном месте

вопрос. Но нужно полагать, что в «очагах» новые балтийские географические названия возникали еще в XIV—XV вв., это значит, что примерно пять веков назад в них употреблялся какой-то из балтийских языков.

П. Н. Третьяков в статье «Восточные славяне и балтийский субстрат» пишет, что «днепровские балты... послужили субстратом не белорусской средневековой народности, как думает В. В. Седов, а ее предшественницы — древнерусской народности»¹¹. Это утверждение представляется мне слишком сомнительным. Хотя само понятие субстрата еще точно не очерчено, и каждый автор вносит в него что-то свое, топонимические данные не могут служить основанием для такого утверждения (речь

¹⁰ И. Я. Спрогис, Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам, Вильно, 1888, стр. XV.

¹¹ П. Н. Третьяков, Указ. раб., стр. 116.

идет только о топонимическом аспекте). Во-первых, нельзя преувеличивать устойчивости топонимических данных. Изучая историю каждого географического названия БССР (насколько это позволили документальные данные), нетрудно прийти к заключению о том, что лишь ничтожная часть их (1—2%) сохраняется в неизменном виде в течение 5—6 веков; около 10—15% дошли до наших дней в сильно измененном виде; огромное же большинство их претерпело коренную трансформацию. Следовательно, географические названия, в которых мы сейчас еще узнаем балтийские основы, должны были сохранять свое дотопонимическое, апеллятивное значение, как правило, еще в XIII—XIV вв. (в «балтийских очагах»). Во-вторых, в белорусском языке довольно много слов, общих с литовским, но не известных в русском (порядка 300, не считая производных и интернациональных). Они относятся чаще всего к явлениям природы и предметам хозяйственной деятельности. В то же время в русском и украинском языках число слов, общих с литовским, незначительно. Это могло сложиться только вследствие тесного общения белорусского народа с литовским. Таким образом, следует говорить не о балтийском субстрате в этногенезе белорусов, а лишь об участии балтийских народов в этногенезе белорусов. Это участие было относительно небольшим, но длительным по времени, охватывая исторический период порядка тысячелетия (IX—XIX вв.). Такая длительность объясняется тем, что славянские передвижения направлялись не на северо-запад (к Литве), а на север и северо-восток. Территория современной Литвы оставалась балтийской и контакты славян с балтийскими народами носили в пространстве между Неманом и Днепром маргинальный (пользуясь термином Б. А. Серебренникова)¹², пограничный характер. Таким славянским пограничьем и была часть Белоруссии.

Говоря о топонимических свидетельствах этногенетического процесса, нельзя не обратить внимания на типичные ошибки, допускаемые многими исследователями при использовании топонимических материалов.

1. Нельзя оперировать какой-то частью топонимии, например, речными названиями, в отрыве от всего комплекса географических названий данной территории. В основе выделения речных названий в особую отрасль топонимики (гидронимику) лежит мнение о том, будто речные названия всегда старше названий поселений. Конечно, сами реки всегда старше поселений, но далеко не всегда названия рек старше названий поселений. В основе названия города Полоцка лежит имя реки Полоты; в основе названия города Витебска — имя реки Витьбы и т. д. Но и в основе названия ряда небольших рек лежат имена поселений. Только большие реки прочно удерживают свои имена, названия же небольших речек меняются довольно часто. Очень многие реки имеют вторичные названия. Поэтому при специальном изучении этого вопроса оказалось, что из 163 случаев совпадения на территории БССР названий рек с названиями поселений в 87 случаях первичным было название поселения, в 23 случаях название реки и в 53 случаях выяснить первичность пока невозможно. Например, речка Весейка получила свое имя от села Весей (весь — село), речка Потейка получила свое имя от села Поцейки, выросшего вокруг усадьбы А. Пацея (XVII в.), речка Поджодинка — от имени города Жодино, получившего свое название от личного имени поселенца, Барейшовка — от хутора Борейши (фамилия), речка Веремейка — по имени села Веремейки (белорусская форма от Еремейки), Брагинка — по имени поселения Брагин (личное имя Брага) и т. д.

¹² Б. А. Серебренников, О взаимодействиях языков, «Вопросы языкознания», 1955, № 1.

Старое название реки Червенки сейчас забыто, но известно, что в XVI в., после возвышения г. Игумена, она стала называться Игуменкой, а с 1925 г. после того, как этот город был назван Червенем, речка стала называться Червенкой. Интересен пример реки Ушачи. Расположенное на ней поселение (городской поселок Ушачи или Ушач) именовался ранее Усть-Шать и вся волость называлась Устьшачской¹³. Затем название поселения (Ушачи) перешло на имя реки (речка Ушача). Примерно такова же история названия реки Усвячи (Усть-Вячи) и т. д.

2. К числу неперенных условий применения топонимических материалов относится и сверка списков с их действительным произношением на месте. Недоверие некоторых исследователей к топонимическим материалам основывается обычно на очень частых случаях некритического использования их. Примеров таких ошибок можно привести очень много. Иногда одна буква или особенность смыслового оттенка ведет к ошибкам. Например, в той же работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева название реки Пустометижки объясняется из древнепрусских *pausta* и *Metē*¹⁴. В действительности же такой реки нет, есть не Пустометижка, а Пустомстижка, названная при картографировании именем древнего поселения Мстиж, стоящего неподалеку от нее.

3. Наконец, топонимика может служить надежным основанием для научных построений, если будет сочетаться с глубоким изучением местных языков и диалектов. Было высказано много разнообразных предположений о происхождении названий таких рек, как Волма, Ведричь, Припять, Случь, Пина, и др., но эти названия до наших дней встречаются в виде нарицательных географических терминов в живой речи. Например, термин «случь» (река Случь) имеет совершенно определенный смысл и общую основу с русским термином «излучина» (бел. «злучына»). Русскому префиксу *с-* соответствует белорусский *з-*, поэтому термин «случь» выглядит в белорусском как «злучь». Термин «припечь» (бел. прыпеч) имеет общую основу с русским термином «опечек», зафиксированным также Э. М. и В. Г. Мурзаевыми в других частях нашей страны¹⁵. От этого и название реки Припять («припечь»). Народ вкладывает в подобные термины совершенно определенные понятия. К сожалению, очень небрежным отношением к белорусской терминологии отличается и статья В. В. Седова. Им приведены всего два термина, но и они ошибочны: якобы белорусский «шула» и якобы балтийский «седиба». В действительности же соотношения прямо противоположны. «Шулó» — термин балтийский и означает он в белорусском не «столб», а «опора», «косяк (двери)»; «столб» же по-белорусски — «слуп». Слово же «седиба» (сядзіба) славянского происхождения, оно известно в Белоруссии повсеместно. Сядзіба — это усадьба, и корень в обоих словах один и тот же. Прысядзібы участок — это приусадебный участок. В то же время мысли В. В. Седова могли бы быть подкреплены рядом других примеров балтийско-белорусской лексики: «алé», «крумкáч», «арáць», «крыга», «скіба», «абру́с», «áгрэст», «калёць», «анада́й», «адліга», «дзэ́рці», «баламу́т», «ба́гна», «бамбі́за», «бэгчы», «бэ́з», «бланка», «блaзан», «бразгаць», «бруд», «брук», «бурбалкі» и т. д.

Таким образом, специальные топонимические исследования на территории Белоруссии подтверждают некоторые идеи В. В. Седова в

¹³ «Писцовые книги Московского государства», под ред. Н. В. Калачева, от. 2, часть первая, СПб., 1877, стр. 440.

¹⁴ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 203.

¹⁵ Э. М. и В. Г. Мурзаевы, Словарь местных географических терминов, М., 1959.

смысле участия балтийских народов в этногенезе белорусов. В то же время они позволяют ограничить более точными рамками территорию, где происходило такое взаимовлияние, а также дать ряд дополнительных материалов по этому вопросу. Но В. В. Седов некритически использует топонимические материалы и приводит некоторые данные Е. Ф. Карского и К. Буги, имеющие сейчас лишь исторический интерес. Для решения проблемы этногенеза целых народов нужны более прочные основания.

В то же время нельзя порицать автора статьи (В. В. Седова) или авторов работ по топонимии Поднепровья, поскольку фронтальные и всесторонние исследования топонимии Белоруссии вносят ряд уточнений и изменений, но не отрицают основных и важнейших положений их работ.

SUMMARY

The use of toponymic data for ethnogenetic research demands great caution. Some typical errors in the use of toponymic data are as follows: river names are artificially separated from the rest of the toponymic landscape; written data is insufficiently checked against factual phenomena; local dialects and local geographical terminology are not sufficiently taken into account. V. V. Sedov exaggerates the role of Baltic toponymy and shows its limits wider than the data warrants. Actually it may be distinctly noted only in the North-West of the Bielorussian Soviet Socialist Republic; individual names of Baltic origin occur as far south as the line Pruzhani — Slutsk — Rogatchev. Toponymic data are insufficient to substantiate a Baltic substratum in the ethnogenesis of the Bielorussians; only a comparatively small Baltic component was present in the ethnogenesis of the Bielorussians which took place under conditions of a Slav-Baltic border area. In North-Western, and partly in Central Bielorussia small Baltic nuclei remained for a long time; they were afterwards assimilated (already in historical times). Mutual Baltic-Slav linguistic influence affected the Bielorussian and Lithuanian languages under conditions of a Slav-Baltic border area.

Н. А. Дворникова

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОДЕЖДЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ УКРАИНЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ
В СУМСКУЮ И ХАРЬКОВСКУЮ ОБЛАСТИ)

Летом 1966 г. отряд этнографов Института этнографии АН СССР работал в Ахтырском и Б. Писаревском районах Сумской области и Чугуевском районе Харьковской области на землях бывшей «слободской Украины», тех землях, где русский и украинский народы жили несколько веков в тесном контакте. На этой территории расселения славянского племени северян на протяжении столетий происходили столкновения славян с кочевниками¹, а в XIV—XV вв. земля была окончательно опустошена постоянными набегами татар и стала известна под названием «дикого поля». В XVI—XVII вв. происходит процесс нового заселения этих земель в связи с борьбой Московского государства с крымскими ханами² — переселение «служилых людей». Вместе с тем в это время идет процесс «вольного переселения»³: из городов и селений, входивших в состав Польско-Литовского государства, переселялись украинцы, а из центральных русских областей (Калужской, Курской, Воронежской, Московской и др. губ.) — русские. Кроме того в формировании населения на этой территории принимало участие уцелевшее от набегов татар местное население⁴.

Вопрос о возникновении здесь городов и поселений довольно подробно разработан в литературе⁵, а описания материальной культуры, в частности одежды, почти совсем нет. Между тем материалы по одежде могут помочь осветить процесс формирования населения и показать общность традиционной культуры русских и украинских групп. Одежда иногда на протяжении столетий сохраняет некоторые черты покроя и украшений и отражает исторические судьбы отдельных групп населения в прошлом.

Экспедицией была изучена одежда в двух больших районах, отличающихся друг от друга: группа сел Б. Писаревского и частично Тростянецкого и Ахтырского районов Сумской обл. (села Солдатское, Ницаха, Алешня и др.) и группа сел Чугуевского района Харьковской обл. (села Старо- и Ново-Покровское, Молодовое и др.). Метод изучения был в основном маршрутный, но проводилось и стационарное исследование в тех селах, в которых характерные особенности этих районов до сих пор выражены более ярко, чем в других.

Особенно интересна одежда русских Сумской области, где женский традиционный костюм только в последние 20—25 лет сменился костюмом из разнообразных фабричных тканей, покроем которого заимствуется в городе и приспосабливается к местным вкусам и потребностям.

Женский костюм русских крестьян этого района имел много общих черт с женской одеждой окружающих их украинцев. Русские и украинки носили здесь рубахи с прямы-

¹ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 20.

² Д. И. Багалея, Очерк из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I, М., 1884, стр. 140, 369.

³ В. А. Александров, К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян, «Вопросы истории», 1950, № 10.

⁴ Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных, СПб., 1913, стр. 48.

⁵ Подробно по этому вопросу см.: А. Г. С л ю с а р с к и й, Социально-экономическое развитие Слобожанщины, Харьков, 1964.

ми поликами, пришитыми по утку ткани. Много общего имели (как, впрочем, и в других районах) различные названия частей рубахи: «станок» — укр., «стан» — русск., «ластовочка» — укр., «ластовка» — русск., «пидтичка» — укр. «подстава» — русск. Для женских рубах обоих народов характерна вышивка на плечах, на рукавах (ближе к плечу), по воротнику и подолу. У украинцев была распространена вышивка, заполняющая весь рукав узором «дубки». В селах со смешанным русско-украинским населением (например, с. Алешня), где смешение культур из-за тесного повседневного контакта происходило с большой интенсивностью, этот узор вышивали на своих рубахах и русские

Рис. 1. Крестьянка в традиционном народном костюме молодой женщины (с. Солдатское Б. Писаревского района Сумской области)

женщины. Мы видели у русской девятидесятилетней старухи такую рубаху стопятидесятилетней давности, сшитую из льняного полотна, с узором, характерным для украинцев и в настоящее время. Кроме рубах с поликами украинки Сумской области носили еще рубахи с «суцильными» рукавами, доходящими до ворота, пришитыми по основе ткани. Но такие же рубахи, как известно, бытовали и в южнеликаторусских областях (Орловской, Калужской и др.)⁶. У русских и украинских женщин рубаха была не только нательной, но и одеждой, в которой работали в поле, во дворе, поэтому она долгое время сохраняла старинный покрой с поликами и материал — домотканное полотно. Только в начале XX в. у тех и других под влиянием города начали появляться рубахи на кокетке — «талейке».

На рубаху в большинстве русских сел женщины надевали поневу с «прошвой» — вставкой из кумача и «бедром» — вставкой из алого сукна или яркой полупарчовой ткани. Понева шилась из трех полотнищ черной шерстяной ткани — «волосени» в клетку размером 10×10 см и одного полотнища покупной ткани — кумача — («прошва»). Клетки образовывались из белой, черной, красной, желтой, черно-белой нитей. По бокам «бедра» клетки поневы украшались у молодых женщин аппликацией из хлопчатобумажного материала разных цветов узором «репьи» или «крючки»; на поневах пожилых женщин по бокам «бедра» нашивались «зубцы» — полоски белой или красной хлопчатобумажной ткани, вырезанные и сшитые зубцами. По подолу у всех понев пришивался тканый шерстяной пояс шириной 2—3 см, который в других случаях использовался для подпоясывания, а на некоторых нашивалась еще полоска аппликации меньших размеров того же узора. По местным традициям в зависимости от

⁶ Г. С. Маслова, Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды, «Сов. этнография», 1954, № 2.

украшений поневы различались по возрастам и имели даже различные названия: «репы», «крючки», «троезубцы», «двоезубцы». С поневой был связан строго соблюдавшийся обычай, в силу которого замужняя женщина не должна была показываться без поневы даже домашним. Все работы в поле, огороде и дома женщины выполняли в поневах, но спереди их подбирали под пояс — «носили коробом». О подобном способе ношения понев упоминают в своих работах Н. И. Лебедева для Белгородской обл.⁷ и Д. К. Зеленин для Орловской обл. (Севский и Трубчевский районы)⁸.

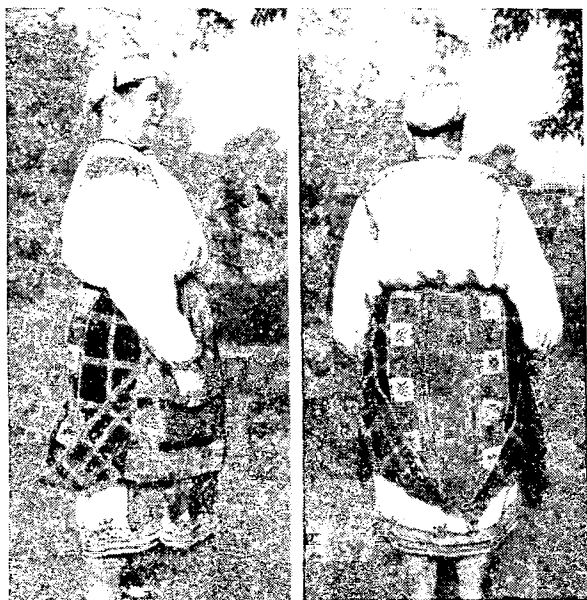

Рис. 2. Крестьянка в поневе, надетой «коробом»
(с. Солдатское Б. Писаревского района Сумской области)

Несшитую или распашную поневу типа плахты на Сумщине также носили, но только девушки. Однако эта понева была не совсем обычного вида и носила название «девичья понева». Она состояла из двух длинных полотнищ клетчатой поневной ткани (такой же, как и у описанных выше понев), размером $1,50 \times 40$ см, сшитых вдоль, к каждому углу полученного прямоугольного полотнища ($1,50 \times 80$ см) пришивались шнурки, при помощи которых понева укреплялась на талии: сначала завязывался один узкий конец полотнища, затем понева перегибалась вниз у подола и на талии завязывался другой противоположный конец, образующую сзади петлю у подола составляли свободно свисавшей; перед закрывался завеской (фартуком). Сходство с этой поневой имела понева орловских полевых, описанная Д. К. Зелениным; «две сшитых полосы шерстяной ткани составляют кусок шириной $1\frac{1}{2}$ арш., а длиною — одна полоса $1\frac{1}{4}$ арш., а другая $3\frac{1}{4}$ арш.; такая понева не вздергивается сверху на шнуре, а закладывается с левого бока под кушак, обтягивает зад, после чего длинный конец ее перегибается вниз и идет кверху правого бока, перепускается через кушак и висит концом наперед через плечо»⁹.

Весьма любопытно, что в период «девичества», т. е. в тот период, когда девушка становится невестой, в этих же селах девушки носили черные шерстяные глухие сарафаны. Этот тип одежды, более поздний, чем понева, мог быть занесен в эти места в сравнительно позднее время возможно однодворцами, жившими недалеко в Путиаль-

⁷ Н. И. Лебедева, Одежда. Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 57, М., 1960, стр. 220.

⁸ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 173.

⁹ Там же, стр. 172.

ском районе или переселенцами из Воронежской обл., где он также бытовал в качестве девичьей одежды. Сарафан надевали девушки-невесты на гулянья, в церковь, на праздник, венчались также обязательно в нем (после венчания надевали поневу). Сарафан также являлся и похоронной одеждой. Возможно, это объясняется народным обычаем хоронить в свадебном костюме. Поэтому девушек хоронили в сарафанах, приготовленных ими к свадьбе. Об обычае ношения сарафана только девушками-невестами и пожилыми женщинами упоминает Б. А. Куфтин¹⁰, хотя у него речь идет о белом сарафане. Во всяком случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что сарафан на Сумщине сохраняет в себе еще черты возрастного костюма: девичьего и старушечьего и не носится как настоящий сарафан, т. е. без различия возраста.

В некоторых селах со смешанным русско-украинским населением (например, в Алешне) сохранилось воспоминание о ношении поневы типа плахты. Так, по рассказам 84-летней Улиты Климовны Козминой, красную тяжелую шерстяную тканую квадратом с узором поневу типа плахты носила ее мать приблизительно восемьдесят лет назад. Украинки соседних сел также, по воспоминаниям стариков, носили такую поневу, но более распространенными у них были красно-синие плахты, состоявшие из двух полотнищ, и отличались от русских характером ткани. Все же в конце XIX в. украинки, а под их влиянием и русские женщины в селах со смешанным населением перешли к ношению юбок «с плисом» и «рясных». Юбки «с плисом» шились из кубового (темно-синего с мелкими цветочками) ситца в несколько (5—6) прямых полотнищ, собранных и пришитых на пояске, подол обшивался полосой бархата в 5—10 см;

Рис. 3. Крестьянка в традиционном девичьем костюме («девичьей» поневе и «строчке») (с. Ницаха Тростянецкого района Сумской области)

«рясные» юбки шились из покупного полушерстяного или хлопчатобумажного материала с вытканными на нем яркими цветами из шелка, шили их также в 5—6 прямых тощ (полотнищ). Эти юбки русские женщины так же, как и украинки, называли спидницами.

Одной из особенностей традиционного украинского женского костюма была «кирсетка» — наплечная одежда, состоявшая из лифа и пришитой к нему нижней части из клиньев, сложенных складками или собранных в сборку. Такую же одежду носили и русские женщины в южновеликорусских и даже в средневеликорусских областях¹¹.

¹⁰ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской Мещеры, М., 1926, стр. 103.

¹¹ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов, «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 649.

Терминология этой одежды у русских и украинцев одинакова («кирсетка» — «корсетка»). Русские женщины на Сумщине также носили корсетку, а в XX в. вместе с ней начали носить корсетки-лифы (без нижней части).

Традиционные женские головные уборы в Сумской области сохранялись до недавнего времени и представляют собой особый интерес в связи с их разнообразием и архаизмом. С ними органически были связаны прически женщин и девушек. Наиболее обычной девичьей прической на Сумщине была прическа с одной выпущенной на спину косой, а распущенные волосы были обязательны при совершении любых (магических) обрядов не только у девушек, но и женщин. Например, во время совершения записанных нами заговоров («от бельма», «от горобцов» и «от червей у коров») женщины (или девушка) должна была быть обнаженной и с распущенными волосами. Как и у всех восточных славян девичий головной убор на Сумщине представлял собой несомкнутый круг и имел общее для русских и украинцев украинское название «строчка», т. е. лента. Обычно она бывала около 10 см ширины на твердой основе (из лубка), завязывалась на затылке. Местной особенностью этого девичьего головного убора (так же как и женской — «сороки») было наличие на висках и около ушей украшений в виде пушков из «гаруса», а украинское влияние сказалось в том, что к затылку прикрепляли целый пучок спадающих на спину лент. Кроме того до конца 1920-х годов сохранялся также, по-видимому, старинный обычай повязывать голову платком «венчиком» во время крестного хода и молебна на реке (в крещенье): обычный головной платок складывался на угол и перекручивался и в таком виде завязывался на голове, оставляя макушку открытой. Интересно, что на Сумщине только девушки заплетали волосы в косу. Обычая же плести косы у замужних женщин не было. Широко известные у русских других областей свадебные обряды «продажи косы» и заплетания волос на две косы здесь не были в традиции — девичья коса расплеталась и укладывалась на голове, затем волосы прикрывались кичкой, являвшейся на Сумщине основным женским головным убором. Кичка шилась из куска домашнего полотна, который облегал голову и стягивался на ней шнурком; надо лбом находилась передняя более твердая часть простеганного холста, которая, стянутая другим шнурком, имела форму подковы. Сверху на кичку надевали «обвязку» или «сороку». Последняя имела возрастные различия: сорока («молодицы» шилась из малинового бархата с широкой полосой позумента спереди; сороки более пожилых женщин вышивались крестом серебряной нитью и цветным шелком желто-коричневых тонов. Обе составные части сороки (собственно «сорока» и «позатыльник») украшались на висках и боках двумя помпонами — «пушками» из цветной шерсти — «гаруса». Можно высказать предположение, что эти «пушки» являются имитацией «пушков» или так называемых «кудрей» из гусиного пуха, бытовавших в южнорусских областях и на Украине еще в XIX в.

Сорока была парадным праздничным головным убором; в обычные дни кичка покрывалась «обвязкой», представлявшей собой прямоугольный кусок белой ткани (80×60 см) с небольшой вышивкой на середине одной узкой стороны, которой она и повязывалась на кичке; остальная часть обвязки свободно свисала на спине. Из описанного видно, что «обвязка», как и украинская «намитка», широко бытовавшая на Украине еще в XIX в., относится к полотенчатым головным уборам и, по всей вероятности, древнего происхождения, так как по свидетельству ранних письменных источников, старинным головным убором восточнославянских женщин было белое покрывало¹². В селах со смешанным русско-украинским населением (например, с. Алешня) «сороку» уже давно перестали носить, здесь как русские, так и украинские женщины надевали на пучок скрученных волос «шлычку» (род маленького чепчика). Кроме того, в этих селах носили украинский «очипок», «сборник», «седлообразный очипок». Однако все эти головные уборы, кроме «шлычки», не сохранились.

В обследованных селах Сумщины одинаковым был также и мужской костюм русских и украинских крестьян. У тех и других рубаха шилась из холста с прямыми полками, пришитыми по утку, и прямым разрезом ворота. Разница была в украшениях: украинцы вышивали грудь и ворот, русские — подол. Имелись различия способа ношения: украинцы носили рубахи заправленными в штаны, русские — навыпуск. Рубаху с полками и прямым разрезом ворота носили в Белоруссии, на севере Украины и в пограничных с ними русских областях, например в Воронежской, где эта рубаха предшествовала косоворотке. Такая рубаха была известна у всех восточных славян: русских, украинцев и белоруссов¹³. Наличие же ее в изучаемых областях указывает не только на старые связи русского и украинского населения, но и на возможность сохранения здесь древнего типа восточнославянской рубахи; а сохранение некоторых архаических черт в женской одежде местного населения (наличие «пушков» на головных уборах женщин, полотенчатые головные уборы — «обвязка», наличие нешитой распашной поневы и т. д.) делает это предположение вполне вероятным.

¹² Н. Кондаков, Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI в. СПб., 1906, табл. III—IV.

¹³ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белоруссов, стр. 585.

Мужские порты как русские, так и украинцы, шили из холста «по-русски» — с двумя клиньями, вшитыми в «колоши»¹⁴. Как те, так и другие часто шили их из набойки.

В начале XX в. на Сумщине стали появляться косоворотки и мужские штаны городского покроя, которые уже после революции наряду с рубашкой с «манишкой» или «грудинкой» и «украинкой» совсем заменили традиционную одежду.

Второй обследованный район — группа сел Чугуевского района Харьковской обл. (села Старо и Ново-Покровское, Молодовое и др.) — это бывшие села военных поселений¹⁵.

В состав традиционного женского костюма здесь вошли рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку ткани, и сарафан — «шубка», головным убором служила «шлычка» с платком. Женские рубахи упомянутого покроя (с прямыми поликами, прямыми рукавами с ластовкой и с подставой) были единственными и носили их до последней войны; сарафан — «шубка» — прямого покроя на лямках, по всей вероятности, являлся более новым типом одежды, который сменил старую — косоклинный сарафан. Так, по рассказам информаторов, 80—100 лет назад на Харьковщине бытовали красные и черные шерстяные (из «волосени») косоклинные сарафаны. Подобные сарафаны имеются в фондах Харьковского исторического музея, к сожалению, без подробной аннотации. В конце XIX — начале XX в. эти сарафаны совершенно перестали носить, прекратилось также местное производство шерстяной ткани «волосени». Вошли в употребление фабричные ткани, особенно ситцы, которые поступали в села Харьковщины из ближайших крупных промышленных городов. Вместе с новым материалом появился и новый тип сарафана — прямой с лифом под тем же названием «шубка». Этот термин для прямого сарафана характерен для Московской, Калужской, Тульской, Смоленской и Владимирской губернии, а также был известен у воронежских однодворцев Коротоякского уезда¹⁶. Распространившаяся повсеместно в начале XX в. мода на так называемых «парочки» — юбку и кофту из одинакового материала была и на Харьковщине, но интересно, что юбки здесь заменяли те же «шубки», поверх которых надевали кофты.

Вместе с красным и черным сарафаном женщины Харьковщины носили «очипки» и «сборники». Наиболее распространенным, по рассказам информаторов, был седлообразный счипок, шившийся из парчовых и полупарчовых тканей. С сарафанами — «шубками» женщины надевали на пучок скрученных волос «шлык» или «шлычку» (род маленького чепчика) и платок, завязанный под подбородком.

Девичьим головным убором была лента, веноч из цветов, головной платок, сложенный на угол, перекрученный и в таком виде завязанный вокруг головы — «веночком». В начале XX в. «веночек» с воткнутыми в него искусственными цветами являлся также и свадебным головным убором. Девушки носили косу, завязанную лентой и спущенную на спину. Женщины — две косы, скрученные на затылке и покрытые «шлычкой». «Шлычка» обязательно покрывалась головным платком: в праздники шелковым и шерстяным, а в будни ситцевым.

Украинские женщины в соседних селах Харьковщины носили такие же рубахи с прямыми поликами (с «установками»), пришитыми по утку ткани, но чаще в обиходе встречались рубахи с «суцильными» рукавами, которые сохранялись до войны 1941 г.

Поясной одеждой украинок Харьковщины до середины XIX в. была плахта, как и на Сумщине, но уже к концу XIX в. везде стали носить «рясные» юбки (спидницы) и юбки (спидницы) с «плисом». Горничной (комнатной) наплечной одеждой всюду была корсетка («кирсетка»). Головным убором в XIX в. везде служил очипок и платок, а позже, как и у русских, шлычка и платок.

Традиционная мужская одежда русских Харьковской области была аналогичной мужской одежде Сумщины. Рубаху шили из холста с прямыми поликами, прямым разрезом ворота и маленьким стоячим воротником. Вышивалась рубаха крестом больше всего по подолу, воротнику и только иногда на груди — манишке. Украинцы Харьковской области, в отличие от русских, носили холщевые рубахи с отложным воротником и со «стрелкою» — узкими плечевыми нашивками; манишка такой рубахи вышивалась гладью. Штаны у русских и украинцев были одинаковые неширокие, сшитые из домашнего белого или набойчатого холста с двумя клиньями, вшитыми в «колоши». Русские носили рубахи навывпуск, украинцы — заправленными в штаны.

В начале XX в. традиционный мужской костюм на Харьковщине под влиянием города заменяется одеждой городского покроя: рубашкой косовороткой, рубашкой с «манишкой» или «украинкой» и штанами городского типа.

Мужская и женская верхняя одежда в XIX в. и в начале XX в. у русских и украинцев ничем значительно не отличалась. Небольшие различия касались главным образом

¹⁴ Кроили штаны из трех полотнищ: два составляли колоши, из третьего, разрезанного наискось, получали два клина.

¹⁵ Подробно об этом см. статью Б. Н. Чижиковой «Об этнических процессах в восточных районах Украины» в этом номере.

¹⁶ Б. А. Куфтин, Указ. раб., стр. 115.

украшений. В связи с этим представляется возможным рассмотреть верхнюю одежду обоих народов вместе.

По покрою верхняя одежда может быть разделена на: 1) халатообразную, 2) сшитую в талию с цельной спинкой и с клиньями или складками, 3) с отрезной спинкой и со сборами или складками, 4) одежду нового типа, выполненную по выкройкам.

Халатообразная одежда была из сукна и из овчины. В Сумской области к такой одежде относились «затула» и «кобиняк». Оба вида, сходные по покрою и материалу, шили из домашнего сукна, из прямых полотнищ с клиньями по бокам у подола (с одним или двумя). Прямоспинными шили иногда шубы и тулупы из овчины (Харьковская обл.). Украинцы носили подобную одежду из сукна под названием «сиряк» (Сумская обл.) и из овчины — «тулуп» (Сумская и Харьковская обл.). Необходимо отметить также, что под различными названиями бытовала одежда единого покроя, служившая одной и той же цели — она надевалась в холод и особенно в непогоду, часто поверх другой теплой одежды.

Одежды с цельной спинкой и клиньями по бокам у населения не сохранилось, но, по рассказам стариков, так шили раньше. Затем верхнюю одежду из домашнего сукна и овчины стали шить с отрезной спинкой и со складками или со сборами: «свита», «свитка», «куртина», «куцына», «зипун», «полшубок» или «шуба». Такую одежду носили как украинцы, так и русские, но одежда под названием «свитка» все-таки больше была распространена у украинцев, которые часто «свиткой» называли вообще всякую одежду из сукна.

Костюм более нового типа, появившийся в начале XX в., состоял из самых разнообразных кофт (из покупной материи), которые носились со спидницами и с «шубками». Еще более поздней верхней одеждой были различные «сачки» и «полсачки» на вате или конопле и суконные шубы также на вате и с барашковым или лисьими воротниками, а также покупные мужские «пиджаки» из грубого сукна.

Мужские головные уборы у русских и украинцев в обследованных районах имели много общего, но у русских на Сумщине долгое время головным убором служил валяный колпак, имевший довольно широкое распространение у южных великорусов Орловской, Воронежской и Курской губернии. Этот валяный колпак («яломок») был белого или серого цвета, иногда с белым верхом и темно-коричневым околышем или наоборот и имел форму усеченного конуса с отвернутыми полями, плотно прилегавшими к тулье.

В конце XIX — начале XX в. у русских и украинцев в обоих районах получили широкое распространение высокие цилиндрические или конические шапки из овчины. Кроме того, в начале XX в. многие стали носить картузы из фабричной ткани. Летом, в жару, и особенно на работу в поле, надевали соломенные плетеные шляпы.

У русских в обоих районах основной рабочей и праздничной обувью были лапти. Плетение лаптей — косое и прямое, преобладающий тип лаптя был с круглой головкой и плотными бортами. Лапти плели из липового лыка на колодке с помощью «свайки». Женские лапти были из более мягкого и мелкого лыка. Лапти носили с холщевыми и шерстяным («суконными») онучами. По большим праздникам более зажиточные надевали кожаную обувь: мужчины — сапоги — «вытяжки», женщины — «чиривики» — женские туфли из грубой кожи с небольшим каблуком и железными подковками. Русские женщины Харьковской губернии из зажиточных семей по праздникам надевали сапоги цветного сафьяна с каблуками и подковками.

Обувью у украинцев, мужчин и женщин служили сапоги; женские сапоги были из цветной кожи, с более высокими каблуками и подковками, кроме того женщины носили такие же, как и русские, «чиривики». Летом, в жару, ходили босыми, даже в поле на живые работали без обуви, а для предохранения подошв ног от уколов смазывали их дегтем.

На основании полученных материалов можно сделать и некоторые выводы.

В традиционной одежде русского и украинского населения двух изучаемых районов можно проследить древние общие черты, характерные для всех восточных славян. Таковы: женская рубаха с рукавами и прямыми поликами в качестве основной части костюма; мужская рубаха с прямыми поликами и прямым разрезом, неширокие штаны; пояс как необходимая принадлежность одежды мужчин и женщин; женская неполоностью сшитая поясная одежда; типы девичьих головных уборов (венец, лента); женские полотненчатые головные уборы; мужская войлочная шапка в виде усеченного конуса; плетеная обувь из лыка и кожаная обувь с высоким голенищем; верхняя прямоспинная одежда. Общеславянским является также название основных частей одежды: «рубаха», «сорочка», «порты», «плахта», «понева». Общность древних элементов обусловлена единством происхождения восточнославянских народов и наличием глубоких историко-культурных связей. Эта общность продолжала развиваться и в более позднее время и прослеживается по элементам костюма, которые являются также общими для обоих народов: женские безрукавки корсетки, двубортная одежда с запахом на левую сторону, верхняя одежда с отрезной спинкой и со складками или со сборами, овчинный тулуп, или кожух, и др.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в обследованных районах (особенно на Сумщине) сохранились некоторые древние элементы одежды, которые уже исчезли у окружающего населения (несшитая девичья понева, женский полотенчатый головной убор — «обязка» и валяный белый мужской головной убор — «яломок», девичьи и женские украшения на головных уборах — «пушки»). Сохранение этих древних элементов может быть объяснено прежде всего невысокой степенью развития домашних форм хозяйства, некоторой отдаленностью от рынка сбыта и также тем, что небольшое количество русских сел было плотно окружено украинским населением и что ближайшие их русские соседи были однодворцы, которые тоже долго сохраняли домотканную старинную одежду.

На Харьковщине в одежде русского населения наряду с очень широко распространенными южнорусскими элементами культуры прослеживаются и некоторые черты более северных русских районов, например, сарафана — «шубки». Вместе с тем в этом районе в связи с большим влиянием города и с более широким рынком сбыта традиционная одежда значительно быстрее сменилась современным костюмом из фабричных тканей.

В. Н. Белицер, В. А. Балашов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма обуславливает и новый этап в развитии национальных отношений. Не случайно на XXIII съезде КПСС еще раз было обращено внимание философов, социологов, этнографов, историков, языковедов, литературоведов на более глубокое изучение проблем формирования и развития социалистических наций и процессов их постепенного сближения, особенно характерных для современной эпохи.

Это побудило нас остановиться на некоторых современных этнических процессах у мордвы. Процессы эти протекают главным образом в двух направлениях. С одной стороны, продолжается консолидация отдельных этнографических групп в мордовскую нацию, с другой — происходит интенсивное сближение мордвы с соседними народами, в первую очередь с русским. Одновременно мордва вместе с другими народами Советского Союза активно участвует в создании общесоветской культуры:

Попытаемся показать данные процессы на конкретном материале из жизни мордовского народа.

В Советском Союзе мордва — самый крупный по численности народ финно-угорской языковой семьи (1285,1 тыс.) чел.¹ Живет она во многих областях и республиках нашей страны. На территории Мордовской АССР коренного населения насчитывается 357,9 тыс. чел., что составляет 28% всего мордовского народа. Наиболее крупные группы мордвы за пределами республики сосредоточены по преимуществу в соседних областях и республиках: в Куйбышевской (115,3 тыс. чел.), Пензенской (109,4 тыс.), Ульяновской (13 тыс.), Горьковской (63,8 тыс.) областях, Башкирской АССР (43,5 тыс. чел.), Татарской АССР (32,9 тыс.), Чувашской АССР (23,8 тыс. чел.). Значительные группы мордвы проживают в Оренбургской (95 тыс.) и Челябинской (30,5 тыс. чел.) областях, в Сибири, на Дальнем Востоке и в республиках Средней Азии².

Такое расселение мордвы является результатом массовых миграций народа со своих исконных земель — районов Правобережья Волги (современная территория Мордовской АССР, частично Горьковская и Пензенская области). Переселение было обусловлено экономическими и политическими причинами и продолжалось более четырех столетий, то затихая, то усиливаясь³.

В дореволюционное время и в первые годы Советской власти мордва жила почти исключительно в сельской местности. По данным переписи 1926 г., городское население среди мордвы составляло всего 2%. Начиная с 1930-х годов и особенно после Великой Отечественной войны наблюдается значительная тяга мордвы в город на производство и учебу.

По данным переписи 1939 г. в городах проживало 20% общей численности мордвы, а через двадцать лет, по переписи 1959 г. — 29%⁴. Рост городского населения продолжается и в настоящее время.

Мордовский народ, как известно, делится на две большие группы: мордву-эрзя и мордву-мокша. Термины «эрзя» и «мокша» — самоназвания этих групп. Эрзя и мокша говорят соответственно на эрзянском и мокшанском языках, несмотря на ряд различий очень близких между собою по фонетическому и морфологическому строю и словарному составу.

¹ Для сравнения приведем численность других финно-угорских народов в Советском Союзе (в тыс. чел.): эстонцев 988,6; удмуртов — 624,8; марийцев — 504,2; коми — 287,0; коми-пермяков — 144,0; карел — 167,3. См. «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 85.

² См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР», М., 1963, табл. 54.

³ По этому вопросу см.: В. И. Козлов, Расселение мордвы, в кн. «Вопросы этнической истории мордовского народа», М., 1960; его же, Миграции мордвы в капиталистической России, «Записки Мордовского НИИ языка, литературы, истории, экономики», Саранск, 1958, № 19.

⁴ А. А. Исупов, Национальный состав населения СССР, М., 1964, стр. 23.

Кроме основных групп, выделялись еще две более мелкие этнографические группы: терюхане и каратан. Первые обитали еще в начале XX в. в пределах Горьковской области, говорили по-русски и в настоящее время полностью слились с русским населением; вторые живут и теперь в трех селах Татарской АССР и говорят по-татарски.

Несмотря на то, что эрзя и мокша продолжают сохранять свое самоназвание, при переписи 1959 г. из 1285,1 тыс. всей мордвы, живущей в СССР, отнесли себя к мокше только 178,3 тыс. чел., т. е. 14%, к эрзе — 164,8 тыс. (13%), остальные назвали себя просто «мордвой». Принимая во внимание недостаточную подготовленность переписчиков, подходивших зачастую к вопросу национальной принадлежности формально, без учета этнонимов отдельных групп народа, мы все же не можем отрицать того, что в настоящее время у мордвы идет процесс консолидации отдельных этнографических групп в единый мордовский народ и этнонимы мокша и эрзя постепенно стираются, заменяясь общенародным термином мордва. Другие группы, например терюхане, в 1920—1930 гг. называли себя мордвой, в настоящее же время они полностью утратили свое национальное самосознание и считают себя русскими, а каратан и теперь называют себя мордвой, древние племенные самоназвания ими забыты.

Во многих селах, расположенных за пределами Мордовской АССР, где эрзя и мокша живут смешанно и по соседству, как-то: в Пензенской, Оренбургской областях, Башкирской и Татарской АССР и во многих других районах⁵ население называет себя мордвой, и даже у людей старшего поколения лишь после длительных расспросов удается выяснить, к какой группе они себя относят — к эрзе или мокше. Молодежь же в ряде случаев, особенно из смешанных эрзя-мокшанских семей, не знает, к какой из этих групп отнести себя и называет себя только мордвой без добавления «эрзя» или «мокша». Дети, родившиеся от смешанных браков мордвы с русскими, записываются при получении паспорта по большей части русскими.

Стирание граней между мокшей и эрзей происходит гораздо медленнее в Мордовской АССР, нежели за ее пределами⁶. В сельской местности в пределах республики эрзя и мокша мало смешиваются между собой в силу географической обособленности: эрзя расселена преимущественно в северо-восточных и восточных районах, а мокша — в южных и западных районах республики. В Мордовии газеты, журналы, художественная литература издаются как на мокшанском, так и на эрзянском языках. На обоих языках транслируются радиопередачи, телевидение и т. д. В тех немногих районах, где эрзя и мокша живут чересполосно (Теньгушевском и Торбеевском Мордовской АССР и некоторых районах Пензенской области), сложились местные смешанные говоры. Одним из основных факторов, способствующих сближению мокши и эрзи, является русский язык, который в Мордовии широко распространен и на котором за редким исключением говорят все население республики. Если мокша и эрзя работают вместе на производстве, в советских учреждениях в городе, или учатся в учебных заведениях, то они разговаривают друг с другом в большинстве случаев по-русски. Делопроизводство в учреждениях и обучение в учебных заведениях ведется на русском языке.

Русский язык с каждым годом получает все большее распространение не только среди мордвы, живущей за пределами республики, но и в самой республике.

В большинстве сел с мордовским населением за пределами Мордовской АССР (в Горьковской, Пензенской, Ульяновской и других областях и республиках Советского Союза), обучение в начальной и средней школах с первого года проводится на русском языке. Во многих школах Мордовии за последние пять-шесть лет по инициативе самой сельской общественности также началось преподавание всех предметов, кроме родного языка и мордовской литературы, на русском языке.

С каждым годом растет число книг, издаваемых в Мордовии на русском языке, и среди них много произведений мордовских поэтов и писателей. В то же время уменьшается число переводов с русского языка на мокшанский и эрзянский языки. Об этом свидетельствуют также цифры⁷, в 1962 г. издано на русском языке 50,3% всех книг, а на мордовских языках — 49,7%, в 1963 г. соответственно — 54% и 46%, в 1964 г. — 66,6% и 33,4% и в 1965 г. — 75,2% и 24,8%, т. е. в 1965 г. выпуск книг на русском языке увеличился по сравнению с 1962 г. на 24,9%, а на мордовских языках соответственно уменьшился. Переводов с мордовских языков на русский в 1965 г. было в 7 раз больше, чем с русского на мордовский.

Широкое распространение русского языка среди мордвы по сравнению с соседними народами подтверждают данные переписи 1959 г.: 21,9% всего мордовского населения назвали своим родным языком русский язык.

⁵ Например: с. Пронькино Оренбургской области, Пиксанкино и Армиево Пензенской области, Кузьминовка и Федоровка Башкирской АССР, Киртели, Урюм и Бессоновка Татарской АССР.

⁶ В. И. Козлов, Изучение этнических процессов у народов СССР (Опыт исследования на примере мордвы), «Сов. этнография», 1961, № 4.

⁷ Данные взяты в Мордовском книжном издательстве

У мордвы-каратаев за последние 10—15 лет, так же как и у других мордовских этнографических групп, все большее распространение получает русский язык. Молодежь, окончившая русскую школу и уехавшая в город, считает его своим родным языком.

Все это свидетельствует о том, что процесс консолидации отдельных этнографических групп мордовского народа происходит и, очевидно, будет происходить в дальнейшем на базе русского языка.

Мордва длительное время живет чересполосно и в тесном общении с другими народами. Наибольшее влияние оказали на мордву два народа: русские и татары. В мордовских языках много слов тюркского происхождения, в том числе и татарских, проникших в более позднее время. Группа мордвы — каратаи, живущие среди татар, восприняли не только их язык, но также некоторые обычаи и отдельные элементы материальной культуры. Например, женщины-мордовки зачастую повязывают по-татарски головной платок, носят платье, сшитое по «татарской моде», их нагрудные украшения близки татарским; они носят толстые шерстяные чулки с резиновыми высокими калошами, как и татары.

Воздействие русской культуры на культуру мордвы было еще более сильным и длительным, чем татарской. Мордва очень рано (VI—VII вв.) вошла в соприкосновение со славянами. Живя чересполосно с русским народом в течение многих столетий, она восприняла от русских, а в других случаях и выработала совместно с ними более прогрессивные приемы сельскохозяйственной техники, домостроительства, некоторые виды производства и т. д. При этом следует отметить, что в культуре мордвы-мокши имеется больше общих черт с культурой южных великорусов, а в культуре мордвы-эрзи — со средними и северными великорусами. Эта общность проявляется в навыках ведения сельского хозяйства, пахотных и других орудиях труда, возделываемых культурах, типах жилищ и хозяйственных построек, внутренней планировке, общих чертах костюма и т. д. Так, крестьяне мордвы-мокши в прошлом молотили зерно цепами южновеликорусского типа и складывали снопы на полях в кресцы, тогда как эрзи по большей части обмолоот зерна производили цепами северовеликорусского типа и ставили снопы в «бабки». У мокши были распространены посевы конопли, проса и полбы, у эрзи наряду с коноплей сеяли лен и совсем не выращивали полбу. Для мордвы-мокши более типично поставленное параллельно улице двухраздельное жилище, более низкое, чем у эрзи, с четырехскатной (в прошлом) соломенной крышей, с южнорусским внутренним планом и открытым двором, на котором хозяйственные постройки стоят в беспорядке и не связаны с домом. Для эрзи был в прошлом более типичен трехраздельный дом со среднерусским внутренним планом, стоящий перпендикулярно улице, с двускатной часто тесовой крышей и двором покоеобразной застройки. У мордвы-эрзи Горьковской области в жилище встречалась однорядная связь и двухэтажный двор.

Общность в традиционном костюме мордвы-мокши и южных великорусов проявляется в однотипных украшениях из бисера, птичьих перьев и пуха; близких по форме и названиям частях одежды и головных уборах. К ним можно отнести сумань (русс. сукман), сермягу, шушпан, салоню (русс. запон), шубейку, курточку, жилетку, юпку (в значении безрукавки); головные уборы — сороку, ленту, хвату (русс. фату), лосник (волосник), затилку (позатыльник); украшения — гайтан, снизу и многие другие, ставшие частями традиционного мордовского костюма. В то же время у женщин многих групп мордвы-эрзи, главным образом проживающих за пределами Мордовской АССР, за период с конца XIX — начала XX в. вошел в быт русский костюм, который состоял из так называемого прямого русского московского сборчатого сарафана, короткой рубахи с пышными рукавами, запона и кокошника. В начале XX в. в некоторых эрзянских районах (бывший Лукояновский уезд Нижегородской губернии, бывший Ардатовский уезд Симбирской губернии) женщины средних лет поверх сарафана надевали прямую кофту с застегжкой спереди и длинными рукавами. Бытовавший здесь русский костюм варьировал по отдельным районам, но в целом он повторял костюм окружавшего мордву русского населения.

Процесс сближения мордвы с русскими протекал далеко не везде одинаково. Мордва — переселенцы из коренных районов Мордовии, обосновавшись на новых местах по соседству с русскими, быстрее оставляли свою традиционную культуру: старинные пахотные орудия, тип дома, национальный костюм, домашнее ткачество и т. д. и приближались к русской культуре.

К началу XX в. материальная культура мордвы, живущей за пределами своих коренных районов, главным образом в Заволжье, почти не отличалась от культуры соседнего русского населения. Значительно дольше, вплоть до наших дней, в большинстве мордовских районов продолжал сохраняться мордовский язык, национальное самосознание, а также фольклор и частично некоторые семейные обряды, например, свадебные и похоронные.

За последнее десятилетие процесс сближения мордвы с русским народом еще более усиливается. Этому во многом способствуют смешанные браки между мордвой и русскими. В дореволюционное время, да и в первые годы Советской власти вплоть до 1930-х годов смешанные браки между мордвой и русскими были редки.

В период создания и укрепления колхозов в Мордовии, когда сюда прибыло немало рабочих и интеллигенции разных национальностей, число смешанных браков несколько увеличилось, хотя и незначительно. Например, в с. Зарубкино Zubovo-Полянского района Мордовской АССР, где около 35% всего населения составляют русские, смешанных браков за 1930—1940-е годы было заключено всего три, из которых в двух приехавшие на работу в больницу русские девушки вышли замуж за мордвинков. Начиная с 1950 г. число смешанных браков стало заметно увеличиваться. Примером может служить также Zubovo-Полянский район (см. табл.), где по переписи 1959 г. проживало 48,8 тыс. (58,2%) мордвы-мокши, 32,8 тыс. (39%) русских, 823 (0,9%) татар и 1,6 тыс. чел. (1,9%)

Численность и состав браков по Zubovo-Полянскому району за 1955—1959 гг.*

Годы	Муж и жена — русские	Муж и жена — мордвы	Смешанные браки			Всего	Итого
			муж — русский, жена — мордовка	муж — мордвин, жена — русская	прочие браки		
1955	145	240	25	32	19	76	461
1956	132	286	37	24	21	82	500
1957	165	267	46	31	28	105	537
1958	192	357	55	42	21	118	667
1959	231	356	58	50	28	136	723
Всего по национальному составу	865	1506	221	179	117	517	2888

* Составлена по материалам ЗАГС Zubovo-Полянского района.

других национальностей, причем значительная часть русского населения сосредоточена в рабочих поселках Zubovo-Поляна, Ширингуши, Дубитель Умет и Потьма.

Как видно из таблицы, общее число браков в этом районе возросло в полтора раза, а число смешанных браков с 1955 по 1959 г. — почти в два раза, причем уже не преобладают браки, в которых муж — мордвин, а жена — русская. Если в 1955 г. таких браков было 32, а браков русских на мордвоках — 25, то в 1959 г. соотношение изменилось — 50 и 58. Браки, где мужья — русские, а жены — мордовки, заключаются чаще в рабочих поселках, со смешанным русско-мордовским населением. Русские же девушки, приехавшие в мордовскую деревню работать учителями, врачами, агрономами, часто выходят замуж за мордвинков.

Сближению мордвы с другими народами и в первую очередь с русским способствуют созданные в последние годы крупные многоотраслевые колхозы и совхозы, промышленные предприятия, новостройки, где работают люди разных национальностей. Так, в Zubovo-Полянском районе есть ряд колхозов, объединяющих как мордовские, так русские и татарские села («Путь к коммунизму», «Красный Октябрь», «Знамя труда», «Заря», «Родина»). В животноводческих, полеводческих, тракторных, строительных бригадах этих колхозов совместно трудятся мордвы, русские и татары. На таких промышленных предприятиях, как Ширингушская суконная фабрика, завод «Дубитель», Уметский домостроительный комбинат, завод радиодеталей и т. д. люди разных национальностей работают также в одном производственном коллективе. В ходе работы, совместного проведения досуга у них складывается много общих черт в духовном облике, психологии, культуре и быте, вследствие чего национальные различия постепенно стираются.

Таким образом, в настоящее время наблюдаются, с одной стороны, процесс стирания различий в культуре и быте двух основных этнографических групп мордвы — мокши и эрзи, причем более отчетливо он прослеживается у мордвы, проживающей за пределами своей автономной республики, с другой — тенденция к сближению с другими нациями, в первую очередь с русским народом.

М. Э. Проodelь

**О РАБОТЕ МЕСТНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ
ФОЛЬКЛОРНОГО ОТДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ АН ЭСТОНСКОЙ ССР**

Собиранием эстонского фольклора в настоящее время занимается в основном Литературный музей им. Фр. Р. Крейцвальда при АН Эстонской ССР. Хотя научные экспедиции приобретают все большее значение в собирании фольклора, записи местных корреспондентов и в последние годы составляют от 2/3 до 3/4 общего количества собранных фольклорных текстов. Всего музей насчитывает около 200 корреспондентов, стараниями которых собрано в 1965 г. 6730 стр. фольклорного текста, в 1966 г. — 7592 и в 1967 г. — 12717 стр. Нужно отметить, что в последнее время корреспонденты посылают нам не только тексты, но и важные для исследования песен и повествовательных жанров магнитофонные записи. Само собой разумеется, что корреспонденты не все в равной степени активны.

Работа местных корреспондентов ни в коей мере не исключает научных фольклорных экспедиций. Но собирание материалов с помощью сотрудников на местах имеет свои особые преимущества сравнительно с работой профессиональных фольклористов. Так, за время проводимых каждый год фольклорных экспедиций работникам музея удастся обследовать лишь определенный ограниченный участок, в то время как сеть корреспондентов одновременно охватывает сбором материала всю республику. Вместе с тем только с помощью корреспондентов можно за короткий срок получить ответы на разные вопросы, возникающие в ходе исследовательской научной работы. Запись пословиц и поговорок осуществляется также в основном силами местных корреспондентов. Несомненно, что фольклорные записи, в свою очередь, расширяют кругозор самих корреспондентов, пробуждают у них еще больший интерес к народному творчеству. В настоящее время собирание произведений народного творчества является одной из наиболее действенных форм краеведческой работы.

Прежде чем приступить к описанию того, что достигнуто в области собирания в наши дни, необходимо оговориться, что в Эстонии подобная форма сбора традиционна и имеет уже более чем столетнюю давность. Систематический сбор материалов с помощью местных корреспондентов проводился весьма успешно уже во второй половине XIX столетия, в особенности под непосредственным руководством Якоба Хурта, фольклорный фонд которого составляет почти 125 тыс. страниц. Все это собрано с 1860 по 1907 г. с помощью 1400 местных корреспондентов. Эти данные не должны быть восприняты как сравнение, поскольку следует учитывать, что понятия количества и качества фольклора того периода сравнительно с нашим временем почти несонизмеримы.

В наше время, когда требования к точности записей, а также к поиску дополнительных данных значительно увеличились, работа корреспондентов может быть успешной лишь в том случае, если она проводится под умелым руководством.

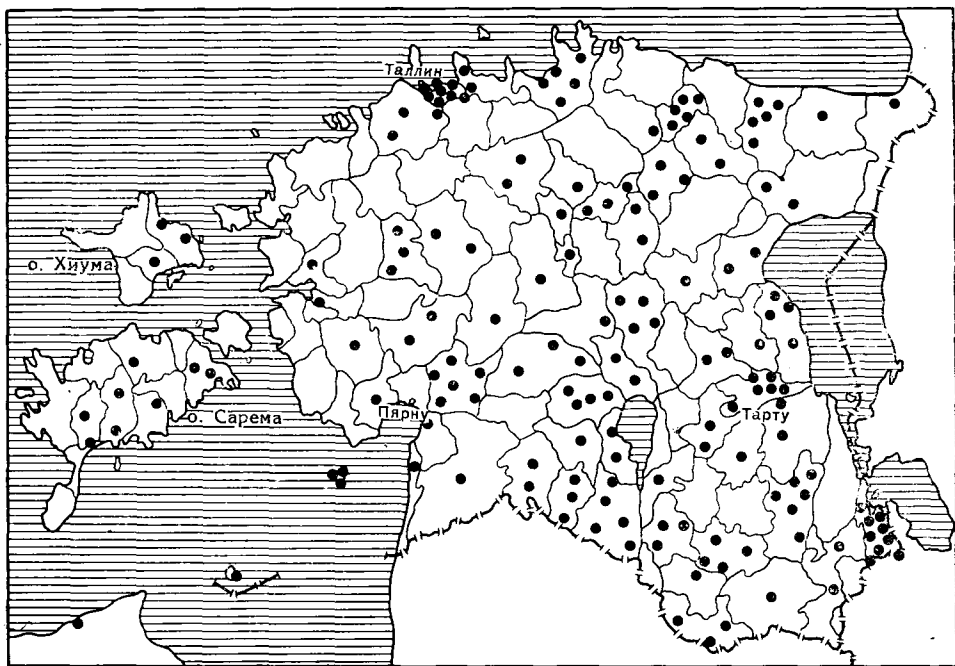
Местный корреспондент начинает обычно с записи преимущественно своего собственного репертуара, используя имеющиеся в его распоряжении сведения. Следующий этап — опрос родственников и знакомых, с которыми он сталкивается на работе или по месту жительства. Дальше следует уже систематическое обследование всей окрестности. Обычно у людей представление о народном творчестве носит все-таки довольно общий характер, и поэтому нередко корреспондент просто не может распознать все входящие в понятие фольклора явления. В этом ему и оказывает помощь сотрудничество с фольклорным отделом музея.

Особенно важен для работы корреспондентов бюллетень «Собирает народное творчество» (до этого бюллетеня издавался «Толкователь народного творчества»). В бюллетене печатаются специально предназначенные для местных корреспондентов вопросы.

В 1965 г. вышел в свет «Собирает народное творчество» № 4. В вводной статье бюллетеня затрагиваются проблемы фольклороведения, непосредственно связанные также и с работой местных корреспондентов. Затем следуют вопросники: 1) Дополнительные вопросы относительно народных песен, отражающих исторические события, а также те или иные общественные отношения; 2) Вопросник для собирания народных шуток;

3) Народный календарь. Все три вопросника разработаны сотрудниками музея. Два следующих вопросника разработаны научными работниками близких музею учреждений, а именно: вопросник об обычаях, связанных с толокой, составлен Институтом языка и литературы, а по проблеме воспитания детей — Этнографическим музеем.

На страницах бюллетеня № 4 отводится место не только профессионалам-ученым. Так, местный корреспондент Венда Мандель, который в течение продолжительного времени занимался изучением и собиранием народных музыкальных инструментов, помещает разработанный им вопросник, касающийся народной игры на скрипке. Своим опытом по собиранию фольклора делятся здесь же и другие местные корреспонденты — три статьи принадлежат им.

Сеть местных корреспондентов Литературного музея АН Эстонской ССР (1964—1967)

Затем в бюллетене помещены отчеты, причем в них поименно называются все приславшие те или иные материалы местные корреспонденты, а также дается краткий анализ этих материалов. Для корреспондентов упоминание имен на страницах печатного издания является своего рода стимулом, а также доказательством того, что их работа заслуживает признания.

За отчетами следует обзор проведенных фольклорных экспедиций — где побывали, с какими сказителями и певцами удалось встретиться. Отмечаются также и те проблемы, которые обсуждались на посвященных фольклору научных конференциях. В бюллетене обычно помещаются также сообщения относительно юбилейных дат видных собирателей народного творчества, о полученных ими наградах, а также заметки, посвященные памяти умерших.

Помимо печатного органа, который выходит все-таки сравнительно редко, корреспондентам высылаются также машинописные руководства и вопросники. Особенно полезно прибегать к такого рода вопросникам в том случае, когда ответы необходимо получить как можно быстрее. Например, были разосланы вопросы, которые преследовали конкретную цель и требовали быстрого ответа: финские ученые нуждались в сведениях относительно пяти поговорок, которые в материалах музея были слабо представлены. Ответы были получены очень скоро, причем многие корреспонденты с чувством удовлетворения отметили, что они рады оказать помощь и содействие в работе, имеющей международное научное значение.

Помимо напечатанных или размноженных машинописным способом руководств и вопросников, работа местных корреспондентов направляется также и с помощью личной переписки. Этим специально занимается — наряду со своей текущей работой — один из научных сотрудников музея, который регистрирует поступающие от корреспондентов

материалы и в своих ответах анализирует их. В личной переписке корреспонденты обычно просят указать, пригоден ли присланный ими материал, рассказывают о своих планах на будущее, приглашают работников музея в гости, причем часто они сами посещают музей и в таком случае имеют возможность получить устную консультацию и познакомиться с фольклорными фондами музея. Особенно ощутима и важна помощь корреспондентов тогда, когда в ту или иную местность направляется с целью собирания фольклорных материалов научная экспедиция музея. Местные корреспонденты помогают вступить в контакт с лучшими сказителями и певцами своей окрестности для записи на магнитофон их репертуара.

Среди корреспондентов встречаются люди с самым различным образовательным цензом, начиная от учеников и людей с четырехклассным образованием и кончая учеными со степенью доктора наук. Так, видный ученый-финноугровед Пауль Аристэ все время пополняет фонды музея записями как на эстонском, так и на других языках. Вместе с тем среди корреспондентов можно все-таки выделить основные прослойки: работники колхозов и совхозов, учителя (многие из них пенсионеры), школьники и студенты. Некоторые корреспонденты, в особенности из среды местной интеллигенции, способны заниматься также и самостоятельной научно-исследовательской работой. Труды их печатаются в журнале «Язык и литература», бюллетене «Собиратель народного творчества» и других органах печати.

Большое признание заслужили и семинары собирателей фольклора, каждый год организуемые музеем в различных районах республики. Обычно занятия семинара протекают недалеко от того места, где в это же время находятся в фольклорной экспедиции работники музея. Семинар длится два дня. Организуется обычно и совместная экскурсия с целью посещения и ознакомления с местными имеющими фольклорное значение объектами. В 1965 г. семинар проходил в бывшем приходе Кадрина, и поэтому в центре внимания были известные по эпосу «Калевипоэз» места (следы лошади Калевипоэга, борозды его пашни и др.). Посетили также и место рождения Фр. Р. Крейцвальда, составившего на основании народных песен и сказаний народный эпос «Калевипоэг». В то же время наш корреспондент доктор биологических наук Густав Вильбасте в природных условиях познакомил участников семинара с народными названиями растений и ботаническим фольклором, иллюстрируя эти названия соответствующими растениями. Все это имело большое значение для оживления самого собирания материала по фольклорной ботанике. Были также засняты на фото- и кинолентку те места, которые связаны с «Калевипоэгом».

Из докладов работников музея, прочитанных на семинаре, прежде всего можно назвать сообщение старшего научного сотрудника С. Лятт на тему о народном календаре. С. Лятт говорила собственно о зимнем цикле народных праздников, снабдив все относящиеся к этому вопросу данные специально составленными топографическими картами. Эти карты свидетельствовали о различиях в обычаях и обрядах между Северной и Южной Эстонией, а также о наличии сходных черт с верованиями и обычаями русского или латышского народов и т. д. Корреспонденты убедились на деле, насколько важно иметь как можно больше сведений и вариантов относительно одного и того же явления. Ведь очень часто они предполагают, что тот или иной материал присылать не следует по той причине, что он в музее уже имеется. В лучшем случае посылаются только один вариант, и на этом ставится точка: текст в музее имеется, другие варианты уже не нужны. Из прослушанного доклада явствовало, что для выводов и обобщений необходимо иметь прежде всего достаточное количество сравнительных данных. Другим докладом, предназначенным для направления работы корреспондентов было сообщение автора этой статьи относительно народных сказаний, связанных с известными на местах личностями. В русской фольклористике этим рассказам соответствует лучше всего термин «сказ». О местных жителях вообще рассказываются всевозможные истории, но корреспонденты их не решаются записывать, так как считают, что эти истории имеют местное происхождение и не носят традиционного характера. В действительности же нередко известные в международном масштабе мотивы просто увязываются с местными жителями, поэтому подобные сказы представляют очень большой интерес для фольклористов. Для привлечения внимания корреспондентов к записям подобного рода сказов и была необходима соответствующая разъяснительная работа, тем более, что такие истории встречаются и даже возникают подчас и в наше время.

На том же семинаре собирателей фольклора было заслушано и три доклада местных корреспондентов. В одном из них исследовался детский фольклор: детские песни, игры. Доклад иллюстрировался собранными самим докладчиком игрушками. Другое сообщение было посвящено собиранию поговорок. В третьем говорилось о собирании ботанического фольклорного материала.

В чем же заключается главное значение подобных семинаров собирателей фольклора? Прежде всего на них налаживается личный контакт между корреспондентами, формируется единый коллектив. В связи с этим можно привести следующее высказывание многолетней корреспондентки, учительницы Марты Мяэсалу, которая собрала

для музея свыше пяти тысяч страниц фольклорных материалов: «Дома после семинара я прежде всего занялась разыскиванием на карте тех мест, где мы побывали; потом перечитала сообщения в «Собирателе народного творчества» относительно тех корреспондентов, с которыми я имела возможность лично познакомиться. Родина как бы стала для меня просторнее, чем раньше».

Следует остановиться и на вопросе поощрения труда корреспондентов. Собирателям фольклора за присланные материалы обычно не платят, не платили и в течение всех прошедших ста лет, так как такая работа воспринималась и воспринимается народом, как мероприятие добровольное и безвозмездное. Не платят денег также и сказителям и певцам, которые собственно никогда этого и не требуют. Вместе с тем, у музея есть возможность все-таки как-то отмечать особенно хорошие материалы. Иногда, например, возникает необходимость организации конкурса либо по особенно дефицитной теме, либо просто по любой фольклорной тематике. В таком случае лучшие работы всегда награждаются денежной премией (на конкурсе по собиранию песен исторического и общественного содержания в 1962 г. выдавались премии от 10 до 75 руб.). Проводился и конкурс в ознаменование пятидесятилетия со дня Великой Октябрьской социалистической революции (с 1 октября 1966 г. до 1 ноября 1967 г.), в течение которого было собрано 14218 стр. фольклорных текстов, магнитофонные ленты и фото. Такие конкурсы вместе с тем преследуют цель улучшения точности и техники записей, а также их внешнего оформления. Само объявление в печати о проведении подобных соревнований способствует расширению сети корреспондентов за счет новых участников конкурса.

Особенно успешно работающим корреспондентам музей также выдает время от времени (учитывая при этом и условия их работы) небольшие денежные премии. Печатные издания музея выдаются в качестве премии довольно многим корреспондентам. Особенно это относится к тем, чьи материалы использованы в данном издании. Так, сборник, составленный из записей, присланных на конкурс песен исторического и общественного содержания (всего было прислано 11 тыс. страниц), был разослан всем без исключения участникам этого конкурса.

Для долголетних и особенно выдающихся корреспондентов музей добывается также персональных пенсий. До настоящего времени удалось выхлопотать пенсии для четырех корреспондентов. Ее получает и сейчас Мари Срав, которая собирает фольклор начиная с 1930 г., и Паулоприт Воолайне — корреспондент с 1921 г. За двадцатью десятилетиями образцовую работу корреспонденты, по решению Ученого совета, награждаются почетной грамотой Литературного музея. О работе корреспондентов сообщается в печати, причем к их труду относятся повсюду с большим уважением. Эстонское радио дает обзор их деятельности в своих передачах — в особенности в связи с юбилейными датами или в случае смерти корреспондентов. В радиопередачах под названием «Из сокровищницы народного творчества» разъясняется, что такое фольклор, как его собирают, рассказывается о сказителях, певцах и народных музыкантах. Все это воспитывает любовь к духовному творчеству своего народа, расширяет и повышает интерес к фольклору и способствует появлению корреспондентов и из среды более молодого поколения. Таким образом, этот участок краеведческой работы превращается у нас в своего рода научную самодеятельность на общественных началах.

Поскольку собирается не только народное творчество прошлого времени, но, вместе с тем, исследуется и процесс формирования фольклора, а также его развитие в условиях современной жизни, собрание народного творчества имеет большое значение и для современности. Без этих материалов немислима и работа фольклориста, и поэтому широкий охват сетью корреспондентов собирания фольклора крайне необходим. Усилий отдельных ученых и фольклористов здесь недостаточно — нужна помощь многих людей извне, но лишь при условии умелого руководства работой этих помощников, чтобы присылаемые ими записи отвечали высоким требованиям, предъявляемым к подобной работе в наше время. Следует отметить, что качественный уровень поступающих в музей материалов сравнительно однороден, несмотря на весьма большие различия в образовательном цензе его собирателей.

Таковы результаты опыта собирания материалов фольклорным отделом Литературного музея АН Эстонской ССР с помощью сети местных корреспондентов.

С. И. Сагитов

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕГЕНДАРНОЙ МЕСТНОСТИ ЖИДЕЛИ-БАЙСУН ПО ДАННЫМ БОТАНИКИ

В истории народов Средней Азии местность Жидели-Байсун имеет особое значение. Многочисленные легенды называют ее «землей предков», с которой каракалпаки, узбеки, казахи переселились в разные годы на другие земли. В замечательном эпосе «Алпамыс» родиной героя оказывается именно эта местность.

То, что Жидели-Байсун действительно существовала, нет никаких сомнений. Ученые Каракалпакии, Узбекистана, Казахстана давно стремятся установить ее местонахождение; разгадать еще одну тайну в истории древнего переселения народов Средней Азии.

В литературе высказаны две основные гипотезы о местонахождении Жидели-Байсуна. Т. А. Жданко¹ и К. Л. Задыхина² считают, что Жидели-Байсун можно отождествлять с Байсуном в бывшей Восточной Бухаре (на территории современной Сурхан-Дарьинской области).

Иного мнения придерживаются Л. С. Толстова³ и Х. Т. Зарифов⁴. Понятие Жидели-Байсун, — утверждает Л. С. Толстова, — прежде было связано с Приаральем в целом и не означало какой-то определенной местности или района. Впоследствии, при переселении значительных групп каракалпаков, узбеков, казахов, это название могло перенестись и в другие места.

Где же в действительности находилась легендарная местность Жидели-Байсун: в Сурхан-Дарьинской области или в Приаралье?

В исторических легендах и эпических сказаниях можно найти сведения не только по истории, экономическим и культурным связям народа, но и о климате, животном и растительном мире тех мест в давно минувшие времена.

Наука, изучающая растительный мир по историческим легендам и эпосу, оформилась сравнительно недавно и получила название этноботаники. Исследование героического эпоса «Алпамыс» и некоторых других легенд методами этноботаники позволило нам выявить материалы, имеющие отношение к Жидели-Байсун.

Термин «жидели» образовался, вероятно, от слов, «жиде»; окончание «ли» прибавлено для обозначения определенной местности, где было много «жиде». «Жиде» («джиде», «джигда») на языке каракалпаков, казахов, узбеков (как и «игде» у туркмен) — название дерева, известного в Средней Азии и Казахстане с древнейших времен. Научное наименование этого растения *Eleagnus angustifolia*, русское название — лох узколистный. Плоды лоха узколистного съедобны. Просушенные на солнце, они могут храниться больше года. Из них готовят «жиде-талан» — лоховую муку. Как плоды, так и лоховая мука богаты сахаром, витамином «С» и дубильными веществами.

Ботаник П. М. Жуковский указывает, что в Средней Азии в эпоху караванных сообщений сухие плоды лоха использовались как продовольствие в пути, так как они долгое время не портились⁵. Геродот в описании нравов массагетов, живших в древности в современном Приаралье, пишет, что «...население зимою употребляет в пищу плоды некоторых дерезев...»⁶. Известный ботаник, географ, исследователь флоры

¹ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950, стр. 131—132.

² К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 343.

³ Л. С. Толстова, Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1963, № 4, стр. 50—51; е е же, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века, Нукус — Ташкент, 1963, стр. 182—183.

⁴ Х. Т. Зарифов, Основные мотивы эпоса «Алпамыс», сб. «Эпос „Алпамыс“», Ташкент, 1959.

⁵ П. М. Жуковский, Культурные растения и их сородичи, М., 1950.

⁶ Геродот, т. I, М., 1888, стр. 107, § 202.

Арало-Каспийского края И. Борщов предполагает, что «...вероятно джиде и есть то дерево, о котором упоминает Геродот»⁷.

Кора и листья лоха служат для получения красок черного и коричневого цветов⁸. В связи с этим представляет интерес и следующее свидетельство Геродота о нравах массагетов: «Говорят, из числа тамошних деревьев некоторые имеют странные листья, их растирают, мешают с водой и этой смесью делают узоры на одеждах»⁹.

В каракалпакских легендах указывается, что плоды лоха были важным продуктом питания. Это выразилось в следующих словах:

«Туби малыма қазығым
Басы бала-шаға азығым.
Жийдем сеннен айарылдым».
Твой корни служили
кольями для скота,
Твоя вершина служила
пищей для семьи,
Я лишился тебя, моя жиде¹⁰.

Культура лоха очень древняя. Лох упоминается в легендах каракалпак, узбеков, казахов и народов Закавказья. В частности, в древних документах, рукописях и бытовых песнях армян также фигурирует лох (пшат)¹¹.

Слово «жиде» означает и другой ботанический вид этого рода, а именно лох восточный (*Eleagnus orientalis*), отличающийся от лоха узколистного более крупными листьями и плодами. По всей вероятности, длительное использование дикорастущего лоха узколистного привело к тому, что люди научились различать наиболее урожайные его формы, а затем, путем длительного отбора, закреплять и усиливать нужные качества этого растения. В результате из лоха узколистного была выведена крупноплодная форма — лох восточный, известный лишь как культурное растение. Уместно поставить вопрос: где, когда и какие народности Средней Азии занимались селекцией лоха (жиде)? К сожалению, ответа на него пока нет.

Поскольку слово жидели, как мы уже говорили, означает местность, где много лоха, попытаемся на основании ботанико-географических данных примерно указать эти районы.

По данным Н. В. Козловской современные ареалы лоха сложились на территории СССР в начале неогена. В настоящее время лох узколистный распространен в Средней Азии и Казахстане, в Поволжье, в Армении, в Закавказье¹². Во всех указанных районах он растет обычно по берегам больших и малых рек. Густые заросли его бывают в среднем течении реки, а в верховьях и в низовьях лоха меньше. Мало лоха и в районах дельт рек, так как ростки и молодая поросль его не выдерживают длительного паводкового затопления, которое характерно для этих мест.

Таким образом, как правило, наибольшие площади диких зарослей лоха имеются в районах среднего течения рек, например на Аму-Дарье¹³. Следовательно, в районах дельт рек Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана не могла быть местность Жидели.

В верховьях рек, в предгорьях и в горах лох узколистный сменяется облепихой (*Hipporhae rhamnoides*). По габитусу, окраске листьев и плодов (и по качеству плодов), облепиха мало отличается от лоха. Облепиха долинных рек Зеравшана, Сурхандарьи, Кашка-Дарьи создает своеобразные, похожие на лоховые заросли. В горных районах Средней Азии встречается и грудная иголка — *Zizyphus jujuba*, которая на узбекском языке называется «жилан-жийда». Сладкие плоды ее съедобны и тоже похожи на плоды лоха.

Итак, анализ географического распространения лоха приводит нас к среднему течению рек Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана и далее к предгорным районам Средней Азии вообще, но не к Приаралью.

⁷ И. Г. Борщов, Материалы для ботанической географии Арало-Каспийского края, СПб., 1865, стр. 159.

⁸ Н. В. Козловская, Обзор видов рода *Eleagnus* L., встречающихся на территории СССР, «Флора и систематика высших растений», т. 12, М.—Л., 1958, стр. 127.

⁹ Геродот, т. I, стр. 108, § 203.

¹⁰ Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века, стр. 185.

¹¹ Н. В. Козловская, Указ. раб., стр. 122.

¹² Там же, стр. 119.

¹³ С. И. Сагитов, Некоторые вопросы зарастания кайров и формирование зарослей ивы джунгарской, «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», Нукус, 1962, № 2.

Кроме лоха (жида) в эпосе «Алпамыс»¹⁴ приводятся названия других растений, которые по происхождению можно подразделить на четыре группы, а именно: культурные, тугайные, или пойменные, пустынные и горные.

Культурные растения:

Бугдай (пшеница обыкновенная) — *Triticum vulgare*

Дара (просо посевное) — *Panicum miliaceum*

Арпа (ячмень обыкновенный) — *Hordeum vulgare*

Пустынные растения:

Сексеул (саксаул белый) — *Haloxylon persicum*

Селеу (аристиды перистая) — *Aristida pennata*

Моялыш (солянка деревцевидная) — *Salsola arbuscula*

Жусан (полынь) — *Artemisia* sp.

Тугайные, или пойменные растения:

А) Равнинные тугай:

Джида (лох узколистный) — *Eleagnus angustifolia*

— *E. orientalis*

Тал (ива джунгарская) — *Salix songarica*

Камыс (тростник обыкновенный) — *Phragmites communis*

Кендырь (кендырь шершавый) — *Apocynum scabrum*

Мия (солодка голоая) — *Glycyrrhiza glabra*

Б) Предгорные тугай:

Байтерек (тополь) — *Populus* sp.

Гужум (вяз Андросова) — *Ulmus androssowii*

Калам (сахарный тростник) — *Saccharum spontaneum*

Шинар* (платан восточный) — *Platanus orientalis*

Горные растения:

Карагай (сосна обыкновенная) — *Pinus silvestris*

Шырша (ель) — *Picea* sp.

Арша (можжевельник казацкий) — *Juniperus sabina*

Бодом (миндаль обыкновенный) — *Amugdalu communis*

Ак-кайын (береза) — *Betula* sp.

Алма (яблоня) — *Malus* sp.

Анар (гранат) — *Punica granatum*

Лала (тюльпан Грейга) — *Tulipa greigii*

Гия (алтей) — *Altea* sp.

Всего в эпосе «Алпамыс» сказителя Хияса Хайратдинова мы обнаружили названия растений, относящихся к различным физико-географическим районам.

Если общее число этих растений принять за сто процентов (25—100%), то распределение их будет следующим:

горные и предгорные растения (13 названий)	— 52%
тугайные (5 названий)	— 20%
пустынные (4 названия)	— 16%
культурные (3 названия)	— 12%

Преобладают (52%) растения горных и предгорных мест. Это дает основание предполагать, что основа эпоса «Алпамыс» создавалась в районах, где произрастали такие растения, как сосна, береза, можжевельник, миндаль и другие.

Из тугайных растений в эпосе не названы главные — туранга и джигил, составляющие обычно основу древесного тугая. Это свидетельствует о том, что элементы тугайной растительности были внесены в эпос «Алпамыс» в более позднее время, и ее главные представители еще не использовались сказителем.

Для нас особый интерес представляют названия тех растений, которые сказитель эпоса приурочивает к определенной местности. Например, из характеристики местности Тай-шахана, данной в эпосе «Алпамыс», следует, что здесь произрастали «селеу» и «моялыш».

«Селеу» на казахском и каракалпакском языках — растение песчаных районов, служащее хорошим кормом для скота. Русское название этого растения — аристиды перистая — *Aristida pennata*. «Моялыш» (вероятно, «боялыш») растет преимущественно на солончаковых почвах и мало пригоден как корм для скота. Русское название этого растения — солянка деревцевидная — *Salsola arbuscula*.

Из характеристики местности Жидели-Байсун («Жийдели-Байсун»), данной в эпосе «Алпамыс», следует, что здесь росли камыш, тал, ак-кайын, байтерек, байшынар.

Под названием «камыш» на языке народов Средней Азии известно несколько разных видов растений. Наиболее ценным из них в хозяйственном отношении является

¹⁴ «Алпамыс. Каракалпакский народный эпос. Сказитель Есемурат Нурабуллаев», Нукус — Самарканд, 1960; «Алпамыс. Каракалпакский народный эпос. Сказитель Хияс Хайратдинов», Нукус, 1957.

тростник обыкновенный — *Phragmites communis*, растущий в поймах и дельтах почти всех рек. Менее ценится «еркак камыш» (эриантус краснеющий) — *Erianthus purpurescens*. Он встречается преимущественно в среднем течении рек Средней Азии. Камышом называют также вейник ложнотростниковый — *Calamogrostis pseudophragmites*, который используется очень мало и не имеет большого хозяйственного значения. Вейник ложнотростниковый занимает незначительные площади в поймах и дельтах рек Средней Азии.

Очень часто в эпосе «Алпамыс», а также и в легендах встречается слово «тал». На языке народов Средней Азии термином «тал» называют все виды рода ивовых (*Salix*). Из них наиболее ценной является ива джунгарская — *S. songarica*, которая служит строительным материалом для каркасов юрт. Именно эта порода ивы считается наиболее подходящей для строительных целей¹⁵. Среди множества деревьев ивы джунгарской мастера безошибочно определяют по степени годности для изготовления каркасов юрт формы: уй-тал, джанаут-тал, тогай-тал, куба-тал. Последнее название приводится и в тексте эпоса «Алпамыс»¹⁶.

Безусловно, эта классификация возникла на основе длительных наблюдений за ходом роста ивы джунгарской в местностях, где она распространена. В настоящее время заросли ивы джунгарской имеются в районах пойм рек Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана.

Следует обратить внимание и на упоминания в эпосе «Алпамыс» названий таких растений, которые якобы имелись в местности Жидели-Байсун. Это «ак-каын», «байшычар».

Например:

«Жаз айнда колге шгар ак-каынг». («В летние месяцы на озере вновь появляется белая береза»)¹⁷. Деревья под названием «ак-каынг» растут только в горных районах Средней Азии и не встречаются на равнине.

В эпосе «Алпамыс» прямо указывается, что в местности Жидели-Байсун росло дерево «байшынар»¹⁸. В узбекском варианте этого же эпоса чаще встречается слово «шоҳ-чинор»¹⁹. Такое совпадение при характеристике одной и той же местности вряд ли можно считать случайным и на это следует обратить внимание.

Под названием «чинор» на узбекском, таджикском, туркменском языках известно дерево, произрастающее обычно в долинах горных рек Средней Азии и не встречающееся на равнине, в низовьях рек. Русское название этого дерева — платан восточный. Слово «бай», встречающееся в начале слов «байшынар», «байтерек», означает, вероятно, «много», «большой». В таком случае вышеназванные слова будут соответствовать значению «Большой чинар», «Большой терек», что тождественно выражению «Улкен терек»²⁰.

В эпосе «Алпамыс» очень часто употребляется также название растения «лала». Под названием «лала», «лола» известны народам Средней Азии виды рода тюльпана. На узбекском языке, как указывает С. С. Сахободдинов²¹, под этим названием значится тюльпан Грейга — *Tulipa greigii*, который, по данным З. П. Бочанцевой²², характерен для Тянь-Шаня.

Таким образом, большинство ботанических объектов, названных в эпосе «Алпамыс», приурочиваются к предгорным районам Средней Азии. Рассмотренные нами факты позволяют принять за наиболее вероятную гипотезу Т. А. Жданко: легендарную местность Жидели-Байсун следует искать в долинах Сурхан-Дарьи, Чирчика, Ангrena, Зеравшана, а не в Приарале. Однако мы отнюдь не настаиваем на именно таком решении. Дальнейшие исследования с привлечением новых данных, в том числе и этноботаники, могут дать более весомые доказательства в пользу той или иной гипотезы.

¹⁵ С. И. Сагитов, Биологическое соответствие роста и развития видов рода ива (*Salix* L.) с гидрорежимом рек Средней Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук, Нукус, 1964, стр. 8.

¹⁶ «Алпамыс. Каракалпакский народный эпос. Сказитель Кияс Хайрутдинов», стр. 231.

¹⁷ Там же, стр. 205.

¹⁸ «Алпамыс, Каракалпакский народный эпос. Сказитель Есемурат Нурабуллаев», стр. 179.

¹⁹ «Алпамыш, дастан. Сказитель Фозил Юлдаш», Ташкент, 1958, стр. 200, 249, 275.

²⁰ «Алпамыс. Каракалпакский народный эпос. Сказитель Есемурат Нурабуллаев», стр. 179.

²¹ С. С. Сахободдинов, Словарь местных и научных названий полезных и вредных растений Средней Азии, Ташкент, 1953.

²² З. П. Бочанцева, Окраска тюльпанов и вопрос о центрах их формирования в Средней Азии, в кн. «Вопросы ботаники», 1960, вып. 3.

Г. Л. Хить

ПАЛЬЦЕВЫЕ УЗОРЫ У НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В мировых сводках по этнической дерматоглифике обширная европейская часть Союза ССР, кроме Поволжья, Приуралья и северных русских областей, все еще выглядит как *terra incognita*. Публикуемый ниже материал в известной степени заполняет этот пробел. Однако необходимость более подробного обследования населения этой территории остается очевидной; исключение составляют, пожалуй, лишь украинцы, данные о которых собраны в достаточно полном объеме и охватывают главные территориальные группы.

Коллекции, послужившие материалом для статьи, были собраны автором в ходе работ совместной экспедиции Института искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР и Института этнографии АН СССР в 1965 г. Молдаване и украинцы Одесской области были изучены В. Д. Дяченко в 1966 г. Материал полностью обработан автором статьи по методике Камминса и Мидло.

Таблица 1

Сведения об изученном материале

Группа	Число исследо- ванных ♂	Район исследования	Автор сборов и год исследования
1. Вепсы	83	Прионежский р-н Карелии	Хить, 1965
2. Карелы	77	Олонецкий р-н »	» »
3. Русские	100	Старорусский р-н Новгородской обл. РСФСР	» »
4. Эстонцы западные	95	Хаапсальский р-н ЭССР	» »
5. Эстонцы южные	105	Вырусский р-н »	» »
6. Латыши западные	81	Кулдигский р-н ЛатвССР	» »
7. Латыши восточные (латгалы)	100	Резекнянский р-н »	» »
8. Литовцы	105	Аникшчяйский р-н ЛитССР	» »
9. Белорусы	100	Витебская обл. БССР	» »
10. Белорусы	103	Минская обл. »	» »
11. Молдаване	78	Молдавская ССР	Дяченко, 1966
12. Украинцы Полесья	100	Ровенская обл. УССР	Хить, 1965
13. » Волини	103	То же »	» »
14. » Галиции	104	Львовская обл. УССР	» »
15. » «бойки»	100	То же »	» »
16. » Закарпатья	104	Закарпатская обл. УССР	» »
17. »	115	Черниговская » »	» »
18. »	103	Сумская » »	» »
19. »	85	Полтавская » »	» »
20. »	80	Одесская » »	Дяченко, 1966

В общей сложности исследованиями охвачено 9 этнических и 20 территориальных групп, сведения о которых приведены в табл. 1. Наиболее подробно изучены этнографические и территориальные подразделения украинцев (9 групп); белорусы, латыши и эстонцы представлены двумя группами из каждого народа; по каждому из остальных изученных народов имеется лишь одна выборка.

Частоты типов пальцевых узоров и индексы — дельтовый (среднее число дельт на человека), Данкмейера (соотношение дуговых и завитковых узоров) и Фуругаты (соотношение завитков и петель) приведены в табл. 2.

Типы пальцев

Группы		Число обследо- ванных (♂)	A+T
1. Вепсы		83	6,1
2. Карелы		77	8,4
3. Русские Новгородской обл.		100	3,8
4. Эстонцы западные		95	6,2
5. Эстонцы южные		105	7,1
4+5. Эстонцы суммарно		200	6,7
6. Латыши западные		81	5,9
7. Латыши восточные (латгалы)		100	5,1
6+7. Латыши суммарно		181	5,5
8. Литовцы		105	4,9
9. Белорусы Витебской обл.		100	4,8
10. Белорусы Минской обл.		103	6,3
9+10. Белорусы суммарно		203	5,5
11. Молдаване		78	5,9
Украинцы	12. Ровенской обл.	100	11,7
	13. То же	103	9,6
	14. Львовской обл.	104	7,0
	15. То же	100	5,2
	16. Закарпатской обл.	104	5,4
	17. Черниговской обл.	115	6,5
	18. Сумской обл.	103	6,8
	19. Полтавской обл.	85	3,2
	20. Одесской обл.	80	4,2
	12—20. Украинцы суммарно	894	6,7

полесская группа
волинская группа
галицийская группа
«бойковская» группа

Таблица 2

ых узоров и индексы

R	U	R+U	W	D ₁₀	$\frac{A}{W} \cdot 100$	$\frac{W}{L} \cdot 100$
6,1	65,3	71,4	22,5	11,64	27,11	31,51
5,1	60,8	65,9	25,7	11,73	32,69	38,54
4,7	58,9	63,6	32,6	12,88	11,66	51,27
6,1	58,5	64,6	29,2	12,30	21,23	45,20
3,7	66,8	70,5	22,4	11,53	31,69	31,77
4,8	62,9	67,7	25,6	11,89	26,17	37,81
5,1	56,7	61,8	32,3	12,64	18,26	52,26
3,5	53,1	56,6	38,3	13,32	13,32	67,66
4,2	54,7	58,9	35,6	13,01	15,45	60,44
3,6	55,0	58,6	36,5	13,16	13,42	62,28
4,0	53,4	57,4	37,8	13,30	12,69	65,86
4,4	58,5	62,9	30,8	12,45	20,38	48,85
4,2	56,0	60,2	34,3	12,88	16,03	56,97
4,5	61,9	66,4	27,7	12,13	21,30	41,72
3,8	52,9	56,7	31,6	11,99	37,02	55,73
3,6	56,9	60,5	29,9	12,03	32,11	49,42
4,5	56,6	61,1	31,9	12,49	21,94	52,21
4,3	55,1	59,4	35,4	13,02	14,66	59,60
3,9	57,4	61,3	33,3	12,79	16,22	54,32
5,0	56,6	61,6	31,9	12,54	20,38	51,78
3,4	59,6	63,0	30,2	12,34	22,52	47,94
5,2	54,6	59,8	37,0	13,38	8,65	61,88
4,5	55,4	59,9	35,9	13,17	11,69	59,93
4,2	56,2	60,4	32,9	12,62	20,36	54,47

Рассматривая этнические группы в целом, без подразделений на этнографические и территориальные варианты, отмечаем, что изученное население по частоте типов узоров укладывается в пределы вариаций, свойственных народам европейского континента: частота дуг составляет 4—8%, петель — 57—71, завитков — 22—38%, дельтовый индекс варьирует от 11,64 до 13,16.

Далее, все обследованное население по частотам типов узоров и величинам индексов вполне отчетливо разделяется на две группировки. Одну из них составляют

вепсы, карелы, эстонцы и молдаване, другую — украинцы, белорусы, литовцы, латыши и русские (см. табл. 3).

Таблица 3

**Пределы вариаций признаков дерматоглифики
в изученных группах**

Признаки	I (вепсы, карелы, эстонцы, молдаване)	II (украинцы, белорусы, литовцы, латыши, русские)
A + T	5,9—8,4	3,8*—6,7
R + U	66,4—71,4	58,6—63,6*
W	22,5—27,7	32,6*—36,5
DI ₁₀	11,64—12,18	12,88*—13,16
$\frac{A}{W} \cdot 100$	21,30—32,69	11,66*—20,36
$\frac{L}{W} \cdot 100$	31,51—44,72	51,27*—62,28

* Звездочкой отмечены цифровые значения, относящиеся к русским.

определенно и по этому признаку: взвешенный средний процент дуг для вепсов, карел, эстонцев и молдаван суммарно составляет 6,74, для украинцев, белорусов, латышей, литовцев и русских — 5,83.

Отметим, что новгородские русские, включающиеся во второе подразделение, оказываются максимально приближенными к группам первого подразделения по величинам всех признаков, кроме содержания дуг. Русские, таким образом, отличаются от украинцев, белорусов, латышей и литовцев в том же направлении, в котором группы первого подразделения отличаются в целом от второго, т. е. являются как бы связующим звеном между обоими подразделениями.

Из первого подразделения групповые особенности (соотношение петель и завитков, низкая величина дельтового индекса) наиболее четко выражены у вепсов.

Отмеченные взаимоотношения изученных групп иллюстрируются рис. 1, где на трех осях, пересекающихся под углом в 120°, представлено процентное содержание каждого из трех типов узоров. Место каждой группы находится пересечением перпендикуляров из соответствующих точек на осях. Исследованные нами группы изображены черными кружками, привлеченные для сравнения — белыми. Для сопоставления были использованы данные о монголоидных народах Средней¹ и Центральной Азии и Сибири, народах Поволжья, сборной группе русских (серия Семеновского), норвежцах и испанцах². Всюду сравнивались только мужские серии.

Рассмотрим сначала размещение на рисунке групп, привлеченных для сопоставления. В левом верхнем углу схемы располагаются норвежцы и испанцы, в противоположном — монголы, к которым тяготеют якуты, буряты, казахи и киргизы. Между группировками «норвежцы — испанцы» и «монголы — киргизы» располагаются русские, мордва-мокша, мордва-эрзя, мари, татары и чуваша, причем три первые группы приближаются к норвежцам и испанцам, три последние — к группировке «монголы — киргизы».

Изученные нами группы размещаются в разных местах этого фона. Вепсы, карелы, эстонцы и молдаване сближаются с норвежцами и испанцами. Новгородские русские, украинцы, белорусы, литовцы и латыши обнаруживают близость к сборной группе русских и мордвы. В пределы расположения монголоидных групп не попадает ни одна из наших серий.

¹ Г. Л. Хитъ, Дерматоглифика народов Средней Азии, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.

² Т. Д. Гладкова, Кожные узоры стопы и кисти обезьян и человека, М., «Наука», 1966.

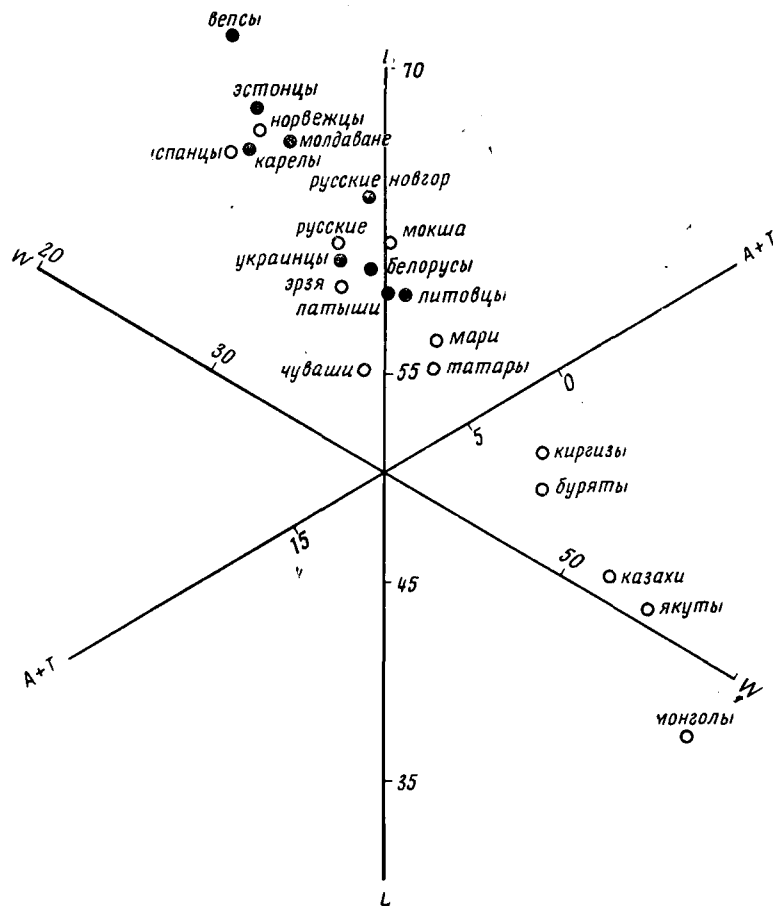

Рис. 1. Сопоставление групп по типам пальцевых узоров

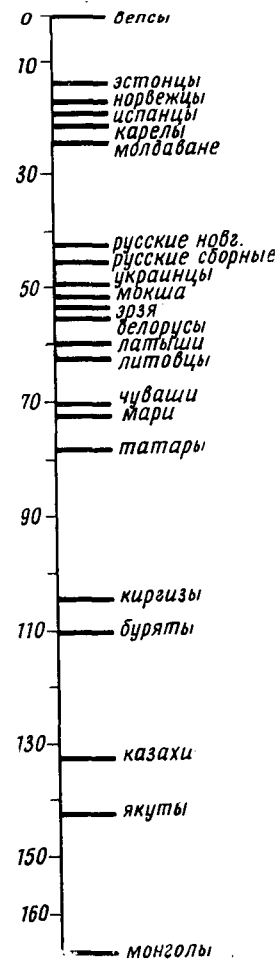

Рис. 2. Шкала «расстояния» между сопоставляемыми группами (в единицах измерения)

Любопытно, что по мере продвижения от вепсов к монголам внутри каждого из трех отмеченных больших скоплений групп усиливается рассеяние точек, обозначающих группы. Если расстояние по прямой между вепсами и монголами принять за 100, то размах вариаций удаленности групп друг от друга в группировке «вепсы — молдаване», составит 14,5%, в группировке «русские новгородские — татары» — 21,8 и в группировке «киргизы — монголы» — 38,2%. Это соотношение составляет пропорцию 1:1,5:2,6.

Спроецировав точки, обозначающие группы на рис. 1, на прямую «вепсы — монголы», получим шкалу взаимного расположения групп, изображенную на рис. 2. Шкала хорошо иллюстрирует отмеченные закономерности взаимоотношений между сравниваемыми группами.

Возникает вопрос об оценке полученной картины. Известно, что наиболее сложным рельефом пальцев обладают народы Азии и Австралии в противоположность народам Европы и Африки. С этой точки зрения не вызывает сомнений расположение групп на рис. 1 и 2 в порядке усложнения рельефа от вепсов к монголам. Однако при этом вепсы и карелы оказываются более удаленными от монголов, чем русские и украинцы. Такие детали заставляют задумываться о том, насколько совпадают соматологические и дерматоглифические данные вообще. Попытки систематизировать данные по каждому рельефу пальцев не дали высоко положительных результатов в смысле увязки их с расовой классификацией. Было установлено, что народы европейского и африканского материков мало различаются между собой, но заметно отличны от народов азиатско-австралийского происхождения. При таком уровне различий между расами по пальцевому рельефу групповые различия, естественно, не всегда показательны в плане выяснения генетических взаимоотношений, поэтому анализ дактилоскопических данных требует осторожного подхода.

Переходя к рассмотрению территориальных и этнографических вариантов изученных групп (табл. 2), подчеркнем близость южных эстонцев к вепсам, а западных эстонцев — к новгородским русским. Западные латыши заметно отличаются от восточных: первые характеризуются более высоким содержанием петель и сближаются с белорусами Минской области, вторые сходны с белорусами Витебской области. Украинцы, самая многочисленная группа, обнаруживают большой размах внутригрупповых вариаций. Минимальное количество петель свойственно украинцам Полтавщины; наиболее удалены от них полесская и волинская группы. Украинцы Галиции близки к белорусам Минской области и западным латышам.

Параллельно сбору дерматоглифических коллекций, во время экспедиций проводилось также соматологическое и серологическое обследование населения, результаты которого пока не опубликованы. Наиболее полное представление об этнических взаимоотношениях можно получить лишь при условии сопоставления данных обследования по разным и взаимнонезависимым системам признаков.

А. Е. Винцелер

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД У ЛИПОВАН

Русское население Румынии, известное здесь под названием «липоване», представляет собой большей частью староверов, эмигрировавших на румынскую территорию более двух столетий назад.

Прожив более двухсот лет на чужбине, липоване не растворились в массе окружающего их населения. От допетровских времен и до настоящего времени они сохранили традиции и обряды, привезенные из родных мест. Об этом писали все исследователи и путешественники, отмечавшие чисто русские черты их каждодневного быта.

В. Г. Короленко, несколько раз побывавший в Румынии, оставил несколько тетрадей записных книжек о русских жителях Добруджи: «Дунай и Румыния», «Добруджа», «Румынские рассказы Пегра Михайловича» и «Дунай — Кыстырлез»¹.

А. И. Герцен сообщает интересные сведения о липованах-некрасовцах, подчеркивая, что именно религиозные убеждения помогли липованам остаться вплоть до недавнего времени в стороне от различных влияний: «...Раскол их выделил так строго, что никакое чужое влияние не переходило за их частокол»².

Епископ Мелькиседек, автор целой книги о русских раскольниках, в XVI главе этой книги с возмущением писал, что русские староверы не хотят воспринимать культуру, обычаи, язык Румынского государства, сохраняя все свое в неприкосновенной чистоте: «Липоване не желают посылать детей в румынские школы и учат их только русскому языку, строго храня русскую старину в одежде, в религии, в манере держать себя, хозяйничать...»³.

После победы народной власти в Румынии, принесшей освобождение всем народам, населяющим страну, меняется и жизнь липован: постепенно уходит в прошлое их крайняя замкнутость, обособленность, религиозные предрассудки, прежде очень прочные патриархальные устои в семье.

Раньше браки с представителями других национальностей у липован совершенно отсутствовали. Примером может служить статистическая выписка за 1938 г. о браках в городе Бранле, где из 515 браков приводится только один случай, когда липованка вышла замуж не за липованина⁴. Родители, навязывая свою волю детям, заставляли их заключать браки не по любви, а по своему желанию. Только теперь, в социалистической Румынии, молодежь стала нарушать порядки, «завещанные дедами и прадедами», соединяясь по взаимному влечению.

В старинной песне величального характера, записанной нами в липованском селе Каркалиу (русское название «Камень» или «Каменка»), расположенном в районе Мэцин, есть строки, явно более позднего происхождения, которые свидетельствуют о нежелании молодежи подчиняться родительской воле:

... Вот не будить-то по батькиному,
Вот не будить-то по маткиному,
Вот не будить-то по роду по яво,
Мне пондравилась похоточка яво...
(декабрь 1964 г.).

Свадебный обряд липован представляет большой культурный, исторический и этнографический интерес. Но до сих пор о нем написано очень мало. Только некоторые моменты свадебного обряда отмечает румынский писатель Михаил Садовяну в своих очерках о липованах Добруджи⁵.

¹ Эти тетради в настоящее время хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

² А. И. Герцен, Былое и думы, ч. седьмая — «Русские тени», гл. LXV, Л., 1947, стр. 738.

³ Ep. Melchisedek, Lipovenismul adică schismaticii sau răscolnicii și erecicii rusești, București, 1871, стр. 167.

⁴ «Mișcarea populației României», București, 1938.

⁵ Речь идет о семи очерках: «В селе Сары-Кей», «На Разиме», «Липоване», «Опять липоване», «Те же липоване», «Отель в дельте», «Рыбный склад». См. M. Sădoveanu, Opere, t. 6, București, 1957, p. 7—52.

Можно сослаться на румынского фольклориста Михаила Маринеску, который в своей статье о лирических песнях липован⁶ дает некоторые сведения и о свадебном обряде.

Но на основании нескольких моментов нельзя составить представление о полном свадебном обряде, о том, как он «играется» у русского населения Румынии с начала и до конца. Между тем под влиянием новых условий жизни липованский свадебный обряд начинает трансформироваться и даже терять некоторые звенья, которые всего несколько лет назад составляли прочное целое.

Рис. 1. Старые рыбаки

В данной статье мы постараемся последовательно, как это происходит в липованских селах, показать развертывание современного свадебного обряда, с некоторыми ссылками, когда это необходимо, на старинный свадебный обряд.

Современный обряд липованской свадьбы был записан нами от Анны Григорьевны Балан (1930 г. рождения) и ее дочери Натальи Афанасьевны Балан (1948 г. рождения), проживающих в селе Каркалуу и никогда не выезжавших за пределы родного села, а также от Изота Патрикеевича Анисимова (1932 г. рождения) и его жены Полины Алексеевны Анисимовой (1933 г. рождения), жителей села Сары-Кей.

Старинный обряд был рассказан сестрами Акулиной Алексеевой Патрикеевой (1907 г. рождения) и Агриппиной Алексеевой Козловой (1912 г. рождения), которые живут в селе 2-е Мая.

Прежде чем перейти к описанию свадебного липованского обряда, следует, хотя бы коротко, рассказать о трех селах, где были записаны свадебный обряд и сопровождающий его фольклор.

Село Каркалуу находится в нескольких километрах от дунайского города Мэчин. По свидетельству местных жителей, село было построено первыми русскими староверами, появившимися на Дунае. Точная дата возникновения села нам неизвестна. Можно лишь указать, что в таблице П. Панаитеску⁷, показывающей русское население Добруджи в 1849 г., называется и село «Каменка» в области Мэчин, в котором к этому времени было 30 домов. Село, расположенное на высокой каменной гряде, прежде с трех сторон омывалось водой, с четвертой было множество болот и озер, оставшихся после весеннего разлива Дуная. Все мужское население села занималось рыболовством. Теперь построена плотина, преграждающая весеннему Дунаю путь к разливу. Мужчины стали работать землекопами, строителями шоссе в Мэчине, а в зимнее время их можно найти на стройках по всей стране. В селе создано богатое кооперативное хозяйство, где работают главным образом женщины.

Село 2-е Мая (по-румынски Doi Mai) расположено на берегу моря в нескольких километрах от Мангалии. Липоване переселились сюда в 1916 г., 2 мая (отсюда и название села). Большинство из них были жителями Сары-Кей и Журиловки, но голод заставил малоземельных крестьян покинуть насиженные места. До 1916 г. здесь жили 25 скопцов (предполагается, что эти сектанты пришли сюда в войну 1877 г.), которые работали на местного «чакоя» («чакой» — румынское слово от ciocol — помещик). Прибывшие сюда липоване также стали работать на помещика: мужчины ловили в море рыбу, а женщины обрабатывали землю. В настоящее время в селе 2-е Мая создан крупный кооператив, снабжающий птицей, овощами и виноградом черноморские курорты Румынии, а из рыбаков создана рыбацья артель, оснащенная современной техникой.

Липоване, поселявшиеся в Добрудже, больше всего сосредотачивались в устье Дуная, где с середины XVIII в. отмечаются три русских села — Большие Дунавцы, Сары-Кей и Журиловка.

⁶ М. Маринеску, Лирическая песня русского (липованского) населения, проживающего на территории Румынской Народной Республики (См. в «Culegere de studii, Inst. Maxim Gorki», București, 1962, стр. 183—207).

⁷ Р. Р. Pănaiteanu, O statistică a Dobrogei din 1849, «Graiul românesc», 1928 (II), стр. 8.

По свидетельству путешественника Босковича, в 1761—1762 гг. побывавшего в Сары-Кей, здесь жили «липоване в количестве 150 домов»⁸. Так что село Сары-Кей можно считать одним из самых древних русских сел на территории Румынии. Это село расположено на берегу озера Разелм. Поэтому наряду с сельским хозяйством жители Сары-Кей широко занимаются рыболовством. Здесь же находится и крупный рыбосодаточный пункт.

Переходя к описанию липованской свадьбы, необходимо указать, что она повсеместно играется одинаково. Несмотря на то, что русские села расположены нередко очень далеко друг от друга, можно говорить только о некотором различии между современным и старинным оформлением свадебного обряда. Последнее в одних селах утрачивается быстрее (например, в селе 2-е Мая, куда ежегодно приезжает масса курортников и иностранных туристов), в других несколько медленнее.

Свадебный обряд у липован можно рассматривать как один из вариантов великорусского свадебного обряда южного типа. Как и в старом великорусском свадебном обряде, в липованской свадьбе можно выделить три основных этапа: 1) предсвадебный; 2) собственно свадьба и 3) послесвадебный. Каждый из этих этапов сопровождается определенными обрядами, свадебными плачами и песнями.

Свадьба устраивается большей частью в осеннюю пору — «на последе» (октябрь — ноябрь), когда собран урожай пшеницы, есть молодое вино, и реже весной, но только в мясод, так как в пост свадьбы запрещены.

В Советском Союзе обряд венчания почти повсеместно ушел в прошлое (за исключением тех редких случаев, когда на молодежь оказывают влияние консервативно настроенные представители старого поколения). У липован также не все свадьбы начинаются с венчания, но это связано с религиозными убеждениями, с тем, к какой секте принадлежит липованин — к поповцам или к беспоповцам. У поповцев ни одна свадьба не минует этого обязательного, по их мнению, момента свадебного обряда, без которого свадьба вообще считается недействительной. У беспоповцев этот обряд заменяется несколько другим. В субботу вечером девушку одевают в церковный наряд и ведут к жениху. В доме жениха молодых «сводят». Этот религиозный обряд заключается в том, что родители невесты и жениха вместе с дьяком надевают на невесту кичку, что свидетельствует о ее переходе в замужние женщины, затем торжественно благословляют и долго читают над молодыми молитвы. Собственно свадьба играется у беспоповцев в воскресенье, в то время как у поповцев в воскресенье после обедни происходит венчание молодых. Затем невеста и у поповцев, и у беспоповцев меняет тот наряд, в котором она была в церкви, на белое платье, и в дальнейшем свадьба у поповцев и беспоповцев ничем не различается.

Начинается свадьба со сватовства. Раньше этот обряд происходил между родителями, без согласия и даже часто без ведома жениха и невесты. Липоване называют это «отдавать зором».

Ввиду того, что браки заключались только между самими липованами, жители многих сел становились близкими родственниками. Существовала старинная традиция, по которой родители жениха отправлялись искать невесту в очень отдаленные места, а девушка нередко подолгу ожидала замужества. Иногда, так и не дождавшись, девушка уходила в монастырь или вынуждена была выйти замуж за старика. Такой исход, естественно, вызывал протест. Липованский фольклор сохранил и донес до нас подобные ситуации. В одной из песен поется, что в таких случаях девушка предпочитает венцу смерть:

...Чем с постылым под венцом стояти (2),
Лучше в мори, в мори спотопати (2),
(Каркалиу, декабрь 1965 г.)

По рассказам липован, а также по фольклорным произведениям восстанавливаются факты женитьбы маленького мальчика на «засидевшейся», «в летах» невесте, что также было порождением диких домостроевских обычаев. В песне «Подул ветер, ветерочек», обнаруженной нами в Браиле и в селе Каркалиу, говорится о том, что Ванюшу

...Матерь больно била,
Малолетнева женила (2),
Жана ды очень не взлюбила,
Со кроватушки спихнула (2),
Ды ручку, ды ноженьку свихнула (2)...
(запись 1965 г.)

Песня заканчивается жалобами Ванюши собравшимся ребятам о том, как трудно, когда «нада бабушку ды любити».

⁸ J. Boscowich, «Voyage de Constantinople en Roloque», p. 161; цит. по: A. Arbore, Așezările Lipovenilor și Rusilor din Dobrogea, «Arhiva Dobrogei», т. III, № 1, 1920, p. 2.

Теперь все чаще и чаще парень сам идет к родителям невесты просить у них разрешения на брак. О свадьбе договариваются не только родители, но и парень с любимой девушкой на поселковых гуляньях, во время которых молодежь пляшет под гармонь, водит хороводы («карагоды») и поет.

В воскресенье или в ближайший праздничный день парень идет в дом родителей своей избранницы. Осенив себя на крыльце двухперстным крестом, он стучит («чокать») в дверь и спрашивает: «Можно зайти?». Мать и отец невесты обычно заранее уведомлены о его приходе. Если они отвечают ему: «Заходи», то он входит. Прежде чем поздороваться, вошедший молится на образа, висящие в углу у двери.

Кончив молиться и поздоровавшись, парень интересуется — все ли в семье живы и здоровы. «Слава богу», — сдержанно отвечают ему и предлагают сесть.

Поговорив из приличия о хозяйстве, о ловле рыбы, о деревенских новостях, парень сообщает: «Я хочу засватать Вашу дочь, уважаемые Афанасий Васильевич и Анна Григорьевна, согласные Вы или не согласные?».

Теперь чаще всего родители отвечают: «Если наша дочь Наталья Афанасьевна согласная, мы не мешаемся». Они вызывают дочь и спрашивают у нее: «Идешь за яво?», а у него: «Бярешь?» Получив утвердительный ответ молодых, родители предлагают парню вернуться домой и сообщить обо всем родителям: «Иди и привяди своего батку и матку, може они не согласные». Теперь такая фраза произносится чаще только по традиции, чтобы сохранить видимость родительской власти. В следующее воскресенье приходят родители парня. Совсем недавно, если они не приходили, значит не желали принимать девушку в свою семью, и свадьба обычно расстраивалась.

Между собравшимися родителями происходит серьезный разговор. До сих пор в липованских семьях большое значение придается приданому невесты. Вокруг него иногда разворачиваются крупные споры обеих сторон. Если договор удовлетворит собравшихся, то тогда к будущей невесте засылаются сваты. У липован иногда сватов заменяют сами отец и мать.

Во время сватовства жених и невеста находятся в другой комнате («в другой хате»), там же вместе с ними — две самые близкие подруги невесты. Затем молодых вызывают в «первую хату» и спрашивают их окончательное решение — «будут они браться» или «кидаться». Дело в том, что до сих пор жених имеет право посвататься сразу к двум или трем девушкам, и поэтому необходимо окончательно договориться, чтобы затем не слушать всяких советов — «наговоров».

Затем родители жениха и невесты решают, когда будет «играться» свадьба и вместе угощаются, пьют, поют песни, веселятся. Этот обряд называется «давание слова» или «закливание невесты». После него расторжение договора считается позорным для обеих сторон.

Раньше, если свадьба устраивалась осенью, все лето, почти каждое воскресенье молодежь веселилась на посиделках, которые устраивались в доме невесты. По традиции, засватанная девушка не имеет права участвовать в гуляньях и хороводах, происходящих на селе. Она обязана сидеть дома и заниматься подготовкой приданого. Эта традиция выражена в одной из девичьих песен:

...Как на горке скрипочка игранть,
А мене молоду на улицу не пушають.
(Каркалуу, дек. 1965 г.)

Единственной радостью, таким образом, для невесты были посиделки. Но и здесь она не могла веселиться так же беззаботно, как ее подруги. В то время как парни и девушки пляшут («скачуть») полку, малагambu, сырбу, хору (под гармонь или губную гармошку), играют в разные игры («тянутъ ниточку», «отыскивание платочка» с поцелуями), жених и невеста сидят отдельно от всех на кровати и «не гуляют», т. е. не принимают участия в общем веселье, а беседуют друг с другом. Эти беседы были важны особенно в старой свадьбе, когда невеста и жених не были знакомы друг с другом. В наше время жених и невеста также изредка «скачуть» вместе.

Ввиду того, что теперь жених целое лето занят на работе, уезжая иногда очень далеко от дома, посиделки стали устраиваться за неделю-две до свадьбы, когда прибывает домой и жених. До прихода молодежи невеста с подругами готовят приданое, вышивают, вяжут кружево на свадебные платочки, делают бумажные цветы. Все это сопровождается грустными песнями о расставании с «вольной волошкой», о трудностях и бедах, которые ждут молодую женщину в семье мужа. Они ярко передают патриархальный уклад липованской семьи, где злые «свекор-батюшка» и «свекруха-матушка» издеваются над невесткой, взваливая на нее самую тяжелую и грязную работу, а «ревнивый» муж никуда не выпускает жену и избивает ее до полусмерти.

Теперь, помимо старых песен, подруги невесты исполняют новые песни, характеризующие новые отношения прежде всего между мужем и женой.

Так, в записанной нами песне «!И хто там у хати гомонить», на вопросы отца, обращенные к сыну, почему он «воточку» не пьет и «женочку» не бьет, последний отвечает:

Ай на што мне вотку пить (3),
Ай на што мне жинку бить,
Она знать, что сварить (3)
И с людьми говорить.
(Браила, декабрь 1965 г.)

Перед свадьбой, обычно в пятницу вечером, происходит обряд «пропивания» невесты: Часто одновременно с «пропиваньем» в доме невесты устраивается девичник: в одной комнате «пропивают» невесту, а в другой развлекаются девушки и пришедшие сюда парни.

На «пропизанье» приглашаются только близкие родственники жениха и невесты. Собравшиеся торжественно молятся перед образами, а затем с сохранением всех традиционных обычаев «пропивают» невесту. Обряд пропивания является очень старым,

Рис. 2. Девушки в церковном наряде

его цель — подчеркнуть полный отрыв девушки от родной семьи, ее уход к «чужим людям». Вот почему во время этого обряда исполняются песни, в которых невеста просит родителей не торопиться со свадьбой, дать ей возможность побыть на воле, не пропивать ее молодости «над красным вином».

Сохранение обряда пропивания в современной липованской свадьбе свидетельствует о том, что еще совсем недавно женщина липованка была совершенно бесправной. Власть домостроевщины и строжайшие религиозные каноны ставили ее в положение безответной рабыни.

Во время пропиванья происходит акт окончательного закрепления власти мужчины — будущего мужа над женщиной. Невесту и жениха ставят на пороге дома, заставляя сплести правые руки, все родственники кладут свои руки сверху и крестный невесты должен разбить, «разрубить» их.

После этого все гости садятся за стол. «Молодая» подходит к своему суженому с подносом (по-липовански «разнос»), на котором стоит стакан вина и просит его принять вино. Жених спрашивает, от кого это вино и кому. «От Натальи Афанасьевны. Изволь испить, Иван Иванович», — говорит невеста. Жених пьет вино, молодая дает ему затем «шалыку», которой тот вытирается и прячет, а невесте кладет на поднос деньги. «Молодая» благодарит жениха и, взяв за уши, целует. Все сидящие за столом подхватывают следующие строчки: «Не стыдно тебе, чужого детища целовать?» Вероятно, это была целая песня, от которой сохранилась только одна фраза.

На другой день после обеда празднично одетые девушки направляются к дому «молодой». Они несут в двух «косинках» («косинка» — платочек, срезанный углом) пряники, орехи, изюм, конфеты, купленные женихом. Из одного платочка все выкладывается в тарелку на стол, а другой невеста прячет за подушку. Девушки «игрывают» «девишенские» песни. В основном это песни величальные, в которых восхваляются жених и невеста, их красота, их характеры.

Невеста, стоя возле кровати, достает из-за подушки сладости и угощает ими вновь пришедших подруг, а на столе угощение остается нетронутым. Наконец появляется жених с двумя товарищами, которые несут чайник вина. Товарищи проходят вперед, чтобы предупредить о приходе «молодого», а он останавливается у «форки» (калитки). Девушки подхватывают песню «За селом солнце играет». В ней говорится о том, как Иван седлает коня и с дружиной в сорок человек отправляется за невестой:

Я пущу стрелу на коню,
Разобью стяну камену,
Возьму Наталью с собою,
Назову ее своею.

(Каркалиу, декабрь 1964 г.)

Можно предположить, что эта песня сохраняет воспоминание о древнем славянском обряде умыкания.

Невеста выходит встречать своего суженого. Она помогает ему раздеться, уносит одежду, и жених усаживается на кровать. Его друзья присоединяются к девушкам, угощают их вином. Но всегда первыми пьют жених и невеста, а потом остальные.

Часа в два устраивается перерыв на обед. После обеда девушки вновь собираются в доме невесты, и она начинает одаривать всех подруг подарками, раздавая свои девичьи ленты и платочки. Особо награждаются две самые ее близкие подруги, которые присутствовали в доме и во время сватовства. Им еще дается какая-нибудь ткань.

Затем молодая остается одна, а девушки во главе с двумя подругами направляются в дом жениха, где протекает последний мальчишник. Ворота дома широко распахнуты, во дворе стоит стол со всякими сладостями и вином. Приблизившись к дому, девушки исполняют величальную песню в честь жениха.

Навстречу девушкам выходит жених, под гармонь все начинают плясать, причем жених «скачить» только с подругами невесты. Затем жених перевязывает двух подруг платочками, и они возвращаются в дом молодой. Невеста приглашает подруг в дом и под пение песни «Ты сустрень моя маменька» входит в комнату.

Ты сустрень моя маменька,
Ты сустрень моя родная,
Со гостями ты со боярами (2),
Все с сестрицами-подружками,
Последний раз я замуж иду,
Последний раз я подружек вяду.

(2-е Мая, июль 1965 г.)

Их встречает мать невесты, приглашает всех за стол. Невеста располагается «у куту» (в углу) со спущенным низко на доб платком — черной шалью с розами, в обычном платье, что означает, что невеста опечалена, она ждет прихода сватов, которые будут ее «выкуплять».

К этому времени в доме невесты собирается молодежь со всего села. Они пляшут, веселятся. Только подруги, окружающие невесту, поют печальные песни. В доме готовится последняя «вечера», которую дают родители невесты. Они по всему селу ходят с приглашением на свадьбу. Когда все готово, посылают посыльных за сватами. К двенадцати часам ночи идут сваты, ведя под руки жениха, их окружает толпа родственников жениха и невесты. Они находят ворота дома крепко запертыми. Ворота открываются только тогда, когда сваты платят выкуп. Встречая сватов, девушки поют шуточные песни об их жадности, об их стремлении все видеть, все знать, что происходит в доме невесты.

При входе сватов с женихом все участники свадьбы стоят на ногах, за исключением невесты, сидящей в углу, которая начинает с двумя подругами голосить еще громче. Сват ведет жениха в угол, где сидит невеста, и сажает их рядом. Это называется «вести под молодую».

Затем происходит обряд купли-продажи невесты, или, как говорят липоване, «торги». Во время торгов, по традиции, родные жениха и невесты делятся на два лагеря, враждующие между собой. Сват спрашивает, сколько стоит невеста. Ее родные начинают хвалить невесту, говоря, что она «красавица», «бравенькая», а родные жениха кричать в ответ, что молодая — «уродка», «гадкая». Торгуются обычно до трех раз: вначале сестра или младший брат, потом подруга (их сажает рядом с молодыми с тарелкой в руках). Девушки «срамят» сватов за скупость, дразнят их:

Скупые бояре по свете ходили (2),

Черепки собирали, девок одаряли.

(2-е Мая, июль 1965 г.)

Сват бросает им деньги.

Когда торгуются сестра или брат, родные молодой обращаются к нему со словами песни:

Торгуйся, сестра (брат) (2),

Бяри за сестру 100 рублей,

А за русую косу

Бяри тысячу.

(2-е Мая, июль 1965 г.)

Такое же обращение следует и к подруге.

Когда же продажа все-таки завершается, девушки поют, обращаясь к подруге невесты:

Подруга — татарка (2),

Подругу протатарила,

За стакан горелки (2),

Подругу продала (2).

(Каркалиу, 2-е Мая, 1965 г.)

После продажи невесты выпивается «магарыч» (5 литров вина). Всех подруг невесты, которые «играли» песни, сват награждает деньгами. Девушки выходят из-за стола, благодарят за награду, кланяются невесте и целуются.

Сват выводит из угла жениха и невесту и ставит их в ряд. Девушки поют величальные песни. Затем жених и невеста кланяются родным и особенно родителям невесты.

Мать невесты говорит: «Дай бог вам, в час добрый». Затем вначале сажает за стол жениха с невестой, за ними сватов, родных жениха и всех остальных. Торжественно проходит «вечера» — родители невесты угощают в этот вечер всех участников свадьбы.

Когда кончается «вечера», все пляшут под гармонь, веселятся. В эту ночь жених ночует в доме невесты. После веселья, часа в четыре утра, и сваты, и подружки невесты, и товарищи молодого ложатся спать все вместе. Этот момент свадебного обряда у липован можно рассматривать как вероятный пережиток группового брака, существовавшего у славян в глубокой древности.

Раньше всех утром поднимается мать невесты и заставляет ее подруг нести постель в дом жениха. Топится баня. Невеста тоже рано, на заре, в сопровождении двух подруг отправляется мыться, а остальные девушки поют прощальные песни. Среди них есть песня «Мать банечку топила», в которой говорится о том, что мать желает побыстрее избавиться от дочери, ее поют при возвращении невесты из бани. Она сопровождается плачем матери и дочери. Интересна и песня «Как жила-была я у родного тятеньки», где есть диалог между дочерью и матерью, из которого можно узнать, что дочь, будто бы побывавшая в доме суженого, в образе кукушки приле-

Рис. 3. Исполнительницы «девищенских» песен

тает к матери в сад. Мать просит дочь вернуться в родной дом, на что дочь ей отвечает, что вернуться она не может, так как потеряла «русую косу с алой лентой». Этот момент свадебного обряда передает прощание с девичеством, с прежней свободой. Он также сопровождается плачем подруг, голосит невеста, голосит мать.

В такой печальной обстановке протекает приготовление невесты к венцу. Девушки под пение традиционных печальных песен одевают невесту. Под венец девушка шла в наряде, в котором обычно ходили в церковь — «церковной одежде», как называют ее липоване, — широкая «шубка» (юбка) с лентами, нашитыми по подолу, нарядная пестрая блуза, на которую надевается «куцавейка».

Рис. 4. Жених и невеста, отправляющиеся на третий день свадьбы за «перезвой». Село Сары-Кей, сентябрь 1966 г.

Особенно большое значение придавалось головному убору. Сначала надевалась «кичка», сверху завязывался «косяк» (треугольник из яркой ткани), затем «сборник» из шелка и бисера (в некоторых местах сборник называется «чипчик»), а поверх всего накидывалась большая шаль с бахромой и яркими цветами (узорами).

Этот обряд «покрывания» головы невесты означал переход девушки в замужние женщины. В то время как липованская девушка имела право ходить с непокрытой головой, женщина, вышедшая замуж, теряла это право. Показаться перед посторонними с непокрытой головой для женщины-липованки считалось позорным. В летнее время шаль можно было снимать, но в «сборнике» липованка должна была ходить всю жизнь, в нем ее и хоронили.

О роли, которую играл обряд покрывания у липован, можно судить по одной из «девишеских» песен:

Гуляй, гуляй, девица,
Пока волюшка дана,
Непокрытая голова,
Спокроют головушку,
Снимут с девки волюшку⁹.

До замужества липованская девушка носила, как это было и у великорусов, одну косу. Собирая невесту к венцу, девушки под песни и плач невесты и матери, заплетают волосы в две косы. В песнях выступает образ «немилостивой свашеньки», которая «щиплет» и «вырывает» «русую косыньку» невесты, разделяя ее на «две стороны» и двумя косами обкручивая ей голову.

Под величальные песни приезжает к дому невесты жених. Мать и отец невесты снимают со стены икону, благословляя жениха и невесту. При прощании мать и дочь, причитая, горько плачут. В сопровождении односельчан и родных, возглавляемые попом, жених с невестой неторопливо, через все село, идут в церковь.

После венчания молодые опять самым дальним путем идут в дом жениха. Их встречают родные молодого, во главе со свекром и свекровью. При входе молодых,

⁹ М. Маринеску, Указ, раб., стр. 187.

на пороге дома, на них сыплют пшеницу, что должно дать им богатство и много детей.

После венчания молодая переодевается в белое платье и свадебное пиршество идет своим чередом. Во время «свадебного пира» гости величают молодых, желая им всякого добра, много шутят по адресу сватов, поют шпиритические песни самого различного характера: величальные, семейные, печальные, юмористические и эротические.

Большое внимание уделяется обряду «одаривания» молодых для укрепления их хозяйства. Сваты водят молодых, подводя по очереди вначале к родителям, затем к родственникам и другим гостям с вопросом, что они «мають давать». Каждый из присутствующих на свадьбе дарит что-либо: ткани, рубахи, юбки, вешают молодым через плечо окорока, связки лука, колбасы, отдельно дают пшеницу, посуду, мелкий домашний скот и птицу.

Прежде и невеста дарила свекру и свекрови, родственникам мужа, сделанные ее рукой вещи, теперь это не делается.

После двенадцати часов ночи гуляющие на свадьбе провожают молодых спать. Под песню «Кручарочек, золотой мой муженечек» молодая разувает мужа. Этот обряд также свидетельствует об униженном положении женщины, которая всю свою жизнь должна будет прислуживать мужу:

И одну ножку разула,
Свет-Иваном назвала,
А й другую разула
Иванычем назвала...

(Браила, 2-е Мая 1964 г.)

Правда, обряд разувания мужа встречается все реже и реже, и в ближайшее время, вероятно, исчезнет совершенно.

На свадьбе «гуляют» только женатые люди, а девушки принимают в ней участие только до обряда венчания.

Стойко держится у липован обряд «битья посуды» на счастье молодым. Особенно бьют посуду тогда, когда узнают, что молодая была честная. Тогда сваха благодарит родителей невесты, пьет стакан вина и разбивает его, за ней повторяют этот жест многие гости. Разрешается бить все, что найдено во дворе. Поэтому чаще всего все хорошее заранее убирается, напоказ выставляются старые бутылки и горшки, а также тыквы, которые можно разбивать беспрепятственно.

После брачной ночи, рано утром молодая должна сходить за водой к колодцу и принести на коромысле два полных ведра, а также подмести полы в хате. Этот акт демонстрирует трудолюбие молодой, а также ее покорность свекру и свекрови.

После обеда молодые или на лошадях, или пешком сзывают опять гостей повеселиться. Это называется «ходить за перезвой», («перезва» или «пиразва» — свадьба, «весь мир»). Когда собирается много приглашенных, они с шутками и песнями идут через все село за родителями невесты. Отец и мать невесты, взяв с собой заранее напеченные калачи, идут вместе со всеми продолжать свадебный пир.

На этом заканчивается собственно свадьба, после чего имеет место самый короткий этап свадебного обряда — послесвадебный. В этот период, в основном, молодые ходят в гости ко всем родственникам жены и мужа.

* * *

Свадебный обряд липованского населения, изложенный нами, дает возможность сделать вывод о тесных связях этого обряда с великорусским свадебным обрядом южного типа. Предки липован, жившие когда-то на Дону и Кубани, собираясь там из разных мест России, унесли в эмиграцию и сохранили до наших дней, лишь несколько изменив, древнейшую народную драму о судьбе женщины в большой патриархальной семье.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Л. Садоков

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГЛУБЬ ВЕКОВ В ПОИСКАХ МУЗЫКИ

Несомненно, очарование музыки в ее живом звучании. Никакие самые вдохновенные слова или скрупулезное научное описание не заменят простой ее красоты. Музыка, как и звук, ее составляющий, не вечна; это тающая и навсегда исчезающая волна. Как остановить ее распад и услышать мелодии, звучавшие, быть может, не одну тысячу лет назад? Как усмотреть за неясными контурами отодвинутых в века зыбких империй, за шумом переселений и хаосом неожиданных катастроф истоки музыкального искусства, проследить его трудный и счастливый ход, понять то единственно ценное в нем, что сохраняется, оберегается и приумножается народом на всем протяжении его истории? Возможна ли материализация пророческих слов поэта:

Так явственно из глубины веков
Пыливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движение.
(А. Блок)

Есть две области человеческого познания — музыка и археология, синтез которых делает возможным невероятное.

Что такое «музыкальная археология»

Археология и религия; археология и география; археология и политика; археология и общество; археология и... Таких «и...» много. Потому что археолог в своей работе сталкивается с этнографией и антропологией, геологией и географией, палеоботаникой и палеозоологией, физикой и химией, математикой и астрономией. Наконец, с искусством: архитектурой, живописью, скульптурой. И с музыкой. И даже с танцами. Когда наша замечательная танцовщица Галина Уланова готовит сценический образ из жизни далекого прошлого, она многие часы проводит в музеях, внимательно изучая произведения древнего изобразительного искусства. Ее интересует все: прически, костюмы, танцевальные движения. Наверное, Галина Уланова поддержала бы идею исследования «Археология и балет». А об «археологии и музыке» и говорить не приходится!

Археология и музыка... В последнее время все чаще и чаще употребляют выражение «музыкальная археология», о нем спорят, о нем пишут¹. Однако ни в одном энциклопедическом словаре — отечественном

¹ Б. Смоляков, Музыкальная археология, «Наука и жизнь», 1967, № 1, стр. 18—22; Р. Садоков, Страницы ненаписанной книги, там же, стр. 23—26.

или зарубежном — «музыкальная археология» не упоминается. Гораздо больше повезло музыкальной этнографии, музыкальному инструментоведению, музыкальной акустике и т. д., хотя каждая из этих дисциплин определенными аспектами своих исследований обогащает музыкальную археологию. Как наука музыкальная археология еще очень молода. Она — избирательная по своему характеру, это плод синтеза нескольких смежных отраслей. Еще неясны законы ее развития, ощутяю находятся методы, используемые ею, изменив характер исследований. Но в том, что музыкальная археология — часть музыкально-исторической науки, имеющая право на самостоятельное существование, не сомневается никто.

Первым, кто достаточно четко определил предмет и задачи музыкальной археологии, был крупнейший наш музыковед Николай Федорович Финдейзен (рис. 1). В его двухтомных «Очерках по истории музыки в России» памятники музыкальной археологии занимают почетное место. Что это за памятники? По мнению Николая Федоровича, музыкальную археологию следует понимать не в узком смысле этого слова, не как изучение только памятников, добытых археологами при археологических раскопках, но в широком музыкально-историческом плане, совпадающем в конечном итоге с разработкой проблем музыкальной культуры древнего мира. В главе о Великом Новгороде ученый пишет: «Среди памятников музыкальной археологии Новгород славился не только гуслими и скоморохами, — славился он и своим колокольным звоном и церковным пением, точнее — своими распевщиками, певчими, а вместе с ними и певческими книгами». И дальше: «В заключение обзора музыкально-культурных древностей (разрядка моя — Р. С.)... необходимо также коснуться письменных памятников и деятелей его (Новгорода — Р. С.) церковнопевческого искусства»². Что же мы видим? Что музыкальная археология (на примере, в данном случае, Новгорода) — не только музыкальные инструменты (гусли) и музыканты (скоморохи), но и колокольный звон, церковное пение и певческие книги. Короче, музыкальная археология — это совокупность музыкально-культурных древностей. Такое определение музыкальной археологии является единственно верным.

В 1920 г. на археологическом отделении Петроградского Государственного университета был создан кабинет музыкальной археологии, где Н. Ф. Финдейзен в течение нескольких лет читал лекции по русской музыкальной археологии и музыкальной палеографии. Горячая увлеченность темой, огромная эрудиция и талант рассказчика снискали ему любовь и уважение многочисленных учеников.

Но было бы ошибочно полагать, будто идея использовать материалы археологических раскопок для изучения музыкальной культуры древнего мира принадлежала исключительно Н. Ф. Финдейзену. Еще на заре

Рис. 1. Н. Ф. Финдейзен

² Н. Ф. Финдейзен, Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в., т. I, вып. 2, М.—Л., 1928, стр. 128, 136.

развития отечественной и зарубежной археологии обращали на себя внимание многочисленные изображения музыкантов с музыкальными инструментами, а также находки самих музыкальных инструментов. Как и положено в таких случаях, их описывали, публиковали (а иногда и нет) и ...забывали. Это в худшем случае, а в лучшем — какой-нибудь любитель музыкальных древностей случайно наткнулся на такую публикацию и «открывал» ее заново для себя и своих коллег. Вот в этой «случайности» и крылась трагедия еще не родившейся науки.

На страницах современной археологической литературы можно зачастую встретить публикации изображений музыкантов с музыкальными инструментами, а также сообщения о находках подлинных музыкальных инструментов. Публикации принадлежат почти всегда перу авторов раскопок, которые по мере сил и возможностей дают первоначальную трактовку материала. Со страниц специальных археологических изданий эти материалы перекочевывают в музыкально-исторические сочинения и путешествуют там исключительно как иллюстрации, не выходя за рамки «вторичного» материала. Удивительно, но почти нет работ, где бы музыкально-археологический памятник стал предметом исследования специалиста-музыковеда! Существует некая «таинственная» грань, препятствующая выходу такого памятника из среды иллюстративной в область специального его изучения. Несомненно, в устранении этой ненормальности должны быть заинтересованы прежде всего историки музыки. Это касается не только опубликованных, но и не опубликованных, хранящихся в подвалах музеев и фондах различных археологических экспедиций материалов, удельный вес которых, по сравнению с публикациями, огромен. И, по-видимому, главным в такой работе должна быть полная каталогизация обнаруженных «вторично» материалов, ибо только единый свод источников, ценность которого сама по себе была бы огромна, может наилучшим и быстрейшим способом подтянуть археолого-музыкальные тылы в историческом музыковедении.

Ценность трудов Н. Ф. Финдейзена как раз и состоит в том, что он первым попытался осуществить эту работу на русских материалах.

Флейта лесного бога

...В тот год лето было жаркое и сухое. Заволжский отряд археологической экспедиции Саратовского университета разбил свой палаточный городок возле села Скатовки. Предстояло копать курганы. Их было пять, невысокие плоские возвышенности. Если бы не точный глаз археологов, никто и не заметил бы этих заросших травой «плюшек». Перед тем, как сделать первый удар лопатой, гадали, когда они были насыпаны. Хотелось раскопать курганы древнее, а начальник экспедиции И. В. Силицын мечтал только о «бронзовом» кургане. Первая же земляная гробница повергла мечты археологов в прах! Под насыпью лежали останки кочевника золотоордынского времени, рядом покоились принадлежащие ему вещи. Обыкновенные, хорошо известные археологам, вещи! Раскопщики недоверчиво покосились на второй курган, схватились за лопаты и ...через некоторое время стало ясно, что он того же времени, что и первый. Мечты о «бронзовом» кургане уходили в туманную даль. Когда покончили с третьим и четвертым курганами, в руках у археологов оказалась коллекция типичных кочевнических вещей: колчаны из бересты, стремена, удила, кожаные сумки и даже кресало и кремни. Оставался последний, пятый курган. Что таит он в своих нед-

рах? Впрочем, такого вопроса даже и не возникало. Известно, что: еще один кочевник.

Надо сказать, что археолог, помимо множества практических навыков, должен обладать еще и музыкальным слухом. Знаете, для чего? Чтобы услышать, где грунт не тронут, а где вскопан. Иными словами, по звону лопаты археолог, если он копает курганы, должен уметь определить край могилы. Когда археологи, копавшие пятый скатовский курган, услышали, что звонкий стук лопат вдруг сменился на мягкий,

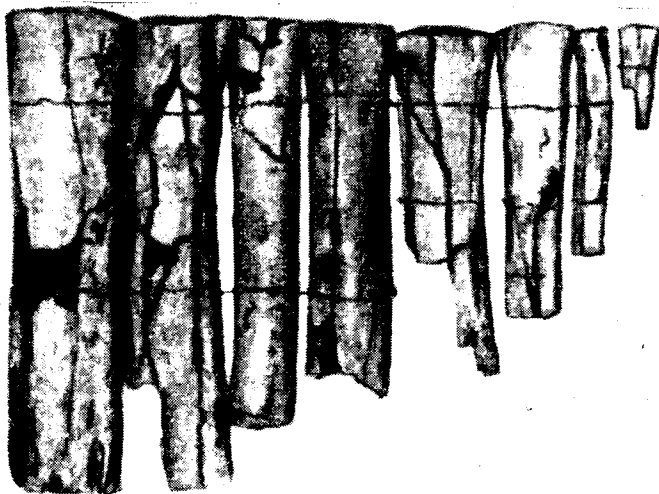

Рис. 2. Флейта Пана из кургана близ с. Скатовка

шуршащий, они поняли, что под ними могильная камера. Потому что земля в ней мягкая и рыхлая, не в пример плотным и звонким стенкам. И вдруг... Из земли, словно цыпленок из яйца, проклюнулся горшок. Хороший такой глиняный горшок с простым и красноречивым орнаментом. Горшку было 5 000 лет! По сравнению с ним все эти кочевники были просто детьми. Ведь между ними стоял умопомрачительный частокол веков! Археологи радостно и облегченно вздохнули. Наконец-то! Бронза! Вскоре появился другой горшок, затем третий. А вот и сам хозяин! Желтый, словно лакированный, лоб черепа, пустые глазницы, вытянутые вдоль туловища распавшиеся кости рук...

Но что это? Возле одного из сосудов лежит кучка тонких хрупких косточек, обильно посыпанных красной краской. Несколько осторожных взмахов мягкой кистью — и глазам изумленных археологов предстали восемь маленьких костяных трубочек разной длины и неодинакового диаметра. Когда их рассмотрели, то оказалось, что края у каждой трубочки очень ровные и аккуратно обработаны, а бока отшлифованы. Что и говорить, находка была необычной. В таких случаях разгадка либо приходит сразу, либо вообще не приходит. Назначение восьми костяных трубочек из кургана № 5 было сформулировано кратко и точно: «духовой музыкальный инструмент типа флейты Пана» (рис. 2). Погребенный в кургане человек, без сомнения, любил и умел играть на этом инструменте, и когда он умер, сородичи простодушно решили, что ему будет неуютно на том свете без сладостных и нежных звуков его флей-

ты, и бросили ее к нему в могилу. Так он и пришел к нам спустя пять тысячелетий, со своими горшками, бронзовым ножом и флейтой³.

Самое любопытное в этой истории то, что в начале III тысячелетия до н. э., т. е. тогда, когда безвестный поволжский любитель музыки наигрывал свои нехитрые мелодии, мифа о Пане еще не существовало. Миф этот возник в Греции спустя тысячелетие. Все в этом мифе, начиная с рождения Пана, необычно.

Родителями его были вполне «нормальные» боги: Гермес и нимфа Дриопа. Новорожденный же оказался настолько страшен — волосатый, с рогами и копытами, бородой, кривым носом, — что мать, напуганная видом младенца, убежала. Отец Пана Гермес подобрал ребенка и отнес его на Олимп. Боги долго и оглушительно хохотали, нарекли мальчика Паном и оставили его у себя. Но волосатый бог повел себя довольно странно: он не остался на Олимпе, а ушел бродить по лесам и полям, пас скот, развлекался с нимфами. Однажды встретил Пан очаровательную нимфу Сирингу, влюбился в нее, но, увы, без взаимности. Пан так настойчиво преследовал Сирингу, что она, не выдержав домогательств, обратилась в бегство. Быстрее ветра летела нимфа, но еще быстрее несли козлоногий Пан. В одном месте, как на беду, преградила путь Сиринге река. А Пан вот-вот настигнет прекрасную девушку! Возмолилась Сиринга речному богу, умоляя спасти ее от уродливого ненавистного Пана. Услышал ее бог и превратил Сирингу в тростник. Опечаленный Пан срезал несколько стеблей, сделал из них многоствольную флейту и удалился в лесистые горы. С тех пор путники, оказавшиеся в аркадских горах, часто слышат нежные и грустные звуки флейты. Это Пан оплакивает неудавшуюся свою любовь (рис. 3).

Рис. 3. Пан с флейтой

Инструментоведение знает немало примеров, когда необычные по своему конструктивному решению музыкальные инструменты имели шумный, но недолгий успех. Но известны

инструменты, которые, имея за плечами несколько тысячелетий, в почти неизменном виде существуют по сей день. К первым относятся, например, стеклянная гармоника и гвоздевая скрипка, а ко вторым — некоторые виды арф и флейта Пана. Чтобы увидеть и послушать флейту козлоногого бога, вовсе не обязательно, скажем, ехать в какие-нибудь далекие и экзотические страны, а достаточно перебраться в Курскую область, где и сейчас много и охотно играют на кугиклах (так называют здесь флейту Пана). Причем, не понятно, почему только женщины.

Кугиклы состоят из трех или пяти (чаще из пяти) тростниковых дудочек, одинаковых по диаметру, но разных по длине. Нижние концы дудочек наглухо закрыты, так что каждая дудочка дает только один звук, а все вместе образуют диатонический звукоряд (до, ре, ми, фа, соль). Кугиклы — инструмент ансамблевый, играют обычно 3—4 женщины, сопровождая сельскую пляску.

³ Подробнее об этих раскопках см.: М. Исхизов, Загадки древних курганов, Саратов, 1961, стр. 27—36.

Автор «Загадок древних курганов» М. Исхизов высказал интересную мысль: не отсюда ли, с приволжских степей, начинается древнегреческий миф о Пане? За это говорит и время распространения скатовской флейты (начало III тысячелетия до н. э., а легенда о Пане возникла во II тысячелетии до н. э.), и облик самого Пана, столь не похожего на олимпийцев, и, наконец, его роль покровителя лесов, рощ, стад и пастухов. Не возник ли образ Пана у греков тогда, когда при встречах с бородатыми скотоводами южнорусских степей они слышали чарующие звуки неведомого инструмента, одного из тех, чей остов нашли в кургане № 5 близ села Скатовка?

Зазвучавшая фреска

У южных отрогов Султануиздага, там, где разноцветные ступенчатые обнажения окаймляют черный скалистый хребет, поднимаются величественные развалины древнего города. Никто не знает его настоящего имени, все зовут город просто и безлико: Топрак-кала (Земляная крепость). Пучеглазые ящерицы сторожат молчание темных осыпающихся сводов; вверху, в блеклом выцветшем небе неподвижно висят на раскинутых крыльях черноперые птицы — гарнизон мертво-солнечного безмолвия (рис. 4).

Рис. 4. Дворец Топрак-Кала после раскопок

При раскопках Топрак-калы были обнаружены живописные изображения трех девушек, играющих на своеобразных музыкальных инструментах: угловой девятиструнной арфе (рис. 5), двуструнном лютневом инструменте и двустороннем барабане, похожем на песочные часы. Прекрасные хорезмийки сидят на темных ковриках в ряд, поджав ноги «постурецки». Слева барабанщица, в центре лютнистка, замыкает ряд большеглазая смеющаяся арфистка. На ней широкая свободная юбка из ткани светлопепельного цвета, шея, плечи и живот обнажены. На руках и шее тонкие браслеты. Черные густые волосы от прямого пробора волнообразно начесаны на лоб и пышными прядями падают на плечи.

Когда рассматриваешь изображения девушек-музыкантш, дополняя и в известной мере реконструируя уничтоженные временем места, создается впечатление, что девушки как бы «сфотографированы» за игрой.

Это не бездушные статичные фигуры, а живые люди. Вот, например, арфистка: легкий полуоборот и изящный наклон головы — не поза, а движение. Рассыпанные кудри и веселая ее улыбка говорят о страстности и легкости исполнения. А лютнистка! Кисть ее, выписанная на «одном дыхании», почти стирает грань между иллюзией и действительностью. Кажется, что она вот-вот заскользит по грифу, следуя за прихотливой мелодией (рис. 6). Чтобы услышать (мысленно, конечно) барабанщицу, можно сравнить ее с барабанщицей Айртамского фриза⁴.

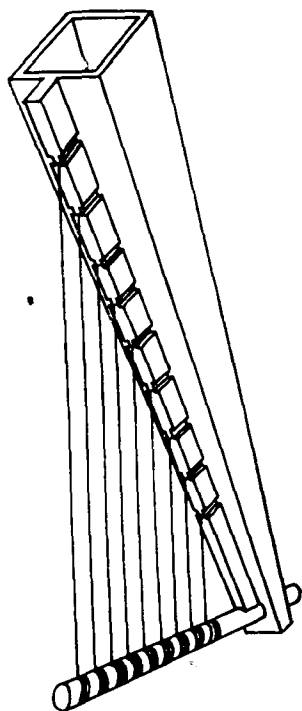

Рис. 5. Древнехорезмийская большая угловая арфа. Реконструкция

Спокойный и немного бесстрастный аккомпанемент айртамской музыкантши не имеет ничего общего с мелкоритмической вязью древнехорезмийского усуля⁵.

Таланту безвестного древнего живописца были свойственны не только умение передать жизненную правду созданных им образов, скорее всего, портретных в своей основе, но и исключительная

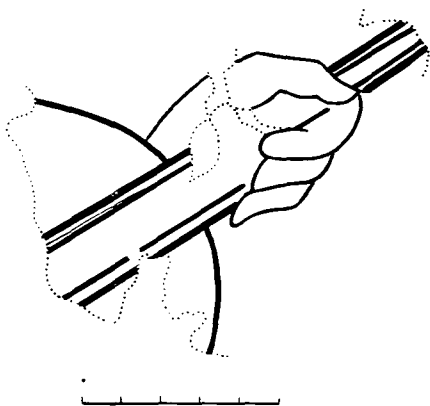

Рис. 6. Топрак-Кала. Фрагмент живописного изображения лютневидного инструмента с кистью музыканта

точность в изображении деталей. Музыкальные инструменты выписаны настолько тщательно и с такими подробностями, что не приходится долго ломать голову над устройством того или иного конструктивного узла. Вот, например, барабан: мощные черные мазки точно и ясно обозначают накладные браслеты по краям кожаных мембран и на перехвате инструмента, а также скользящий шнур, стягивающий их (рис. 7). Однако наибольшего эффекта добивается художник в изображении положения кистей рук на струнах арфы и лютни, и в момент удара по барабану. Это чрезвычайно важное обстоятельство. Я прошу читателя обратить особое внимание на следующие три момента, совокупность которых, как это будет показано ниже, переводит линии рисунка в звук:

1. Кисти рук арфистки лежат на струнах, ближайших к углу инструмента, то есть на коротких струнах.

⁴ Замечательный памятник греко-бактрийского искусства с изображениями музыкантов. Найден в местечке Айртам близ г. Термеза.

⁵ Усуль — ритмическая формула, издавна употребляемая при игре на ударных инструментах в музыке среднеазиатских народов.

2. Пальцы лютнистки укорачивают струны в месте соединения грифа с корпусом.

3. Обеими кистями барабанщица бьет по мембране малого диаметра. Теперь немного истории. Росписи дворца Топрак-кала датируются рубежом III и IV вв. н. э. Что же происходит в Хорезме в это время?

Примерно на рубеже I и II вв. н. э. Хорезм входит в состав грандиозной среднеазиатско-индийской империи Кушанов. Такое вассальное, зависимое положение длится около ста лет, после чего (в начале III в. н. э.) Хорезм восстанавливает свой политический суверенитет и становится могущественным государством. Чтобы подчеркнуть величие новой державы, строится колоссальный трехбашенный дворец Топрак-кала со множеством помещений, интерьер которых пышно украшается росписями, скульптурой, архитектурным декором. Все направлено на укрепление и развитие одной мысли: освобождение — независимость — величие. Однако механического отказа от культурных заимствований и влияний не происходит. Индийская культура оказала на Хорезм чрезвычайное сильное воздействие. Памятники топрак-калинского искусства ярко свидетельствуют и о творческих связях хорезмийских художников, декораторов, музыкантов с индо-буддийскими мастерами, и о преломлении этих связей на своей местной, веками складывавшейся хорезмской почве. Вот в таком бурном историческом водовороте и выступает музыка древнего Хорезма.

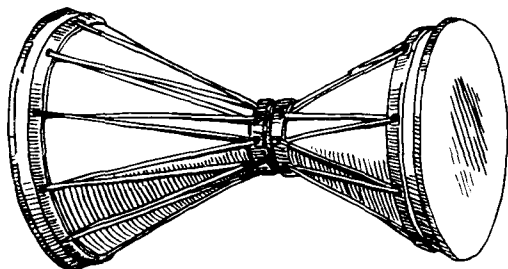

Рис. 7. Двусторонний барабан в виде песочных часов. Реконструкция

Несколько лет назад я путешествовал по Хорезмской области, собирая музыку и песни. В одном из колхозов мне указали дом, где наверняка можно было услышать много интересного. Так и оказалось. За несколько дней моя рабочая папка изрядно вспухла от бесчисленных записей. По окончании работы Айтбай-ага и его товарищи-музыканты устроили своеобразный концерт⁶. Одна из прозвучавших инструментальных пьес оказалась довольно любопытной.

Мелодия была тягучей, плавной. Она неторопливо взбиралась наверх и, постояв немного, опускалась. Потом она так же спокойно и величаво поднималась, достигала какой-то невидимой вершины и, замерев, падала вниз. Затем опять взлет, и опять падение. Но чувствовалось, что силы нарастают, звучание инструментов становилось громче, и постепенно возникло нетерпеливое ожидание победы. Она была близка, армий звуков под барабанный грохот шли на последний приступ звуковой высоты, еще, еще немного...

Я незаметно посмотрел на своих спутников. Они сидели, напряженно внимая диковинной страстной мелодии. Она же, казалось, обрела самостоятельность, и, как джиг, выпущенный из сосуда, бушевала во-

⁶ Во всех случаях исполнение было ансамблевым: трио или дуэтом. Из ударных была дарья (бубен), духовые — сурнай или буламан, струнные — дутар, ребаб и скрипка. Скрипка за последние тридцать-сорок лет стала любимым народным инструментом. Играют на ней необычно: инструмент ставят вертикально, упирая торцом корпуса в щиколотки согнутых «по-турецки» ног, а смычком водят по струнам, как это принято при игре на гиджаке или кобызе (рис. 8).

круг независимо от нас и сама по себе. В ней явно ощущался какой-то скрытый мелодический подтекст, это была и узбекская и не узбекская мелодия. В чем дело? Я старался по рисунку музыкальных фраз, по интонациям угадать (именно угадать!) окраску произведения. В конце концов удалось ухватиться за ниточку и, крепко держа ее в руках, размотать весь клубок: основа была местной, налет индийский. Что ж, вещь не такая уже и невероятная, связи с Индией старинные, крепкие.

Рис. 8. Инструментальное трио в составе: скрипка, буламач, дарья

Тем временем исполнение музыкальной пьесы близилось к концу. Мелодическое восхождение, наполненное яростью и ликованием, достигло звуковой вершины и на какое-то мгновение застыло в победном звенящем кличе. В этот момент я случайно посмотрел на руки музыкантов. Кисть скрипача сжимала гриф у его основания, максимально укорачивая струны, пальцы ребабчи застыли в том же положении, а дарьячи выколачивал такую затейливую вязь ритмов, что она сливалась в один дрожащий высокий звук...

Топрак-кала! Резко и по-новому встали передо мной разноцветные изображения древнехорезмийских музыкантш. Помните, арфистка щиплет струны, ближайšie к углу инструмента, т. е. короткие струны, а ведь они чем короче, тем выше их звучание. Но может быть, это только домысел и древний живописец ничего этого не имел в виду? Обратимся к лютнистке. Она, как и наш скрипач, укорачивает струны у основания грифа. Но ведь в этом месте они звучат только высоко. Случайность, прихоть живописца? Вряд ли, такое подчеркивание высокого звукоизвлечения должно пораживать. И действительно, положение рук барабанщицы уносит все сомнения и ставит точку. Сложенными лопаточками пальцами обеих рук она бьет в мембрану меньшего диаметра, что опять соответствует высокому звучанию.

Таким образом, топрак-калинский художник, несомненно хорошо знавший музыку, намеренно изобразил момент, когда все три музыкантши одновременно ведут единую партию в высоком регистре. И в унисон, добавим мы, потому что среднеазиатская народная музыка (инструментальная и инструментально-вокальная) на всем протяжении своей истории была одноголосна, а исполнение ее унисонно. Посудите сами, если бы художнику нужно было показать просто трех играющих музыкантов, он мог бы и не акцентировать внимание (и свое, и зрителя) на высоком

звукоизвлечении. Тем не менее, он сделал это, что особенно ярко подчеркивается сценой игры на барабане. По-видимому, здесь, как и в игре наших музыкантов, мы сталкиваемся с кульминацией, вершиной музыкального произведения, которая всегда выражается наиболее высоким звуком. В современной узбекской инструментально-вокальной музыке такой вершиной, способствующей эмоциональной напряженности произведения, является аудж, всегда с нетерпением ожидаемый и волнующий слушателей. Кроме того, аудж позволяет певцу продемонстрировать свое вокальное мастерство. Недаром узбекские профессиональные певцы — представители своеобразной «школы» ауджа — состязались в исполнении песен, где обязательно был яркий аудж⁷. Как необходимый элемент песенного и макомного⁸ творчества, аудж своими корнями уходит в глубокую древность. В кульминационном моменте игры топрак-калинских музыкантш можно, очевидно, видеть одну из разновидностей древней формы ауджа.

...Наступило молчание. Музыканты вытирали цветными платками потные лица. Я подошел к старшему из музыкантов.

— Спасибо, Айтбай-ага. Но скажите, что это за вещь, которую вы сейчас играли? Она очень красивая...и странная.

Он мягко улыбнулся и медленно ответил.

— Да, вы правы, мелодия ее непривычна.

Видно было, что он еще весь во власти музыки. Нежно поглаживая свою скрипку, он задумчиво смотрел куда-то в сторону. Я понял, что торопить его не следует.

— Это очень старая мелодия, — тихо сказал Айтбай. — Я слышал ее от моего деда, а тот, в свою очередь, перенял ее от своего отца... Как она называется? — Айтбай пожал плечами. — Этого никто не знает. Да и не любят ее...

Не любят? Почему, кто? За этим признанием старого музыканта крылась какая-то загадка, возможно, проливающая свет на происхождение и историю песни. Это обстоятельство нужно было выяснить тут же, немедленно.

— Айтбай-ага, — осторожно начал я, — вы великолепно сыграли эту старинную мелодию. Разве ее можно не любить? Мои товарищи и я просто потрясены ее редкой красотой. А вам, неужели вам она не нравится?

— Дело не в нас, — досадливо перебил меня Айтбай, — а в церковниках. Они говорят, что не приличествует истинному мусульманину играть и слушать эту пьесу, она, мол, греховна. Ну, а мы... мы, как видите, грешим.

Айтбай и не подозревал, как много исторического смысла крылось в его словах. Эта старинная хорезмийская мелодия была создана, по-видимому, задолго до арабского нашествия, отличалась героическим характером и звала хорезмийцев на борьбу с захватчиками. Тот индийский «налет», придающий своеобразную «окраску» пьесе, мог возникнуть лишь во время наибольшего сближения с культурой Индии, когда Хорезм потерял свою самостоятельность и был включен в состав могущественной державы Кушанов. Очевидно, в это самое время и обрела свою жизнь одна из народных свободолюбивых песен. Особое значение она должна была приобрести в течение третьего столетия нашей эры, когда,

⁷ В. А. Успенский, *Аудж-и-Тюрк и его роль в развитии народной песни Бухары, Ташкент, 1936* (Институт искусствознания Министерства культуры УзССР, рукопись).

⁸ Макомы — цикл многочастных вокально-инструментальных сюит.

судя по нумизматическим материалам, хорезмийские правители довольно решительно освободились от владычества Кушанов, построив в ознаменование этого события величественный трехбашенный замок. Вполне естественно, что музыке, помогавшей освобождению, музыке, возвеличивающей новую державу, нашлось — и довольно значительное — место в новой резиденции хорезмшахов. Утверждать, что древнехорезмийский художник «изобразил» именно ту песню, которую нам довелось слышать в современном Хорезме, было бы чересчур смело. Но можно быть уверенным, что он изобразил одну из такого рода песен, своего рода «гимн освобождения». Этой песне (или мелодии) через четыре столетия вновь пришлось звать соотечественников к сопротивлению. Вот что писал о «культурной миссии» арабских завоевателей великий хорезмийский ученый ал-Бируни: «И уничтожил Кутейба (арабский полководец, наместник Хорасана — Р. С.) людей, которые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и обучали (наукам), существовавшим у хорезмийцев, и подверг их всяким терзаниям, и стали (эти предания) столь сокрытыми, что нельзя уже узнать в точности, что (было с хорезмийцами даже) после возникновения ислама»⁹.

Понятно, что жесточайшим репрессиям подвергалась и древняя самобытная музыкальная культура. Но народ все же сумел сохранить и пронести через столетия лучшее из созданного им. Ведь в народной музыке, песнях, танцах заключен дух, самосознание народа. А дух талантливой свободолюбивого народа сломить нельзя. Так же, как невозможно убить песню. Единственное, что можно сделать — это запретить ее, проклясть, объявить неугодной богу. По этому пути и пошло мусульманское духовенство. Вот почему старинная хорезмская мелодия оказалась «нелюбимой», «отверженной», название ее забыто, а исполнение приравнено к тягчайшему греху.

Нет, Айтбай-ага, вы не грешите. Забудьте это темное, глухое слово. Вы делаете то, что называется подвигом, как делали его до вас многие и многие безвестные музыканты. И они и вы — звенья вечно живой связи времен.

Приходите на концерт Древнегрузинской музыки

Это был удивительный день, 26 ноября 1956 года.

Зал заседаний Грузинской Академии наук переполнен. Академики и музыканты, журналисты и актеры взволнованно переговариваются и восхищенно разводят руками. Только что с трибуны сошел человек, доложивший высокому собранию результаты своей многолетней тяжелой и блистательной работы. Без сомнения, такого заседания Академия еще не выдвала. Доклад — концерт!

Тотчас после доклада в зал вошли артисты Государственной капеллы, за рояль сел пианист, дирижер взмахнул рукой и... под сводами Академии полилась могучая и скорбная «Песнь покаяния», сочиненная композитором X века н. э. Григорием Хандзтели на слова грузинского царя Давида Строителя.

Когда настанет время последнего вздоха,
Величие царственности пройдет и слава померкнет,
Радость станет излишней,
Цветение увянет,
Другой получит скипетр,
За другим встанет воинство,—
Тогда помилуй меня, мой всевышний судья!¹⁰

⁹ Абу Рейхан Бируни, Памятники минувших поколений. Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 48.

¹⁰ И. Андроников, Разгадка тысячелетней тайны, «Новый мир», 1962, № 9, стр. 230.

Что это? Неужели возможно такое? Чтобы музыка, звучавшая тысячу лет назад и забытая за непонятной вязью древних нот, вновь ожила и донесла до нас дыхание тысячелетий?..

«Я, Микаэль Модрекили, потрудился и в результате тщательных поисков собрал отовсюду все песнопения, какие нашел на грузинском языке, и записал их в эту святую книгу истинно... сохраняя чистоту напевов, без ошибок в музыкальных знаках».

Эти строки были написаны в конце X века н. э., тысячу лет назад. Микаэль Модрекили, грузинский композитор и поэт, действительно, много и славно потрудился. В рукописи, которую в 1885 г. Николай Дадiani, внук поэта Александра Чавчавадзе, передал в дар тифлисскому музею, было только (только!) 544 страницы. В начале и середине не хватало еще 720 страниц, не было и конца. Так что мы не знаем, сколько же страниц было исписано трудолюбивым Модрекили. Песнопения писаны на пергаменте черным старинным шрифтом, а над и под каждой строкой киноварью (красным) выведены музыкальные знаки. Таинственные древнегрузинские ноты, за которыми, словно за бесчисленными печатями, скрыта тысячелетняя музыкальная загадка! Тексты гимнов читались сравнительно легко, но музыка... музыка была мертва.

Помимо сборника Модрекили, есть еще несколько нотированных древнегрузинских рукописей того же времени. Так, в Институте рукописей АН Грузинской ССР хранится сборник, переписанный в конце X в. неким Иорданом, и еще три рукописи. А кроме этих пяти, известны еще четыре: одна в Греции, в Иверском монастыре на Афоне, и три на Синае, в книгохранилище монастыря св. Екатерины. Во всех девяти рукописях записаны 1300 хоралов, относящихся к VIII—X вв. н. э. И все эти 1300 гимнов читались, но не пелись. Потому что красные музыкальные знаки упорно сопротивлялись дешифровке.

Когда Павле Ингороква, историк и филолог, большой знаток древнегрузинской поэзии, заинтересовался церковными гимнами, он и не думал, что со временем его историко-литературные занятия приведут к одному из крупнейших открытий в области музыки. Гимны существовали для П. Ингороква только как литературный памятник. Многие музыковеды, грузинские и зарубежные, уже давно пытались разгадать тайну рисованных музыкальных знаков. Впрочем, без всякого успеха. Потому что они, как оказалось впоследствии, шли по неверному пути: знаки анализировались вне связи с литературным текстом. В этом и крылась ошибка. Может быть, то обстоятельство, что П. Ингороква не думал о музыке, и помогло ему добиться успеха там, где другие оказались бессильны.

Ученый, конечно, знал об этих попытках, равно как и о том, что тексты гимнов, по общему мнению, были прозаическими. Почему-то думали, что если текст идет подряд, сплошной строкой, значит это проза.

— Никто не учитывал, — недоуменно говорил П. Ингороква, — что в древности стихи и прозу писали сплошным текстом. Когда я стал вчитываться в тексты гимнов, я уловил в них сложный ритм.

Ритм! Это было так необычно, что исследователь отложил все дела и занялся... арифметикой. Дело в том, что в текстах есть точки. П. Ингороква заподозрил давно, что это не простые знаки препинания, а знаки, несущие иные функции. Но какие именно? О своих упражнениях в арифметике ученый говорит так: «Я стал подсчитывать количество слогов между точками и обнаружил в них поразительную закономерность. Так, в первом абзаце одного из гимнов количество слогов между точками да-

ет ряд: 7, 7, 7, 11, 7, 7, 5; та же последовательность прослеживается и в других абзацах, вплоть до конца первой песни гимна. Беру второй текст и снова: 5, 10, 5, 11, 5, 8, 10. И то же чередование числа слогов сохраняется до конца текста»¹¹. И так во всех гимнах. Без исключения! Значит, точки в тексте не точки, а обозначение метра (размера) стиха. Дальнейший анализ показал, что гимны — это стихи. Правда, без рифм.

Таково было первое открытие П. Ингороква.

Но на этом ученый не остановился. Внутренняя логика научного поиска неудержимо влекла его дальше, было бы преступлением не поддаться этому искушению. В чем заключалось искушение, П. Ингороква отлично понимал. Послушайте, как решительно и точно (главное, точно!) ученый говорит о дальнейшей задаче: «Надо было раскрыть тайну музыки, ритмическая пульсация которой уже чувствовалась в самом строе стиха»¹².

Действительно, связь ритма музыки с ритмом стиха огромна. Особенно ярко она выступала в средневековых песнопениях, где музыка играла подчиненную роль, помогая раскрытию поэтического текста. Поэтому музыкальный ритм диктовался исключительно ритмом стиха.

Приступая к расшифровке таинственных музыкальных знаков, П. Ингороква чуть-чуть хитрил, говоря, что ему ничего не известно. На самом деле, он разгадал один знак, еще когда работал над стихотворными текстами гимнов. Это была точка, красная «музыкальная» точка. Она соответствовала черной точке (вспомним, что ею обозначали метр стиха). И так было решительно всюду. Значит, заключил П. Ингороква, красная точка — знак музыкального метра, соответствующего метру стиха.

А сколько же было всего музыкальных знаков?

Их оказалось не так много: всего восемнадцать, один из которых — красная точка — был разгадан. Некоторые из этих знаков употреблялись часто, другие реже, третьи совсем редко. Нужно было найти какую-то закономерность во всем этом, иными словами, найти наиболее употребительные знаки. П. Ингороква в следующих словах определил свою ближайшую задачу: «...выяснить, сколько раз повторяется каждый знак во всех песнопениях всех нотированных рукописей, какое количество слогов стихотворного текста приходится на каждый знак»¹³. Один только сборник Модрекили насчитывает 544 страницы, а всех хоралов во всех рукописях 1300! Уму непостижимо, как это П. Ингороква не запутался в своих выписках, таблицах, прочих разных бумажках. И все для того, чтобы впоследствии очень просто написать: «Оказалось, что основных знаков 8». Остальные десять — дополнительные, редко встречающиеся.

Итак, восемь. Восемь нотных знаков. Магическое число! Одно оно говорило, что древнегрузинская нотопись — так называемый алфавит музыкальных звуков — основана на октаве. Каждая из восьми ее ступеней обозначалась одним из восьми знаков.

Каким?

Для этого нужно было знать последовательность знаков, т. е. какой знак за каким идет. Это очень трудно, но П. Ингороква узнал. Чтобы понять, — как, — нужно сделать небольшой экскурс в теорию музыки.

¹¹ П. Ингороква, Музыка, ожившая через тысячелетие, «Курьер ЮНЕСКО», 1962, № 5, стр. 26.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 27.

Октава — 8-ступенная гамма — четко делится на две части: нижнюю, состоящую из четырех ступеней, и верхнюю, тоже четырехступенную. Между этими частями — «центр». Ступени нижней части имеют «восходящую» тенденцию к «центру», а верхние ступени — такую же тенденцию, но от «центра». Образно выражаясь, обе части находятся как бы в зеркальной зависимости.

Так вот, прежде чем решить задачу о последовательности музыкальных знаков, П. Ингороква выяснил, что восьмерка их тоже распадается на две части: нижнюю, которая пишется под строкой текста, и верхнюю,

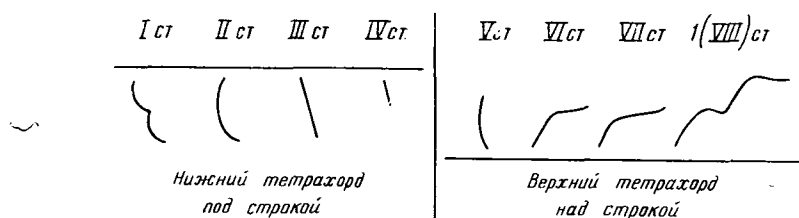

Рис. 9. Таблица последовательности музыкальных знаков

над строкой. Четыре знака под строкой, и четыре над ней. Следовательно, одна большая задача распалась на две маленькие: установить порядок следования четырех нижних знаков и столько же верхних.

И ту, и другую задачу П. Ингороква решил, исходя из начертания нотных знаков. Это, рассуждал ученый, не случайный набор условных знаков, а целая система, графика которой находится в строгом соответствии с музыкальным строем октавы. Легко заметить, что среди знаков нижнего и верхнего рядов, есть более сложные по своему начертанию и менее сложные (рис. 9). Весь вопрос в том, обозначается ли первая ступень октавы более сложным или менее сложным знаком. И. П. Ингороква опять принимается за подсчеты. Оказалось, что из всей восьмерки наиболее часто встречается простой знак в виде скобки (в верхнем ряду). Почему? П. Ингороква предлагает следующую параллель: в церковной музыке наиболее употребительна V ступень октавы, называемая «доминантой». Это своеобразный «центр» мелодии, вокруг которого она вертится. Следовательно, если простые по своему начертанию знаки, а скобка была простым знаком, стремятся к «центру», то по краям будут сложные. Это подтвердилось еще и тем, что, по законам музыки, последняя ступень в произведении должна быть тоникой, т. е. I или VIII ступенью октавы. В исследуемых песнопениях I и VIII ступени изображались только сложными знаками. Если посмотреть на шкалу последовательности знаков, составленную самим П. Ингороква, можно убедиться в том, что, во-первых, знаки, идущие к «центру», упрощаются по своему начертанию, а, во-вторых, крайние знаки (например, I и VIII, II и VII и т. д. ступени) чем-то схожи друг с другом. Вот в этой схожести и заключено, как выражается П. Ингороква, «зеркальное подобие» нижнего и верхнего рядов октавы.

Составлением шкалы последовательности знаков закончился важный этап в исследовании П. Ингороква. Однако нужно было еще заставить знаки зазвучать, т. е. установить, какой звук скрыт за тем или иным знаком.

Еще в самом начале П. Ингороква заметил, что над первой строкой каждого гимна есть шрипска, своего рода указание, на какой «глас»

его петь. И таких «гласов» было восемь. Опять восемь! Впрочем, особой тайны они не составляли. Это было обычное «осьмогласие» древнехристианской музыки, в котором каждый «глас» (т. е. диатонический лад) точно определяет, как читать знаки восьмиступенной гаммы. Допустим, «первый глас» — это гамма, начинающаяся от ре, «второй глас» — от ми и т. д. Иначе говоря, каждый «глас» — не что иное, как нынешний «ключ» в современной нотной системе.

Все! Теперь можно переводить древнегрузинские знаки на язык современных нот.

...Павле Ингореква осторожно поставил на пюпитр рояля толстую нотную тетрадь. Сел. Еще раз взглянул на название древнего гимна: «Гихароден» («Радуйся»). Он был написан в честь деви Марии тысячу лет назад. П. Ингореква взял первый звук...

«Трудно передать неповторимое переживание тех минут, — вспоминал потом ученый, — когда я впервые услышал звуки, доносившиеся до меня из глубин веков, звуки, отделенные от нас десятиями столетиями. Ведь если бы в расшифровке была допущена хоть одна ошибка, в результате получился бы случайный и бессмысленный набор звуков. А между тем... между тем звучала прекрасная торжественная мелодия!»¹⁴.

Из сборника М. Модрекили Павле Ингореква расшифровал свыше 80 песнопений. Все они были воспроизведены на музыкальном инструменте и «...во всех случаях зазвучала величественная древнегрузинская музыка, привлекающая своей гимнической импозантностью»¹⁵.

Эпилог этой истории столь же необычен, сколь и славен. Чтобы еще раз проверить свои выводы, на этот раз с другой стороны, П. Ингореква проделал следующее: он начал изучать записанные в XIX в. древнегрузинские хоровые песни и песнопения, справедливо полагая, что в них он сможет найти отзвуки, пусть немногочисленные и видоизмененные, песнопений X в. И что же! Надежды П. Ингореква оправдались: народная музыка XIX в. в основных моментах совпала с музыкальным материалом песнопений X века.

В 1955 г. П. Ингореква опубликовал свой труд объемом более тысячи страниц. Книга называется: «Георгий Мерчуле. Очерки по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии». А 26 ноября 1956 г. в Академии Наук Грузии состоялся тот необычный доклад-концерт, о котором мы уже рассказали.

* * *

В одном из номеров «Правды Востока» внимание читателей привлекла заметка под неожиданным названием «Флейта из бронзового века»¹⁶. В ней говорилось, что в погребении, раскопанном ташкентскими археологами у кишлака Муминабад (Самаркандская область) и датированном эпохой бронзы, была найдена одностольная флейта. Выточенная из дельной кости, она лежала среди золотых, серебряных и бронзовых украшений, осыпавших останки женщины. Тут же лежало и небольшое зеркальце. Флейта, которой по крайней мере пять тысяч лет, настолько хорошо сохранилась, что, по утверждению специалистов, она скоро запо-

¹⁴ П. Ингореква, Указ. раб., стр. 27, 34.

¹⁵ А. Мачавариани, Важное открытие грузинского ученого, «Сов. музыка», 1957, № 9, стр. 104.

¹⁶ В. Попандопуло, Флейта из бронзового века, «Правда Востока», 1967, 24 сентября.

ет. И тогда мы, быть может, услышим мелодии, звучавшие когда-то на берегах древнего Зеравшана. Мелодии из глубин тысячелетий.

Находки древних музыкальных инструментов или их изображений редки. Значение их огромно. Это все равно, что найти древнюю рукопись или затерянный в песках пустыни город. Но главное — музыка, звучащая древняя музыка. Потому что музыка и человек неразлучны. Потому что с музыкой рождались, с ней не расставались даже после смерти. И поэтому достойны удивления и восхищения попытки вернуть исчезнувшие, как казалось навсегда, мелодии.

Музыкальная археология удивительно человеческая наука. И потому очень современная. И нужная. Пожелаем ей успеха!

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

Есть немало отраслей человеческого знания, для разработки которых необходимы усилия исследователей смежных специальностей. Оформление этих пограничных областей в самостоятельные дисциплины возможно лишь на определенном уровне развития науки: оно в то же время открывает новые возможности для более глубокого проникновения в казалось бы уже хорошо известные факты. Именно так, в частности, столетие тому назад возникло, объединив лингвистов и историков, систематическое изучение систем родства, ставшее теперь уже традиционным разделом этнографии. В какой-то мере сходная судьба и у той отрасли этнографической науки, которая в равной степени затрагивает интересы историков, лингвистов, географов, социологов и историков культуры. Речь идет об изучении имен собственных — ономастике.

По вопросам, так или иначе относящимся к предмету ономастики, уже написано немало. За последние десятилетия за рубежом все разделы ономастики получили большое развитие: существуют специальные организации, издаются журналы, проведено девять международных конгрессов. Уже давно вопросы ономастики занимают значительное место и в работах советских исследователей. Однако надо признать, что многие важнейшие теоретические проблемы собственного имени как социального и этнического явления еще не получили своего разрешения.

В СССР работы по ономастике велись в Академиях наук ряда союзных республик, особенно на Украине и в Прибалтике. В 1967 г. начали работать две группы ономастики и в Академии наук СССР: в Институте этнографии и Институте языкознания. Этими группами руководит В. А. Никонов.

* * *

Антропонимия, ее история и закономерности развития — первая крупная проблема, которой была посвящена работа группы ономастики Института этнографии АН СССР¹. Своеобразным теоретическим введением в эту проблематику явился доклад В. А. Никонова «Личное имя — социальный знак», прочитанный в Институте этнографии в 1966 г. и опубликованный затем на страницах журнала «Советская этнография»².

И. В. Бестужев-Лада (Москва), выступивший с докладом «Исторические тенденции развития имен собственных», охарактеризовал основные этапы в эволюции собственных имен и те «кризисные периоды», которые лежат на грани двух соседних этапов. По мнению автора, такой «кризис» в настоящее время переживает европейская антропонимия. Обобщив большой материал, докладчик предложил свою классификацию антропонимических зон у современных народов мира.

В докладе М. В. Крюкова (Москва) «Спорные вопросы истории фамилий у народов Восточной Азии» сделана попытка проследить историческую взаимосвязь различных категорий личных и наследственных имен. Анализ материала по средневековым и современным фамилиям китайцев, тибетоязычных цизу и некоторых групп малаеязычного населения ю. Тайвань, привел автора к выводу о том, что связующим звеном между личным именем и современной фамилией является образованное от имени предка наследственное прозвание, которое в отличие от фамилии непостоянно и может изменяться после 3—4 поколений. Вывод этот согласуется с закономерностью, прослеженной в свое время В. К. Чичаговым на примере истории русских фамилий³.

¹ Помимо сотрудников Ин-та этнографии АН СССР, в работе группы принимают участие представители других научных учреждений Москвы: Научного совета по социальному прогнозированию, Ин-та языкознания АН СССР, Ин-та народов Азии АН СССР, редакций журналов «Вопросы языкознания», «Народы Азии и Африки».

² В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак, «Сов. этнография», 1967, № 5.

³ В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1954.

Одному из ведущих вопросов современной антропонимии народов Советского Союза — «второму имени» было посвящено сообщение Е. И. Рудных (пос. Казачье, Якутская АССР) «Вторые имена у якутов». Опираясь на собственные наблюдения, Е. И. Рудных рассказала о ныне существующих у якутского населения обычаях давать «вторые имена» (ими сейчас как правило бывают якутские имена) и прозвища. В сообщении были приведены интересные примеры вторых имен и прозвищ.

Группа обсудила вопросник о мотивах выбора имени, по которому будет проведен опрос родителей (в органах ЗАГС).

Наряду с антропонимией в работе группы ономастики Института этнографии АН СССР значительное место заняли вопросы, связанные с этнонимией, той отраслью ономастики, которая особенно тесно связана с этнографией.

Ведь действительно, как невозможно себе представить человека без имени, так нельзя найти в мире большого или малого народа, этнической или этнографической группы, которая бы не имела своего названия. История происхождения этнонимов бывает самой различной. Иногда за народом закрепляется его самоназвание, а иногда народ бывает известен под именем, которое ему дают его соседи. Встречаются простые и сложные этнонимы; некоторые из них несут на себе отпечаток специфики материальной или духовной культуры народа. За каждым этнонимом ныне существующего или давно исчезнувшего народа стоит длительная и сложная история. Нередко этнонимы переживают народы, которым они первоначально принадлежали и, являя собой прекрасный памятник давно ушедшим поколениям, связывают воедино прошлое и настоящее. Вот почему изучение этнонимов должно помочь выяснению многих сложных вопросов истории народов, пролить свет на их культурные, хозяйственные, этнические и политические связи. Этнонимика является ценным источником для исследования проблем этногенеза.

Однако, несмотря на свою важность, этнонимия — малоизученная область ономастики. Сообщения и доклады, посвященные этнонимам различных народов и заслушанные на заседаниях группы ономастики, представляют собой лишь первые шаги в разработке вопросов этнонимии.

Всего до осени 1967 г. на заседаниях группы было заслушано и обсуждено 8 этнонимических докладов. Из них 2 доклада посвящены анализу этнонимов тюркских народов. В сообщении Г. Ф. Благовой (Москва) «Этноним казахов» главное внимание обращено на историю этого термина в русской литературе. Автором также сделана попытка выяснить этимологию этого термина и увязать его с понятием «казмаг», обозначающим в тюркских языках человека, ушедшего на заработки в чужие края, отделившегося, отколовшегося от своего племени.

Т. И. Тепляшина (Москва) в докладе «Этноним бесермян» на обширном архивном и полезовом материале убедительно показала, что этот этноним, которым и в настоящее время обозначается одна из этнографических групп удмуртского народа, нельзя связывать с понятием «бусурман». По ее мнению этноним бесермян связан со словом «бисер», которое в свою очередь восходит к древнебулгарской лексике. Это слово до сих пор бытует в языке бесермян, в то время как у соседних с ними удмуртов для обозначения бисера существует другой термин. Для аргументации своего вывода Т. И. Тепляшина привлекает и этнографические данные, согласно которым у бесермян до настоящего времени сохранился обычай украшать свои одежды бисером. Интересной представляется и попытка автора связать отдельные элементы быта бесермян и даже их этноним с булгарами, что согласуется с имеющимися гипотезами по этногенезу бесермян⁴.

В интересной, увлекательной форме рассказал о судьбе блуждающего этнонима одного из арабских племен — кинда — Ю. Н. Завадовский (Москва). Судьба этого этнонима позволяет по-новому осветить многовековую историю племени, прошедшего путь с юга Аравийского полуострова вдоль побережья Средиземного моря вплоть до Мали. В настоящее время кинда, живущие в Мали и Мавритании и насчитывающие 100 тыс. чел., продолжают свое движение, но теперь уже на восток — к озеру Чад.

В некоторых докладах были затронуты вопросы этнонимии народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Так, в сообщении С. И. Вайнштейна (Москва) сделана попытка увязать происхождение этнонима Тува с проблемой этногенеза тувинского народа.

Обширный материал по историческим названиям Кореи с глубокой древности до настоящего времени (более 200 названий) был обобщен в докладе Л. Р. Концевича (Москва).

Вопросы происхождения и этимологии этнонима одного из древнекорейских народов — этнонима когурё были поставлены в сообщении Р. Ш. Джарылгасиновой

⁴ С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 148—149; В. Н. Белицер, *Удмурты, «Народы Европейской части СССР»*, т. 2 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 474—475.

(Москва). Анализируя различные варианты записи этого термина в китайских исторических источниках первых веков н. э., докладчица привлекла для их интерпретации данные, позволяющие предполагать возможность гетерогенного происхождения этнонима когурё.

В докладе М. А. Членова (Москва) «Этнонимы населения западного Серама (Индонезия)» совершенно справедливо раскритикованы употребляющиеся в западно-европейской и советской этнографической литературе названия для населения этой части Молуккских островов — такие, например, как «альфуры — алифуры», имеющие религиозную окраску, а также «патасива» и «паталима», обозначающие не этническую, а политическую общность, близкую по структуре к союзу племен. Основываясь на своих полевых наблюдениях, автор склонен присоединиться к мнению немецких этнографов, работавших на Молуккских островах в 1937 г., и предлагает использовать в качестве этнонимов для населения западного Серама самоназвания двух основных народностей данной области — вемале и алуне.

Содержательным был и доклад Г. И. Анохина (Москва) «Этноним фарерцы», в котором на богатом материале рассматривался комплекс проблем расселения скандинавских народов.

Доклады по этнонимии, заслушанные на заседаниях группы ономастики — лишь начало в разработке проблем этой науки. На повестке дня группы сообщения об этнонимах ряда советских (эвенки, калмыки и др.) и зарубежных (отдельные народы Индокитая, Китая, Индонезии и др.) народов. Более полно материалы по этнонимике будут освещены в готовящемся к печати сборнике «Этнонимы» (15 а. л.).

Группа этнической ономастики при Институте этнографии АН СССР лишь недавно приступила к работе и сейчас еще рано подводить итоги. Но об одном итоге все же хочется сказать — группа этнической ономастики создана, растет ее научный актив расширяется круг проблем, ждущих своего освещения.

В ближайшее время основное место в работе группы займет подготовка совместно с Институтом языкознания АН СССР Всесоюзной конференции «Личное имя», которая будет проводиться в Москве весной 1968 г.

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков

* * *

В задачи группы ономастики Института языкознания АН СССР входит теоретическое изучение общих проблем и работа по прикладной ономастике, глобальные и ареальные исследования географических названий, личных имен, фамилий.

На первых заседаниях группы заслушаны доклады В. Э. Сталтмане и Л. П. Калакуцкой (Москва) о русской передаче славянских фамилий, В. Е. Михайловича (Югославия) о новгородско-южнославянских параллелях в личных именах, Н. А. Баскакова (Москва) об этимологии некоторых русских фамилий, Т. Н. Леоновой (Москва) о топонимии Западной Сибири.

В каждом докладе вскрывались новые неизученные проблемы, существующие для того или иного языка или района. Так, например, доклад В. Е. Михайловича показывает особую тесную языковую связь древнего Новгорода с Балканским полуостровом. Ни в одной другой части России нет такого числа общих черт с языками Югославии, как в Новгороде. Составляемый сейчас в Институте славяноведения Карпатский лингвистический атлас поможет выяснению причин столь разительных совпадений собственных имен и нарицательной лексики Новгородской земли и Югославии.

Начатое Н. А. Баскаковым исследование родословных знаменитых русских семейств с параллельным выяснением происхождения их фамилий показало, что очень многие русские дворянские фамилии по своему происхождению тюркские (Вельяминов, Куракин, Беклемишев). Фамилии эти возникли либо у выходцев из областей, заселенных тюркоязычными народами (татары, перешедшие на службу к русскому государю), из их татарских имен и прозвищ, либо у русских из прозвищ — слов тюркского происхождения. Следует также отметить большую четкость морфологических построений в естественно сложившихся фамилиях: форма Куракин, а не Кураков, например, свидетельствует о том, что в основу фамилии положено прозвище Курака, а не Курак, и что среди нарицательных следует искать именно форму, оканчивающуюся на -а, не делая «натяжек» путем привлечения созвучных слов, оканчивающихся на согласный.

Т. Н. Леонова составила первую топонимическую карту Тюменской области, убедительно показывающую ареалы расселения хантов, манси, селькупов и других народов в Нижнем Пообье.

Е. И. Рудных (пос. Казачье, Якутская АССР) доложила о современных процессах, протекающих в топонимии Якутии.

Огромный интерес вызвал доклад В. А. Москвича (Москва) «Товарный знак». Наименования производственных и торговых объектов, давно изучаемые за рубежом, у нас впервые стали предметом научного исследования. Горячее обсуждение показало, насколько актуальна эта тема, затрагивающая широкие круги населения, которому доводится порой приобретать лапиды в магазине «Космос», а в магазине «Ландыш» — запасные части к мотоциклу.

А. В. Суперанская

* * *

Группы ономастики Института языкознания и Института этнографии АН СССР совместно с Ульяновским педагогическим институтом провели в г. Ульяновске с 18 по 22 сентября 1967 г. Первую Поволжскую конференцию по ономастике. За пять дней конференция заслушала 74 доклада, посвященных самым различным аспектам ономастики, среди них — 43 доклада по топонимике, 16 — по антропонимике, 5 — по этнонимике.

Тематика конференции не ограничивалась лишь проблемами ономастики Поволжья, хотя им, естественно, уделялось наибольшее внимание. Широкий круг тем и актуальность поднятых вопросов несомненно способствовали тому, что конференция привлекла внимание многих ученых, в том числе этнографов. Впервые столь ярко проявилась связь ономастики с практикой — с работой комиссий по переименованиям и, прежде всего, с работой отделов ЗАГС. Практическим вопросам антропонимии, трудностям, с которыми встречаются работники ЗАГС и помощи, которую они ждут от ученых, был посвящен заслушанный на пленарном заседании доклад заведующего отделом ЗАГС при Совете Министров РСФСР Н. А. Белька. На открытии конференции выступила также М. К. Шарашова (Москва) с докладом, посвященном анализу собственных имен в произведениях В. И. Ленина, и В. А. Никонов (Москва) с докладом «Названия улиц Симбирска — Ульяновска». Он отметил значение микропонимии в качестве историко-этнографического источника; так, например, по названиям улиц и кварталов города удалось определить местоположение первоначального мордовского селения на месте нынешнего Ульяновска.

Дальнейшая работа конференции проводилась в секциях: антропонимии (с подсекциями тюркской и финноугорской антропонимии), этнонимии, топонимии (с подсекциями гидронимии, микропонимии, тюркской и финноугорской топонимии) и методических проблем.

Ряд докладов представил бесспорный интерес для этнографов.

Я. В. Чеснов (Москва) в докладе «Принципы подхода к этнонимам как к источнику по этногенезу» предложил стратиграфическую классификацию этнонимов. Характер этнонима, по его мнению, несет в себе указание на стадию социального развития данного народа и его культурно-хозяйственный тип.

Два близких по теме доклада Е. В. Ухмылиной (Горький) и В. И. Тагуновой (Муром) были посвящены названиям и прозвищам русского населения Горьковской и Владимирской областей — типа «мураши», «павлы», «водохлёбы» и т. д. Необходимость изучения подобных названий очевидна. Е. В. Ухмылина предложила употреблять термин микроэтноним для обозначения прозвищ жителей населенных пунктов. В прениях по этим двум докладом была отмечена генетическая связь между так называемыми микроэтнонимами и собственно этнонимами.

В. А. Никонов в докладе «Формы этнонимов» осудил игнорирование формантов, образующих этнонимы.

Некоторые доклады были посвящены выяснению этногенетических проблем на топонимическом материале. В. П. Кобычев (Москва) выдвинул гипотезу о существовании раннетюркских и ранне-финно-угросамодийских элементов в топонимии и этнонимии Кавказа. Для подтверждения этой мысли автор привлек разнообразный языковой, топо- и этнонимический материал практически со всего евразийского материка. Доклад вызвал горячие споры. О. Г. Молчанова (Томск) определила на основании исследования 5000 топонимов Горного Алтая наличие двух пластов в топонимии края — тюркского и нетюркского. Вопрос о стратиграфии этих слоев остается пока открытым. Скрещивание трех топонимических пластов — финноугорского, тюркского и балтийского, видимо, отражающих прежнюю этническую структуру этого района, проанализировал в своем докладе «Корни и форманты в гидронимии Полицыня» Н. И. Панин (с. Желанное, Шацкий р-н, Рязанской обл.). Л. Л. Трубе (Горький), исследовав ряд топонимов Горьковской области, образованных, по его мнению, от этнонимов мешёра, мордва, хазары, пришел к выводу, что эти названия фиксируют стыковые районы исторического расселения этих народов. Н. Я. Макарычева (Горький), рассматривая топонимы Горьковской области, образованные от этнонима карел, утверждает, что они принесены не карелами, а русскими переселенцами с севера России. Доклад Д. В. Деопика и М. А. Членова (Москва) посвящен обоснованию возможности реконструкции фонетического состава языков исчезнувших народов Ин-

донезии на базе топонимии. Докладчики изложили также методику статистической и машинной обработки массового топонимического материала.

Интересный аспект в изучении топонимии был освещен в докладе Г. М. Пономаренко (Горький) «Наивная этимология как элемент фольклора». Не отвергая общепринятого мнения о невозможности этимологизации топонима на базе так называемой народной этимологии, докладчица обратила внимание на ценность этих фантастических объяснений в качестве исторического источника или образчика фольклора.

Характеристике конкретных топонимических ареалов были посвящены доклады В. П. Дарбаковой (Москва) «Историко-географическое значение названий гор в Монгольской Народной Республике», Э. Г. Беккер (Томск) «Об информации, которую несут некоторые селькупские термины», Г. И. Донидзе (Москва) «Гидронимические термины в тюркских языках», и другие. А. Б. Булатов (Казань) сообщил о незамеченных ранее тюркоязычных топонимах в районе Поволжья, найденных им в описаниях путешествия Ибн-Фадлана, на карте Фра-Мауро и на других европейских картах XV—XVI вв. Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола) выдвинул новую гипотезу о вызывающем много споров происхождении гидронима Волга. По мнению докладчика, объяснение этому гидрониму следует искать в балтийских языках.

Интересные этнографические выводы содержались и в докладах по антропонимии. Доклад Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) был посвящен явлению «вторых» имен у корейцев Советского Союза. Приобретение ими «второго» русского имени рассматривалось автором как проявление определенного культурного сближения корейского и русского населения Средней Азии. М. В. Крюков (Москва) на примере китайской антропонимии охарактеризовал социальную природу личного и наследственного имени, указывающего на положение его носителя в определенной социальной системе.¹ Г. А. Архипов (пос. Яр, Удмуртской АССР) рассказал о родовых именах удмуртов, сохранившихся в топонимии Удмуртии. Н. Ф. Мокшин (Саранск) посвятил свой доклад реконструкции дохристианских мордовских имен, сейчас вышедших из употребления, но частично встречающихся в составе фамилий, а также топонимов. Т. И. Тепляшина (Москва) привела новые аргументы в пользу гипотезы о тюркском происхождении бесермян. В докладе Г. Я. Симиной (Ленинград) охарактеризована русская средневековая антропонимическая система, соотношение имени и прозвища, вопросы происхождения современных отчеств и фамилий.

В. А. Никонов в заключительном докладе «Нерешенные вопросы ономастики Поволжья» подвел итоги конференции. Вторую Поволжскую конференцию решено провести в 1968 г. в Горьком, третью — в 1969 г. в Саранске.

В заключение хотелось бы отметить превосходную организацию конференции.

М. А. Членов

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ЗАГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-ХОУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

7 июня 1967 г. в Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике открылась новая экспозиция «Русское народное искусство XVIII — начала XX века». Народная одежда, утварь, домовая резьба, предметы крестьянского интереса, образцы ткачества, вышивки, изделия из металла, собранные во многих областях страны почти за полувековую историю существования музея¹, дали возможность создать прекрасную выставку народного искусства. Экспонаты размещены в семи залах. В первом зале выставлены образцы искусства резьбы по дереву, во втором — росписи по дереву, третий зал знакомит посетителей с различными видами художественной обработки металла, четвертый с искусством набойки, пятый и шестой — с народной одеждой, — образцами ткачества и вышивки. В седьмом зале экспонируется золотое шитье и женские головные уборы.

В первом зале, на стенах которого размещены лобовые доски, наличники окон, очелья ворот, украшенные «корабельной резьбой» — растительным орнаментом с изображениями львов, птиц и берегинь, обращает на себя внимание фронтон избы с датой 1882 г., привезенный из Кстовского района Горьковской области. В узор фронтона (резчик М. Малышев), составленный из причудливо переплетающихся побегов с широкими листьями, включены гроздь винограда. Полоса розеток как бы отделяет резьбу причелин от богатого декора наличника светелки и нижней части фронтона. Типичная для народного жилища Поволжья резьба этого фронтона до сих пор сохраняется в селах и даже в городах Горьковской области (Городец, Кстово, Сормовский район

¹ Музей был основан 20 апреля 1920 г. специальным декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина.

Горького — Коносово)². В резьбе одной из лобовых досок, экспонирующихся в этом зале, отражены изменения, появившиеся в декоре городских домов и крестьянского жилища пригородов Новгорода во второй половине XIX в. — включение в традиционный орнамент «корабельной рези» геральдических знаков, скрещенных в пожатии рук, изречений и т. п.

Два охлупня, как бы выходящие из плоскости стены и господствующие над экспозицией (один в виде конской головы — «конек», другой в виде головы птицы — «утица») дают представление о монументальности народного зодчества, а также о лаконичности форм и красоте скульптурных украшений русского жилища.

Многообразие уходящего искусства глухой резьбы прекрасно представлено в первом зале. Здесь же демонстрируется деревянная скульптура: скворечники в виде человеческих фигур (мужик в конусообразной шляпе с трубкой и баба с ведром) и улей «медведь». В витринах размещена деревянная посуда и утварь скульптурной обработки: жбаны, ковши, черпаки, солонки — утицы и солонки в форме стула с поднимающейся крышечкой, трепала для льна, вальки и рубели. Широко представлена берестяная утварь: туески (коробы) с тисненым узором, плетеные изделия, в частности солонки, употреблявшиеся при полевых работах. Среди деревянной утвари выделяется швейка в форме лебедя и ковш XVIII в.

В богатой коллекции резных прялок, демонстрирующейся в этом зале, привлекают внимание прялки-копылы, изготовленные из целого куска дерева (Ярославская область, XIX в.), на которых изображены сцены чаепитий, дворцы и церкви. Интересны также костромские и ярославские столбчатые прялки, напоминающие многоярусные ажурные башенки.

Здесь же выставлены городечные донца, выполненные в сложной технике инкрустации, резьбы и частично росписи — подкраски. Они замечательны своей композицией, сочетающей жанровые сцены и орнамент. В верхнем ярусе донца изображен обычно всадник с поднятой саблей, или два всадника, скачущие навстречу друг другу. В нижнем ярусе, отделенном от верхнего полосой орнамента, выполненного скобчатой резьбой, симметрично размещены одинаковые фигурки марширующих солдат с поднятыми саблями.

В более поздних по времени изготовления (конец XIX — начало XX в.) донцах упрощается техника их декорирования. Они лишь расписываются, инкрустация и резьба не используются. Меняется и трактовка мотива всадников — исчезает динамичность, вся композиция приобретает более спокойный характер, что обусловлено техникой росписи — широким кистевым мазком. Наряду с мотивом всадников появляется мотив чаепитий. Строгий орнамент сменяется растительным орнаментом с пышными побегами и цветами. Такие донца экспонируются во втором зале, где представлены богатая коллекция расписных прялок Вологодской, Архангельской и Калининской областей, северные скопкеры, расписные туески, «набирухи» — лукошки для сбора ягод и грибов, сани

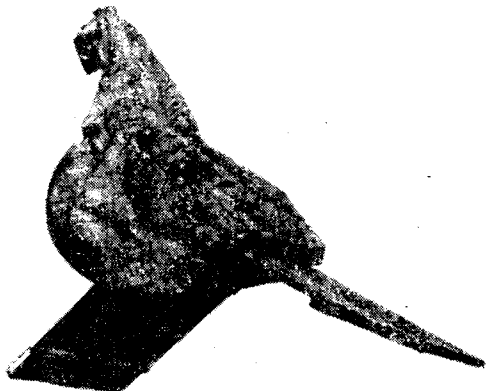

Рис. 1. Охлупень «утица». Архангельская область, XIX в.

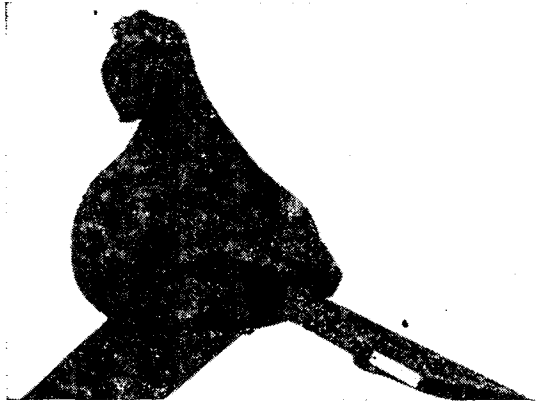

Рис. 2. Охлупень «конь». Архангельская область, XIX в.

² О хорошей сохранности в настоящее время домовой резьбы в селах Горьковской области свидетельствуют, в частности, материалы Областного Горьковского музея.

и детские санки, зыбка и хлебёнка — круглая берестяная коробка с крышкой для хранения хлеба и другая расписная утварь. Коллекция северных прялок дает представление как об особенностях двухцветной графически четкой мезенской росписи с чередующимися полосами геометрического орнамента и обобщенно решенных, ритмично повторяющихся силуэтов оленей, лошадей, птиц, так и северо-двинской — полихромной с сюжетными сценами и растительным орнаментом. Из игрушек и мелких расписных деревянных и берестяных изделий, выставленных в витринах, обращают на себя внимание городeckие кони, окрашенные в интенсивный черный цвет. Все эти расписные предметы,

Рис. 3. Улей-медведь. XIX в.

Рис. 4. Сковоречник «баба». Московская область, Егорьевский район. XIX в.

как и экспонирующиеся в первом зале резные изделия, не только убедительно свидетельствуют о богатой фантазии, наблюдательности и высоком мастерстве народных умельцев, но и позволяют проследить органическую связь народного искусства XIX — начала XX в. с древнерусским искусством.

В третьем зале выставлены кованые железные светцы, медная посуда, нагрудные серебряные цепи, зеркала и металлические сундуки разных размеров и форм.

Сундуки XVII—XVIII вв., изготовленные московскими и великоустюжскими мастерами, окованы просечным железом, под которое подложена слюда или цветная фольга. Большинство из них имеет старинную форму «теремков». Сундуки XIX—XX вв. из Невьянска, Великого Устюга, Горьковской области окованы жестью, обработанной различными способами. Невьянские, или уральские, так называемые «сибирские» сундуки, как и отдельные великоустюжские, сплошь обиты «морозным железом» — металлом, на котором техникой травления кислотой создан рисунок, подобный морозным узорам на оконном стекле — «мороз»³. Сундук из Горьковской области (начало XX в.) обит гладкой, покрытой коричневым лаком жестью, поверх которой набиты косой клеткой тонкие полосы из жести золотистого цвета. Среди экспонатов зала привлекают внимание зеркала-спицы, служившие для крепления льна на прялке, и трехстворчатое зеркало XVII в. с верхней частью в виде кокошника, украшенное полосками орнамента из свинца и жести и пестрым узором на слюдяных пластинках. Однако, несмотря на большую ценность экспозиции третьего зала, нельзя не отметить, что она не дает представления о некоторых видах художественной обработки металлов (литье, черни, эмали и др.).

³ Техника обработки металла со старыми и новыми «морозными» узорами до последнего времени сохранялась на мебельной фабрике в с. Быньги под Невьянском, где изготавливаются наряду с различной мебелью сундуки.

В четвертом зале демонстрируются образцы набойки, набивные доски, одежда из набивной ткани. Сине-белая с крупным узором набойка конца XVII в., красно-белая — XVIII в. и более поздняя трехцветная с мелким узором из районов Пинеги, Мезени, Вычегды позволяют судить о постепенном развитии искусства набойки.

Для сравнения на одном из стендов демонстрируются образцы фабричной набойки XIX в. Лаконичность, строгость и ритмичность узоров народного искусства набойки выгодно отличаются от тканей, изготовленные крестьянами-кустарями, от нарядных, но слишком усложненных — «утяжеленных» узоров фабричной набойки.

Рис. 5. Комплексы женских костюмов южных областей РСФСР. XIX в.

Очень удачно экспонирована одежда: в большом зале в застекленных высоких шкафах размещены 28 комплексов крестьянской одежды XIX в. Шкафы поставлены на некотором расстоянии от стены и дают возможность всестороннего обзора одежды. Все комплексы одежды хорошо смотрятся в целом, свидетельствуя о единстве народного искусства, о его многообразии и в то же время о его локальном разнообразии. Хорошо отражено в экспозиции известное различие южнорусского комплекса поясной одежды (понева или юбка) и северного наплечного (сарафан) и единство в отделке рубахи и запана браной техникой. Последовательный показ комплексов народных костюмов от южнорусских областей к северным позволяет видеть различия в характере орнаментов и в то же время единообразие излюбленного цветового сочетания белого с красным (например, белый холст с ярко-красными полосами вышивки и ткачества).

В экспозиции наряду с ранее выставившимися материалами впервые представлены комплексы женской одежды и отдельные ее элементы, собранные музейными экспедициями в 1953—1966 гг. под руководством научных сотрудников музея О. В. Кругловой и Л. Э. Калмыковой. Экспозицию одежды открывают три костюма с красочными попевами Рязанской области. Для комплекса из Сапожковского района типичен легкий домотканый шерстяной «шушпан», для костюма из Кадомского района — яркий «навершник», Березовского района — нарядный «запан» с рукавами. Костюм из Заметчинского района Пензенской области с распахнутой понойвой и завершником соседствует с двумя яркими комплексами одежды Воронежской области; один из них с понойвой и

широким поясом по талии, другой — с домотканной полосатой юбкой. Далее показаны четыре нарядных женских комплекса одежды народов Поволжья и не менее нарядные костюмы Курской, Орловской и Тульской областей либо с поневою, либо с яркой шерстяной домотканной юбкой поверх рубахи с ярким «браным» или вышитым узором на рукавах, подоле и вороте.

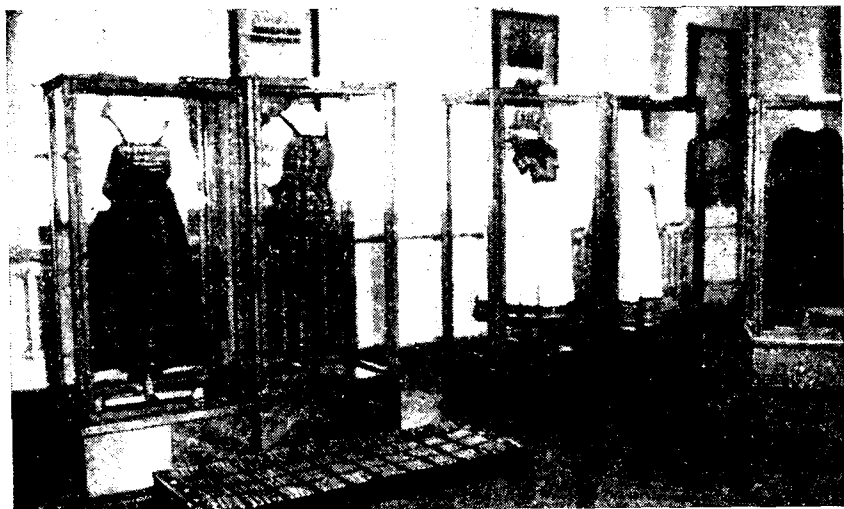

Рис. 6. Комплексы женских костюмов западных областей РСФСР. XIX в.

Рис. 7. Комплексы женских костюмов северных областей РСФСР. XIX в.

Два костюма, типичных для Смоленской области, свидетельствуют о том, что на этой территории, являющейся как бы переходной между южными и северными областями, бытовали два комплекса одежды: один с клетчатой поневою поверх рубахи с браным узором и второй — с сарафаном из синей домотканины, обшитым красным узорным ситцем сверху и на подоле, рубаха однотипна с предыдущей — с нарядным браным узором на рукавах и подоле.

Нарядно и несколько своеобразно выглядят три женских сарафана из Нелидовского района Калининской области. В 1964 г. Л. Э. Калмыкова привезла из Калининской области 13 «рябых» сарафанов: летних из холста и «зимовых» — из льна и шерсти. Из них экспонируется два комплекса с зимними «рябыми» сарафанами и один комплекс с белым холщевым сарафаном, надетым поверх белой рубахи, отделанной красной вышивкой и аппликацией из красной ткани по вороту и подолу.

В женских костюмах Архангельской области наряду с рубахами и нижними юбками из белого холста с браным красным узором на подоле и рукавах, широко употреблялась набивная ткань — «набойка» с мелким узором. В экспозиции показана рубаха из такой ткани, причем верх ее — «стан из красной набойки, а низ — «подстава» — из синей. Из набойки шили также верхние юбки. Оригинальна каргопольская рубаха из белого холста, на подоле которой вышиты (в основном красными нитками) контуры женских фигурок и коней. Два костюма из Великого Устюга Вологодской области демонстрируют богатую технику браного тканья, выполненную с большим вкусом.

Недостаточная экспозиционная площадь, очевидно, ограничила показ локального разнообразия русского костюма РСФСР. Очень жаль, что нет Новгородского и Псковского костюмов. В выставленных северных комплексах одежды — два пестрядинных сарафана (Архангельской и Вологодской областей) и сарафан из синей китайки (Архангельской обл.), тогда как общеизвестна богатая гамма холодных тонов северного костюма.

Помимо комплексов одежды, в витринах показаны и отдельные предметы: нарядные тканые и плетеные пояса Архангельской, Вологодской, Калининской, Воронежской и Рязанской областей, богато отделанные браными и вышитыми узорами поневы, запоны, рубахи, скатерти, подзоры и полотенца. Тканые одеяла и ковры дополняют экспозицию этого зала.

Крестьянская одежда в большинстве выставленных комплексов необычайно красочна и свидетельствует о тонком вкусе и мастерстве исполнения.

Экспозиция заканчивается показом головных уборов и украшений костюма различных областей. Внимание привлекают высокий парчовый кокошник Костромской области, богато расшитый цветным стеклом, жемчугом, с жемчужной сеткой, спускающейся на лоб; девичья повязка Черевковского района Архангельской области из малинового шелка, по которому вышиты серебряной нитью стилизованные лебеди и кони; очелье повязки сплошь шито золотой нитью, концы — парчовые.

Экспонировано несколько видов кокошников и девичьих повязок Архангельской, Псковской, Горьковской, Калининской и Ярославской губерний. Меньше представлены женские головные уборы Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Курской губерний. В отличие от построенной строго по областному принципу экспозиции костюма, показ головных уборов не дает представления (не специалисту) о типичных различиях между северными и южными головными уборами. Совсем не выставлены рязанские и тульские головные уборы, богатые по разнообразию бисерных сеток. Платки золотого шитья скорее декорируют экспозицию, чем экспонируются как часть единого комплекса головного убора. Если бы можно было дополнить экспозицию одежды и головных уборов фотографиями, отражающими бытование комплексов костюма, то посетители получили бы более полное представление о народном костюме в целом.

Экспозиция, демонстрируя огромное разнообразие художественной обработки различных материалов народными мастерами, оставляет яркое ощущение единства стиля русского народного искусства, вызывает чувство гордости за народ, достигший таких вершин художественного творчества.

А. А. Лебедева, С. Б. Рождественская

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

К ИТОГАМ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ПУТИ

(О СОВРЕМЕННОЙ ТЕМАТИКЕ В ЖУРНАЛЕ
«НАРОДНА ТВОРЧІСТЬ ТА ЕТНОГРАФІЯ»)

Орган Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского Академии наук УССР и Министерства культуры УССР — журнал «Народна творчість та етнографія» основан в 1957 г. С работой этого единственного в республике печатного органа такого типа непосредственно связано дальнейшее развитие фольклористики и этнографии в Украинской ССР.

В первом номере журнала, обособывая его профиль и направление, редакция писала: «Журнал «Народное творчество и этнография» особенное внимание будет уделять освещению и обобщению современных творческих процессов, происходящих в духовной жизни нашего народа, в частности самодеятельного новотворчества самых широких масс трудящихся города и деревни. Журнал будет публиковать на своих страницах образцы народного словесного, музыкального, хореографического и изобразительного художественного творчества, будет печатать очерки и исследования быта и культуры рабочих и крестьян, будет популяризировать оригинальное творчество самодеятельных художественных коллективов и известных народных мастеров. Систематически будут подаваться критические обзоры и библиография новых работ и изданий по народному творчеству, и этнографии Украинской ССР и братских советских республик, стран народной демократии и других зарубежных стран».

Прошло десять лет. Как же журнал выполняет свои обещания читателям? Как он откликается на новые требования жизни и науки, как он выполняет решения Коммунистической партии по важнейшим идеологическим вопросам?

Нам представляется, что главную свою задачу журнал выполняет. И выполняет неплохо, о чем имеется убедительное свидетельство — около пятидесяти номеров журнала, общий объемом свыше шестисот печатных листов. Число подписчиков журнала возросло до 7500.

Особо следует отметить художественное оформление журнала. Обложка печатается на меловой бумаге с многокрасочными иллюстрациями. Статьи, заметки и материалы широко иллюстрируются черно-белыми фотоснимками и цветными вклейками. В каждом номере журнала популяризируются лучшие образцы современного украинского изобразительного искусства.

Уже с первых номеров журнала, наряду со статьями о развитии украинской культуры в дооктябрьский период, ведущее место занимали статьи, посвященные животрепещущим вопросам нашей современности. основополагающей статьей в этом плане явилась напечатанная в первом номере журнала за 1957 г. статья академика М. Ф. Рыльского «Расцвет народного творчества на Украине».

Нужна ли была такая статья? Несомненно. После продолжительной дискуссии в 50-е годы о том, есть ли вообще советский фольклор, какие его отличительные черты и характер, известный ученый и большой художник выступил со своими принципиальными суждениями о расцвете народного творчества на Украине. В заключение статьи он отмечал: «Существование и расцвет советского народного творчества может отрицать только глухой и слепой...»

Советский народ творит. Руководимый Коммунистической партией, он совершает невиданные дела на полях и в шахтах, на заводах и фабриках, в городах и селах. И воистину прекрасные дела творит он в области духовной культуры, — он, законный наследник всех веков и народов, — он, создатель новой исторической эры, — он, каменщик, хлебороб и певец!..»

Первый номер журнала своим разнообразным материалом еще более подтверждает положения статьи о расцвете народного творчества на Украине. Здесь были напечатаны также статьи об исследованиях культуры и быта трудящихся Советской Украины и вопросах развития украинской этнографии, об изучении рабочего быта на Украине, о формировании новых обычаев в украинском колхозном селе, о советских праздниках, о коллективности народного творчества и о развитии традиций украинских кобзарей в наше время, было напечатано сообщение современного собирателя фольклорных сокровищ И. Т. Танцюры «Как я собираю фольклор», статьи о народном художнике Украинской ССР, о современных художественных промыслах Прикарпатья и др.

Мы специально остановились на этом номере журнала, так как его содержание типично для многих последующих номеров. Кстати, наряду со статьями по современной тематике журнал начал систематически публиковать подборки новых фольклорных материалов советского времени: «Народные песни о Советской Армии», «Советская женщина в поэтическом творчестве народа», «Украинский народ о Ленине», «Слава Октябрю», «Народная поэзия в борьбе за мир», «Радостно встретим мы Октябрьские дни», «Хорошо нам живется», «Нас мудрая партия ведет», «Современные песни украинского народа» и др.

Дальнейшему развитию культуры и быта украинского народа после Октября были посвящены статьи о состоянии и задачах этнографической науки в Украинской ССР, о Всесоюзной переписи населения и ее значении для этнографических исследований, о коммунистических чертах в быту и культуре рабочих Украинской ССР и др.

Ведущее направление в работе украинских фольклористов — изучение современности — журнал отображал систематически и достаточно четко. Печатаются статьи, посвященные анализу тематических циклов украинского фольклора об Октябре и гражданской войне, о В. И. Ленине, о Советской Конституции, об отображении социалистического труда в народных песнях, о творчестве народных поэтов, о развитии поэтического творчества украинского народа в период строительства коммунизма.

На страницах журнала систематически появляются статьи и материалы, показывающие руководящую и направляющую роль КПСС в развитии всех отраслей народного творчества, культуры и быта, большое внимание уделяется также вопросам пролетарского интернационализма, дружбы и взаимопомощи народов СССР и социалистических стран. В этом направлении журнал поместил много материалов, в частности касающихся благотворных взаимосвязей и взаимовлияний словесного, музыкального, изобразительного, хореографического народного творчества, культуры и быта восточнославянских народов, славянских и соседних народов.

В журнале помещаются материалы об изменениях в культуре и быте братских народов Советского Союза, о развитии их поэтического творчества после Октября. Следует назвать статьи И. В. Тугорова «Белорусская советская фольклористика к 40-летию БССР» (1959, № 1, 3), выступления А. И. Залесского, И. И. Базаревича и других белорусских этнографов и фольклористов, статьи В. П. Кириши «Некоторые вопросы развития молдавской фольклористики» (1960, № 3), В. Е. Гусева «О русском фольклоре Великой Отечественной войны» (1962, № 2), К. А. Сихарулидзе «Грузинская советская народная поэзия» (1962, № 3), Б. А. Каррива «О современном фольклоре тюркских народов Советского Союза» (1962, № 1).

Периодически журнал освещает на своих страницах отдельные явления современного фольклорного процесса в славянских странах. Этому посвящены обзорные статьи и рецензии: «Польский фольклористический журнал „Literatura ludowa“», «Ластівка з Пряшівщини», «Украинская песня в Словакии», «Украинские народные песни Пряшівщини», «Новый сборник украинского фольклора в Чехословакии» и др.

Работа журнала тесно связана с решением важнейших задач, стоящих перед научным коллективом Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. Одним из первоочередных заданий украинских фольклористов является издание много томной серии фольклора «Украинское народное творчество». Наряду с изучением, широким комментированием образцов советского фольклора в ряде томов, сейчас стоит вопрос о теоретической разработке таких важнейших проблем издания, как принципы жанровой классификации народного творчества, варианты и редакции фольклорных произведений и др. В связи с этим журнал опубликовал статью А. И. Дея «Принципы классификации народных песен» и провел широкое обсуждение ее на страницах журнала. На повестке дня стоит также вопрос о принципах классификации повествовательных жанров фольклора.

Вопросам теории современного народного творчества посвящены также статьи Г. С. Сухобрус «Художественные особенности повествовательного фольклора» (1957, № 2), В. М. Сидельникова «Основные проблемы современной науки о фольклоре народов СССР» (1962, № 1), А. К. Мореевой, А. Е. Лесина «Устное народное творчество и массовая художественная самодельность» (1962, № 1), А. М. Кинько «Вопросы теории советской народной поэзии» (1962, № 4) и др. Указывая, что творческий метод советского профессионального искусства — социалистический реализм — является общим и для самодельных художников, авторы этих статей подчеркивают специфи-

ческие черты поэтики современного народного творчества в отличие от профессиональной литературы, музыки, изобразительного искусства.

Среди важных теоретических вопросов советской фольклористики, обсуждающихся на страницах журнала, особое место занимают вопросы специфики современного фольклора, по которым высказались многие видные советские ученые-фольклористы. Широко и на разностороннем материале освещает журнал такие важные теоретические проблемы, как взаимосвязи и взаимовлияния народного и профессионального искусств в области словесного, музыкального и изобразительного творчества.

Вопросы фольклорно-музыкальных связей в современной культуре поднимаются в статьях Н. М. Гордейчука, С. И. Грицы, А. А. Правдюка, Л. И. Ященко, Н. К. Боровика, Т. Н. Булат, Л. А. Пархоменко и др. «Из глубин народной музыки» — так называется одна из статей о лауреате Шевченковской премии Л. Н. Ревуцком.

Проблемы историографии фольклористики и достижения советской науки освещались И. Н. Поповым, автором статей о Ю. М. Соколове, А. М. Лободе, А. Е. Крымском.

Статьи и материалы украинских этнографов К. Г. Гуслисто, Г. Е. Стельмаха, Е. М. Кравец, В. Т. Зинича, А. Ф. Кувеневой, А. С. Куницкого, Н. П. Приходько, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко, В. И. Наулко и др., напечатанные в журнале за последнее десятилетие, свидетельствуют о дальнейших успехах советской науки о народной культуре и быте, о расширении этнографических исследований на Украине, особенно по изучению быта рабочего класса.

Сейчас коллектив украинских этнографов начинает всестороннее исследование материальной и духовной культуры и быта украинского народа в социалистическую эпоху; наряду с продолжением изучения культуры и быта периода капитализма, разрабатываются вопросы историко-культурной общности украинской советской нации с братскими советскими народами — русским и белорусским. Этим вопросам уделено значительное внимание в коллективном исследовании «Украинцы», опубликованном в первом томе издания «Народы европейской части СССР» (М., 1964).

Подготовка первого в советской науке обобщающего труда о культуре и быте украинского народа потребовала более глубокой разработки теоретических проблем, усиления внимания к изучению социалистической культуры и быта других народов СССР, проведения в широком плане полевых экспедиционных изысканий, начатых еще более интенсивно в связи с развертыванием работы над региональным историко-этнографическим атласом Украины, Белоруссии и Молдавии. Этот атлас будет иметь, несомненно, большое научное и практическое значение, в частности для изготовления стандартов одежды, обуви, керамических изделий и пр., для строительства и архитектуры. Большое внимание журнал уделяет освещению работы по сборанию материалов для атласа.

В статье С. И. Брука (Москва) «Проблемы составления историко-этнографических атласов» (1966, № 4) новые задачи, стоящие перед украинскими этнографами, рассматриваются в связи с достижениями мировой этнографической науки.

Немаловажные проблемы, связанные с исследованиями украинских этнографов, были подняты в журнальных статьях этнографов РСФСР и Молдавии — Л. И. Лаврова «К вопросу об украинско-кавказских культурных связях» (1961, № 3), В. В. Станюкович «Некоторые итоги исследования восточнославянского населения целинных земель Казахстана» (1961, № 2), В. С. Зеленчука «Восточнославянские черты в молдавских свадебных обрядах» (1959, № 3).

Особо следует отметить статьи в которых раскрываются религиозные пережитки в сознании людей и на широком фактическом материале рассматриваются формы борьбы с ними. Тесно к ним примыкают статьи о новых чертах в общественной и семейном быте трудящихся Украины, о сложившихся в условиях советского времени праздниках и обычаях и пр.

Острое внимание к актуальным вопросам современности проходит через большинство статей и материалов, посвященных журналом VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, состоявшемуся в Москве с 3 по 10 августа 1964 г. Отличительной чертой этих статей, как и работы конгресса в целом, было то, что разговор здесь шел о широких проблемах, имеющих интерес не только для антропологов и этнографов, но и для искусствоведов, фольклористов, историков народной культуры в широком смысле этого слова.

В журнале были подведены итоги VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук и поставлены задачи дальнейшего развития этнографической науки на Украине, особо была отмечена важность теоретической разработки вопросов, связанных с новыми праздниками, формированием новых обычаев и обрядов в жизни трудящихся Украины.

В последнее время, руководствуясь решениями XXIII съезда КПСС и XXIII съезда КП Украины, журнал «Народное творчество и этнография» еще более обогатил свое содержание исследованиями и материалами о современной народной культуре и быте, а также о художественном творчестве трудящихся Советской Украины.

Журнал «Народное творчество и этнография» стремится опубликовать как можно больше материалов, отображающих то новое в культуре, быте и поэтическом творче-

стве украинского народа, что является его отличительной чертой в культурном развитии на пути к построению коммунистического общества.

Нередко на страницах журнала выступают известные ученые, государственные и общественные деятели, что способствует повышению авторитета журнала.

Широко отметил журнал празднование общественностью Украины 70-летия со дня рождения М. Ф. Рыльского. Во втором и третьем номерах журнала за 1965 г. были напечатаны статьи П. Г. Тычины «Слово о Максиме Рыльском», И. К. Белододе «Поэтический язык М. Рыльского», Н. Е. Сиваченко «М. Ф. Рыльский — ученый», А. И. Дея «В авангарде современной фольклористики», К. Г. Гуслистою, В. Е. Келембетовой «Деятель украинской советской этнографической науки», В. А. Юзвенко «О М. Ф. Рыльском — человеке, воспитателе», в которых раскрывается многосторонняя деятельность выдающегося ученого.

Систематически журнал печатает сообщения об интенсивной экспедиционной работе украинских этнографов и фольклористов. Таковы сообщения и заметки «Подольские впечатления» (1965, № 1), «По следам фольклориста В. В. Данилова» (1966, № 4), «Экспедиция в Перечинский район» (1966, № 5), «Сельскохозяйственные орудия двух районов» (1965, № 5), «Народное жилище в Вышгороде» (1966, № 4), «Этнографическая экспедиция в Переяслав-Хмельницком и Яготинском районах» (1966, № 4) и др.

В последнее время журнал выступил с серией статей о современных собирателях фольклора (1965, № 6; 1966, № 1, 5), где охарактеризована деятельность таких известных сегодня на Украине собирателей народного творчества, как Н. А. Присяжнюк, Л. В. Демян, А. Л. Витенко, И. И. Гурин, М. Л. Колесник, Н. Д. Тарасенко, В. А. Пипаш-Косовский, В. М. Иванько и др. Эту работу журнал намерен продолжать и дальше, привлекая к делу собирания фольклора еще более широкий круг читателей.

В разделе журнала «В помощь художественной самодеятельности» систематически печатаются материалы для организаторов культурно-массовой работы. Журнал также оказывает теоретическую помощь учителям, работникам художественной промышленности, промышленной эстетики.

Готовясь к всенародным торжествам по случаю 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, журнал еще более усилил свое внимание к развитию культуры и быта украинского народа за годы Советской власти. Обобщающие статьи, посвященные вопросам развития советской украинской культуры и быта, особенно последнего времени, публиковались в журнале под специальной рубрикой «Навстречу 50-летию Великого Октября», введенной с осени 1966 г. Наряду с теоретическими статьями, подытоживающими культурные преобразования в послеоктябрьский период, в журнале поднимались вопросы социологических исследований в области современной культуры украинского и других народов СССР.

Положительным в работе журнала нужно считать и то, что он ставит актуальные вопросы на широком фактическом материале всего процесса развития современной культуры. В связи с этим следует назвать статьи П. Т. Тронько «Новое, коммунистическое — в наш быт» (1964, № 5), где обобщаются интересные материалы по развитию современных обычаев и обрядов, А. А. Зворыкина (Москва) «Некоторые вопросы теории культуры» (1966, № 6), в которой автор анализирует новейшие данные развития мировой культуры, Н. Е. Сиваченко «Украинская советская культура накануне великого юбилея» (1967, № 2), посвященную вопросам развития образования, науки, культуры и искусства, быта и художественного творчества украинского народа за годы Советской власти, К. Г. Гуслистою «Украинская советская этнография» (1967, № 1), где вопросы этнографической науки рассматриваются в тесной связи с достижениями целого ряда других наук.

Успешное развитие советской культуры, как отмечается в статьях, обуславливается постоянным руководством КПСС делом культурного строительства, осуществлением указаний В. И. Ленина о том, что только при глубоком усвоении культуры, созданной предыдущими поколениями человечества, при творческой и критической переработке ее можно построить культуру нового мира.

В своей программной статье «Очередные задачи нашей работы» редакция обещала широко информировать читателей о научно-исследовательской и популяризаторской работе в области народного творчества и этнографии. И действительно, в каждом номере журнала имеется рубрика «Хроника», где можно увидеть материалы о работе не только научных, учебных, культурно-просветительных и художественных заведений, учреждений и организаций Украины, но также РСФСР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и других республик Советского Союза, а также зарубежных стран. За истекший период в журнале напечатано значительное количество информации такого типа.

Жаль, однако, что не всегда в этом разделе находят отражение различные мероприятия, проводимые как самим Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, так и Министерством культуры УССР, в частности связанные с работой Украинского хорового общества и украинского Общества охраны памятников истории и культуры. В связи с деятельностью последнего (а институт, как известно, уделяет его работе много внимания) целесообразно ввести в журнале соответствующую

ций хотя бы небольшой раздел, в котором систематически печатать специальные статьи и материалы по охране памятников истории и культуры УССР.

К недостаткам журнала следует отнести и слабое внимание к вопросам исторического развития фольклора, культуры и быта. Помещая довольно много конкретного материала, журнал публикует очень мало работ обобщающего характера.

Можно пожелать также журналу в отделе критики и библиографии шире освещать печатную продукцию, давать подробные рецензии и отчеты о выходе различных сборников народного творчества, особенно самостоятельных композиторов в различных областях Украины. А таких сборников за последнее время выходит немало.

Многочисленные самостоятельные ансамбли на Украине, например, «Дарницанка» и «Ятрань», также заслуживают квалифицированной оценки на страницах журнала.

Предлагая читателям обширный материал своего профиля, журнал не должен снижать внимания к животрепещущим вопросам современности. На конкретном примере народного творчества, культуры и быта Советской Украины он должен и в дальнейшем пропагандировать и популяризировать идеи советского патриотизма, дружбы народов СССР и пролетарского интернационализма, содействовать выполнению программы КПСС и решений XXIII съезда КПСС, сосредотачивая усилия украинских фольклористов и этнографов на разработке «перспективных, ведущих теоретических направлений и отраслей науки, повышении результативности и практической эффективности исследований»¹.

В. Г. Бойко

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции, Тезисы Центрального Комитета КПСС, «Правда», № 176, 25 июня 1967 г.

НАРОДЫ СССР

И. И. Гохман. *Население Украины в эпоху мезолита и неолита* (Антропологический очерк). М., 1966, 196 стр., 26 табл.

В 1966 г. вышла в свет книга И. И. Гохмана, посвященная антропологической характеристике мезолитического и неолитического населения Украины. До недавнего времени наши представления о древнем населении Украины основывались на косвенных данных — костных остатках со смежных территорий. Распространение «кроманьонского в широком смысле» антропологического типа в позднем палеолите на территории Западной Европы и в мезолите Крыма, находки кроманьонидных черепов в эпоху бронзы в лесной и степной полосе Восточной Европы вызвали мысль об однородности антропологического состава населения Европы на протяжении огромного промежутка времени, охватывавшего период от позднего палеолита до эпохи бронзы включительно. Однако новые находки костных остатков палеолитического, мезолитического и неолитического времени на Дону и на Украине значительно расширили наши представления о физическом облике населения. На основании новых данных были высказаны предположения об участии в формировании населения степной части Восточной Европы в эпоху палеолита и мезолита древних средиземноморских форм и о возможности смешения его с монголоидами. Однако недостаток материалов не позволял аргументировать эти положения с достаточной объективностью. В этой связи чрезвычайно существенными представляются новые краниологические и остеологические материалы, легшие в основу исследования И. И. Гохмана и происходящие из мезолитических и неолитических могильников преимущественно зоны Днепровского Надпорожья Украины.

Эпоха мезолита представлена 22 черепами и скелетами из 24 погребений могильника Васильевка III, раскопанного Д. Я. Телегиным в 1955 г., и двумя черепами из рекогносцировочных раскопок, проводимых А. Д. Столяром в 1953 г. около основного могильника. К неолитическому времени относятся черепа из разных могильников, в значительной степени связанных с территориями Надпорожья. Это 16 черепов и 14 скелетов из могильника Васильевка II, раскопанного в 1953 г. А. Д. Столяром, 37 черепов из правобережного могильника у с. Вовниги, раскопанного М. Я. Рудинским, и 3 черепа из Мариупольского могильника, раскопанного М. Макаренко в 1930 г.

Помимо изученных И. И. Гохманом 23 черепов эпохи мезолита и 56 неолитических черепов, широко использован ранее опубликованный другими авторами краниологический материал, относящийся к мезолитическому и неолитическому населению Украины. Так как при изучении черепов и скелетов ранних эпох успех исследования и достоверность результатов в значительной мере обусловлены достоверностью реставрационных работ, то, естественно, автор в первую очередь обратил внимание на эту сторону дела, посвятив специальный раздел своей книги некоторым вопросам методики

реставрации черепов. Этот раздел заслуживает специального внимания, так как содержит подробнейшее описание методики консервации костей *in situ*, подготовки и взятия монолита, изложению способов упаковки и сохранности костных материалов при транспортировке, различных этапов реставрации и реконструкции их. Этот раздел с полным правом мог бы быть назван методикой реставрации черепов, так как имеет самостоятельное значение и может служить практическим руководством как для археологов, имеющих дело с раскопками могильников, так и для антропологов, изучающих краниологические материалы различных эпох. К этому следует добавить, что подобной методикой реставрации до сих пор не было в мировой антропологической литературе. Программа исследования — общепринятая в советской антропологии, включающая подробное измерение продольных, поперечных, дуговых и угловых размеров черепа, определения ряда признаков описательного характера. Кроме этого широко использовались контурные обводы разных плоскостей сечения черепа.

При анализе антропологического состава древнего населения Украины автор исходит из точки зрения большинства советских антропологов на расу как популяцию и в связи с этим считает, что невозможно получить достаточно полную информацию о расовом типе на основании изучения расовых особенностей индивидуума. Однако при этом автор замечает, что иногда все же приходится применять метод индивидуальной диагностики из-за малой представительности серии.

Изученные И. И. Гохманом мезолитические черепа в целом характеризуются очень длинной, узкой и высокой мозговой коробкой, сравнительно широким наклонным лбом с отчетливо выраженным рельефом, невысоким и широким сильнопрофилированным лицом, низкими глазами, среднешироким резко выступающим носом. Рост населения мезолита Украины — выше среднего, скелет массивный. Это население, бесспорно, относится к большой европеоидной расе, отличаясь от современных европеоидов большей длиной и высотой черепа, низким черепным указателем и гораздо более широким лицом.

Анализ среднего квадратического отклонения, которое по многим признакам значительно превышает стандартное, заставляет автора сделать предположение о неоднородности мезолитической серии, которое он и аргументирует в дальнейшем изложении, исследуя серии в соответствии с обрядом погребения и привлекая данные о коэффициентах корреляции, вычисленных для 13 признаков и показавших нарушение физиологических связей между ними. Вывод о неоднородности антропологического состава мезолитического населения Украины представляется вполне убедительным — с разными обрядами погребения связываются различные антропологические типы. Погребения в скорченном положении обнаруживают длинноголовый, низколиций и широколицый тип, с относительно широким носом, в погребениях же в вытянутом положении тип также длинноголовый, но с высоким и более узким лицом, с очень узким носом. Европеоидность черепов как в том, так и в другом случае — несомненна.

Ни в коей мере не оспаривая вывода автора о неоднородности мезолитического населения Украины, все же нельзя не остановиться на способах доказательства этого положения. Представляется, что достаточным основанием для предположения о неоднородности антропологического состава населения является наличие двух типов погребений в могильнике, несмотря на то что, судя по археологическим данным, время его функционирования связано с жизнью не более чем двух-трех поколений. Этот же факт служит определенным предостережением от объединения черепов из разнотипных погребений в одну серию. К тому же, по мнению авторов раскопок Д. Я. Телегина и А. Д. Столяра, между погребениями с разным типом захоронений есть определенная хронологическая разобщенность. Исходя из одних археологических данных, И. И. Гохман мог бы достаточно убедительно аргументировать тезис о неоднородности, оценив статистическую достоверность различий между сериями с разным типом погребений. Привлечение же для доказательства смешанности факта увеличения среднего квадратического отклонения и нарушения направления связи признаков кажется в данном случае не только излишним, но и мало оправданным, тем более, что и то и другое могло быть следствием как малочисленности, так и механического смешения. Сопоставление исследованных серий с уже вошедшими в литературу материалами по мезолиту подтверждает мысль о смешанном антропологическом составе мезолитического населения Украины, позволяя, наряду с вышеуказанными вариантами, отметить еще один — очень узколиций и долихокраний, известный по материалам у с. Волошского. И. И. Гохман делает вывод о генетической близости всех трех вариантов, рассматривая различия между ними как хронологические, племенные или родовые. Мне кажется, что приведенные материалы не дают права говорить о генетической близости всех трех вариантов. Это утверждение, по-видимому, справедливо в отношении могильников Васильевка I и III. Что же касается черепов из Волошского могильника, то в этом случае вывод об их генетической общности с черепами из могильников Васильевка I, III может рассматриваться, на мой взгляд, лишь в том смысле, что те и другие относятся к одной большой европеоидной расе.

Рассматривая мезолитические черепа Украины на широком фоне позднепалеолитических и мезолитических находок Европы, Передней Азии и Северной Африки,

И. И. Гохман делает предположение о принадлежности их к протоевропейскому антропологическому типу. Однако такие признаки, как резко выраженная долихокрания, связанная с малыми поперечными размерами черепа, и несколько более высокие орбиты позволяют, по мнению автора, высказать соображение о локальном варианте протоевропейского типа в мезолите Украины, сложившемся на основе позднелепелчских групп типа Брюн-Ишедом в процессе длительного контакта с древним населением Передней Азии. Этот вывод сделан автором в предположительной форме, его подтверждение нуждается в дополнительных краниологических материалах, но он заслуживает самого пристального внимания, тем более что археологические данные обнаруживают аналогии в этом направлении. Неолитическое население, известное по могильникам Надпорожья — Приазовья, исследованное автором и рассмотренное им в свете данных других авторов о населении неолита степной полосы Восточной Европы, отличается от мезолитического усилением массивности скелета, увеличением широтных размеров мозгового черепа и лицевого отдела. Кроме того, население неолита Украины отличается большей однородностью, нежели предшествующее. Выделяемые автором долихо- и мезобрахикранный антропологические типы в составе краниологической серии из могильника Васильевка II, с моей точки зрения, не представляют собою объективной реальности, будучи лишь результатом индивидуальной изменчивости в пределах одной группы. В этом убеждает связь между признаками. Так, в мезобрахикранный серии с более широким черепом увязывается более широкое и высокое лицо, более широкий нос. Как ни малы коэффициенты корреляции между этими признаками, вычисленные для гомогенной многочисленной серии армян (Рогинский, 1954), все же нельзя пренебречь их позитивным направлением и в какой-то мере и их величиной. Так, коэффициент корреляции между поперечным диаметром черепа и скуловым диаметром $+0,369$; между скуловым диаметром и высотой лица $+0,410$; между скуловым диаметром и шириной носа $+0,265$. Для серии хантов некоторые из этих коэффициентов даже выше. К чести автора следует заметить, что он не акцентирует эти различия, рассматривая в целом неолитическое население как более или менее генетически однородное. Направление изменений антропологического облика неолитического населения, по сравнению с мезолитическим, противоречит хорошо известным фактам об эпохальной изменчивости черепа. Это дает основание высказать мысль о приходе происхождения неолитического населения Украины. Однако в археологических материалах отмечается много черт преемственности и в культуре, и в погребальном обряде у неолитического населения. Сопоставление мезолитических и неолитических серий по комплексу признаков методом χ^2 привели автора к весьма интересным результатам. Статистически достоверными оказались только различия между мезолитической серий и неолитической серий из могильника Васильевка II. Это позволило автору сделать предположение о том, что происхождение основного массива неолитического населения Надпорожья — Приазовья связано с метисацией местного мезолитического населения с пришлыми широколицыми формами, наиболее четко представленными в материалах могильника Васильевка II.

Откуда пришло это население, автор с определенностью сказать не может, что и понятно, учитывая фрагментарность наших знаний о древнем населении, однако делает предположение о возможности переселения из лесостепной зоны Восточной Европы. В целом нельзя не согласиться с этим выводом автора, с той лишь поправкой, что не следует ограничивать территорию, откуда могло прийти население, лесостепной и лесной частью Восточной Европы. Эта зона вполне может быть расширена, тем более что в мезолите лесной полосы Западной Европы есть, хотя и весьма немногочисленные, очень широколицые формы, в частности в Дании.

В заключение следует сказать немного о монголоидной примеси в неолитическом населении Украины, которая отмечалась в антропологической литературе. И. И. Гохман считает, что вряд ли следует расценивать некоторую уплощенность лица как указание на монголоидную примесь. Сильное выступание носа и высокое переносье предостерегают от этого вывода. Своеобразная комбинация уплощенности лица с резким выступанием носа отмечается не только на территории СССР в древнейшее время. Она наблюдается и в некоторых западноевропейских (Тевбек) и североафриканских (Тафоральт) сериях. По-видимому, это специфическая комбинация, широко проявляющаяся на территории Европы, расоводиагностическое значение которой пока еще не выяснено.

Заканчивая отмечу, что книга И. И. Гохмана — серьезное исследование, которое вводит в науку исключительно важный материал, представляет собою сводку всех известных краниологических серий мезолита и неолита Украины и дает интересную концепцию преемственности населения на этой территории и его происхождения. Небесспорный характер некоторых выводов — явление широко известное, когда речь идет о краниологических материалах давно ушедших эпох. Этот факт не умаляет значение труда, а только стимулирует мысль и поиск.

Т. И. Алексеева

Культура и быт казахского колхозного аула, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, Алма-Ата, 1967, 304 стр.

Рецензируемая книга написана коллективом казахстанских этнографов (Х. А. Аргынбаев, В. В. Востров, И. В. Захарова, Д. Х. Кармышева, А. Х. Маргулан, Э. А. Масаханов, М. С. Муканов, Р. Б. Сулейменов, Р. Д. Ходжаева, ответственные редакторы А. Х. Маргулан и В. В. Востров) на основе предпринятого ими изучения двух колхозов Талды-Курганского района Алма-Атинской области Казахской ССР — колхоза им. XXII съезда КПСС и колхоза «Жетысу». Материал собирался в течение четырех лет. Авторы монографии неоднократно совершали поездки в эти колхозы в различные сезоны, в частности и в зимнее время, чтобы получить достаточно полное представление и о полевых работах, и о жизни колхозников на отгонных пастбищах, и о зимнем досуге, а также чтобы познакомиться с соответствующими культурными мероприятиями. Авторы использовали различные документы и литературу, относящуюся к обоим колхозам. При выборе указанных двух колхозов в качестве объекта исследования, авторы книги руководствовались тем, что колхоз имени XXII съезда КПСС — одно из передовых хозяйств в республике, в то время как колхоз «Жетысу» может быть отнесен к средним по своей экономике хозяйствам; однако и в том, и в другом колхозе удачно сочетаются традиционное животноводство и более молодая отрасль хозяйства — земледелие. Колхоз имени XXII съезда КПСС — многонациональный, а колхоз «Жетысу» в основном казахский.

Много места в книге отведено характеристике преобразований в жизни бывших кочевников, связанных с их переходом от кочевания к оседлости. Как отмечается во введении, целью исследования было показать огромные достижения казахского колхозного крестьянства в области экономики, общественных и семейных отношений и культуры, развитие прогрессивных национальных традиций и формирование новых общесоветских и интернациональных черт в быту, процесс ликвидации различий между городом и деревней. Забегая вперед, можно сказать, что авторы в целом удачно справились с поставленной задачей.

Идея дать в одной монографии описание сразу двух колхозов в общем себя оправдала: читатель наглядно видит тот путь, по которому идет колхозное крестьянство Казахстана, наблюдая его как бы на двух последовательных этапах, при этом в каждом колхозе хорошо прослеживается связь между экономикой, с одной стороны, и различными аспектами быта и культуры — с другой. Однако в отдельных местах книги часто повторяющееся сопоставление обоих хозяйств несколько нарушает стройность изложения и затрудняет чтение: особенно чувствуется это в разделах, посвященных хозяйству и отчасти культуре.

Монография делится на небольшое введение и четыре большие главы, каждая из которых имеет дальнейшие подразделения: гл. I — Общественное хозяйство; гл. II — Материальная культура, гл. III — Семья и семейный быт; гл. IV — Культура современного колхозного аула; краткое заключение.

Во введении, помимо общих замечаний о работе над изучением колхозов, изложение целей и задач изучения, дается также краткая история образования и развития колхозов вплоть до начала 1960-х годов.

Первая глава состоит из четырех разделов — полеводство, ирригация, животноводство и транспорт. Первый раздел начинается с общих сведений о колхозах, затем подробно рассказывается о борьбе колхозников за высокие урожаи свеклы, о проводимых агротехнических мероприятиях, о знатных мастерах-свекловодах (в колхозе им. XXII съезда КПСС 18 человек удостоены звания Героя Социалистического Труда, в колхозе «Жетысу» это звание имеют два человека). Хорошая организация труда, рекордные урожаи сахарной свеклы, обусловившие высокие доходы как артели в целом, так и отдельных колхозников, явились причиной того, что колхоз им. XXII съезда КПСС стал известен далеко за пределами Казахстана, он является школой передового опыта; сюда приезжают свекловоды из других районов Казахстана, а также из братских республик, а свекловодные артели приглашают для обмена опытом в другие колхозы; в колхозе периодически проводятся совещания представителей свеклосеющих районов Алма-Атинской и Джамбульской областей.

Раздел «Полеводство» (вместе с небольшим, как бы дополняющим его разделом «Ирригация») в целом имеет агроэкономический характер. Но в то же время он является основой для дальнейшего изложения, без него было бы невозможно понять все те достижения в области быта и культуры, о которых пойдет речь в последующих главах. Раздел написан сжато, но насыщен большим количеством фактического материала; в нем много интересных подробностей, касающихся новых агротехнических методов и организации труда.

Раздел «Животноводство» гораздо больше по объему. В нем помимо общих сведений о различных животноводческих мероприятиях, мы находим интересные описания перегона скота, труда и быта чабанов на отгонных пастбищах, удачно показано здесь сочетание векового народного опыта с современными методами животноводства. Обширный фактический опыт и хорошим знанием всех местных условий должен обла-

дать чабан, чтобы выбрать оптимально благоприятные условия для пастбы и содержания скота, обеспечения максимального прироста поголовья. Обо всем этом очень хорошо и убедительно рассказано в книге.

Вторая глава является самой большой по своему объему; она подразделяется также на четыре раздела: «Поселения и жилища», «Одежда и украшения», «Пища и утварь», «Ремесла».

Раздел «Поселения и жилища» начинается с общей характеристики центральных усадеб обеих артелей, которые в целом имеют вполне современный вид, хорошо спланированы и благоустроены; большое строительство жилых домов и общественных зданий ведется не только на центральных усадьбах, но и в поселках, где расположены полевые бригады и животноводческие фермы. Дается история поселений, в частности, с. Чубар, в свое время основанного русскими поселенцами, что в дальнейшем сказалось и на планировке самого селения и на типе жилища. В книге приведены материалы, касающиеся всех объектов строительства и ассигнований на них, которые наглядно показывают размах проводимых в этой области мероприятий.

Обстоятельно описана типичная для обоих колхозов усадьба, приведен ее план. Приводится краткая история возникновения оседлого жилища, начиная с полуподземных землянок на казахских зимовках. Со времени коллективизации и до 1950-х годов строительство домов велось по типу старых русских трехкамерных жилищ. Следующий этап — появление многокомнатных домов, увеличение числа и размеров окон, общей кубатуры дома, появление деревянных полов и стропильных крыш под железом или шифером. Подавляющая часть домов построена заново. Дается описание различных типов современных домов и процесс возведения дома. Строительные работы осуществляются либо подрядными организациями, либо колхозом и, наконец, индивидуальными застройщиками; в последнем случае обычно оказывают помощь соседям, родственникам.

В устройстве домов, как говорит автор, проявляются национальные традиции и вкусы, сочетающиеся с новыми формами, в нем прослеживается процесс формирования оседлого быта. Характерны также современные черты в жилище, как отделение кухни от жилого помещения, появление комнат со строго определенным назначением.

В убранстве жилища, по словам автора, «все очень просто и современно» (стр. 111), однако в конце раздела он сам отмечает и ряд недостатков в конструкции жилища, например, в окнах отсутствуют форточки. Не изжит еще обычай есть и спать на полу. В повседневный быт довольно медленно входит современная мебель. Судя по рисункам (стр. 110, 112), столы, стулья и кровати не всегда, вероятно, используются по прямому назначению.

Вызывает некоторое недоумение подача материала о переносном жилище — юрте. В начале (стр. 94—95) говорится, что семиреченская юрта описана много раз и потому не стоит повторять ее описание; в конце же раздела автор снова возвращается к юрте и дает ее подробную характеристику (стр. 112—113).

В целом же этот раздел написан четко, автор сумел уложить на немногих страницах содержательный материал, дающий читателю достаточное представление о современном жилище казахских колхозников, осветил все стороны большого строительства жилых и общественных зданий и снабдил описание необходимыми планами и фотографиями.

Второму разделу этой главы отведено немного места, как можно полагать в связи с тем, что авторами раздела несколько лет тому назад были опубликованы две специальные работы по казахской одежде. Тем не менее и этот краткий раздел дает достаточное представление об одежде и украшениях казахов Семиречья, описание дополняется иллюстрациями. Ограничимся здесь несколькими замечаниями. На стр. 114 сказано, что современная одежда «представляет собой своеобразное сочетание национальных форм одежды»; трудно понять, что под этим подразумевают авторы. Если речь идет о современной одежде, то ведь в нее входят и элементы городской одежды, и что значит «сочетание национальных форм». В разделе ничего не сказано о мужских украшениях, но ведь они существовали, например кольца. На стр. 124 не выделен абзацем материал о детской одежде, он как бы составляет продолжение рассказа об обуви взрослых.

Пища и утварь охарактеризованы с достаточной полнотой. Автор отмечает, что господство натурального хозяйства сказывалось на ограниченности выбора продуктов питания, сезонности их употребления и необходимости затраты большого труда на предварительную обработку продуктов; теперь же дело обстоит гораздо проще, в связи с чем труд хозяйки значительно облегчен. Подробно рассмотрены разные виды пищи, национальные и вошедшие недавно в обиход блюда, заимствованные из татарской, уйгурской и русской кухни. Что касается общественного питания, то мы находим в книге упоминание лишь об одной столовой, однако ничего не говорится о том, какова эта столовая, по-видимому, все же с общественным питанием в обоих колхозах положение еще неудовлетворительное.

Большое познавательное значение имеет раздел о ремеслах. В нем мы находим очень тщательное описание войлочного и ткацкого ремесла, выделки национальных

казахских ковровых и кошменных изделий — текеметов, сырмаков, тускизов; в тексте много интересных фотографий и рисунков.

Однако этот раздел вызывает ряд замечаний. Несмотря на тщательное описание, читателю трудно уловить разницу между текеметом и сырмаком; классификация, данная для изделий из шерсти на стр. 147, не выдерживается в дальнейшем изложении (речь идет в основном о войлочных изделиях, в то время как в классификации вторым номером стоят тканые ковры и ткацкие изделия; в классификации нет вышивок, а в тексте они даются между настенными коврами и ткацкими изделиями). О старых мужских ремеслах говорится в двух местах, в начале и в конце раздела (стр. 145—146 и 164—166), между их описанием вклинивается описание женских ремесел.

Однако наиболее серьезное возражение вызывает помещение раздела ремесла в главу о материальной культуре, когда он с полным основанием должен занимать место в главе хозяйство. Нам кажется, что это не совсем случайно: за ремеслами еще по традиции не хотят признавать общественного значения, их обычно рассматривают как кустарное, индивидуальное производство. Поэтому составители книги, вероятно, и не решились поместить этот раздел в главу «Общественное хозяйство». Но они тут же противоречат сами себе, давая в главе о ремеслах подраздел «Общественные мастерские колхоза» (стр. 170).

В последнее время в нашей периодической печати много пишут о недооценке ремесел в колхозах, о необходимости колхозам организовать это производство, легализовать его, не предоставлять на самотек¹. Эта недооценка ремесел, по-видимому, сказалась и в рецензируемой книге, не только во включении раздела в главу о материальной культуре, но и еще в одном противоречии. Позволим себе привести в этой связи две цитаты. На стр. 164 говорится: «Такие ремесла, как ювелирное, токарное и резьба, бытовавшие в прошлом, сейчас почти полностью исчезли. Это связано, в первую очередь, с коренной ломкой в экономике современного аула. Развитие социалистического колхозного производства требовало максимального количества рабочих рук. В силу этого все трудоспособное население было полностью занято в общественном производстве, овладевая совершенно новыми навыками и новыми профессиями. Отсюда вполне естественно, что для ювелирной, токарной работы и для резьбы, требующих определенных навыков и мастерства, не хватало времени, а потому молодежь не могла перенять это искусство от старшего поколения». А вот что сказано на стр. 19—20: «Занятость колхозников в общественном хозяйстве в 1963 г. была весьма различной по месяцам. В зимний период (с ноября по март) в колхозе имени XXII съезда КПСС работало в среднем 657 человек, а в «Жетысу» — 265. С наступлением весеннего сева и охотной кампании количество занятых на работах колхозников и подростков увеличилось; в период жатвы (июль — октябрь) оно достигало в среднем в колхозе имени XXII съезда КПСС 1800 человек, в «Жетысу» — 980. Иными словами, во время уборки урожая в колхозах работало почти в три — три с половиной раза больше людей, чем зимой». Следовательно, дело не в нехватке рабочих рук для развития ремесел, а скорее всего в недооценке значения их.

Очень интересно, с большим знанием материала написана глава «Семья и семейный быт». Краткий, но содержательный первый раздел, озаглавленный «Взгляд в прошлое», дает читателю представление о старой казахской семье, господстве патриархальных начал, тяжелом положении женщины. Далее, рассказывается о борьбе за укрепление казахки и формировании новой советской семьи, а также дается ее характеристика в различных аспектах — форма и состав семьи, домашнее хозяйство, имущественные отношения, взаимоотношения между членами семьи, отношение к детям, воспитание последних; охарактеризованы также отношения между родственниками, которые еще очень прочны, что выражается в фактах взаимопомощи, родственной солидарности. Приводятся основные термины родства, бытующие и в настоящее время.

Специальный раздел посвящен браку и свадебным церемониям, а также обрядам, связанным с рождением ребенка. Самым характерным для современного брака является собственная инициатива молодых людей в выборе супруга, исчезновение былого принуждения. Наблюдается тенденция к упрощению свадебной обрядности, отказу от выполнения многих обрядов. Теперь при совершении брака иногда ограничиваются небольшим угощением, устраиваемым для близких родственников и друзей. В ряде случаев, чтобы избежать ненужных церемоний и связанных с ними расходов, практикуется имитативное похищение невесты с последующим «примирением» сторон, обменом подарками, угощением. Автор особо останавливается на свадебных подарках и расходах по устройству свадьбы со стороны жениха. вполне можно согласиться с автором в его оценке обязательного денежного взноса, делаемого женихом родителям невесты, в котором, вероятно, следует видеть пережиток калыма.

Автор прямо говорит о сохраняющихся еще вредных пережитках в области семейных и родственных отношений, недостатках в деле воспитания детей и облегчении

¹ См., например, Ю. Черниченко, Помощник — промысел, Журн. «Новый мир», 1966, № 8, стр. 138—164.

женского труда в домашнем хозяйстве. В числе пережитков мы находим и сохранение почти в полной мере родовой экзогамии, либеральное отношение к еще имеющимся отдельным случаям двоеженства (среди пожилых людей), злоупотребление родственными связями (например, стремление выгородить родственников, совершивших антиобщественный поступок или даже преступление), разорительные поминки по умершим, а также огромные расходы на торжества по случаю обрезания; иногда воспитание детей передоверяется старикам, которые еще не могут отрешиться от предрассудков (например, держать ребенка неумытым во избежание «сглаза» и т. п.). Много еще, по-видимому, предстоит сделать и в области организации детских садов, общественного питания, создания пунктов бытового обслуживания.

Автором очень тщательно прослежена вся обрядность, связанная с семейно-брачными отношениями; в частности, им обнаружен обряд, связанный с первой беременностью молодой невестки, до сего времени не освещенный еще в этнографической литературе.

Последняя глава книги, посвященная развитию культуры, начинается с рассказа о тех трудностях, которые первоначально встретились на пути повышения культурного уровня колхозников. Особые разделы посвящены успехам школы, формированию и роли аульной интеллигенции, мероприятиям в области здравоохранения, культурного отдыха, развития народного искусства, художественной самодеятельности и т. п. Приводимые в главе факты свидетельствуют об очень больших успехах и достижениях. Полностью ликвидирована неграмотность среди взрослого населения, созданы благоустроенные школы и интернаты, осуществлено всеобщее обязательное обучение, в колхозах появились специалисты с высшим и средним специальным образованием, развернута сеть заочного образования; из года в год увеличиваются средства из колхозного фонда на культурные мероприятия; организованы больницы, поликлиника, аптека; работают два дома культуры, созданы библиотеки, проводится сплошная электрификация и радиофикация домов; имеется театр народной самодеятельности, ведется большая работа по сбору образцов устного народного творчества. Это далеко не полный перечень описанных в книге фактов по развитию культуры в изучаемых колхозах.

Без преувеличения можно сказать, что появление книги «Культура и быт казахского колхозного аула» является важным этапом в изучении современного быта народов Средней Азии и Казахстана, она показывает, каких ценных результатов можно достигнуть упорной полевой работой дружного коллектива этнографов. Книга эта — весьма квалифицированный труд, в ней глубокие наблюдения пытливого исследователя завершаются четкими обобщениями и выводами. Перед читателем разворачиваются яркие страницы жизни колхоза и колхозников, коренного переустройства хозяйства, культуры и быта.

Книга хорошо оформлена, снабжена большим числом иллюстраций, написана хорошим языком (лишь в отдельных случаях встречаются погрешности, например, «купка» вместо купание, неуместное употребление глагола «кушать» вместо «есть» и др.). Недостаточно, по-видимому, продуман вопрос о привлечении соответствующей литературы, ссылки на которую носят случайный характер; так, в разделе ремесла дано свыше 20 ссылок, в то время как в разделе пища всего 6 ссылок, в разделе жилища — 3, а в главе о семье нет ни одной ссылки. По-видимому, все же следовало привлечь какой-то минимум сравнительной литературы, в первую очередь по казахам, ведь этнографическая литература по казахам необычайно богата.

Н. А. Кисляков

Г. А. Сергеева. *Арчинцы*. М., 1967, 190 стр. с илл.

Один из малых народов Советского Дагестана — арчинцы почти неизвестны и совсем не изучены, если не считать нескольких отрывочных упоминаний в литературе конца XVIII—XX вв. и исследований А. Дирра в области арчинского языка. Кроме того, этот народ на наших глазах постепенно теряет этническую специфику и сливается с более крупной соседней этнической общностью — аварцами. Понятно, что исследование арчинцев вполне закономерно и заслуживает внимания. Монография Г. А. Сергеевой — первая работа советского этнографа, специально посвященная арчинцам — их истории, общественно-политической и культурной жизни, быту. В основу работы положены оригинальные полевые материалы автора, поданные согласно лучшим традициям этнографической науки. В частности, ценные сведения дали посемейные и языковые анкеты подворного обследования с. Арчи. Г. А. Сергеевой использованы также литературные и архивные данные об арчинцах.

Географическая изолированность арчинцев в прошлом, эндогамия, неотгонный тип ведения скотоводства — вот основные причины, способствовавшие, по справедливому утверждению автора, сохранению до наших дней специфики их культуры. С другой стороны, в книге убедительно показано, что арчинский народ многими чертами куль-

гуры и быта связан с другими народами Дагестана. Поэтому исследование автора идет по двум руслам: арчинцы в ряду общедагестанской культурной общности (и здесь привлекается немалый сравнительный материал) и арчинский народ как самобытный и своеобразный представитель многонациональной республики.

Монография включает разделы: «От автора», «Введение», «Исторический очерк», «Хозяйство», «Материальная культура», «Семья и семейный быт», «Культура и просвещение», «Библиография использованной литературы». Книга хорошо иллюстрирована фотографиями, выполненными Г. А. Сергеевой, и рисунками художника К. Г. Камамяна.

Заслуживает внимания постановка автором вопроса о происхождении арчинцев (стр. 16—21). В сущности, исследователь для решения этой проблемы имеет очень ограниченные материалы: лингвистические, указывающие, в частности, на связь с лезгинской группой языков, и антропологические, подтверждающие большое сходство арчинцев с другими народами Дагестана. Все же автор и по таким материалам дает представление о происхождении арчинцев. Длительное проживание их в соседстве с-аварцами и лакцами несомненно отразилось в известной мере в арчинском языке, что еще раз подтверждает факт воздействия на одноаульные языки языков экономически более развитых и многочисленных народов. Однако несмотря на продолжительное соприкосновение с лакским и аварским языками, арчинский язык даже в лексике, т. е. в области, наиболее подверженной воздействию других языков, не испытал существенного влияния. То же наблюдается и в культуре. В связи с этим следует сказать, что, пожалуй, не совсем верно положение автора о взаимном обогащении культур: с одной стороны — арчинской, с другой, лакской, аварской или азербайджанской (стр. 70). Думается, что здесь, как и в арчинском языке, имело место в основном сильное одностороннее влияние на арчинскую культуру со стороны трех других. Общие же черты в культуре и быте арчинцев с народами Дагестана — в значительной степени следствие общности их происхождения и сходных социально-экономических и географических условий.

Автор справедливо подчеркивает, что территория, занимаемая ныне арчинцами, заселена с давних пор (стр. 19), однако это вовсе не значит, что первыми жителями здесь были арчинцы, так же как и наличие населения в этой местности в период раннего средневековья тоже еще не доказывает, что оно было арчинским. Поэтому приведенный пример (стр. 20) в этом плане ничего не разъясняет.

В главе «Хозяйство» обстоятельно охарактеризованы все стороны хозяйственной жизни арчинцев, ее особенности и единство с хозяйством других дагестанских народов. Поднята редкая в этнографических работах тема «Экономические связи». Отметим лишь отдельные неточности, имеющиеся в этой главе. Во-первых, непонятно, почему автор употребляет термин «соха» для обозначения пахотного орудия арчинцев, а не более уместный здесь термин «рало» (стр. 46—48). Во-вторых, молотильная доска арчинцев не только общедагестанского типа, но общекавказского и даже гораздо более широкого ареала, включающего многие страны Ближнего Востока. В-третьих, не совсем понятны приведенные в работе слова информатора о производстве сельскохозяйственных работ по мусульманскому календарю. Как известно, мусульманский календарь — лунный, и в системе солнечного года его даты являются как бы скользящими; из года в год меняющимися, так что, если следовать мусульманскому календарю в сельскохозяйственных работах, то в иной год придется начинать пахоту в самый разгар зимы, по снежному покрову. Очевидно, имеется в виду используемый в мусульманских странах, в частности в Иране, и, в прошлом, в Азербайджане и Дагестане, домусульманский солнечный календарь с началом года в день весеннего равноденствия (стр. 50).

В главе «Материальная культура» автор исследует три традиционных крупных комплекса: поселения и жилища; одежду; пищу. Поэтому главе отведена примерно треть книги. Г. А. Сергеева сумела систематизировать обширный материал, интересно познать его, не отвлекаясь на мелочи, но и не пропуская показательные детали. Естественно, что в такой большой и кропотливой работе есть некоторые погрешности.

Например, судя по схеме расположения селений арчинцев (стр. 75), хутор Хитаб находится ниже сел. Арчиб по течению реки, а в тексте (стр. 74) сообщается, что он расположен «вверх по течению реки». Затем, конечно, жаль, что не приведен термин, означающий у арчинцев «квартал» (как часть селения), хотя даны аналогичные термины, употребляемые у других народов Дагестана (стр. 79). Далее, вероятно, точнее сказать о «территориально-соседском» принципе расселения, а не о «территориальном» (стр. 79). Неверно, что только у арчинцев для перекрытия жилищ употребляют каменные плиты (стр. 97—98). Это характерно и для старинных жилищ лезгин, агулов, лакцев и др.

В разделе «Одежда» несколько наивно звучит фраза: «Наши информаторы рассказывали, что еще в XVIII в. женские платья туникообразного покроя шили из овчинных шкур, мехом внутрь» (стр. 101). Едва ли можно ссылаться на показания информаторов для установления фактов, относящихся к XVIII в.! В этом же разделе не всегда приводится точная трактовка терминов, например термина «чухай» (женское по-

лупальто). Нет ли здесь напрашивающейся связи с названием мужской верхней одежды, известной у многих народов Кавказа под названием «чуха» (стр. 105)? Неудачно объясняется отсутствие специального термина для верхней мужской рубахи (стр. 109). Узкий кожаный с серебряными украшениями или целиком серебряный пояс, состоящий из отдельных секций (стр. 109), в кавказоведческой литературе известен как «наборный пояс».

В главе «Семья и семейный быт», тщательно и продуманно написанной, с тремя таблицами, охвачены, пожалуй, все рассматриваемые в традиционной этнографической литературе стороны этого вопроса. Учет современного материала особенно ценен именно в этой главе. Живые примеры из жизни арчинцев, тактично описанные, подробная характеристика их семейного быта вызовут интерес у читателей. Выскажем некоторые замечания и по этой главе. На стр. 142 автор говорит об ортокузенных и кросскузенных браках, как о чем-то присущем только арчинцам. Между тем такие браки в недалеком прошлом были у лезгин, азербайджанцев и других народов. На стр. 154 читаем: «Первенца арчинка рождает в доме своей матери, остальных детей — в доме мужа». И далее (стр. 155): «Первому ребенку имя может предложить мать или ее старшие родственники, второму — чаще отец». К сожалению, автор не анализирует эти факты, заслуживающие, на наш взгляд, пристального внимания этнографа.

Глава «Культура и просвещение» как бы подводит итог книги. Во всей работе Г. А. Сергеевой проходит естественное и очень убедительное сравнение прошлого арчинцев с настоящим, но особенно четко оно выступает здесь. Всюду в книге автор рисует этнографический портрет народа на фоне общедагестанской культуры, а в этой главе эта ценная особенность выступает еще ярче.

Проблема языкового строительства — актуальная в условиях многонационального Дагестана — интересно освещена и подкреплена материалами анкет, дающих представление о характере многоязычия арчинцев (стр. 181—185). Так, выявляется, что лакский язык, более других распространенный среди арчинцев до революции, в наше время в результате изменения направления экономических связей, развития школы на аварском языке известен главным образом лицам старше 50 лет. Наоборот, аварский знает основная часть населения Арчи. Именно это раскрывает направление этнических процессов, происходящих среди арчинцев, — слияние их с аварцами.

Следует отметить, что книга снабжена добротным, тщательно сделанным справочным аппаратом, написана хорошим литературным языком.

В заключение еще раз подчеркнем, что монография «Арчинцы» — немалый успех автора. Книга несомненно привлечет внимание всех, кто интересуется этнографией и историей народов Кавказа.

Н. Г. Волкова, А. Г. Трофимова

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках», ч. I — Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966.

Среди источников по средневековой истории и культуре народов нашей страны все более заметную роль начинают играть эпиграфические памятники, преобладающее большинство которых составлено на восточных языках.

Несмотря на огромную работу в изучении этого наследия (история изучения «мусульманских» надписей России имеет трехсотлетнюю давность), многие памятники остались вне поля зрения исследователей. Сохранение, фиксация и издание надписей, обнаруженных на территории нашей страны, стали настоятельной необходимостью. Частичные исследования, как писал академик И. Ю. Крачковский, должны быть дополнены составлением «репертуара и корпуса арабских надписей в Союзе. Работа большая и сложная, но уже настало время за нее взяться во всеоружии методов современной науки»¹.

Значительное число эпиграфических материалов сосредоточено на Кавказе, особенно в Дагестане. Большим вкладом в изучение этих материалов служит рецензируемая монография Л. И. Лаврова (часть I), напечатанная издательством «Наука», в серии «Памятники письменности Востока».

В книге представлено более 450 восточных, преимущественно арабских надписей, охватывающих период с X по XVII в. Часть из них впервые обнаружена автором. Кроме того, им использовано большое число эстампов, зарисовок рукописных надписей, обнаруженных в архивах и музеях страны, в частности в архивах Академии наук СССР (фонды П. И. Кеппена и Б. А. Дорна), Института народов Азии (фонды К. К. Фезе,

¹ И. Ю. Крачковский. Арабистика в СССР за 20 лет, «Труды Ин-та востоковедения», вып. XXXVI. М.—Л., 1941. стр. 26.

П. В. Гана, А. В. Комарова), Института эпиграфии АН СССР (рукопись Е. М. Шиллинга, альбом Д. А. Вырубова), Всесоюзного географического общества (альбом Н. В. Ханыкова), в краеведческих музеях Северного Кавказа. Ценность материала повышается в связи с тем, что часть его не сохранилась до наших дней.

В науку введено значительное число неизвестных данных. Представилась возможность более основательно изучить такие сложные вопросы, как социально-экономический строй на средневековом Северном Кавказе, история монотеистических религий, в частности ислама, политическое устройство, взаимоотношения союзов сельских общин и феодальных владений. История политических и культурно-экономических контактов народов Кавказа получила дополнительную и серьезную аргументацию. В книге дан обильный материал по истории арабского письма и грамоты, а также о строительной деятельности.

Большой заслугой автора является новое чтение надписей, уже известных по предыдущим публикациям. В большинстве случаев (многие надписи из Дербента, Ричи, Рутула, Хюва, Ахты, Кубачи и других населенных пунктов) это сделано с полным основанием.

Чтение и перевод надписей требовали обширных специальных знаний, и Л. И. Лаврову удалось справиться с задачей блестяще. Огромный многолетний труд по выявлению, систематизации и научному описанию эпиграфического наследия оказался весьма плодотворным, ибо исследователь счастливо сочетает в себе историка, этнографа, эпиграфиста, искусствоведа.

Подготовка огромного числа текстов к изданию, их перевод и основные сведения о них — одно это дает право говорить о крупном вкладе исследователя в советскую эпиграфику. Не ограничиваясь фиксацией лапидарных текстов и осуществлением их переводов, ученый снабжает книгу обстоятельным комментарием, ставшим по своему значению самостоятельным исследованием, вышедшим за пределы эпиграфики. Иногда это целые очерки, посвященные отдельным вопросам социально-экономической, историко-культурной и военно-политической истории народов средневекового Северного Кавказа, написанные с привлечением всего богатства археологических, историко-этнографических, фольклорных и лингвистических данных. Будучи кавказоведом широкого диапазона, Л. И. Лавров, опираясь на изданный им эпиграфический материал, ставит и разрешает ряд новых вопросов, вносит существенные коррективы в наши представления о политической, культурной и религиозной истории на территории Северного Кавказа. Краткие, строго аргументированные тексты комментариев превратились в сжатую историю феодальных владений (Дербент, Кюра, Кайтакское уцмийство, Табаранское майсумство, Газикумукское, а затем Тарковское шамхальство, Аварское нуцальство, затем ханство, Цахурское султанство и т. д.), союзов сельских общин, отдельных пунктов Северного Кавказа, а генеологические таблицы воссоздают династии правителей и историю социальных верхов. Огромные сдвиги в сфере духовной жизни нашли отражение в выводах Л. И. Лаврова о широком бытовании арабского письма и грамоты в X—XVII вв., о традициях в оформлении эпиграфических памятников, в создании своеобразных надписей — хронографов (Рича, Гельхен, Хунзах и др.). Интересные мысли высказаны автором по истории религии и религиозных представлений. Так, две надписи из Нижнего Архыза Карачаево-Черкесской автономной области, относящиеся к XI—XII вв., позволили автору уточнить время существования ислама в Карачае и выдвинуть предположение о распространении в XI—XII вв. «арабского влияния» вплоть до гор Северо-Западного Кавказа. «Открытие мусульманской подосновы христианства», — пишет Л. И. Лавров, — существовавшей здесь в предмонгольское время, ставит вопрос о путях проникновения арабского влияния в верховья реки Б. Зеленчука» и считает наиболее вероятным проникновение ислама в Карачай из степной части Северного Кавказа (стр. 174). Надпись середины XII в. из дагестанского аула Рутул дала возможность писать о наличии здесь религиозных учебных заведений, что перекликается с сообщениями письменных источников о других населенных пунктах Дагестана, в частности, с сообщением арабского космографа XIII в. Закарийа ал-Казвини о плодотворной работе и переводческой деятельности мусульманской школы в селении Цахур.

Опираясь на эпиграфический материал, автор прослеживает этапы длившегося несколько столетий процесса распространения ислама в Дагестане и вносит ряд убедительных уточнений в существовавшие ранее взгляды на отдельные вопросы проникновения монотеистических религий в Дагестан. Новое чтение надписи из Кубачи позволило отбросить от прочно вошедшего в науку утверждения Б. А. Дорна о принятии ислама кубачинцами в 1404/05 году. Надпись зафиксировала, как удалось показать Л. И. Лаврову, не время строительства первого культового здания в Кубачах, а возведения медресе «в дни поражения этой страны чумой». Другой памятник эпиграфики — сенсационная надпись «54 г. хиджры из Хюва» оказалась моложе предполагаемой даты на 1000 лет и была сделана, как доказал автор, в 1054 г. хиджры, что соответствует 1644/45 г.

Весьма убедительны доводы о процессе проникновения ислама в Адыгею и Кабарду, о значительном распространении ислама среди кабардинцев и части адыгейцев в XVI в. и о принятии ислама всеми кабардинцами и большинством адыгейцев в течение XVIII в.

В текстах и комментариях рассмотрены также отдельные вопросы общественно-экономической и политической жизни Северного Кавказа в X—XVII вв. Курахская надпись 1356 г. представляет в этом отношении наибольший интерес. Она зафиксировала территориальные владения лезгинского селения Курах, и автор весьма точно восстанавливает границы этих земель, превосходившие возможные размеры обычных сельских общин, и анализирует ряд интересных этнографических подробностей. Надписи из южнодагестанских аулов также дают ценный материал, характеризующий далеко зашедший процесс социальной и имущественной дифференциации.

Обстоятельное изучение надписей из агульского селения Рича позволит решить ряд вопросов, связанных с пребыванием монгольских войск на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, и представить новые данные о героической борьбе народов нашей страны против монгольского нашествия.

Процесс экономического подъема нашел отражение в особом размахе строительной деятельности, хорошо прослеживаемой по сообщениям надписей. Строятся частные и общественные здания, культовые сооружения, мосты. Уже в XI—XIII вв. сложилась школа профессиональных мастеров-строителей (уста), поддерживавших связи с азербайджанскими архитектурными школами, а также резчиков по камню, владевших арабской грамотой (надписи из Дербента, Гельмеца, Рутула, Ихрека, Ахты, Кумуха и т. д.).

Большую ценность представляет и обстоятельный вступительный очерк, охватывающий историю изучения надписей, общую характеристику исторического значения эпиграфических памятников.

Завершается монографическое исследование таблицами с воспроизведением надписей, библиографией, индексами и кратким резюме на английском языке.

Таким образом, «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.» Л. И. Лаврова — ценный свод и крупное исследование по истории и духовной культуре средневекового Северного Кавказа.

Остается пожалеть о том, что почти все надписи даны, по обстоятельствам, не вошедшим в основной текст автора, в рисунках, а не в фотографиях, как это желательно при подобного рода изданиях. Правда, это не всегда представляется возможным: многие надписи не сохранились.

Вполне объяснимы трудности, связанные с отсутствием палеографических эталонов, позволяющих с определенной точностью датировать памятники, если дата в тексте специально не указана. Признавая в целом датировку памятников обоснованной, приходится отметить, что некоторые датировки автора являются предварительными, и в них могут быть впоследствии внесены уточнения. Все это делает необходимым в целях дальнейшего изучения и датировки памятников обязательную разработку вопроса палеографии. К сожалению, автор не предпринял попыток к этому, ибо, как он сам заявляет, «его подход к памятникам определялся не палеографическими или литературными интересами, а прежде всего тем, насколько они могут пролить свет на историческое прошлое народов Кавказа» (стр. 10).

В нескольких случаях наблюдается неточная прорисовка надписей или же неточное чтение. Так, надпись из Ихрека (№ 5), рассказывающая о строительстве мечети после 400 г. хиджры, воспроизведена с незначительными отклонениями от подлинника. Чтение второй строки из ихрекинской надписи (№ 3) как «к-л-ф адәлат» и ее перевод «правосудие обязательно» не согласуется с правилами арабской грамматики. Не применен ли здесь своеобразный и необычный прием, когда строку следует разделить на две половины и первое слово читать как обычно, справа налево, а второе — наоборот. Тогда вполне уверенно можно было бы прочитать трафаретное «ал-мулк лиллах» — «владычество принадлежит Аллаху».

В надписи 31 (стр. 68 и 269) вторая строка прочитана автором «владелец его отец мира, единый» без упоминания имени. Это совершенно не принято в подобного рода надписях. Обычно после слова «сәхиб» (владелец) идет имя. И в данном случае в имеющейся в нашем распоряжении фотографии нетрудно прочитать: «владелец его Абӯ Али (?) сын Ахада».

В надписи 1239 г. из Цахура (№ 70) вместо «сәхиб», явствующего из эстампа, автор читает «сәба». Следовательно, вместо «владелец этого минарета» получилось «исправил этот минарет», хотя такое чтение противоречит логике текста и установившемуся в подобного рода надписях трафарету. В последней строке текста переводчик нашел нисбу «Ихрекский», не соответствующий подлиннику.

В надписи из Ихрека (№ 85) о строительстве жителями Цахура культового здания в Ихреке имя писца прочитано Ахмад, хотя на фотографии отчетливо читается Х-м-д (Хамид?).

Наиболее древние аварские надписи грузинскими и арабскими буквами отнесены в тексте в VI в. (стр. 17), и в этом можно увидеть только опечатку.

Нам кажутся неточными выводы, сделанные на основе следующей тигской надписи (№ 133): «Поднялись против нас все мусульмане. И вот разрушено это селение, затем была построена эта крепость». Л. И. Лавров, сославшись на то, что «время, когда жил и писал писец, и знание им арабской грамоты позволяют видеть в нем мусульмани-

на», предполагает, что «писец сочувствовал врагам и оправдывал их агрессию против Тпига. Это могло иметь место в том случае, если надпись рассказывала о событиях более раннего времени, когда жители Тпига еще не были мусульманами и с оружием в руках сопротивлялись обращению в новую веру» (стр. 192, прим. 134). Подобного рода толкование не обосновано. Само начало текста «восстали против нас» говорит о взаимоотношениях людей, находящихся в отношении господства и подчинения. В иных случаях применялся бы трафаретный «напал на нас», «пришел против нас». В данном случае речь могла идти о селениях, находившихся в политической зависимости от Тпига. То, что в них население названо мусульманским, не служит доказательством отсутствия такового в самом Тпиге.

Чтение надписи № 280 из мечети квартала Самиял в Хунзахе также нуждается в уточнении. По ссылке на М. С. Саидова автор датирует эту надпись 734 г. хиджры. При внимательном изучении надписи на месте нам удалось уточнить дату — 934 г. хиджры, т. е. 1527—1528 гг. Стало быть, это не самая ранняя надпись из Аварии.

Невозможно согласиться также с рядом положений о степени развития социальных отношений в ряде районов Дагестана. Например, автор архаизирует, на наш взгляд, общественные отношения у жителей Гумика, признавая «наличие у них в X в. племенной организации» (стр. 181) на том основании, что арабский историк и географ ал-Масуди писал о жителях Гумика: «Они не подчиняются царю, но есть у них начальники». Наличие «царей» в Гумике зафиксировано еще в VI—IX вв. Одно это обстоятельство может поставить под сомнение вывод, сделанный со ссылкой на ал-Масуди. Л. И. Лавров не видит также особой разницы между ханствами и «вольными обществами» в Дагестане в отношении социального развития, придавая более важное значение форме правления (стр. 191).

Нам кажется, следовало бы справедливости ради отметить в комментариях, что на шамхальское кладбище в Кумухе, детально изученное Л. И. Лавровым, впервые обратил внимание дагестанский ученый Али Каяев и что «турки» из Ричинской надписи о борьбе с монголами идентифицированы с монголами дагестанским ученым Б. Молла-чихановым.

Первая сессия советских арабистов, состоявшаяся в июне 1935 г., в числе задач, стоящих перед арабистикой, наметила «систематическое собрание, издание и изучение материалов по арабской эпиграфике и палеографии»².

Л. И. Лавров внес большой вклад в изучение эпиграфического наследия народов Северного Кавказа. «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.» — первая серьезная и крупная сводная работа в этой области. Издание второй части исследования Л. И. Лаврова, посвященного памятникам XVIII—XIX вв., еще более обогатит наши знания об эпиграфическом наследии кавказских народов.

Х.-М. О. Хашаев, А. Р. Шихсандов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Nepali Gopal Singh. *The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community*. Bombay, 1965, XI, 476 p., 61 ill.

Рецензируемая книга профессора Индуистского университета в г. Варанаси (Индия) Г. С. Непали — первая обобщающая работа о неарах, посвященная основному населению Непальской долины, или долины Катманду. Основой для этой работы послужили главным образом полевые наблюдения автора в 1957—1958 гг. Г. С. Непали обследовал около 300 неварских семей, как городских (в Катманду), так и сельских (в деревне Панга), дополнив собранный материал результатами полевой работы в тераях и горных районах Непала. В книге использована также литература на английском языке, список которой прилагается в конце работы, — всего около 170 названий (правда, не все эти работы имеют прямое отношение к неварам).

Книга состоит из «Введения», 12 глав, посвященных материальной культуре неваров, их обычаям, семейным отношениям, кастовой системе, религии, праздникам, «Заключительных замечаний» и приложений.

Во «Введении» приводятся данные переписи 1952—1954 гг. в Непале, из которых явствует, что в эти годы там жило 383 тыс. неваров. Более половины из них (55%) сосредоточено в Непальской долине, где невары составляют 55% населения. 60,2% неваров живут в городах: в Катманду они составляют 68,44% населения, в Патане (Лалитпуре) — 78,44%, в Бхадгаоне (Бхактапуре) — 97,77% (стр. 24).

Большая часть «Введения» посвящена вопросу о происхождении и формировании неварской народности. Если название «Непал» упоминается уже в памятниках древнеиндийской правовой литературы «Артхашастре» Каутилы (IV—III вв. до н. э.), то первые сведения о неарах относятся к довольно позднему периоду — к концу X в. н. э. До сих пор окончательно не выяснено, кем были первые жители Непальской долины,

еще до нашей эры создавшие государство и достигшие сравнительно высокого культурного уровня. Не ясно также происхождение неваров и время заселения ими Долины.

Автор отмечает, что по своей культуре, обычаям и языку невары значительно отличаются от остальных народностей Непала. Среди самих неваров представлены также различные расовые типы — от южноевропеоидного до типично монголоидного, но преобладает переходный тип. Поэтому Г. С. Непали осторожно оговаривается, что «термин «невар» применяется для обозначения нескольких этнических групп прошлого, которые, в результате смешения в течение столетий, слились в единую народность с общими традициями языка и другого культурного наследия. Поэтому было бы грубым упрощением считать, что они (невары.— А. П.) имеют общее расовое происхождение» (стр. 18). Далее автор книги высказывает предположение, что среди предков современных неваров были абхир, личхави, вайшья-тхакуры, карнатаки, наяры, кираты и еще какая-то этническая группа, которая стала основой современного неварского типа, но характер которой исследователями не выяснен.

Неясно и происхождение самого названия «невар». Часть ученых полагает, что «невар» и «Непал» — фонетические варианты одного слова¹, но Г. С. Непали указывает, что для обозначения жителя в неварском языке употребляются аффиксы *ai* (-ai) или *mi* (-mi) и в таком случае их самоназвание было бы непай или непам (стр. 28). Среди неваров бытует предание, что их предками были наяры из Малабара (современный штат Керала в Индии) — браhma-кшатри, пришедшие в Непал с войском принца Нанья Дэва в 889 г. От наярв якобы и произошло название «невар». Средневековые непальские хроники — ваншавали — также приводят эту версию прихода неваров в Долину. В поддержку традиционной точки зрения автор книги привлекает следующие доказательства: среди неваров из касты шестра сохранилось предание, что их предки были кшатриями; некоторое сходство в культуре Малабара и Долины (например, в архитектуре); совпадение нескольких географических названий, например рек Годавари и Гокарна; общность культа змей; сходство нескольких лексических элементов, а также некоторое сходство в институтах семьи и брака (стр. 29).

Следует сказать, что к настоящему времени собрано уже довольно много материалов, высказаны определенные точки зрения, и в такой большой работе, вероятно, следовало более полно осветить вопрос о происхождении неваров. Указания на сходство, порой явно случайное, с другими народами (вплоть до кхасов и палаунов из Шанского государства в Бирме) не вносят никакой ясности. По неизвестным причинам даже не упоминается мнение Д. Р. Регми, крупнейшего непальского историка, убедительно пытающегося доказать, что древнее название «кираты», встречающееся уже в «Махабхарате», относится к неварам². Тем более странно, что хорошо известные работы Д. Р. Регми отсутствуют в прилагаемой к книге библиографии.

О неварском языке также сообщаются довольно скудные сведения. Автор книги указывает, что невари относится к тибето-бирманской группе, что имеется также одно слово из языка малаялам, и далее рассуждает о влиянии языков семьи мунда (стр. 79—81). Такой подход вызывает некоторые возражения, так как в результате заслоняется главное — родство невари и других тибето-бирманских языков, а именно родство языков должно учитываться при определении родства народов или этнических групп. Поскольку неварский язык относится к тибето-бирманской группе языков, правильно было бы предполагать, что основой неварской народности были племена тибето-бирманского происхождения. Хотя около $\frac{3}{4}$ неварских слов и самостоятельны, родство невари и других языков той группы несомненно. В качестве примера приведем несколько неварских и (в скобках) тибетских слов: два — нп (ньи), три — со (сум), пять — нья (нга), девять — гу (гу), дерево — синг (шинг, синг), огонь — ми (мэ), холм — танг (тханг). То обстоятельство, что сходство между неварским и другими языками тибето-бирманской группы — минимальное, еще не является доказательством индийского происхождения неваров, так как все языки гималайской ветви этой группы (кроме бхотиа, шерпа и гурунг) стоят дальше друг от друга, чем тибетский от бирманского. По мнению С. Е. Яхонтова, эти языки отделились от тибето-бирманского языка-основы в середине IV тысячелетия до н. э.³

Вероятнее всего, приход неваров в Непальскую долину относится ко времени древнейшего расселения тибето-бирманских племен. В более позднее время предки неваров подверглись сильному культурному влиянию индийских народов, переняли у них религию, кастовую систему, литературный язык (санскрит), некоторые обычаи и традиции. Последующие пришельцы из Индии, пока они были немногочисленными, ассимилировались местным неварским населением, главным образом из высших каст,

¹ Из новейших работ см., например: D. L. Snellgrove, *Expériences népalaises, «Objets et mondes. La revue du musée de l'Homme»*, Paris, été 1966, t. VI, fasc. 2, p. 91.

² D. R. Regmi, *Ancient and medieval Nepal*, Kathmandu, 1952, p. 3—4.

³ С. Е. Яхонтов, Глоттохронология и китайско-тибетская семья языков, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 4.

отличающимся в настоящее время менее выраженной по сравнению с низшими кастами монголоидными чертами. В XII—XVI вв. в связи с завоеваниями афганских правителей поток иммигрантов из Индии увеличился и соотношение неваров и индийцев в Непальской долине сильно изменилось.

Большой интерес представляет основная часть книги. В результате внимательного наблюдения, тщательной обработки и многократной проверки фактов Г. С. Непали была сделана работа, которая по богатству материалов о жизни, обычаях, религии, кастовой системе неваров превосходит все написанное о невах до сих пор, вместе взятое. Интересные наблюдения автор дополняет сравнениями с особенностями других народностей Непала, чаще всего — гуркхов, под которыми здесь подразумевается часть населения страны, говорящая на языке непали.

Самым характерным занятием неваров обычно считается торговля, и даже слово «торговец» стало синонимом «невара». Действительно, в руках неваров сосредоточена почти вся торговля страны, но в Долине ею занимается сравнительно небольшая часть неварского населения, в основном представители высших каст, а остальные являются крестьянами и ремесленниками. Раньше у неваров была сложная система ирригации, основой для которой служили водоемы на возвышенных участках. В настоящее время водоемы используются, как указывает автор книги, для снабжения возросшего населения Долины питьевой водой, и урожай зависит главным образом от дождей. В отличие от гуркхов, невары для обработки земли не применяют плуга. Более того, использование плуга грозит по традиции неварскому крестьянину исключением из касты. Несмотря на это, невары — искусные земледельцы, и получают сравнительно высокие урожаи риса, пшеницы, овощей и других культур. Однако большинство неварских крестьян испытывает недостаток продовольствия из-за высокой полунатуральной ренты, которую они должны выплачивать землевладельцу.

Невары с древних времен славятся как хорошие ремесленники. Ремесло делится на два вида: производство предметов культа, которым занимаются высокие касты, и производство предметов домашнего обихода, в котором заняты невары из более низких каст. Профессии обычно наследуются вместе с кастой. В настоящее время некоторые виды ремесла пришли в упадок в результате импорта промышленных товаров, в первую очередь изделий текстильной промышленности.

Наряду с земледелием и торговлей важным видом занятий для части неваров является служба в государственных учреждениях. На военную службу невары не призывались: гуркхские правители наложили запрет на призыв неваров в армию, который был отменен лишь в 1950 г.

Дома неваров обычно трехэтажные, часто построенные целиком из кирпича (иногда кирпичные стены только у нижнего этажа). В поселении каждая каста занимает определенное место: в центре — служители культа, рядом — высокие касты чхатхария, шрестха и др., на окраине — касты крестьян. Неприкасаемые селятся за пределами поселения.

Автор очень высоко оценивает неварскую архитектуру, выделяя в качестве ее лучших образцов храмы Сваямбхунатх, Пашупатинатх, Ньятапола, Таледжу и др. Буддийский неварский храм строится в форме ступы, индуистский — пагоды. Существование, впервые высказанное Гамильтоном, что распространенный в ряде стран Востока стиль пагод был создан в Непале⁴. Такого же мнения придерживался известный историк С. Леви⁵. К сожалению, Г. С. Непали ограничивается лишь перечислением различных точек зрения. Более полное освещение неварской архитектуры позволило бы дополнить картину культурных связей неваров.

Неварской народной музыке, песням и танцам в книге отводятся всего два абзаца. Этого явно недостаточно, так как уровень музыкальной культуры неваров очень высок: каждая кастовая группа имеет «наса кхолу» — своего рода школу, где мальчиков обучают музыке и пению. Богата также литература на невари, который употребляется в качестве литературного языка наряду с санскритом с XIV в.⁶ Однако о ней тоже говорится слишком мало.

Наиболее полно и подробно Г. С. Непали осветил обычай неваров, их кастовую организацию и религию.

В обрядах, сопутствующих рождению ребенка, у неваров много общего с другими индустрами. Отличия немногочисленны: женщина рождает только в доме мужа, присвоение ребенку имени не связано ни с какой особой церемонией. Девочки в возрасте от 4 до 11 лет вступают в традиционный брак с богом Нараяном, который по этой церемонии символизируется плодом дерева бел. Этому символическому браку — их — придается очень большое значение. Их дает право неварской женщине на развод и на второй брак, так как она всегда считается замужем за бессмертным Нараяном, и действительный брак имеет меньшее значение.

⁴ Hamilton, An account of the kingdom of Nepal, Edinburgh, 1819, p. 29.

⁵ S. Lévi, Le Népal. Etude historique d'un royaume hindu, Paris, vol. II, 1905, p. 10—12.

⁶ Л. А. Агашина, Непальская литература, М., 1964, стр. 20.

Хотя буддизм и индуизм признают переселение душ, невары из низших каст не имеют об этом никакого представления. Для них смерть — дело рук божества или злого духа. В отличие от гуркхов, в большинстве случаев невары не выносят умирающего из дома, а оставляют его в специальной комнате. Трупы обычно кремируются.

Большой интерес представляет глава о кастах. По традиции считается, что чуждое разделение неваров на касты было произведено царем Джаястхити Маллой в XIV в., разделившим население Долины на 64 касты. У Г. А. Оулдфильда мы находим описание 52 каст⁷. Г. С. Непали удалось установить наличие лишь немногим более 20 каст, и он считает, что упрощение кастовой системы частично можно объяснить немногочисленностью неварского населения. Наряду с этим происходит процесс своеобразной унификации кастовой системы у индуистов и буддистов: в настоящее время по названиям отличаются лишь четыре высшие касты, а все остальные носят одинаковые названия у обеих религиозных групп неваров. Автор подчеркивает, что кастовые ограничения у неваров менее строги, чем у гуркхов, и проявляются главным образом в предписании наследственности занятий и правилах приема пищи. Возможны браки между смежными кастами. Дети от такого брака занимают промежуточное положение, а с течением времени могут даже подняться выше по кастовой лестнице.

В отдельной главе книги рассматривается неварская семья. Традиционные патрилинейные семьи бывают очень большие: 40, 70 и даже 100 человек, но теперь преобладают средние семьи. Например, в Катманду они обычно состоят из 4—12 человек (в среднем — 7). Наблюдается дальнейшая тенденция к уменьшению семьи. Многоженство (не более двух жен) встречается редко, и только в том случае, если от первой жены не было детей. Разводы также бывают довольно редко, но они возможны либо с взаимного согласия мужа и жены, либо в случае ухода жены с другим. Если жена кладет на грудь умирающего супруга два ореха бетеля, это также обозначает развод, и она освобождается от траура. Родственники мужа это всегда приветствуют, так как жена в таком случае отказывается от права на наследство.

В главе о религии Г. С. Непали указывает, что обе религии неваров — буддизм и индуизм — подверглись сильному взаимному влиянию. Из описания автора можно заключить, что неварский буддизм характеризуется тремя особенностями: 1) признанием большинства индуистских божеств; 2) признанием кастовой системы; 3) отсутствием монашества.

Невары-индуисты — в основном шиваиты. Они поклоняются Шиве главным образом в форме Бхайрава, т. е. Гневного Шивы. Невары чтут также его сына Ганеша, Вишну, Кришну и др. Признают они также буддийские божества, поэтому основное различие между последователями двух религий заключается в предпочтении священнослужителя — индуиста или буддиста. Важными объектами поклонения большинства неваров также являются различные злые и добрые духи, водоемы и многие животные. В заключение главы о религии Г. С. Непали приходит к двум выводам: 1) «преобладающей чертой неварской религии является анализм», 2) «Пантеон неварских божеств очень похож на их собственную социальную систему» (стр. 340). По-видимому, у неваров, как и у многих народов Южной Азии, наиболее древние анимистические представления все еще очень сильны и живучи.

Книга «Невары» Г. С. Непали является очень ценным исследованием, а в ряде случаев и единственным источником по многим вопросам, касающимся социальной структуры неварского общества, быта и религии неваров. Недостаточно полное освещение некоторых вопросов, затронутых в книге, существенно не снижает ее значения. Книга представит большой интерес не только для непадологов, но и для широкого круга этнографов, историков религии, индологов и социологов.

А. А. Праззуск

⁷ H. A. Oldfield, *Sketches from Nepal*, London, 1880, p. 177—187.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

А. Н. Шлепаков. *Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма*. М., 1966, 501 стр.

Советское иммигрантоведение пополнилось в минувшем году большой книгой А. Н. Шлепакова. Разрабатываемая в ней тема, несмотря на ее важность, далеко не достаточно исследована в марксистской литературе, как советской, так и зарубежной. Массовые миграционные движения, сыгравшие значительную роль практически в истории всех народов, во многом определяют состав населения большинства стран и его этнические характеристики, были особенно важны для Америки. Разумеется, закономерности миграций меняются в зависимости от исторической эпохи, в которую они происходят. В книге А. Н. Шлепакова рассматривается иммиграция империалистической эпохи, причем изложение доведено до наших дней. Главный предмет книги — иммиграция в США и американский рабочий класс — составляет важнейший

аспект американской иммиграционной проблемы уже потому, что большая часть иммигрантов становилась в Америке рабочими. Исследовательская разработка всех сторон такого многообразного явления, как иммиграция, в одной книге невозможна, и выбор автором экономической и политической сердцевины проблемы вполне закономерен. Остается только пожалеть, что так мало затронуты в его книге этнические процессы и культурное взаимодействие национальных групп.

А. Н. Шлепаков использовал для этой работы весьма ценные первоисточники, далеко не всегда доступные советским исследователям. Это американские архивы — официальные, профсоюзные, архивы различных общественных организаций и деятелей — и даже беседы с конгрессменами. Привлечены также документы советских архивохранилищ — Архива внешней политики России и украинских архивов. Использована американская пресса, из иммигрантских органов печати — главным образом славянские.

Материал книги дается в хронологическом порядке. В первой же главе, изложив вкратце ход иммиграции в Америку с начала заселения ее европейцами, автор характеризует иммиграцию конца XIX — начала XX в., составляющую исходный рубеж его исследования. Он освещает условия, побудившие переселенцев покинуть страны эмиграции — остальные по тому времени государства Восточной и Южной Европы с пережитками крепостничества, полицейским режимом и жестоким национальным гнетом. Однако анализ его в этой части работы вызывает некоторые возражения. «Сам процесс переселения не был результатом стихийного произвольного выбора индивидумов. — пишет автор, полемизируя с буржуазными литераторами (стр. 20), — он был вызван к жизни глубокими и закономерными экономическими, социальными и политическими причинами»... Между тем экономические закономерности проявляются только через действия людей и обуславливают их лишь в конечном счете, не исключая свободы выбора. Противопоставлять одно другому не стоит.

Далее описываются тяжелые условия, в которые попадали рабочие-иммигранты в тех отраслях американского хозяйства, где труд их применялся более всего, дискриминация, которой они постоянно подвергались. Разбирая вопрос о расселении иммигрантов по США, А. Н. Шлепаков делает правильное заключение, что это расселение объясняется экономическими обстоятельствами, преимущественно возможностью трудоустройства, в гораздо большей степени, чем близостью соплеменников, на которую часто упирают буржуазные авторы, и т. п. Но роль западных районов США, где уже в то время значительные группы иммигрантов были заняты на рудниках, на рубеже леса и т. д., явно недооценена автором. К тому же неправильно зачислять в одну рубрику Запад и Юг (стр. 45) и приписывать им обоим экономическое отставание, которым действительно отличался Юг и которое не относилось к развивающемуся Западу.

В этой главе, как и в остальных, обстоятельно излагается американское иммиграционное законодательство. Сильное давление на него оказывало движение рестрикционистов — сторонников ограничения иммиграции, которые ссылались на расистские теории. Борьбе, связанной с ним в буржуазных кругах, уделено в книге немало интересных страниц. Требования об ограничении иммиграции находили поддержку со стороны ряда цеховых профсоюзов и особенно Американской Федерации Труда. В книге подвергнут подробному рассмотрению сложный вопрос об отношении рабочего и социалистического движения к иммиграции и иммигрантам. С этим связано и участие иммигрантов в рабочих организациях. Иммигранты весьма активно сражались в стачечных боях, которыми изобиловал этот период истории США, создавали свои, национальные рабочие организации и участвовали в общеамериканских. Социалистические организации обычно имели секции по национальностям. Автор отмечает, что некоторые такие секции по мере овладения английским языком и т. д. сливались с местными отделениями (стр. 135). Таков был один из путей рабочей ассимиляции.

С рубежа XX в., как отмечено в книге, резко возрастает этническая простота иммиграции и, следовательно, национальная неоднородность американского рабочего класса. Многонациональную иммиграцию этого периода, шедшую из Восточной и Южной Европы, а не из Северной и Западной, как прежде, стали называть «новой». В протяжении всей книги, как и в первой главе, автор противопоставляет ее «старой» иммиграции, как принято в американской литературе. Однако принципиального различия между обоими потоками переселенцев в действительности нет — при всей разнице в исторических периодах и при всех национальных особенностях. Социальное происхождение иммигрантов и социальные их функции в первые десятилетия пребывания в Америке в основном те же.

В период первой мировой войны, которому посвящена вторая глава, правящие круги США проводили курс на усиленную, зачастую насильственную американизацию иммигрантов. В противовес этому в иммигрантских национальных организациях, в том числе социалистических, укрепились тенденции связи с европейской родиной. Усиление национальной дискриминации, происходившее в годы войны, продолжалось и в послевоенные годы, как и попытки форсированной американизации иммигрантов. То были, в сущности, две стороны одной медали. В эти годы, которым посвящена третья глава,

и рабочее движение, и правительственная политика развивались под знаком Октябрьской революции. В этом — центральная мысль автора. Он отмечает, что эмигранты из России чувствовали особую близость к революционной родине, многие возвращались, чтобы помочь ей. Американские правящие круги в страхе перед революцией устроили «трагедию красных». Во время налетов на рабочие организации и передовых деятелей больше всего пострадали иммигранты. Многих выслали из страны. В эти же годы был принят первый из крупных иммиграционных законов, закончивших эпоху массовой иммиграции в США. Автор объясняет это усилением внешней экономической активности США и страхом американской буржуазии перед революционными влияниями извне (стр. 220). В главе освещено возникновение Коммунистической партии. Но в этом разделе, как и в некоторых других частях главы, основной теме — об иммиграции — уделено непропорционально мало внимания.

В следующей главе, охватывающей 20—30-е годы, подробно излагаются все основанные на расистских предпосылках иммиграционные законы 20-х годов, преградившие путь в США прежде всего выходцам из Азии, а также из Восточной и Южной Европы. Огромное влияние на всю жизнь Америки оказал мировой экономический кризис начала 30-х годов, ставший, по верному выражению автора, «трагедией миллионов масс». Он привел к обострению классовой борьбы во всех сферах, к росту и активизации рабочего движения. Автор высказывает интересную мысль, что общие социальные бедствия, «общность социальной судьбы», повышая классовое сознание рабочих, как пришлых, так и старожилов, одновременно способствовали их ассимиляции и межнациональному сплочению (стр. 260, 303).

В 30-е годы, после кризиса, в США создались действительно массовые производственные профсоюзы. Таким образом, впервые была организована основная масса рабочих-иммигрантов, которые составляли большую часть рабочей силы основных отраслей промышленности и которых до тех пор отталкивали цеховые профсоюзы. В истории американского рабочего движения, как и в истории рабочей иммиграции, это — крупная веха. В структуру Конгресса производственных профсоюзов, созданного в те годы и игравшего в ту пору прогрессивную роль, включались национальные профсоюзные комитеты: славяно-американский, итаलो-американский и др. Между прочим, новые профсоюзы охватили множество рабочих-католиков из иммигрантских национальностей и католическая церковь старалась распространить на эти союзы свое влияние.

Этнический состав иммигрантов в тот период изменился. Так как въезд из стран Американского континента не ограничивался, то в США приезжали на работу — постоянную и временную — переселенцы из Канады, и главным образом, Мексики, а также с Пуэрто-Рико. Выходцам из Латинской Америки предстояло образовать важнейшую и все нараставшую струю иммиграции середины XX в.

Годы второй мировой войны, о которых идет речь в пятой главе, оказали разнобразное действие на американских иммигрантов и на межнациональные отношения в США. А. Н. Шлепаков подчеркивает, что война с фашизмом «в огромной степени стимулировала межнациональное сплочение различных групп, и прежде всего, их трудовых элементов» (стр. 320). Вместе с тем возрождались национальные чувства у различных иммигрантских групп, что в большинстве случаев не противоречило межнациональному сплочению на антифашистской основе. Такой характер имела, например, деятельность Американского славянского конгресса. Отмечено также политическое размежевание внутри ряда иммигрантских национальностей, преимущественно выходцев из стран оси. Такой конфликт автор исследует, например, в итальянской группе. Позиции немецкой группы изложены весьма суммарно, без классового анализа, но со ссылкой на то, что немцы — «старые» иммигранты. Это лишь доказывает неправомочность противопоставления «старой» и «новой» иммиграции, о чем уже говорилось выше. Межнациональные и межрасовые конфликты раздувались реакционными силами, а в эти годы они принимали очень резкие формы. В наихудшем положении оказались американские японцы, которые после Пирл-Харбора были выселены из Калифорнии (где большинство их обитало) в концентрационные лагеря внутри страны. Эта огульная дискриминационная мера признается ныне ошибочной и постыдной даже буржуазным общественным мнением.

Последняя глававодит читателя до наших дней. За послевоенные десятилетия в США переселилось более 4,5 млн. чел. (стр. 347). Как будто бы очень много! Но при большой численности населения США и при очень значительном естественном приросте его в послевоенные годы иммиграция уже «не делает погоды». В 1960 г. иммигранты первого поколения составляли 5,4% жителей, а в 1920 г., как и на протяжении шести десятилетий до того, — 13—14% (стр. 355). Соответственно уменьшилась и доля иммигрантов второго поколения, которые, по последней переписи, составляли 13,6% населения (стр. 356). Из этих соотношений и данных о «постепенном исчезновении узконациональных и языковых барьеров» автор делает весьма существенный вывод об усилении национальной однородности населения США (стр. 356, 378). К ней же ведут сдвиги в профессиональном и социальном положении иммигрантов, сближающие их жизненный уровень с жизненным уровнем старожильского населения. Правда, круп-

ные перемены подобного рода сказываются лишь на протяжении поколений и иммигранты последних десятилетий — пуэрториканцы и мексиканцы — в полной мере ощущают на себе дискриминацию и лишения, какие терпели их предшественники, и «новые» и «старые» иммигранты. В смысле иммиграционной политики новейший период отличается попытками организованного размещения и трудоустройства иммигрантов. В особенности это относится к так называемым перемещенным лицам, а также к рабочим-мексиканцам. А. Н. Шлепаков совершенно правильно ставит это в связь с общим усилением государственно-монополистических тенденций и государственного регулирования экономической жизни. На общей реакционной волне маккартизма принимались в этот период репрессивные иммиграционные законы, лишались гражданских прав и выслались из США многие иммигранты, участвовавшие в прогрессивной деятельности. В этой связи вкратце говорится об иммигрантских культурно-просветительных обществах, о чем, к сожалению, не упоминалось в предшествующих главах.

Подробно излагается новый иммиграционный закон, который принят в конце 1965 г. и должен был войти в силу с января 1968 г. Этот закон не исходит из национальных и расовых критериев. Не увеличивая общую цифру допускаемых в страну, он впервые ограничивает иммиграцию из стран Америки.

Американская компартия с большим вниманием относится к национальным группам США и в книге полно освещается ее позиция. В последней главе подробно изложены особые резолюции, принятые в 1959 г. ее XVII съездом по целому ряду национальных меньшинств.

В кратком заключении хорошо подытожены основные выводы работы. С точки зрения этнической истории, главный из них это — движение от возросшей в начале исследуемого периода национальной неоднородности американского рабочего класса и этнической пестроты всего населения США к их этнической консолидации. Автор правильно отмечает, что разноплеменность и многоязычие американских трудящихся составляют трудность для рабочего движения. К сожалению, большинство историков, в том числе и сам автор, ограничиваются только этим положением, не учитывая, что многие национальные отряды обогащали американское рабочее движение более высоким и вообще иным европейским опытом классовой борьбы и классового сознания. Тому немало примеров дает история XIX и XX вв. Вообще социальную жизнь Америки во многом обогатило разнообразие питавших ее источников.

В завершающем книгу историографическом очерке вызывает удивление то обстоятельство, что автор не счел возможным «выделить специфические школы и направления» в американской литературе по иммиграции (стр. 466). В его обзоре мало затронута социологическая литература, которая в современной Америке больше всего разрабатывает этнические отношения, а между тем на некоторые ее произведения автор ссылается в основных главах.

К книге приложены весьма полезные таблицы и диаграммы. Однако цифры, приводимые в тексте, иногда противоречат им. Иногда они противоречат друг другу (например, на стр. 22, 23). Вообще некоторые цифры возбуждают серьезные сомнения (например, на стр. 357, 415).

Иммигранты предстают в этой книге преимущественно как объект деятельности и взглядов правительства, буржуазии, профсоюзной бюрократии, революционного крыла рабочего движения и т. д. Гораздо менее раскрываются жизнь и деятельность самих трудящихся иммигрантов и их национальных групп. Они даны, так сказать, более внешне, чем изнутри. К недочетам книги относится и то, что очень мало показана связь с положением и борьбой трудящихся-негров, особенно для последнего десятилетия, когда негритянское движение оказало большое влияние на борьбу национальных меньшинств. В гл. III и V зачастую излагаются общеполитические события и факты из истории всего американского рабочего движения, известные по другим работам, а иммигрантская тема выделена слабо.

Все перечисленные недостатки не мешают дать книге положительную оценку. Это — серьезный интересный труд, развивающий весьма важную тему и к тому же легко читающийся. Книга способствует развитию советской американистики вообще и советской этноамериканистики — в частности.

Ш. А. Богина

Michael D. Coe. *The Maya. Ancient Peoples and Places*, vol. 52, London, 1966, 252 p. 7 карт., 127 ill.

За последние годы наши познания по истории и культуре древних майя значительно возросли. Прежде всего это связано с тем, что во многих крупных городах майя (Паленке, Тикаль, Алтар де Лос Сакрифисос, Цибильчальтун, Сейбаль и др.) были произведены серьезные раскопки. Заметно продвинулось и изучение письменных источников, в первую очередь неоглифических текстов (работы Ю. В. Кнорозова, Т. Прокураковой, Л. Саттертуэйта, Г. Берлина, Д. Х. Келли и др.). Естественно, что

имевшиеся обобщающие работы по истории и культуре майя, например, вышедшая в 1946 г. книга С. Г. Морли «Древние майя»¹ и даже позднейшая переработка ее, произведенная Дж. Брэйнердом², сильно устарели и уже не соответствуют своей цели. Образовавшийся пробел и призвана восполнить рецензируемая книга. Автор ее — американский археолог Майкл Д. Ко — известен своими интересными исследованиями городища Виктория на тихоокеанском побережье Гватемалы³. Он копал также в Мексике, Британском Гондурасе, Коста-Рике и в штате Теннесси (США). В настоящее время М. Ко продолжает археологическое обследование важного в историческом отношении района — штата Веракрус в Мексике. Первые результаты его исследований поддерживают взгляды автора на ольмекскую проблему, изложенные им в книге о доклассических культурах Центральной Мексики⁴ и статье в «Справочнике по индейцам Центральной Америки»⁵.

Первая глава рецензируемой книги имеет вводный характер. В ней кратко излагаются основные сведения по географии района, занимаемого современными майя, деление его на три историко-культурные области, история вопроса и, наконец, некоторые данные о лингвистической семье майя. Автор придерживается точки зрения Дж. Э. Томпсона о том, что иероглифические надписи центральной зоны созданы на языке чоль, а не на юкатекском (стр. 34—35). Этот очень важный для понимания эпиграфики майя вопрос может быть, однако, разрешен по-настоящему лишь после того, как исследователи получат, во-первых, историческую грамматику языков майя, а, во-вторых, работу по формальному синтаксису иероглифических надписей. Отрадно попутно отметить, что и по той и другой теме уже готовятся исследования⁶.

Во второй главе рассматривается этногенез майя. М. Д. Ко последовательно характеризует археологические памятники ранних охотников и собирателей, начало земледелия и первые земледельческие поселения в этой части Центральной Америки. Наиболее подробно он останавливается на новых культурах Окос и Куадрос. Последний раздел этой главы посвящен вопросу о соотношении археологических культур горной части и низменности.

Третья глава «Образование майяской цивилизации» основана исключительно на новых материалах. Последовательно рассматриваются создание календаря и письменности (автор считает, что и то и другое пришло к майя от ольмеков), культура Исапы и тихоокеанское побережье, Каминальхуу и горная область и, наконец, Петен и район низменности. М. Ко дает очень живую, но глубоко научную картину того времени. Можно лишь с сожалением отметить, что незаслуженно мало уделено внимания памятникам Юкатана рассматриваемого периода. Учитывая, что исследовательские интересы автора сосредоточены в основном на горной части и тихоокеанском побережье, это становится понятным, но читатель от этого страдает все же не должен.

Четвертая и пятая главы посвящены классическому периоду. Как и в предыдущих разделах, в них содержится немало нового и интересного, как по материалу, так и по его осмыслению. В особом разделе четвертой главы рассматривается проблема культуры Коцумальхуапа. Автор приходит к выводу, что создателями ее были обитатели Мексиканского нагорья, вероятнее всего пипилы. Однако несмотря на тесные связи с Теотихуаканом, проявляющиеся в их искусстве и керамике, они пришли не оттуда. Ряд обстоятельств указывает на их происхождение с побережья Мексиканского залива. Следовательно, заключает Ко, в южном Веракрусе существовал некогда древний центр нахуат, часть которых впоследствии переселилась в южную область майя через Теуантепекский перешеек. При этом следует отметить, что другая группа пипилей обосновалась в долине Мотагуа, где в Киригуа и около Копана были найдены отдельные скульптурные памятники в стиле Коцумальхуапы (стр. 90).

В следующей главе (шестой по счету, но имеющей почему-то в заглавии цифру IV) рассматривается послеклассический период. Автор подробно излагает драматические события тольтекского владычества в Чичен-Ица и появления ица, дает основные сведения о Майяпане, Тайясале и Тулуме. Заканчивается эта глава разделом о майяско-мексиканских династиях в южной области.

¹ S. G. Morley, *The ancient Maya*. Stanford University Press, Palo Alto, 1946.

² S. G. Morley, *The ancient Maya*. 3-rd edition, revised by George W. Brainerd, Stanford, 1956.

³ M. D. Coe, *La Victoria, an early site on the Pacific coast of Guatemala*, «Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University», vol. 53, Cambridge, 1961; M. D. Coe and K. V. Flannery, *Early cultures and human ecology in South Coastal Guatemala*, «Smithsonian Contributions to Anthropology», vol. 3, Washington, 1967.

⁴ M. D. Coe, *The Jaguar's Children: pre-classic Central Mexico*, 1965.

⁵ M. D. Coe, *The Olmec style and its distributions*, «Handbook of Middle American Indians», vol. 3, pp. 739—775, Austin, 1965.

⁶ N. A. Hopkins, *Summary of the first seminar for the study of Maya writing*, «Latin American Research Review», vol. II, No. 2, Austin, 1967, p. 93.

Небольшая седьмая глава «Жизнь майя» дает краткие сведения о земледелии, охоте, ремеслах, торговле и, наконец, социальном строе древних майя. Ко считает, что к майяскому обществу равно неприменимы термины как «теократическое», так и «примитивно-демократическое», т. е. доклассовое. «Это было классовое общество с сильной политической властью в руках наследственной знати». Против такого определения трудно возразить, однако хотелось бы иметь все же более подробную характеристику с указанием особенностей, отличавших общественный строй майя от других народов древней Америки. К сожалению, автор не использует всех имеющихся источников, в частности, даже не рассматривается вопрос: имелись ли какие-либо различия в области социального строя между майя низменности и нагорья. Несомненно, при переиздании (а книга М. Ко заслуживает его) этот раздел должен быть расширен.

Последняя, восьмая глава носит название «Майяская мысль». В ней рассматриваются отдельные аспекты идеологии и науки древних майя; прежде всего религия (с разделом о жречестве), затем математические и астрономические знания и иероглифическое письмо. В разделе о письменности Ко подробно излагает взгляды Ю. В. Кнорозова и высоко оценивает их, сравнивая советского ученого с Шампольоном. В последнем разделе «Содержание надписей» он останавливается на недавних работах американской исследовательницы Т. Проскуряковой и отмечает их большое научное значение⁷.

Книга заканчивается избранной библиографией и альбомом продуманно подобранных и превосходно выполненных иллюстраций. В последнем воспроизведен ряд мало известных или никогда дотоле не публиковавшихся, недавно обнаруженных майяских памятников (например, монумент I из Монте Альто, деревянная статуэтка из Табаско, двойной сосуд из погребения 10 в Тикале, курильница из Сарсала, расписной сосуд из Алтар де Сакрифисьо и др.). Каждая из глав, посвященных истории, сопровождается специальной картой. В целом работа М. Ко привлекает внимание ясностью языка, четкостью изложения основных данных по истории и культуре майя и встающих теперь перед исследователем проблем. Было бы очень желательно, чтобы эта хорошая книга появилась бы в русском переводе.

Р. В. Кинжалов

⁷ Об исследованиях Т. Проскуряковой и их значении для изучения истории майя см.: Р. Кинжалов, Новые работы по культуре древней Америки, «Сов. этнография», 1963, № 1, стр. 163—164.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РСФСР [1966 г.]

Айплатов Г. Н. Марийские «Знамена» XVII века как историко-этнографический источник. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 130—139.

Акимов А. С. Научная сессия по этногенезу марийского народа. [Йошкар-Ола. Дек. 1965 г.]. «Вопр. антропологии», вып. 23, 1966, с. 167—168.

Алексеев Н. П. Характер религиозности в среде колхозного крестьянства и основные факторы ее преодоления. (Социол. исследование в колхозах Орлов. обл.) М., «Мысль», 1966, 16 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма).

Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. «Сов. археология», 1966, № 1, с. 61—76. Библиогр. в подстроч. примеч.

Анохина Л. А. и Шмелева М. Н. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения. (Опыт изучения городов средней полосы РСФСР). «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 57—67. Библиогр. в подстроч. примеч.

Анохина Л. А. и Шмелева М. Н. Опыт этнографического изучения культуры и быта русского городского населения Средней полосы РСФСР.— В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года. М., 1966, с. 40—43. (АН СССР. Отд. историч. наук. Ин-т археологии. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Анохина Л. А. и Шмелева М. Н. Религиозно-бытовые пережитки у колхозного крестьянства и пути их преодоления. (По материалам Калининской, Костромской и Ярославской областей).— В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. Сб. статей. М.—Л., «Наука», 1966, с. 115—128. Библиогр. в подстроч. примеч.

Анохина Л. А., Крупянская В. Ю. и Шмелева М. Н. Этнографическое изучение сельского и городского населения в СССР. М., «Наука», 1966, 12 с. [Международный конгресс социологов, 6-й. 1966. [Материалы]. Ин-т этнографии АН СССР]. Библиогр.: с. 11—12 (10 назв.). На англ. яз.

- Арбат Ю. Краски Мезени. [О мезенской росписи по дереву]. «Огонек», 1966, № 25, с. 25.
- Аренкова Ю. Неожиданное сходство. (Об облицовочных керамических плитках XVI—XVII вв. Псковской обл. и Чехословакии). «Декоративное искусство СССР», 1966, № 4, с. 34—35.
- Астахова А. [Рец.]: 1) Сироткин М. Я. Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965, 132 с.; 2) Одюкова И. И. Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы. Чебоксары, 1965, 200 с. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 194—196.
- Баранова Е. Н. О собирательской работе Саратовского музея. «Труды НИИ музееведения», вып. 16, 1966, с. 89—96.
- Бежкович А. С. История заселения Кубани. «Докл. по этнографии». (Отд. этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 2, 1966, с. 26—44.
- Богданович А. Е. Язык земли. Население Верхнего Поволжья. Оки и Камы. Этнол. очерк по данным водо-речной номенклатуры и др. материалам. Вступит. статья, примеч. и науч. ред. А. Б. Дитмара. Ярославль. Верхне-Волж. кн. изд-во, 1966, 143 с. с портр. (Они любили наш край). Библиогр. в примеч.: с. 122—142.
- Богуславская И. В. Русское музей. (Об экспозиции произведений нар. искусства). «Декоративное искусство СССР», 1966, № 2, с. 23—26.
- Бондарук Г. П. Местные географические термины в топонимии Ярославской области. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 166—168.
- Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этногр. исследование материальной культуры (середина XIX—начало XX в.). Казань, изд-во Казан. ун-та, 1966, 403 с. с илл. и карт.; 8 л. илл.
- Варавва И. Ф. Песни казаков Кубани. Запись текстов и подгот. к печати И. Ф. Вараввы. (Предисл. В. Сидельникова). Краснодар, кн. изд-во, 1966, 326 с. с илл.
- Васенков В. Новые праздники и обряды. Репортаж из Брянской обл. Тула, Приокское кн. изд-во, 1966, 83 с. с илл.
- Васина А. И. и Гаген-Торн Н. И. Дмитрий Константинович Зеленин. (Этнограф. К 10-летию со дня смерти). «Изв. Всес. геогр. о-ва», т. 98, вып. 1, 1966, с. 67—70.
- Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашского народа. (В связи с проблемой общности нар. пед. культур). Чебоксары, Чувашкнигоиздат, 1966, 341 с. (Министерство просвещения РСФСР. Чуваш. гос. пед. ин-т им. И. Я. Яковлева). «Публикации Г. Н. Волкова по монографии»: с. 335—339 и библиогр. в примеч. в конце глав.
- Воробьев А. Городецкие расписные. [О худож. росписи и резьбе на прялках из коллекции С. Гераскина]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 9, с. 48—49.
- Воронина М. Н. Лекарственные растения, применяемые в народной медицине Костромской области, с фармакологическим исследованием некоторых из них. Л., 1966, 15 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. фармацевт. наук, Ленингр. хим.-фармацевт. ин-т.
- Воронова О. Судьбы народного искусства. [О недостатках в организации нар. промысла и распространении изделий народно-прикл. и декоративного искусства]. «Дон», 1966, № 11, с. 182—188.
- Горпенко А. Е. Русское просечное железо XVII—XVIII вв. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 119—147.
- Горчуков В. Живое и неисполненное страсти. (Об экспонатах выставки деревянной русск. скульптуры и декоративной резьбы. Москва—Ленинград. 1966). Заметки скульптора. «Вокруг света», 1966, № 6, с. 32—37.
- Грознов А. В. Ложные этимологии в топонимии Калужской области. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 135—136.
- Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога. (По раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР). «Археол. сб.» (Гос. Эрмитаж), вып. 8, 1966, с. 103—115. Библиогр. в примеч.: с. 114—115.
- Денисова Р. Я. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 24—37. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Деньшин А. И. О мастерницах Дымкова. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 191—215.
- Добродомов И. Г. Из древнерусской этнонимии. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 122—128. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Добряков Ю. Вологодские кружева. Очерк. «Культура и жизнь», 1966, № 2, с. 44—45, 47.
- Евсеев М. Е. Избранные труды. В 5 томах. Т. 5. Историко-этнографические исследования. [Сост., подгот. текстов В. И. Беззубова, В. С. Ивашкина, К. А. Кобкова, А. Б. Кузнецова. Комментар. Н. Ф. Мокшина]. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1966, 552 с. с илл. и нот. илл.: 1 л. портр. (НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. Центр. гос. архив Мордов. АССР). Часть текста парал. на рус. и мордов. яз.

Елесин В. Праздник проводов зимы в Тотеме. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 8—12 с илл.

Емельянова Т. Хохлома. [О творческих поисках мастеров по росписи изделий прикл. искусства]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 7, с. 12—16. Резюме на англ. яз.

Загидуллин А. А. Семейный быт татарских крестьян. (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1966, 20 с. (Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Званцев М. и Черников В. Горьковский музей-заповедник. [О произведениях нар.-прикл. искусства. Из этногр. коллекции Горьк. гос. ист.-архит. музея-заповедника]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 10, с. 24—26. Резюме на англ. яз. Вкладка.

Званцев М. Монографическая выставка. [По материалам выставки, посвящ. нар. искусству Горьк. обл. Москва. Янв.—апр. 1966 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 8, с. 45—46.

Званцев М. Необычные сюжеты поволжской резьбы [по дереву]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 1, с. 30—33.

Исторические песни XVII века. [Тексты]. Изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. Вступит. статья Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966, 385 с. с нот. (АН СССР. Ин-т русск. литературы (Пушкинский дом). Памятники русск. фольклора). Библиогр. в примеч.: с. 334—377.

Кавтаськин Л. и Мокшин Н. [Рец.]: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, 436 с. «Сов. этнография», 1966, № 2, с. 167—168.

Казанкин Н. Посвящение в рабочую семью. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 18—21 с илл.

Каплан Н. И. Народное узорное ткачество и вышивка на юге Воронежской области. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 68—76.

Катаников А. Заслуженная слава. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 23—33.

Кибардина А. Во дворце культуры железнодорожников. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 33—38.

Кожемякин А. В. Из топонимии Воронежа. «Вопр. географии», сб. 70, 1936, с. 169.

Кожемякин А. В. Рубрук в Среднем Подонье. [По материалам дневника франц. посла «Путешествие в восточные страны». 1253—1255 гг.]. «Труды Воронежского ун-та», т. 64, 1966, с. 46—53.

Крапивина И. А. О работе института с жостовским промыслом. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 37—45.

Краснов Ю. А. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР. «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 107, 1966, с. 17—27 с карт.

Крошечкин И. Культура и быт колхозного села. [Рассказ пред. профкома колхоза им. Кирова, Пенз. обл. Лит. запись Г. Евсеева]. М., Профиздат, 1966, 56 с. с илл. (Б-чка сел. профсоюзного активиста. 16 (64)).

Крюкова Т. А. Коллекционные собрания по мордве в Государственном музее этнографии народов СССР. «Труды НИИ яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР», вып. 30, 1966, с. 211—216.

Куклин В. Н. К вопросу о ткачестве у мордвы (подготовка пряжи к тканью). XIX — начало XX в. «Труды НИИ яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР», вып. 30, 1966, с. 176—188.

Куликов Н. Тост за новобранных. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 14—15.

Кульчицкая Г. Палеху 40 лет. (О современных художниках-палешанах). «Художник», 1966, № 3, с. 11—13.

Курсков Ю. [Рец.]: Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.—Л., 1965, 223 с., XVIII табл. илл. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 176—179.

Левашова В. П. Об одежде сельского населения Древней Руси. «Труды Ист. музея», вып. 40, 1966, с. 112—119.

Лесникова Р. П. и Меркулова З. М. Местные географические термины в названиях населенных пунктов Удмуртии. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 110—111.

Липец Р. [Рец.]: Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1964, 162 с. «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 178—180.

Любям на радость. (Описание советских обрядов). Ростов н/Дону, кн. изд-во, 1966, 48 с. (Рост. обл. упр. культуры. Метод. кабинет культпросветработы). Библиогр.: с. 48.

Маковецкий И. В. Северная симфония. [О памятниках древнерусск. деревянного зодчества]. «Вокруг света», 1966, № 8, с. 41—45.

Марийская литература, искусство и народное творчество. Сб. статей. Ред.: К. К. Васин и М. А. Георгина. Йошкар-Ола, Маркнигиздат, 1966. 168 с. с илл. (Ма-

рийский НИИ истории, языка и литературы при Совете Министров Марийск. АССР. Сб. научных работ. Вып. XX).

Марк К. и Кокла П. Научная сессия по этногенезу марийского народа. [Йошкар-Ола. Дек. 1965 г.]. «Сов. финно-угроведение», II, № 2, 1966, с. 147—150.

Маслова Г. С. Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти. (По материалам Комплексной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР). «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 102—117.

Маслова Г. и Санникова А. [Рец.]: Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.—Л., 1965, 223 с. XVIII табл. илл. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 176—179.

Мирский В. В. Русская народная семейная песня. (Классификация и развитие сюжетов, система и поэтика образов, композиция). М., 1966, 19 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).

Митлянская Т. Б. Вставка «Русское народное гончарство» в Музее народного искусства. (Москва. Июнь—ноябрь 1965 г.). «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 249—254.

Митрофанова В. В. Специфика русских народных загадок и их связь с другими жанрами фольклора. «Русск. фольклор», т. 10, 1966, с. 79—102.

Морозова М. Н. Сопоставительное изучение топонимии Калужской и Тамбовской областей. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 72—75.

Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону. [По материалам археол. раскопок]. «Вопр. истории славян», вып. 2, 1966, с. 114—144.

Мухомедова Р. Г. Татары-мишари. (Мордов. АССР). Историко-этногр. исследование. Казань, 1966, 31 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Народное творчество Северной Двины. Старинные песни, прибаутки, дет. песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды. Сост. и авт. вступит. статьи В. В. Митрофанова и Л. В. Федорова. Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1966, 171 с. с илл. (Арханг. гос. пед. ин-т им. М. В. Ломоносова).

Народные игры. Казань, Таткнигоиздат, 1966, 88 с. с илл. На татарск. яз.

Новиков Н. В. О специфике образа в восточнославянской сказке (Кашей бессмертной). «Русск. фольклор», т. 10, 1966, с. 149—175.

Новые народные обряды. Сб. статей. Краснодар. Кн. изд-во, 1966, 96 с. с илл.

Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1966, 62 с. (Методический кабинет культ-просвет. работы. Упр. культуры Вологодского облисполкома).

Новые праздники и обряды — в быт советских людей. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 3—8.

Новые советские праздники и обряды. [Реком. список репертуарно-методич. литературы]. М., 1966, 16 с. (Министерство культуры РСФСР. Центр. дом нар. творчества им. Н. К. Крупской, Центр. науч.-метод. кабинет культпросветработы). В вып. дан. сост.: А. Големба и Е. Лебедева.

Носик Б. Путешествие за дымковской игрушкой. М., «Знание», 1966, 80 с. с илл.

Овсянников Ю. Русское народное декоративное искусство. М., «Прогресс», 1966, 238 с. с илл. На англ. яз.

Орлова З. А. Из истории русской сельскохозяйственной терминологии. (На материале терминов-названий с.-х. орудий). «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1966, № 5, с. 50—59. Библиогр.: 33 назв.

Островский В. Б. и Вениг Б. Л. По старым саратовским трактатам. Из прошлого и настоящего сарат. крестьянства. Саратов, Приволжск. кн. изд-во, 1966, 136 с. с илл.

Рец.: Белецкая Л. Современная деревня — какая она? «Волга», 1966, № 11, с. 184—186.

Поле любит труд. Русск. нар. пословицы и поговорки о сельском хоз-ве. Сост. Б. М. Ховратович. Красноярск, Кн. изд-во, 1966, 143 с. Библиогр.: с. 140—142.

Посвящение в земледельцы. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 49—53.

Путилов Б. Н. Об историзме русских былин. «Русск. фольклор», т. 10, 1966, с. 103—126.

Работнова И. П. Народное искусство Печорского района Псковской области. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 76—82.

Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Ист.-бытовые очерки XI—XIII вв. [Предисл. Н. Е. Носова]. Изд. 2-е. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966, 240 с.; 1, л. портр. (АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории). Библиогр.: с. 286—238.

Романов Н. Р. Полевые обряды и праздники. Чебоксары, Чувашкнигоиздат, 1966, 36 с. (НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР). На чуваш. яз.

Ротин И. Поэзия цветного рукава. [О собирателе русск. нар. ткацкого искусства П. Д. Пономареве]. «Молодая гвардия», 1966, № 9, с. 279—290.

Русские народные песни. [Песенник]. Сост.-ред. Аз. Иванов. 3-е изд. М.—Л., «Музыка», Ленингр. отд-ние, 1966, 415 с. с нот. Циклы. Песни исторические, молодецкие, бурлацкие. Песни солдатские, и рекрутские. Песни крестьянского быта. Песни городского быта. Песни хороводные, плясовые, шуточные. Частушки и страдания.

Русское народное творчество. [Учеб. пособие для гос. ун-тов и пед. ин-тов]. М., «Высш. школа», 1966, 359 с. Перед загл. авт.: П. Г. Богатырев, В. Е. Гусев, И. М. Колесническая и др. Библиогр. в конце разделов.

Сабурова Л. М. [Рец.]: Анохина Л. А. и Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964, 354 с. «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 173—175.

Сабурова Л. М. [Рец.]: Колхоз — школа коммунизма для крестьянства. [Комплексное социальное исследование колхоза «Россия». Ставропольский край]. М., 1965, 359 с. «Сов. этнография», 1967, № 3, с. 168—170.

Сахаров А. Н. Русская деревня XVII вв., М., «Наука», 1966. 230 с. Библиогр. обзор: с. 21—38.

Селиванов Ф. Из наблюдений над современным состоянием фольклора в Калужской области. «Вестн. Моск. ун-та». Филология, 1966, № 3, с. 94—96.

Сильверстов Ю. Утверждение новых традиций. (О внедрении новых обрядов и праздников в колхозе «Пятилетка» Костром. обл.). Кострома, Верхн.-Волжск. кн. изд-во, 1966, 27 с. с илл. (Центр. науч.-метод. кабинет культпросветработы М-ва культуры РСФСР. Костром. обл. упр. культуры).

Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Ба-Блазниться. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966, 315 с. (АН СССР. Ин-т русск. яз. Словарный сектор). Библиогр.: с. 6—9.

Словарь русских пословиц и поговорок. Сост. В. П. Жуков. М., «Сов. энциклопедия», 1966, 535 с. Библиогр.: с. 522—535.

Смирнов Ю. [Рец.]: Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.—Л., «Наука», 1964, 301 с. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 123—129. Библиогр. в подстроч. примеч.

Смолицкий В. Г. Героические былины о Добрыне Никитиче. М., «Наука», 1966, 28 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии).

Современный русский фольклор. Сб. статей. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., «Наука», 1966, 256 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр. (сост. М. Я. Мельц): с. 247—255.

Степанов П. Д. Некоторые вопросы этнографии мордвы. (К вопросу о мордов. «знаменах»). «Труды НИИ яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР», вып. 30, 1966, с. 189—210 с илл.

Суганова З. В. Из наблюдений над топонимией Дона. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 141—144.

Сушинова М. Берегите страну свою родную! В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 21—23.

Сушинова М. Наречение имени новорожденному. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 15—18.

Сыпченко И. В. К вопросу о причинах живучести религиозных пережитков. «Труды Новочеркас. политехн. ин-та», т. 161, 1966, с. 81—87.

Тепляков М. К. Состояние религиозности населения и отход верующих от религии в Воронежской области (1961—1964 гг.). В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. Сб. статей. М.—Л., 1966, с. 31—52. Библиогр. в подстроч. примеч.

Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов. «Советская археология», 1966, № 2, с. 33—49.

Тиц А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., «Наука», 1966, 355 с. с илл. (АН СССР. Ин-т истории искусств. М-во культуры СССР).

Торжественно, красиво, памятно!.. (Опыт проведения новых праздников). Сб. статей. М., «Московский рабочий», 1966, 136 с. с илл. На обороте тит. л. сост.: В. И. Мурашова, И. Н. Романов.

Трудовые праздники и юбилей. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 53—61.

Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв. «Труды Ист. музея», вып. 40, 1966, с. 120—140 с карт.

Улуханов И. С. Происхождение названия Волга. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 105—107.

Урманчеев Ф. Собрание и изучение татарского фольклора. (Краткий обзор литературы). «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 142—148. Библиогр. в подстроч. примеч.

Успенская А. В. Древнерусское поселение близ г. Дубна [Моск. обл.]. «Труды Ист. музея», вып. 40, 1966, с. 105—111.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. В 8 т. Т. 3. Ч. 1. Мокшанские сказки. Сост., предисл. и примеч. А. И. Маскаева. Саранск, Мордовск. кн. изд-во, 1966,

383 с. (НИИ языка, литература, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР).

Уткин П. И. Скань в русском ювелирном искусстве второй половины XVIII — начала XIX в. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 147—166.

Уханова И. Н. Новые данные об одном из северных промыслов. [О «жемчужном» промысле]. «Докл. по этнографии» (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 2, 1966, с. 45—54.

Федоров А. Новь деревенского быта. [Калининская обл.] М., «Московский рабочий», 1966, 112 с. с илл.

Федянович Т. П. Научная сессия по этногенезу марийцев. [Йошкар-Ола. Дек. 1965 г.]. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 153—156.

Фоменко В. Таганрог и Миус. [Топоним. заметки]. «Дон», 1966, № 7, с. 182—183.

Фролов Л. Роднички. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 42—48.

Халиков А. Х., Лебединская Г. В. и Герасимова М. М. Пепкинский курган. (Абашевский человек). Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1966, 69 с. с илл. и карт.; 1 л. илл. (АН СССР. Казан. ин-т языка, литературы и истории. Труды Марийск. археол. экспедиции. Т. 3). Библиогр.: с. 47—48.

Циркин А. В. Проникновение славянской культуры в быт и погребальный обряд мордвы (VII—XIII вв.). «Труды НИИ яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР», вып. 30, 1966, с. 217—234. Библиогр. в подстроч. примеч.

Чекалов А. Русская народная мебель. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5, с. 32—37.

Червяков А. Русская набойка XVII—XVIII веков. [О набивных тканях из коллекции Л. И. Якуниной]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 7, с. 48—49. Резюме на англ. яз., вкладка.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. Л., 1966. 26 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ авт. в конце текста.

Чистяков С. Праздник животноводов в Шексне. В кн.: Новые праздники и обряды. Сб. статей. Вологда, 1966, с. 39—42 с илл.

Шенников А. А. О русских крестьянских усадьбах XVI века. «Докл. по этнографии» (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 2, 1966, с. 4—25.

Экономика, культура и быт колхозного крестьянства. (Доклады на гор. семинаре преподавателей истории КПСС вузов по материалам ист.-социол. экспедиции Кафедры истории КПСС ун-та в колхозы Саратов. Заволжья). Редколлегия: В. Б. Островский и др. Саратов, «Коммунист», 1966, 83 с. (Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского).

Элиаш Н. М. Русские свадебные песни. Ист.-этногр. анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, Приокск. кн. изд-во, 1966, 79 с. (Орлов. гос. пед. ин-т).

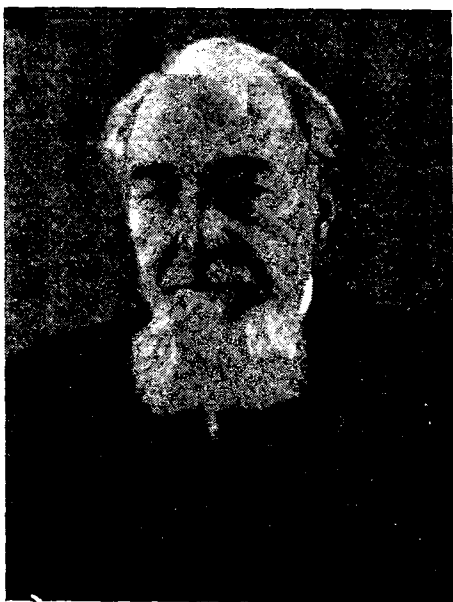
Юхнева Н. М. [Рец.]: Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. М.—Л., 1964, 195 с. (АН СССР. Петрозаводский ин-т языка, литературы и истории). «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 175—176.

Яковлева Е. Г. Ткани и ковры деревни Кармышево Башкирской АССР. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 105—115.

Яловенко Г. В. Технологический процесс производства и виды художественного оформления федоскинских изделий. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, 1966, с. 219—242.

Яснопольский Н. А. Вопреки совести и убеждению. (О вреде религ. обряда крещения). Чебоксары, Чувашкиноиздат, 1966, 40 с. На чуваш. яз.

Составитель Р. В. Каменецкая

НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ ВОРОБЬЕВ

29 сентября 1967 г. после тяжелой продолжительной болезни на 73-ем году жизни скончался профессор доктор исторических наук Николай Иосифович Воробьев.

Н. И. Воробьев, будучи крупным ученым, опытным педагогом и активным общественным деятелем, пользовался широкой популярностью в кругах советских и зарубежных этнографов и географов. Его научные заслуги были высоко оценены в нашей стране. Н. И. Воробьев награжден орденом В. И. Ленина, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», почетными грамотами Верховных советов Татарской, Чувашской и Мордовской АССР; ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Татарской АССР, он являлся почетным членом Географического общества СССР.

В лице Н. И. Воробьева мы потеряли исследователя, удачно сочетавшего интересы географической и этнографической наук. Его перу, наряду с этнографическими работами, принадлежат ряд ценных работ по физической и экономической географии. Исследуя этнографические проблемы, Николай Иосифович никогда не отрывался от особенностей географической среды и ее воздействия на хозяйственную деятельность и быт населения; изучая географию тех или иных пунктов страны, он не абстрагировался от их населения. В основу опубликованных Н. И. Воробьевым монографий, очерков, статей легли его оригинальные полевые материалы. Он обладал большим опытом экспедиционных исследований, при этом ему были свойственны большая любовь к родному краю, его природе и глубокое уважение к людям, из уст которых он черпал этнографические сведения. Н. И. Воробьев отличался остротой восприятия и большой проницательностью, вникал в существо исследуемых явлений. Все это обусловило особую ценность и полноту накопленных им самим или под его руководством его учениками полевых материалов.

Научные интересы Н. И. Воробьева определились в студенческие годы. Еще будучи студентом географического факультета Казанского университета, он по поручению Общества естествоиспытателей, а затем по заданиям Русского географического общества совершил ряд экспедиционных поездок в районы Восточной Сибири (в низовья Енисея и по его притокам, в окрестности г. Красноярска) и в Уссурийский край (1915—1918 гг.). Итогом исследований этих отдаленных и в то время малодоступных пунктов страны посвящены первые печатные работы молодого географа-этнографа. Таковы статьи «Рыболовство на р. Чуне», «Отчет о поездке на Енисей» («Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанском гос. ун-те», т. 48, вып. 5, 1917), «Русское старожильческое население Сибири» («Труды Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те», т. 38, вып. 2, 1926) и др.

С момента окончания университета и далее, на протяжении всей жизни Н. И. Воробьев сосредоточил все свои творческие усилия на исследовании природы и населения Среднего Поволжья. Одна из его ранних публикаций — «Основы физической географии Татарской республики» — явилась первым обобщающим трудом по географии Татарии, выдержавшим три издания. В области этнографии Н. И. Воробьев много и плодотворно работал над исследованием казанских татар. В 1930 г. выходит в свет его капитальный труд «Материальная культура казанских татар», в котором с исклю-

чительной точностью и тщательностью прослеживается развитие всех основных элементов материальной культуры татарского народа с древнейших времен и до современности. Особая ценность этого труда состоит в том, что Н. И. Воробьев на основе анализа приведенного в книге богатейшего материала, опроверг существовавшую ранее теорию о происхождении казанских татар от Золотой орды и доказал генетическую связь казанских татар с более древним населением «земледельческих и степных кочевых племен». Это положение нашло впоследствии подтверждение в работах историков, археологов, антропологов, лингвистов.

Этнографические исследования культуры и быта казанских татар находились в центре внимания Н. И. Воробьева и в последующие десятилетия. В 1953 г. он опубликовал монографию «Казанские татары». В книге, помимо обширного материала о татарах, приводятся разносторонние этнографические данные о других народах Поволжья, с которыми татары соприкасались в ходе длительного исторического развития. Привлекая археологические, этнографические и исторические источники, автор последовательно рассматривает историю местного края от эпохи палеолита до кануна Великой Октябрьской социалистической революции. Наряду с анализом явлений материальной и духовной культуры народа, в книге уделено значительное внимание вопросам формирования социальных и этнических общностей — сложению союза племен, образованию татарской народности, созданию и дальнейшему развитию татарской нации.

Параллельно с исследованием татар, Н. И. Воробьев, начиная с 1950 г., приступил к планомерным полевым этнографическим работам среди чувашей Чувашской АССР, возглавив объединенную этнографическую экспедицию Казанского филиала АН СССР и Института языка, литературы и истории Чувашской ССР. В 1956 г. под его руководством и с его авторским участием вышла в свет первая часть коллективной обобщающей монографии «Чуваши». В книге рассматриваются вопросы происхождения чувашей, формирования их культуры и быта. Н. И. Воробьев все более расширял ареал своих исследований. В последние годы жизни он возглавлял авторский коллектив по созданию еще одного капитального обобщающего труда о татарах Поволжья и Приуралья. Труд этот — «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», издания которого так ждал Н. И. Воробьев, вышел в свет уже после его смерти. Монография содержит обстоятельную этнографическую характеристику культуры и быта различных групп татарского народа. В стадии завершения авторской работы находится и вторая часть монографии «Чуваши», в подготовке которой также деятельно участвовал Н. И. Воробьев.

Несмотря на то, что создание этих крупных основополагающих работ отнимали много времени и сил, Н. И. Воробьев живо откликнулся на приглашение Института этнографии АН СССР участвовать в подготовке серии «Народы мира». Им были написаны для этой серии два очерка: «Татары» и «Чуваши»; он был, кроме того, в числе титульных редакторов тома «Народы Европейской части СССР» этой серии.

Н. И. Воробьев был одним из активных авторов журнала «Советская этнография», на страницах которого опубликован ряд его статей, посвященных самым различным этнографическим сюжетам. Среди них хотелось бы отметить две статьи методического характера: «Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народов Среднего Поволжья» (1951, № 4) и «К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства» (1952, № 1). Их публикация в те годы свидетельствовала о глубоком понимании автором значения задач науки в области исследования современности.

Немало статей опубликовано Н. И. Воробьевым и в других журналах — «Известиях Всесоюзного географического общества», «Коммунист», «Известиях Казанского филиала АН СССР» и др. Всего перу Н. И. Воробьева принадлежит более 100 научных работ. Богатейшим наследием многолетнего плодотворного труда является его рукописный архив, теперь уже уникальных полевых материалов.

Большую ценность представляют и собранные Н. И. Воробьевым музейные коллекции. Николай Иосифович был создателем этнографического отдела Государственного музея Татарской АССР, в фондах которого находится значительное число собранных им коллекций. Н. И. Воробьевым вместе с его учениками систематически пополнялись и коллекции Музея Казанского государственного университета.

Н. И. Воробьев — блестящий педагог, популяризатор научных знаний. Его лекции по истории географии, общему земледелию, этнографии всегда привлекали большое число студентов. Он был организатором географического факультета Казанского государственного педагогического института, деканом которого был в течение 10 лет (1933—1943 гг.). Н. И. Воробьев являлся профессором географического факультета Казанского государственного университета. Свою педагогическую деятельность он продолжал уже будучи заведующим сектором археологии и этнографии Института языка, литературы и истории АН СССР в Казани. Им подготовлено 22 кандидата и 3 доктора наук, успешно работающих теперь в научных учреждениях и вузах республик Поволжья и Приуралья.

Н. И. Воробьев отдавал много энергии для плодотворной деятельности научных обществ — активно участвовал в работе Всесоюзного географического общества, яв-

лялся одним из организаторов, а в последние годы председателем Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете.

Николай Иосифович со своими учениками постоянно участвовал в научных сессиях, организуемых научными учреждениями и вузами республик Поволжья и Приуралья и центральных институтов АН СССР, был делегатом VII Международного конгресса антропологов и этнографов, проходившем в 1964 г. в Москве.

Безвременная кончина Н. И. Воробьева оставила нереализованными еще многие творческие замыслы ученого. От нас ушел обаятельный человек, большой душевной щедрости. Таким он останется в памяти всех знавших его людей разных поколений.

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Л. Н. Терентьева

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Н. И. ВОРОБЬЕВА ПО ЭТНОГРАФИИ

1. Материалы по быту русского старожильского населения Восточной Сибири. Население Причуньского края. Казань, 1926.
2. Жилища и поселения татар Арского кантона ТАССР. «Вестник научного общества татароведения», № 4, Казань, 1926.
3. К. Ф. Фукс — первый исследователь быта казанских татар. «Вестник научного общества татароведения», № 6, Казань, 1927.
4. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТАССР. «Вестник научного общества татароведения», № 7, Казань, 1927.
5. Прimitивный тип татарского ткацкого станка. «Материалы центрального музея ТАССР», № 1, Казань, 1927.
6. Некоторые данные о технике вышивок казанских татар. «Материалы центрального музея ТАССР», № 2, Казань, 1928.
7. Кряшены и татары (материалы по сравнительной характеристике быта). Журн. «Труд и хозяйство», № 5, Казань, 1929.
8. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.
9. Происхождение казанских татар по данным этнографии. СЭ, 1946, № 3.
10. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР летом 1946 г., СЭ, 1947, № 1.
11. Каюм Насыри. «Этнографический сборник К. Насыри», Казань, 1948.
12. Этнографический музей Казанского университета. СЭ, 1948, № 1 (совместно с Е. П. Бусыгиным и Г. В. Юсуповым).
13. Этнографические наблюдения И. М. Симонова на островах Тихого океана. «Изв. Всесоюз. географ. общества», вып. 5, 1949 (совместно с Е. П. Бусыгиным и Г. В. Юсуповым).
14. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. СЭ, 1950, № 3.
15. Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народов Среднего Поволжья. СЭ, 1951, № 4.
16. К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства. СЭ, 1952, № 1.
17. Казанские татары. Казань, 1953.
18. Китайские коллекции в музеях Казани. СЭ, 1954, № 1 (совм. с Е. П. Бусыгиным).
19. К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 25, 1956.
20. Чуваш. Этнографическое исследование, ч. I. Чебоксары, 1956 (совместно с А. Р. Львовой, Н. Р. Романовым, А. Р. Симоновой).
21. Резьба по дереву у чувашей. СЭ, 1956, № 4.
22. Украшение и внутреннее убранство крестьянского жилища у народов Среднего Поволжья. «Изв. Казанского филиала АН СССР», № 2, 1957.
23. Тувинские коллекции в этнографическом музее Казанского университета. СЭ, 1957, № 3 (совместно с Е. П. Бусыгиным и Н. В. Зориным).
24. Конференция по археологии, древней и средневековой истории Поволжья. СЭ, 1957, № 2 (совместно с Е. П. Бусыгиным).
25. Художественные промыслы в Татарии в прошлом и настоящем, Казань, 1957 (совместно с Е. П. Бусыгиным).
26. Исследования казанских ученых по этнографии народов Среднего Поволжья. «Изв. Казанского филиала АН СССР. Юбилейный сборник», 1957 (совместно с Г. М. Хисамутдиновым).
27. Историко-этнографические исследования населения северозападных районов Башкирии, СЭ, 1962, № 6 (совместно с Г. М. Хисамутдиновым и Г. В. Юсуповым).
28. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья. «Итоговая научная сессия Каз. ин-та языка, литературы и истории АН СССР за 1963 г.», Казань, 1963.
29. Народное прикладное искусство казанских татар Поволжья. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964 (совместно с Ф. Х. Валеевым).
30. Татары. Историко-этнографический очерк. В кн. «Народы Европейской части СССР», II (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1966.
31. Чуваш. Историко-этнографический очерк, там же.
32. Татары среднего Поволжья и Приуралья. Под редакцией Н. И. Воробьева и Г. М. Хисамутдинова.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. П. Васильева (Москва). Современные этнические процессы в Северном Туркменистане	3
Л. Н. Чижикова (Москва). Об этнических процессах в восточных районах Украины (По материалам экспедиционного обследования 1966 г.)	18
В. И. Санаров (Новосибирск). Элементы древних верований в религии цыган	32
И. М. Золотарева, А. Г. Башлай (Москва). Серологические исследования в Якутии	46
Ю. П. Аверкиева (Москва). Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации	56
М. Я. Берзина (Москва). Этнический состав населения Канады (Этно-статистическое исследование)	71
Л. Темирханов (Душанбе). О некоторых спорных вопросах этнической истории хазарейского народа	85

Дискуссий и обсуждения

Л. П. Лашук (Москва). Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов	95
В. А. Жучкевич (Минск). К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов	107

Сообщения

Н. А. Дворникова (Москва). Русские и украинские традиции в одежде населения северо-восточных районов Украины (По материалам экспедиции в Сумскую и Харьковскую области)	114
В. Н. Белицер (Москва), В. А. Балашов (Саранск). Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа	122
М. Э. Проodelь (Таллин). О работе местных корреспондентов фольклорного отдела Литературного музея АН Эстонской ССР	126
С. И. Сагитов (Нукус). К вопросу о локализации легендарной местности Жидели-Байсун по данным ботаники	130
Г. Л. Хитъ (Москва). Пальцевые узоры у населения Европейской части СССР	134
А. Е. Винцелер (Бухарест). Свадебный обряд у липован	139

Поиски, факты, гипотезы

Р. Л. Садоков (Москва). Путешествие в глубь веков в поисках музыки	148
--	-----

Научная жизнь

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, А. В. Суперанская, М. А. Членов (Москва). Новые исследования по ономастике	164
А. А. Лебедева, С. Б. Рождественская (Москва). Новая экспозиция Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника	168

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

В. Г. Бойко (Киев). К итогам десятилетнего пути (О современной тематике в журнале «Народна творчість та етнографія»)	174
--	-----

Народы СССР

Т. И. Алексеева (Москва). И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк)	178
Н. А. Кисляков (Ленинград). Культура и быт казахского колхозного аула	181
Н. Г. Волкова, А. Г. Трофимова (Москва). Г. А. Сергеева. Арчинцы	184

Х.-М. О. Хашаев, А. Р. Шихсаидов (Махач-Кала). Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I	186
---	-----

Народы зарубежной Азии

А. А. Прусаускас (Москва). <i>Nepali Gopal Singh</i> . The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community	189
---	-----

Народы Америки

Ш. А. Богина (Москва). А. Н. Шлепаков. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма	192
Р. В. Кинжалов (Ленинград). <i>Michael D. Coe</i> . The Maya	195

Новая литература по народам Европейской части РСФСР (1966 г.)	197
---	-----

<u>Н. И. Воробьев</u>	203
---------------------------------	-----

На первой странице обложки: Колхозница сельхозартели «Большевик» Куня-Ургенческого района Туркменской ССР. Фото Г. А. Аргиропуло.

SOMMAIRE

G. P. Vassiliéva (Moscou). Les processus ethniques actuels au Turkménistan du Nord	3
L. N. Tchijikova (Moscou). Processus ethniques dans les régions orientales de l'Ukraine (D'après les résultats d'expédition ethnographique en 1966)	18
V. I. Sanarov. (Novosibirsk). Elements des anciennes croyances dans la religion des Tsiganes	32
I. M. Zolotariova, A. G. Bachlaï (Moscou). Etudes sérologiques en Yakoutie	46
Yu. P. Averkiéva (Moscou). Les changements de l'économie et de la vie sociale chez les Indiens de l'Amérique du Nord sous l'impact de la colonisation	56
M. Ya. Berzina (Moscou). Composition ethnique de la population du Canada (Recherche ethno-statistique)	71
L. Témirkhanov (Douchanbé). Sur quelques problèmes discutables dans l'histoire du peuple Khézaréen	85

Discussions et délibérations

L. P. Lachouk (Moscou). Essai d'une typologie des communautés ethniques des Turks et Mongols médiévaux	95
V. A. Joutchkievitch (Minsk). A propos du substratum balte à l'origine des Biélorusses	107

Communications

Н. А. Dvornikova (Moscou). Les traditions russes et ukrainiennes dans les vêtements des populations des régions Nord-Est de l'Ukraine	114
V. N. Belitzer (Moscou), V. A. Balachov (Saransk). Sur quelques processus ethniques actuels dans la vie du peuple mordve	121
M. E. Proodel (Tallin). Du travail des correspondants locaux de la Section folklorique du Musée littéraire de l'Académie des Sciences de la R. S. S. d'Estonie	126
S. I. Saghitov (Noukous). A propos de localisation du pays légendaire de Jidely-Baïssoun d'après les données botaniques	130
G. L. Khit (Moscou). Dessins digitaux des populations de la partie européenne de l'U. R. S. S.	134
A. E. Vintzeler (Bucarest). Le rite de nocés chez les Lipovanes	139

Recherches, faits, hypothèses

R. L. Sadokov (Moscou). Voyage au fond des siècles à la recherche de musique	148
--	-----

Вie scientifique

- R. Ch. Djarilgassinova, M. V. Krukov, A. V. Souperanskaya, M. A. Tchlenov (Moscou). Nouvelles recherches onomastiques 164
- A. A. Lébédieva, S. B. Rojdestvenskaya (Moscou). Une nouvelle exposition au Musée historico-artistique de Zagorsk 168

Critique et bibliographie**Articles et aperçus de critique**

- V. G. Boïko (Kiev). Sur les sujets actuels dans la revue «Narodna tvortchist ta etnografiya» 174

Peuples de l'U.R.S.S.

- T. I. Alexéieva (Moscou). *I. I. Gokhman*. La population de l'Ukraine à l'époque de mézolith et celle de néolith (Une étude anthropologique) 178
- N. A. Kisliakov (Léningrad). Culture et mode de vie d'un aoul des kolkhoziens kazakhs 181
- N. G. Volkova, A. G. Trofimova (Moscou). *G. S. Serguéïva*. Les Artchintz 184
- Kh. M. Khachaév, A. R. Chikhsaïdov (Makhatch-Kala). *L. I. Lavrov*. Monuments épigraphiques des X-e—XVII-e siècles au Caucase du Nord sur les langues arabe, perse et turque, p. I 186

Peuples de l'Asie étrangère

- A. A. Prasauskas (Moscou). *Nepali Gopal Singh*. The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community 189

Peuples de l'Asie étrangère

- Ch. A. Boguina (Moscou). *A. N. Chlépakov*. L'immigration et la classe ouvrière américaine à l'époque de l'impérialisme 192
- R. V. Kinjalov (Léningrad). *Michael O. Coe*. The Maya 195

- Publications nouvelles sur les peuples de la partie européenne de la R. S. F. S. de Russie 197

- [N. I. Vorobiev] 203

Sur la couverture: Turkmène du Kolkhoz «Bolchévik (région de Kounia—Ourghentch R. S. S. de Turkménie). Photo de G. A. Arghiropoulo

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 17/XI-1967 г. Т-04215 Подписано к печати 16/II-1968 г. Тираж 1965 экз.
Зак. 7016. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Бум. л. 6¹/₂. Уч.-изд. листов 20,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ „НАУКА“**Готовятся к печати:**

ДОКУМЕНТЫ, ОБЛИЧАЮЩИЕ РАСИЗМ. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 16 л. 1 р. 20 к.

Сборник состоит из следующих разделов: Антропологическая наука о расизме. Положение негров в США, расистский террор. Движение протеста против расовой дискриминации в США. Компартия США и негритянский вопрос. Расовое угнетение в Южной Африке. Движение протеста среди «цветного» населения Южной Африки. Расовая дискриминация в Англии. Документы ООН по расовому вопросу. Приложением является раздел: «Преступления немецких расистов-фашистов».

Большинство документов переведено с иностранных языков и впервые публикуется в СССР.

Темплан 1968 г. № 44. I полугодие

МЕКСИКА. (ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА). Институт Латинской Америки. 25 л. 1 р. 80 к.

Мексика, одна из наиболее крупных и развитых стран Латинской Америки, страна древней цивилизации, самобытной культуры. В Олимпийский год внимание миллионов людей будет привлечено к ней. В ее столицу г. Мехико съедутся представители всех народов земного шара на очередные Олимпийские игры. Книга, подготовленная советскими специалистами и мексиканскими учеными, познакомит читателей с историей, экономикой, политикой и культурой страны, ее природой и географией, а также проблемами развития и укрепления национальной экономики, положением рабочего класса и крестьянства на современном этапе, структурой мексиканского общества государственным устройством.

Читатель узнает об источниках и характере своеобразной мексиканской монументальной живописи, представленной творчеством таких выдающихся художников, как Ороско, Ривера, Сикейрос, познакомится с яркой народной поэзией Мексики.

Темплан 1968. № 52. I полугодие

Если Вы хотите приобрести эти или другие книги издательства «Наука», направляйте заказы в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Баку, ул. Джапаридзе, 118; Киев, ул. Ленина, 42; Ленинград, Литейный пр., 57; Москва, ул. Горького 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный пр., 51; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, пр. Октября, 129; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 41; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Иркутск, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, пр. Ленина, 95.